

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

4/95

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК
ВКП(б) 1937 года 3

СТАТЬИ

М. И. Семиряга — Судьбы советских военноплен-
ных 19

А. А. Горский — Москва, Тверь и Орда в 1300—
1339 годах 34

Р. Г. Ланда — Восток: цивилизация, формация,
социум 47

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Б. М. Шпотов — Генри Форд 57

ВОСПОМИНАНИЯ

Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева 78

Ю. В. Дубинин — Наш дом в Мадриде 94

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Генерал А. И. Деникин — Очерки русской смуты 110

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Ю. С. Новопашин — Восточная Европа после 80-х:
тенденции и проблемы 129

Выходит
с 1926 года

ТОО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

С О О Б Щ Е Н И Я

- О. Ф. Сувениров** — Военная коллегия Верховного суда СССР (1937—1939 гг.) 137

Л Ю Д И . С О Б Ы Т И Я . Ф А К Т Ы

- В. Р. Котельников** — Британские летчики в небе Великой Отечественной 147

- А. С. Ходнев** — Ян Христиан Смэтс — южноафриканский политик и философ 151

И С Т О Р И О Г Р А Ф И Я

- Ю. Ф. Иванов** — Николай Павлович Грацианский — ученый и педагог 155

- А. И. Уткин** — История политических партий России 164

- Л. В. Волков** — А. М. Дубровский. С. В. Бахрушин и его время 166

- Л. И. Ивонина** — П. Бушкович. Религия и общество в России. XVI и XVII столетия 168

- В. Н. Шевардин** — Границы Германии в истории . 169

- М. В. Дмитриев** — Генрих III и его эпоха 170

П И С Ь М А В Р Е Д А К Ц И Ю

- И. А. Гордеев** — Калининградская область в 1945—1946 годах 172

- В. А. Удовик** — Начинание, которое становится традицией 174

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года

4 марта 1937 года. Утреннее заседание

А н д р е е в (председательствующий). Заседание открывается. Слово в порядке прений имеет т. Креницкий.

К р и н и ц к и й. Товарищи, пленум работает десятый день. За последние годы я не помню пленума ЦК, когда мы должны были бы сосредоточить все внимание пленума на политических ошибках руководителей партийных организаций, хозяйственных органов в обстановке таких величайших успехов социалистической стройки, которые мы имеем.

Доклад т. Сталина и проект постановления пленума, внесенный Политбюро, и который, несомненно, будет пленумом принят, вскрывают с полной ясностью корни наших ошибок. Доклад т. Сталина раскрывает новую полосу в нашей работе, вооружает нас, как быстрее исправить ошибки и по-большевистски поставить самое важное наше дело — партийную работу.

Вы знаете об ошибках Саратовского крайкома и Саратовской организации. Центральный Комитет рассматривал вопрос и вынес постановление в июне 1935 года. По поручению Центрального комитета т. Жданов ездил в нашу организацию и вскрыл много еще недостатков и ошибок в нашей работе. Его доклад был опубликован так же, как и постановление, принятое с участием т. Жданова Саратовским крайкомом. Важнейшие из ошибок в партийной работе тогдашнего времени, о которых говорит постановление, — это были непорядки в проведении проверки партийных документов, известный отрыв от партийной жизни, нарушение устава, неправильное отношение к партийным кадрам, слабость развертывания самокритики.

Я должен пленуму ЦК прямо сказать: мы многие из этих указаний выполнили, много ошибок исправили, но в нашей организации до сих пор много еще тех недостатков и ошибок, о которых говорит т. Сталин и проект постановления ЦК, целиком и полностью к нам относятся те указания об ошибках и недостатках, которые имеют место и в ряде других организаций партии. Мы, признаться сказать, особенно резко и остро почувствовали эти недостатки и ошибки в нашей работе в особо трудных условиях теперь — после острой засухи в нашей области и большого неурожая 1936 года.

Я хочу здесь сказать о тех основных уроках из ошибок и недостатков

в нашей работе, которые мы, большевики Саратовской организации и организации республик Немцев Поволжья, должны извлечь. Первый большой урок из ошибок и провала прежнего руководства Немобкома. За это в полной мере отвечает Саратовский обком, я лично в первую очередь. Центральный Комитет в решении от 19 января о Немобкоме укрепил руководство Немобкома, вернул секретаря Немобкома Фрешера, дал указание укрепить положение в республике Немцев Поволжья, обязал Саратовский обком и Немобком принять все меры, чтобы превратить республику Немцев Поволжья в самое ближайшее время в образцовую.

В чем суть основных ошибок по республике Немцев Поволжья? Мы недооценили большого политического значения республики Немцев Поволжья в СССР и за границей. За это отвечает Саратовский обком и Немобком. Мы прозевали здесь троцкистов и зиновьевцев и пустили их в аппарат в большом количестве. То, что мы вскрыли за 1936 г. троцкистов и зиновьевцев, это была большая группа. Сюда входили секретарь Паласовского канткома Лепешов, секретарь Франкского канткома Федотов, правда, освобожденный от работы, секретарь Энгельсского канткома Трушин, второй секретарь Мариентальского канткома Иванов. (В о р о ш и л о в. Почему это Трушин, Иванов в немецких канткомах?) Это работники, работавшие в политотделах и перешедшие на партийную работу в канткомы. (С т а л и н. Оставьте их в русских районах, пусть они там работают. У вас имеются немецкие районы с большинством немецкого населения в 70, 80 и 90%, а секретари у вас русские. Что это за люди?) Они плохо владеют немецким языком, не умеют хорошо говорить по-немецки:

Это недостаток, большой недостаток нашей работы, об этом я скажу еще. Среди этих троцкистов были вскрыты и такие, как Лоренс, Миллер, Келлер, Мерц и др.— большая группа работников, причем это в подавляющей части участники группы Павлова — ученика Смирнова, который был сначала в Саратове в ссылке, затем работал на строительстве завода комбайнов. Значительная часть этих людей связана была с фашистской агентурой.

Я прямо должен сказать, мы в 1935 г. имели один сигнал относительно Федотова — бывшего троцкиста, работавшего в Московской организации, но считали, что у человека были временные троцкистские ошибки, а потом этот человек оказался связанным с той группой, которая сейчас размотана. (К а г а н о в и ч.— Это Федотов, который был снят в Москве?) Ему ошибки амнистировали, простили. (К а г а н о в и ч. Нет, не простили, а он был снят и был осужден. Г о л о с с м е с т а. Правильно. За статью в «Рабочей Москве».) По тем справкам, Лазарь Моисеевич, которые мы имели, он продолжал вести пропагандистскую работу в Москве. Я могу говорить пленуму ЦК только правду, только то, что я могу подтвердить документами. С работы в МК он был снят. (К а г а н о в и ч. За его статью в «Рабочей Москве».) После этого он был послан начальником политотдела МТС, это правильно.

Вот это основные ошибки, которые мы должны признать,— плохой подбор кадров, причем, особо мы должны сказать о Немреспублике, что мы плохо занимались воспитанием местных национальных кадров и плохо изучали немецкий язык русские работники. Тов. Сталин совершенно правильно говорит, что среди основных партийных работников, первых секретарей канткомов из 22 человек 3 немца, плюс двое говорят на немецком языке, из остальных 17 человек 11 чисто русских. В немецких канткомах обязательно должны быть либо немцы на основной партийной работе, либо русские, которые говорят на немецком языке. Это незнание немецкого языка затрудняет связь с партийцами и комсомольцами и ведет к большому ослаблению партийной работы.

Я думаю, что к Немобкому полностью и целиком относится та ошибка, о которой говорит проект постановления пленума ЦК — о кооптации. При таком подборе работников имела большое значение ненормальная практика кооптации в Немобкоме. В Немобкоме за три года, с декабря 1934 г., из 97 человек членов Немобкома осталось 38 человек, 11 кооптировано,

из 9 членов бюро 6 кооптировано, причем среди разоблаченных работников аппарата Немобкома большинство — это люди, которые были кооптированы. Это большой урок для нас, и с этим со всем связано резкое ослабление партийно-политической работы на селе. В Немреспублике у нас такие обнаружены рассуждения: год тяжелый, но у нас есть постановление ЦК и Совнаркома об оказании помощи краю, получили ссуду и успокоились, и поэтому во многих колхозах были допущены ошибки в распределении продовольственной ссуды. Немобком и немканткомы определили выдачу продовольственной ссуды по повышенной норме, до двух килограмм колхозному активу, бригадирам, бухгалтерам, счетоводам, партработникам, в порядке голого администрирования, в порядке простого приказа кантЗУ, как это мы обнаружили в других канткомах — Унтервальдовском и Куковском, без обсуждения на общем собрании. Это, конечно, вызвало резкий протест, недовольство в рядах колхозников, которые говорят: раз бригадиры получили по два кило продовольственной ссуды, пусть они и возьмт.

Я должен сказать, что после указаний ЦК, заменены партийного руководства силами всего партийного актива немецкой партийной организации и Саратовской все партийные организации немецкой республики взялись за колхозы, за работу в массах. Ошибки, несомненно, выправляются. Главное, что мы можем утверждать на личной проверке, мы видим у колхозов и у колхозников крепкое советское настроение, но резкую критику против головотяпства, против нарушений устава, против нарушения постановлений общих колхозных собраний. (Сталин. Почему у вас крестьяне отказываются возить продссуду?) Когда мы проверили эти факты, т. Сталин, не было ни в одном колхозе ни одного факта отказа возить продссуду. Не было ни одного решения колхоза. Но были такие факты, когда мы имели резкие выступления против неправильного решения, принятого в порядке голого администрирования о распределении ссуды с резким выделением колхозного актива. Когда мы искали тут антисоветские, антиколхозные настроения, Саратовский обком и лично т. Фрешер, то мы здесь нашли протест против головотяпства, нарушения устава, но ни слова не говорилось об этом колхозами. (Сталин. А почему ссуду не брали?). Нет, взяли, вывезли и распределили и продовольственную ссуду и то же самое семенную ссуду. (Сталин. Яковлев здесь? Яковлев. Там были отказы от получения ссуды. На общих собраниях колхозов проваливали предложения кантонных партийных комитетов и от продовольственной ссуды отказывались. Прошло несколько дней, никакой ссуды не дают, раз они не согласились с предложениями канткома, и тогда они уже голосовали за постановление кантонного комитета партии. Так что, т. Криницкий, отказы от продовольственной ссуды были. Шум в зале). Здесь находится т. Фрешер, который был в этих колхозах, который, я полагаю, понимает немецкий язык и знает деревню. (Фрешер. Таких случаев не было. Сталин. Почему у вас в немецких районах нет немецких секретарей? Немцев не стало? Смех. Фрешер. Товарищ Сталин, когда были ликвидированы политотделы, тогда начальники политотделов пришли на работу в канткомы. Как раз в тот период, когда было разукрупнение кантонских организаций. Найти, конечно, можно будет. Мы найдем, т. Сталин.) Товарищи, после проверки, которую мы провели в колхозах, на основании решения ЦК, мы вскрыли, что одной из основных этих ошибок, разумеется, было грубейшее нарушение национальной политики.

Это, прежде всего, — вопрос о кадрах, о чем я здесь уже говорил. Это — ошибки с немецкими газетами. Например, вскрыли то, чего не замечали, что, казалось бы, нужно было видеть, основная газета выходила тиражом в 17 тыс., тогда как тираж ее должен был быть 35 тыс. Немецкие газеты выходили на русском языке. Последние 8 месяцев аппарат ЦИК и Совнаркома, я думаю, что здесь вражеская работа, почему-то изменил свою практику и начал свои постановления выпускать на русском языке. (Молотов. Какая же тут вражеская работа — рассылка постановлений Совнаркома и ЦИК не на немецком, а на русском языке? Какая это может

быть вражеская работа?) А я думаю, что дело идет об озорстве аппарата. Я считаю ответственными здесь не только ЦИК и Совнарком Немреспублики, но и Немобком и Саратовский обком. (Каганович. Интересно узнать, как это получилось, причем тут озорство?) Уверяю вас, в аппарате ЦИК и СНК Немреспублики есть достаточно немцев для того, чтобы издавать постановления на немецком языке, тем более, что ежедневно они печатаются на немецком языке. (Ворошилов. Секретари, они определяют политику, по их настоянию это делается. Каганович. Вы не разобрались, знают ли они язык.) Я высказываю предположение. Эту практику мы изменили, все эти распоряжения идут на немецком языке. Аппарат СНК мы проверяем и укрепляем так же, как и все аппараты, немецкими кадрами. Мы сейчас выправляем искажения в национальной политике, проводим коренизацию аппарата. Я говорю, что эти уроки, которые мы учли после решения ЦК,— это не есть констатация ошибок, я говорю о тех ошибках, которые мы учли, исправляем и изживаем.

Товарищи, я, конечно, мог бы сказать и об ошибках с троцкистами, с правыми в Саратовской организации, хотя их было в значительной степени меньше, чем в немецких партийных организациях, и ослаблении партийно-политической работы в селе в русских районах. (Сталин. Взались за троцкистов, теперь на них можно все свалить.) Я считаю, что за эти ошибки целиком отвечает Саратовский обком, причем главная наша ошибка в том, что крайне отстает работа по политическому, большевистскому воспитанию наших партийных кадров. Мы, товарищи, действительно в практике нашей работы с головой уходим в хозяйственные вопросы и особенно, когда районы сельскохозяйственные отстают, когда была засуха, это создало большие дополнительные трудности. Это говорит о том, что мы имели налицо искажение нашей практической партийной работы. Причем до проверки, которую мы провели в отношении групп работников, проверки того, как партийные работники ведут работу, работают над собой, занимаются своей политической подготовкой, эта проверка говорит нам, что здесь практика требует решительного улучшения.

Мы проверили, например, как работают партийные работники городской Саратовской организации, проверили секретаря Фрунзенского райкома, как складывается его рабочий день. Мы проверили, что он делает в свое рабочее время: 3—4 утренние часа он принял на учет 14 человек. Это — один из типичных плохих дней, но таких немало. Снял с учета 4 человека, проверил, сверил характеристики вступающих в партию, побеседовал с тремя товарищами, переходящими на другую работу, о кандидатских карточках, о снятии с партийного учета. Затем — вечернее совещание с кооператорами, совещание в горкоме. Мы видим, что здесь много времени уделяется хозяйственным вопросам. Как видите, за весь рабочий день он не побеседовал ни с одним секретарем партийного комитета, не побывал ни на одном предприятии, ни в одной первичной организации, не был на заводах. Газету смог прочитать, как он говорит, только ночью. И вот таких плохих дней, плохо организованных немало. Мы проверили группу 33-х товарищей партийных городских работников и несколько сельских работников. Из этих 33 городских работников райкомов, политотделов дороги, секретарей партийных комитетов учатся без отрыва только 8 человек, читают регулярно произведения Маркса, Ленина, Сталина, читают журналы только 7 человек. Газеты читают все. А двое говорят, что читают газету только ночью, по окончании работы.

Такое же положение с 104 работниками сельскими, о которых я говорил. Есть над чем задуматься. Еще хуже обстоит с кадрами хозяйственных работников. Я думаю, что совершенно правильно здесь об их политическом уровне говорил т. Молотов. Предложение ЦК, которое имеется в проекте резолюции о политической подготовке работников,— замечательное предложение. Это, несомненно, каждого активизирует из нас для того, чтобы занять подобающее место в теоретической подготовке. Тут много задач, и большая работа предстоит. Но я должен сказать, что одновременно нужно создать такой режим в партийной работе, нужно выковать такой

закон, чтобы для каждого большевика, партийного работника минимум два часа было отведено на серьезную работу над газетой, над журналом, над книгой, и таким образом организовать всю свою работу.

Последнее — о «Правде». Надо каждого работника вооружить газетой «Правда» — это острое оружие и в партийной работе, и в той партийно-политической работе, которую мы будем развертывать в связи с выборами Верховного Совета. Положение сейчас неправильное, тираж газет слишком мал, по крайней мере, мы это чувствуем в нашей организации. Мы знаем 1340 человек агитаторов и беседчиков, которые знают городские и районные комитеты партии, с которыми они работают и занимаются в агитсеминарах. И вот из этих 1340 агитаторов и беседчиков только 120 человек могут читать «Правду». Это положение явно ненормальное, которое я считаю необходимым исправить.

А н д р е е в. Слово имеет т. Прамнэк.

П р а м н э к. Товарищи, не желая употреблять пышных слов, я должен сказать, я, как и другие товарищи, просто восхищен докладом т. Сталина. Вся партийно-политическая работа получает какой-то новый стимул для нас и новое понимание. В 1935 г., после убийства т. Кирова, мы получили письмо ЦК. Это письмо представляло большое событие для всех наших организаций. Читали мы это письмо, перечитывали, обсуждали, решение принимали, и мы думали и верили, что какие-то серьезные уроки мы извлекли, а на деле оказалось, что мы никакого урока из этого письма не извлекли, враг продолжает сидеть и работать. Уроки мы по своей организации начали извлекать лишь только тогда, когда под носом у нас раскрыли врагов, троцкистов-зиновьевцев и когда кирпичи на голову начали падать.

Когда на июньском пленуме ЦК от т. Сталина мы получили предупреждение в адрес нашей организации, то чувство стыда, переживания, нервничанья пришло в наше сознание о том, что нужно бдительность поднять, что нужно ставить острее политические вопросы. О чем это говорит? Это говорит о том, что мы, партийные работники, не умели по-большевистски воспринимать сигналы из других организаций, не умели учиться на тяжелых примерах других организаций, а каждый, когда вода подступала к горлу, тогда только начинал шевелиться. Это очень плохая черта, и нужно покончить с этим качеством. Главная гарантия, условие того, чтобы враг был разоблачен,— это сделать каждого коммуниста бдительным, воинственным, настоящим коммунистом, сделать его как бы политическим агентом на том участке, на котором он работает.

Возьмем нашу партийную организацию. У нас почти 50 тыс. коммунистов. Но таким ли является коммунист в нашей организации? Значительная часть, конечно, далеко такой не является. Раз так, значит, плохо у нас дело, значит, мы за дело еще не взялись как следует, значит, нужно за это дело взяться по-настоящему. Одно средство для того, чтобы коммунистов, всех коммунистов сделать бдительными, политически острыми, воинственными,— это хорошая полнокровная, интересная, содержательная партийная работа.

После того, что мы слышали здесь от т. Сталина, от других докладов, после этого самого замечательного решения, я должен сказать т. Сталину: хватит у нас силы воли, большевистского характера, упорства, чтобы взять так, как никогда, в свои руки партийно-политическую работу. (С т а л и н. А загов себе подберете?) Подберем и двух загов себе, и в райкомы подберем, и в первичные организации подберем. (С т а л и н. Сами лично?) Лично. (С т а л и н. Вы лично себе подберете?) Подберем, подберем. Мы сделаем партийно-политическую работу методом нашего руководства. Мы погрязли в массе хозяйственных, массе мелких вопросов. Мы виноваты — обкомы, крайкомы. Но я должен сказать, что нам в этом деле «помогает» и ряд центральных хозяйственных, советских организаций, целый ряд наркоматов нам в этом «помогает». Они — некоторые центральные организации, хозяйственные и советские,— своей плохой работой заставляют нас, толкают нас на эту хозяйственную работу. Я это говорю не для

самооправдания, а для того, чтобы и с этого конца нам немножко помогать.

Возьмем такой участок, как совхозы. Часть совхозов нашей области входит в Наркомсовхозов. Он же ими не руководит. Больше того, он не хочет ими руководить. (Голос с места. Правильно.) И если бы мы не занимались этими совхозами, все бы они к чертовой матери разложились, а Наркомсовхозов не руководит этими совхозами. Сейчас, т. Калманович, больше за вас работать не будем, работайте сами. Хватит! (Смех. Воршилов. А потом будете каяться, что упустили их.) Нет, пусть почувствует ответственность. Мы будем заниматься совхозами, мы будем заниматься ими, но с конца партийно-политической работы. Но вы же совершенно не занимаетесь нашими совхозами. (Сталин. Главное — не подменять хозяйственные наркоматы.) Возьмем Наркомзем. Должен сказать, что Наркомзем ослабил очень крепко свою работу за последнее время. Я не знаю, болезнь ли там т. Чернова или что-нибудь другое играет роль, но очень слаба работа, и если не усилить Наркомзем, не усилить его роль в деле воспитания кадров, то трудно будет. (Сталин. Правильно, это правильно.) Мы просим вас — ЦК и Совнарком, чтобы вы подтянули эти организации, заставили их лучше работать, тогда это поможет нам освободиться от целого ряда этих вопросов.

Два отдельных вопроса я хотел бы поставить. Почему медленно растут политические кадры? Основные причины изложены в проекте резолюции. Есть еще одна причина, на которой я хотел бы остановиться. Растут партийные кадры медленно еще и потому, что у них низкий общеобразовательный уровень. Вот эти самые унтер-офицеры, о которых т. Сталин так красиво вчера говорил, они имеют очень низкий общеобразовательный уровень. Вот иллюстрация: у нас всего секретарей парткомов и партторгов в нашей организации 2353 человека. (Сталин. Сколько?) 2353 человека. Из них с высшим образованием 86 человек, со средним образованием — 350 человек и 1917 человек с низшим образованием. Правда, многие из них сейчас работают над собой, занимаются, но все-таки 1917 человек с низшим образованием — это большая цифра. Все они хотят изучать произведения Сталина, Ленина, изучать марксизм-ленинизм. Но соберите их вместе, и они ставят перед вами такой вопрос: обучите нас немного экономгеографии, обучите нас истории, обучите немножко русскому языку. И мы действительно убеждаемся, когда мы обучаем их политическим и общеобразовательным предметам, то люди значительно скорее усваивают все политические вопросы. Я считаю, что нужно более конкретно, более подробно разработать вопрос о том, как повысить общеобразовательный уровень этих партийных работников. Мы кое-что в этом отношении делаем, но это кустарно.

Следующий вопрос — о материальном положении низовых партийных работников. Надо прямо сказать, что материальное положение низовых партийных работников плохое, нужно его улучшить. Вот вам, товарищи, пример, общий для всех. На автозаводе имени Молотова в кузнице, где работает много сот рабочих, кузнец получает в среднем в месяц 600 рублей. А секретарь партийного комитета Воронин, т. Жданов его хорошо знает, являющийся квалифицированным работником, которого можно выдвинуть на любой районный комитет партии, получает 350 рублей. В силу этого обстоятельства затруднено выдвижение квалифицированных кадров. Я не говорю, что мы не выдвигаем людей. Мы выдвигаем их постоянно, заставляем людей работать, и они работают, но это является большим препятствием. А сейчас, товарищи, будут выбираться секретарями парткомов и техники, даже инженеры. По-моему, инженер может быть выбран секретарем парткома.

Я не ставлю вопроса о крайкомовских и обкомовских работниках, о работниках районов. Ничего, могут жить. Трудновато, но жить могут. Мы же, товарищи, никакими подсобными источниками не пользуемся, а тех, кто пользуется, бьем по рукам, так как это есть элемент разложения. Мы живем на то, что получаем. Мне кажется, этот вопрос также следует разрешить.

Несколько слов о пропагандистских кадрах. Тов. Стецкий, хороший пропагандист, особенно после того, как многих из них посадили, стоит на вес золота, а мы ему платим 350 рублей. (С т е ц к и й. 350 и 450.) Я не знаю, нашим пропагандистам вы платите 350 руб., может быть, кому-нибудь вы платите и больше. Нашим пропагандистам жить очень тяжело. Имейте в виду, что людям надо книги покупать, надо им создать соответствующую обстановку. Им очень трудно. Надо этот вопрос разрешить. Одно положение. Тов. Сталин, работники ЦК мало бывают на местах. (Г о л о с с м е с т а. Почти совсем не бывают.) Я имею в виду заведующих отделами ЦК. К нам они почти не приезжают. Я спрашивал других секретарей, оказывается, тоже не приезжают. Я не хочу сказать, что они нам совсем не помогают, они нам пишут записки, сообщения, дают материалы. Это тоже есть, конечно, форма связи, но недостаточная. Если приезд заведующего отделом ЦК будет не парадный, а деловой, конкретный, то он может очень много пользы принести. Он своими глазами посмотрит на нашу работу, он наведет критику. А мы имеем много недостатков и ошибок в нашей работе, хотя у нас есть и кое-какие достижения, кое-какой опыт. Надо этот порядок изменить. Это будет способствовать улучшению нашей работы. Надо сделать так, чтобы работники ЦК, особенно заведующие отделами, наладили бóльшую связь с местами, изучали кадры. А я должен прямо заявить, что заведующие отделами ЦК плохо знают работников обкомов и райкомов. (Г о л о с с м е с т а. Правильно!)

А н д р е е в. Слово имеет т. Евдокимов, следующий Шеболдаев.

Е в д о к и м о в. Боюсь, времени мало, скомкаю. (С т а л и н. Хорошо будете говорить, добавим. С м е х о д о б р е н и я). Товарищи, серьезные недостатки в партийной работе, указанные в проекте резолюции Пленума и в докладе т. Сталина, особенно резко обнаруживаются в работе нашего Азово-Черноморского края, в работе краевого комитета партии. (С т а л и н. Вы немножко... (реплика не уловлена) С м е х). В своем решении от 2 января 1936 г. Центральный Комитет вскрыл основные причины, приведшие к тому позорному положению, в котором очутился наш край. Обсуждение этого решения ЦК, при участии т. Андреева, подняло большевистскую самокритику во всей партийной организации, причем при обсуждении решения Центрального Комитета партии на Пленуме выступали такие товарищи, которые в течение 2—3 последних лет не подавали голоса. Теперь они активно включились в работу, смело ставят вопросы, разоблачают зажимщиков, либералов, примиренцев и врагов партии. Масса поступает сейчас заявлений о связи отдельных лиц с разоблаченными врагами. Сейчас с наибольшей остротой самокритика развертывается по городским партийным организациям, где продолжительное время, к нашему несчастью, у руководства сидели враги партии — троцкисты-фашисты. Однако следует отметить, что и сейчас уже в ходе обсуждения решения Центрального Комитета партии обнаруживаются по партийным организациям факты, когда имеются попытки сузить размах самокритики, идущей снизу, отвести огонь самокритики от основных недостатков в жизни партийных организаций, прикрыть конкретных виновников этих недостатков и замести следы их работы.

Краевому комитету на ходу пришлось подправлять, исправлять положение, причем надо отметить, как правило, там, где были эти попытки сузить самокритику, при повторном обсуждении решения ЦК и райкома вскрывались крупные недостатки, вскрывались враги партии. Так, например, по Ростовской организации, в Ленинском райкоме пленум прошел благополучно, секретарь удержался. (М о л о т о в. Удержался?) Да, да, прошел человек. Когда перенесли вопрос на актив, то актив его так разделал, что пришлось снова собирать пленум райкома. (М о л о т о в. Не удержался. Не мог удержаться.) Не мог удержаться. А потом оказалось, что он враг, пришлось его арестовать и по показаниям... (Г о л о с с м е с т а. Кто это?) Это некто Цейтлин. Дальше Ивановский район, немецкий район. Там дело так получилось, что при вторичном рассмотрении, когда райком заметил, что сужают самокритику, серьезнее занялись этим райкомом и вскрыли

фашистскую организацию, которая действовала на глазах у всех. Секретарь этой организации Вирт оказался прямым фашистским агентом. Пара секретарей после проверки больше вызывает подозрение как шпионы. В основном масса бьет правильно, в точку.

Надо при этом отметить и следующие факты, что враг партии старается заметать следы, подобно вьюну, когда он вскрывается (когда ребяташки его ловят), подымает муть, кричит больше всех и громче всех. А на деле, когда массы его берут под обстрел, оказывается, тоже заметает следы. Что в конечном счете у нас по краю вскрывается? Ростовская, Таганрогская, Шахтинская, Новочеркасская, Сочинская организации — везде в руководстве сидели враги партии — и первые и вторые секретари. Надо сказать, что подавляющее большинство членов партийных комитетов тоже оказались врагами. Взять в Ростове, в Таганроге, в Шахтах, в Новочеркасске — во всех горкомах и райкомах здесь подавляющее большинство членов комитетов оказались врагами. То же самое мы имеем по комсомолу начиная с крайкомов комсомола. Враги сидели в Ростовском городском комитете комсомола, в Шахтинском, Новочеркасском и в Сочинском. Я уже не говорю о городских советах и вообще о советских организациях. Почти все звенья затронуты начиная с Наркомзема, Наркомсовхозов, крайвнуторга и т. д. Крепко, оказалось, засели и в краевой прокуратуре. Даже председатель Спецколлегии оказался врагом партии и был связан с Баланюком из Таганрога. Две организации чекистов возглавлялись врагами партии. Великая была засоренность троцкистскими фашистскими элементами и состава крайкома, райкомов — городских и сельских. Здесь было разоблачено 161 человек, причем по райкомам и горкомам городов — около 6% троцкистов и зиновьевцев, по бюро горкомов — до 15%, в сельских райкомах — 1,8%.

Отсюда видно, что весь огонь враги сосредоточили на захвате городских партийных организаций в силу того, что партийная работа в городах была отодвинута на второй план, а занимались в основном сельским хозяйством. Это невнимание к партийной работе сказалось также и на засорении партийного аппарата. Можно привести такие факты. В период проверки партдокументов было снято из аппарата троцкистов и зиновьевцев 28, правых — 2. При обмене партдокументов троцкистов и зиновьевцев 12 человек было снято, правых — ни одного. А после обмена при дополнительной проверке было снято троцкистов 114 и 4 правых. Правых мы только еще начинаем расковыривать. Так что большая масса троцкистов сидела в нашем партийном аппарате. Естественно, что это сказывалось на всей работе. В период проверки партдокументов из секретарей ни один не был снят. А сейчас снято 14 секретарей горкомов, секретарей райкомов, а среди сельских секретарей оказалась пара шпионов. Всего арестован 21 секретарь. Проверка партдокументов и обмен были использованы врагами партии в целях сохранения своих кадров. Это ярко показывают имеющиеся у нас материалы. Изгоняли мелочь и отыгрывались на так называемых прочих, которых было довольно много, и так называемых пассивных, на что в свое время т. Сталин крепко нам указывал.

Как идет разбор дела? Приведу пример. На одном из заседаний бюро крайкома было рассмотрено 589 апелляций. При таком положении о внимательном отношении к исключенным членам партии, о внимательном подходе к разбору их апелляций говорить трудно, вскрыть при таком отношении к этому делу работу врагов представлялось просто невозможным, и в этой массе они проскальзывали. Период проверки партийных документов использован был и для вербовки, выявляли троцкистские элементы, их вербовали, выявляли, что белогвардейцы, также вербовали. (Г о л о с с м е с т а. Кто вербовал?) Особенно это практиковал Варданян. Он сошелся с Морисоном — троцкистом, злостным террористом, затем нащупал прокурора, что он имел какое-то белогвардейское прошлое, — Петренко, завербовал его и затем его продвинули в зам. прокурора края. Дальше — элементы разложения, особенно на бытовой почве: спаивание, можно назвать прямой подкуп, подкормка... (Г о л о с с м е с т а. Пособия.) Варданян и Гогоберидзе особенно поэтому дули под фирмой «широкой кавказской природы».

а потом народ обрабатывали, печать широко была использована в этом отношении. Характерный пример — это по Новороссийску. Они корреспондента «Известий» купили — Звенигородского, он хвалебные статьи закатывал, потом использовали старика Гладкова, и он в «Известиях» расписывал руководство нашей Новороссийской организации, советских и партийных работников как отцов города, а на деле оказалось, что эти отцы города буквально проваливали все. Они ему дом — особнячок — за 20 тыс. руб. построили — эти отцы города, а он хлопал ушами, а теперь его вытащили на белый свет, треплют, а он пишет письма. (С м е х.) Говорит: не надо мне этого дома, на черта мне этот дом, только морока с ним.

Вот такие методы. Как это все получилось? Основная беда заключается в том, что, как теперь говорят в партийной организации, это — саратовские свояки, подъехала довольно большая группа этого подлого контрреволюционного охвостья, сволочи всякой в край. Я могу назвать Фрумкина, Овчинникова, Еремеева, Любарского, Бурова, Лapidуса, каждый из них своего ташил. (Г о л о с с м е с т а. Как они из Саратова попали?) А как попали? Переезжали помаленьку. (С м е х.) Группа так называемых закавказцев из чего складывалась? Это — Варданян, Гогоберидзе. (Г о л о с с м е с т а. Также переезжали?) Тоже переезжали и перевозили. (Б е р и я. Они были вышиблены.) Я и говорю, один другого тянул, Борис тянул. (С т а л и н. Какой Борис?) Шеболдаев, а потом они уже нащупали местных, и вот два течения: одно — с юга, другое — с востока, и получился этот самый омут, в который и попало руководство краевого комитета.

Дальше что получилось? Они дальше образовали такой своеобразный забор контрреволюционный, которым отгородили партийное руководство от парторганизаций, надо прямо говорить, потому что эта группа была, как теперь говорят, как это выясняется на пленумах и на активах, по существу главным советчиком. (Г о л о с с м е с т а. Чьим?) Руководства краевого комитета. (Б е р и я. Только ли советчиком?) Получается советчиком, потому что доступ был им днем и ночью. А когда т. Андреев был на пленуме, ряд секретарей выступали и говорили с мест, что два-три года никак аудиенцию не могут получить у первого и второго секретарей. И естественно, что положение-то какое получается после этого? А эта братия лезет. Заведующие отделами из аппарата крайкома говорят, что никак не добьемся приема у Гогоберидзе. А он ухитрился в период проверки партийных документов выступить в качестве консультанта в составлении списков по материалам из архива Истпарта о троцкистах, и он говорил: этот подходит, тот не подходит.

Вот какое положение. Естественно, что отсюда и все беды. Ну, насколько велико было их влияние — меня поражает особенно тот факт. Они ставили себе задачей, как известно, террор. Особенно в этом отношении, как вы уже из материалов знаете, Белобородов работал. Но особенно меня поразило, что он сейчас в Закавказье работает. На это надо обратить внимание. В этом отношении наиболее сильной пружиной был Гогоберидзе. Что они устраивали? Например, в Сочи ухитрились посадить секретарем Сочинского горкома Гутмана, выдвиженца Варданяна. (С т а л и н. Как они это могли сделать?) Вот я и ломаю голову. Выдвинули Гутмана. Далее, из Таганрога на культпроп посадили Филиксенко. (Г о л о с с м е с т а. Гутман — правый, вышибался из партии много лет тому назад.) К этому Филиксенко даже на комсомол дали работника, из Таганрога тоже. Это тоже выдвиженец Варданяна. Мало того, они проверяли работу этого Гутмана. Гутман же калека, у него одна нога там что-то не действует. (М о л о т о в. Он одной ногой немало наделал.) Он, сволочь, напакостил одной ногой дай бог. Дальше. Они проверяли. Для проверки посылали Морисона, который был редактором таганрогской газеты. Потом его перевели председателем Таганрогского горсовета. Проверили, говорят — не годится. Надо сказать, что покушение на т. Сталина они готовили в течение двух лет. Причем я не считаю группу Гогоберидзе и Варданяна. Белобородов имел две группы в Сочи. Да еще была немецкая группа, самостоятельная. Все это сплелось в один клубок и, конечно, разводит тут кисель,

понимаете, Рыков, сволочь. Так вот они не удовлетворились работой Гутмана. Тогда Гутману отказывают и ставят его в Главискусство в Ростове. А туда выдвигают Лapidуса, тоже троцкиста, члена контрреволюционной организации. При чем этот Лapidус? Как попадает в край? Оказывается, его обменяли из Саратова на двух инструкторов крайкома. (Г о л о с с м е с т а. Как обменяли? С м е х). Да, на двух инструкторов крайкома — Барина и Мкрчана. (К р и н и ц к и й. Ни того, ни другого не было в Саратове). Я не знаю, в Саратовском крае, в старом, может быть, может, теперь в Сталинградском. (К р и н и ц к и й. Лapidус был отпущен из Саратова.) Я не знаю, как это получилось. Про Барина и Мкрчана ничего не могу сказать. Ну вот этот Лapidус попал... (Г о л о с с м е с т а. Двух хороших за одного плохого обменяли.) То же самое с Шахтами. Сидел там Колотилов, его сняли, потом посадили Любарского. Он не сидел на партийной работе, а сидел в контрреволюционной организации. У меня есть довольно циничное показание, я его не буду оглашать. Не знаю, как это все делалось. Но его учили — ты, говорит, всеми этими делами занимайся, а вот этим делом покрепче.

О комсомоле. Я зачту то, что показывает Ярофицкий: «По заданию организации я должен был использовать свое положение секретаря крайкома, вести подрывную работу»... (Ч и т а е т). И вот целиком эти разговоры относятся к тому, чтобы оторвать молодежь от партийного влияния. Причем ряд секретарей расставляли и в городских комитетах, в Сталинском райкоме, на Ростсельмаше, на шахтах, в Новороссийске, в Сочи сидел этот Вахольдер из Таганрога и т. д. Причем, как сейчас вскрывается, по сути дела крайкомом ВЛКСМ управлял, вертел, всякие установки давал Гогоберидзе, а Малинов — второй секретарь крайкома комсомола — ушами хлопал и был так использован, что когда комсомольская организация чему-либо сопротивлялась, они по сути дела ее втискивали, впихивали.

Были ли сигналы своевременно? Конечно, были сигналы, но никто не был арестован. Больше того, получается такая картина, что людей разоблачили, данных было достаточно для того, чтоб заинтересоваться, поглубже покопаться, разобраться, но все эти дела были запутаны. Как дело у нас складывается теперь? У нас получается, что, очевидно, придется произвести переобмен выдачи партийных документов, так как партийные документы выдавались врагами партии и никто не захочет носить партийные билеты, выданные врагами партии. Нам эту работу придется проделать.

Ясно, что наша партийная организация крепкая. Нам придется проверить работу таким образом, чтобы партийную организацию сделать еще более здоровой. Азово-Черноморская организация, конечно, имеет целый ряд успехов, и эти успехи неслучайны, так что если мы вооружимся этими решениями, а в этом нет никакого сомнения, я думаю, что все это охвостье мы почистим и приведем нашу организацию в боеспособную, крепкую, сильную организацию.

По северному Кавказу. (С т а л и н. Прозевали вы?) Да, т. Сталин. Как вам известно, когда мы проверяли партдокументы, нам пришлось поставить вопрос о работе Северо-Кавказского краевого комитета, что там дело идет неблагополучно, что надо вмешаться в это дело. В результате вмешательства они разоблачили Колоколкина как вредителя, он был снят, почистили много.

Я думал сейчас о своих ошибках с Маевским. С Маевским маленькие сигнальчики насчет Курска были. Но Маевский выступал как фигура такая, по сути дела, беспартийная, он был совершенно ясен. Но вот элементы делового порядка мы еще, так сказать, проверяли, но не поставили вопрос, как он сейчас нами ставится, — о политической физиономии этого человека. Факт о том, что Северо-Кавказская дорога работала слабо, мы гнали, стегали и, кажется, мы с Москвой, с политотделом НКПС списывались, как быть с Маевским. (Е ж о в. В Кабарде крупная организация вскрыта.) Относительно Кабарды правильно, в Кабарде вскрыта крупная организация. Но по Кабарде вопрос ставился, я разговаривал, но этого мало — разговаривать, меры краевой комитет принимал, и я, т. Ежов, должен здесь

прямо сказать, не без моего участия вскрыта эта организация. (Г о л о с с м е с т а. Правильно!) Да, это вскрыто не без моего участия. Успехи Кабарды огромные, а если учесть особенности национальной организации, они выделяются. Но когда я слушал доклад т. Сталина, в порядке самокритики должен сказать, что облик, вот эти теневые стороны, которые получаются от успехов, когда мы размагничиваемся, так вот этот облик прямо как с Кабарды списан. (С т а л и н. Как?) Как с Кабарды списан. (С м е х.) Потому что успехи огромные, и нам море по колено, и тут всякие мелкие неполадки, они проходили мимо них. Краевой комитет на этих неполадках заострял внимание и ставил вопрос о них, и в период проверки партдокументов ОРПО сказал, какую критику кабардинской организации мы дали, и те факты, которые были вскрыты в отношении этих бандюков, я не рассматривал, что эта бандитская шайка, а они корешки имели. Но для северокавказской организации этот урок крупнейший.

Моя вина как Евдокимова значительная, мне это непростительно вдвойне, что, может быть, я недостаточно резко сцепился. (Г о л о с с м е с т а. С кем?) Может быть, на годик раньше мне надо было бы призвать к порядку Кабардинский обком, я буду прямо говорить, тогда бы не получилось этого дела, мы бы раньше его вскрыли, потому что целый ряд людей, на которых мы опирались, они двойниками оказались. (Г о л о с с м е с т а. Не ясно! Что случилось?) В Кабарде вскрыта контрреволюционная организация из троцкистов и других враждебных элементов. А успехи Кабарды огромные, и за этими успехами мы не рассмотрели контрреволюционную организацию. (Г о л о с с м е с т а. Вадахова). В особенности Вадахова, он работал в местной промышленности. (В о р о ш и л о в. Он вторым секретарем был.) Он не был вторым секретарем. Это растущий молодой парень из националов, он крепыш был, но этого крепыша без всякого зазрения совести перебрасывали с работы на работу: то он был председателем облисполкома, потом — бух! — посадили в земельные органы, потом — в местную промышленность. Туда и сюда его мотали. А сама контрреволюционная организация истоки от этой учащейся молодежи брала также из Ростова — там Владимиров, который их обрабатывал.

Ну, затем, конечно, в правых. Какой я вывод делаю? Я должен здесь прямо сказать. Вот Лифшица я хорошо знаю. Да. И когда Лифшиц теперь оказывается японским шпионом, террористом, сволочью, я не могу не чувствовать известной вины на себе: как я — вот чекист прожженный как будто бы, — как я его не почувствовал? Правда, я последние годы, как с Украины ушел, не работал с ним вместе, но я с ним встречался, я считал, что эта фигура гнуться не может, что она может сломаться. (В о л о ш и л о в. Правильно.) Но как маскируются люди! Ведь когда он в НКПС пришел, к Андрееву он относится так, нехорошо, а Каганович, когда пришел в НКПС, так, слушайте, при всех встречал он, что называется, брызгал, хвалил. (С м е х.) Так что в подходе людей нельзя сказать, что нельзя верить людям, но, если ты какую-нибудь фальшь заметил, не пропускай ее, ни в коем случае не пропускай. А у нас в этом отношении неладно. А ведь тут не одна, не две фальши были. Помнишь? Мы, кажется, на съезде его видели, привезли его. Я говорю: «И ты приехал?» А вот Косиор: «Он у нас то-то, да то-то...» Вот какое положение. (С м е х.) (К а г а н о в и ч. Непонятно.) Понятно (С м е х.)

Так что то, что вчера т. Сталин нам сказал и сейчас, с чем мы выступаем на местах? Ведь все прочитаешь, Сталин бьет, бьет в одну точку и никак до мозгов, черт возьми, у нас не доходит на деле-то. (К а м и н с к и й. Дойдет!) Говорит, а вот это претворить в жизнь, действительно перестроить себя, чтобы ничего мимо не прошло, — это трудно. Конечно, мы — секретари, я сейчас тоже из молодых, как говорят. (С м е х.) (К а м и н с к и й. Да ранний.) Но текучка заедает, никак не выкроишь время, чтобы подумать. И вот правильно, надо сочетать работу и потом перевалить часть работы, заставить наши советские и хозяйственные организации работать как следует. А они у нас, должен прямо сказать, работают плохо. И в этом отношении, т. Сталин, помогать нам надо. Они еще никак, и вот еще на

сегодня вся эта разболтанность сказывается по всем мелочам, по всем линиям. И даже сейчас, когда т. Андреев нас продрал, не можем мы эту штуку изжить. А у меня, буду прямо говорить, из советской власти там нет никого. И когда говорят насчет выдвижения, я буду подбирать, а может быть кое-кого мне и помогут... (С м е х) помогут, да, я прямо говорю. Надо помочь, помочь, положение такое. (С м е х).

А н д р е е в. Слово имеет т. Шеболдаев, следующий т. Постышев.

Ш е б о л д а е в. Товарищи, после доклада т. Сталина стало легче потому, что доклад показал те истинные, действительные размеры того, что угнетало меня очень крепко и, я думаю, угнетало не только меня, а угнетало и очень многих. То огромное количество шпионов, врагов, которое оказалось рядом со мной и, очевидно, у ряда других товарищей, конечно, не могло не угнетать, не ставить перед нами ряда вопросов о том, как это произошло и что же действительно происходит в партии и в наших советских и других организациях. (К о с и о р. А главное с нами, с руководителями.) Конечно, к нам это прежде всего относится. То, что сейчас говорил Евдокимов о Ростове, то, что я видел в Курске, то, что я знаю о Харькове и Киеве,— все это сейчас получило ответ, сейчас все стало совершенно ясным, и, кроме того, показано направление, по которому должна идти борьба с этим врагом, показан путь, средство, при помощи которого можно вылечиться от той болезни, которой, скажем, страдал я, и от которой выздоравливать не очень легко.

Я не хотел бы, чтобы товарищи поняли меня, что мне легче стало, в том смысле, что я хочу в этом отношении свою ответственность уменьшить или сгладить. Я отлично понимаю, что то, что было в Ростове, когда краевое руководство, меня как бывшего секретаря Азово-Черноморского крайкома окружала вся эта банда,— этот факт такой, от которого уйти некуда. Я и не хочу от этого факта уходить и понимаю всю ответственность, которая из этого факта вытекает. То решение, которое принял Центральный Комитет, это, конечно, самое мало, что ЦК мог потребовать и предъявить руководителю краевой партийной организации.

Я все-таки считаю необходимым, хотя бы очень коротко, остановиться на наших ростовских делах. Видите-ли, в Ростове я работал шесть лет. Все эти шесть лет там работала группа матерых бывших оппозиционеров, таких, как Белобородов, Глебов, Колесников — лидер шляпниковцев, а затем некоторое время — Лившиц. Я по совести должен сказать, что не доверял им, но из этого моего недружелюбного внутреннего отношения к этим людям как врагам, с которыми надо было драться, я никаких выводов не сделал. Никакой проверки со стороны партийной организации над ними не было. Не приходило даже такой простой мысли, что все эти лидеры бывшей оппозиции должны вместе работать и свою работу вести. Я повторяю, что никакой проверки, за исключением кое-каких чекистских наблюдений, этих людей не было.

Я должен сказать, что работали внешне они хорошо. Возьмем Глебова, который регулярно, из года в год, выполнял план на Ростсельмаше. Возьмем Колесникова, который на Андреевском заводе из года в год выполнял план и получил даже орден Ленина. (С т а л и н. Колесников был на хорошем счету.) Да, на хорошем счету, и показатели его работы были хорошие. (Е в д о к и м о в. Браку было очень много.) О браке я сейчас скажу. Взять того же Лифшица, который поднял дорогу один из первых, а если сейчас посмотришь, оказывается, как говорит т. Сталин, это было сплошное очковничество, это было сделано для прикрытия себя. По сути дела, потом и дорога развалилась, и завод стал работать плохо, и брак увеличился, и все пошло к чертовой матери. Потому что так и должно было быть. А вот мы это серьезно посмотреть, покопать не умели, не умели и не видели.

Товарищи, затем была вторая группа троцкистов, как теперь ясно, о которой мы не знали, что они троцкисты, скажем, Харьковский, второй секретарь горкома, секретарь комсомола Ерофицкий, Фрумкина — его жена и ряд других. Мы о них после проверки партдокументов никак ничего

не знали, мы не знали, что они были троцкистами, а следствие показало, что вся эта группа была и вела троцкистскую работу. Это показывает, что мы не сумели даже проверить, что это за люди. (Г о л о с с м е с т а. А Гогоберидзе?) О Гогоберидзе я знал только, что он связан был с Ломинадзе, знал, что у них была личная связь. (Г о л о с с м е с т а. Какая личная связь?) Я говорю, что Гогоберидзе я знал с подполья. (С т а л и н. По Баку?) По Баку. Надо сказать, что тогда он был неплохой член нашей организации. (С т а л и н. Так считали.) Да, тогда. После этого я не работал с ним весь этот период. (С т а л и н. Кто-либо его вам не рекомендовал?) Гогоберидзе — нет. (С т а л и н. А Вартаняна?) Вартаняна рекомендовал мне Серго, хотя он на заседании Политбюро говорил, что это не так, но я повторяю и здесь, что Вартаняна рекомендовал мне Серго. (Б е р и я. Как же вы брали Вартаняна, когда его из Закавказья вышибли?) Теперь мне понятно, что его вышибли из Закавказья. (Б е р и я. Гогоберидзе был тесно связан с Ломинадзе.) Я этого не знал. (М е ж л а у к. Гогоберидзе голосовал против исключения Троцкого.) Теперь я это тоже знаю.

Третья группа — неизвестно, была ли она когда-либо раньше троцкистской. Я говорю насчет Колотилина, Чефранова — моего первого помощника и еще некоторых, связь с троцкизмом которых раньше не установлена. (Е в д о к и м о в. Чефранов оказался сыном полицейского из Краснодара.) Чефранов был первым моим помощником, но до этого он был инструктором крайкома, я взял его из крайкома, это знает т. Каганович. (М о л о т о в. При чем тут Каганович, а вы куда смотрели?) Я говорю, что с того времени он начал работать. Местный человек, за которым в прошлом ничего не было замечено. Я почему об этом говорю? Потому, что, видимо, враг за рубежом — вот это капиталистическое окружение — находит своих слуг у нас не только среди бывших троцкистов, не только среди тех, кто так или иначе сочувствовал троцкизму, но и среди тех, которые раньше не были причастны к этому. (Г о л о с с м е с т а. Вы, т. Шеболдаев, почему подбирали людей, которых братские коммунистические партии выкидывали?) Правильно. Я брал тех людей, которые были выброшены из Грузии, в частности Гогоберидзе, Вартанян. (Г о л о с с м е с т а. А Колоколкин, он против т. Кагановича выступал?) Я Колоколкина очень мало знал, и он ушел вместе с разделением дорог, о нем я ничего не могу сказать.

Я, во-первых, должен сказать, почему так стало возможным проглядеть всю эту сволочь. У меня, я прямо должен сказать, что если и была кое-какая настороженность, правда, бесплодная, не дающая никаких результатов... (Б е р и я. А Осипова вы выдвигали? Мы выкинули его из Закавказья, исключили из партии, а вы восстановили.) Вполне возможно. (К а г а н о в и ч. Вартанян просил редактором газеты Вардина. Я сказал, что это немыслимая, невозможная вещь, странно, что Вартанян просит Вардина.) Я поддерживал эту кандидатуру перед т. Кагановичем, но Лазарь Моисевич сказал, что это невозможная вещь, и я не стал настаивать.

Доверял я людям, у меня не было даже мысли, что они могут быть врагами. Я не думал, что этот слой людей может оказаться врагами, шпионами, диверсантами и т. д. В этом ведь слепота и была, эта доверчивость, которая приводила к тому, что этих людей не ставили даже на проверку, не контролировали их, потому что доверяли. И то, что не понимали, что могут среди этих людей быть враги, что это была первая крупнейшая ошибка. И второе. Подбирался народ как будто известный, подбирались люди, которых знали, но, как Евдокимов выразился, — «свопки». За шесть лет работы действительно втянулся, и при моей поддержке, ряд людей, о которых я думал, что они неплохие работники. Это была ошибка, эта ошибка не должна повториться. Вот, например, Колотилин. Я знал его раньше как неплохого работника, а он оказался врагом, мерзавцем, предателем. Но в троцкистах он не был. (Б е р и я. А кого вы проверили и выявили?) Кое-кого проверили и выявили, как и везде, может быть, больше, может быть, меньше.

В 1934 г. — я не помню, при тебе это было, т. Евдокимов, — когда по вузам провели чистку, чистку основательную, очень крупных троцкистов

выявили, правда, по информации «Правды». (Мехлис. Сначала сильно сопротивлялись, потом уже под давлением стали вычищать.) Сначала, действительно, сопротивлялись, а потом почистили основательно. Тогда мы выявили Владимирова и ряд других. Были выявлены также Ронин и Капелинский. Председатель Крайплана, член бюро крайкома в 1934 г. был нами исключен из партии за то, что он помогал троцкистам издавать свою литературу. Мы вскрыли его и исключили из партии. Товарищи, Ронин был кандидатом в члены бюро, мы его исключили из партии, но потом он был восстановлен. Я писал об этом, настаивал, но он все же был восстановлен в партии. А сейчас по Курску я знаю точно, что он действительно троцкист, к которому тянулись нити из Курска в Ростов и обратно. И Капелинский то же самое.

И, последнее, что действительно разоружило меня, разоружило краевой комитет,— это то, что партийной работой мы занимались, по сути дела, только из-под палки, под нажимом Центрального Комитета. Это факт, и это привело к тому, что мы оторвались от городских организаций очень крепко. Если бы знали мы то, что потом слышал я и на пленуме крайкома, и на активе краевом в течение ряда дней, конечно, товарищи, многое было бы для меня совершенно в ином свете, и иначе были бы видны люди, иначе совершенно выглядели бы люди. А то, что написано в тезисах, это в очень острой форме является недостатком и ошибкой моего руководства в областной и краевой организации, и в партийной работе прежде всего. И эта вся оторванность, изолированность, она и привела к тому, что мы этого дела не видали, пока не началось развертывание этого следствия.

Тов. Берия, кроме того, этого самого Дуката и Белобородова все-таки арестовали именно по моему прямому предложению. НКВД арестовало, правда, по сигналу с Северного Кавказа т. Рябокonia, у них имелись сведения, что Дукат этот — двойник, а он был главным информатором НКВД, пользовался полным доверием в вопросах троцкистов, и когда развернулась самокритика, дело пошло совершенно по-иному, и была вскрыта вся та мразь, все то огромное засилье, о котором говорил уже т. Евдокимов. Я об этом говорю для того, чтобы сказать и о тех выводах, которые я для себя сделал из всего этого тяжелого для меня дела.

Во-первых, решение ЦК и все то, что в связи с этим я видел в Азово-Черноморской организации, убедили меня в том, что мне надо не только многое пересмотреть в своей работе как партийного работника, но и как члена партии, потому что вот этот отрыв от партийной организации — с этим надо кончать. Связь с партийной организацией, с коммунистами надо налаживать по-иному, чем это было.

Затем я ухватился за ту мысль, которую высказывал т. Сталин на прошлом пленуме: никому не верить на слово. Да, никому не верить на слово. Надо долго проверять каждого человека, там, где плохо,— особенно. То, что я видел в Ростове на активе, показало, что там, где плохо дела обстоят, там работали враги, и врага надо искать, а мы не искали и не думали, что враг этот есть, и не думал и я, и в этом огромнейшая ошибка, слепота и все что хотите. И если даже врага не окажется, если просто окажутся равнодушные, безразлично относящиеся к делу люди,— это почти что враги. Если найдем «шляпу», плохого работника — тоже хорошо. Искать надо врага. Затем подбирать людей через массу, через партийную и беспартийную массу, через внутрипартийную демократию, каждый сигнал проверить, каждое заявление разобрать. Мы имеем в Курске ежедневно 100—150 заявлений ко мне, помимо аппарата, надо все прочитать, все разобрать, иначе мы будем опять зевать, так же, как зевали раньше.

Ну, и последнее, товарищи. Какой вывод я для себя сделал? Кончать с подбором людей по своему прежнему знанию или какой-либо оценке других. (Голос с места. Он свиту с собой не перевез.) Да, свиту не перевозить, это правильно. Не надо этого делать. И, кроме того, еще некоторые выводы. Первый — внутри самого коллектива обкома в Курске не сглаживать углов. То, о чем говорил товарищ Косиор, я не буду повторять. Это один из выводов.

Теперь коротко еще о Курске. В Курске положение дел достаточно трудное. Прежде всего в отношении колхозов, которые сильно потрепаны, и в отношении пораженности врагами партийной организации. Ведь все-таки из членов бюро, работавших в 1936 г. в Курском обкоме, вероятно, шесть или семь членов и кандидатов оказалось врагами. Затем, товарищи, четыре заведующих отделами обкома, то же самое, оказались врагами. Заведующие отделами облисполкома и их заместители тоже оказались врагами. Два заместителя председателя облисполкома — враги. Причем о поражении врагами нужно сказать следующее: например, в областном земельном управлении буквально хозяйничали враги. Зам. пред. облисполкома Гортко — враг. Заведующий до последнего времени облЗУ Гусев — тоже враг. Кроме того, заведующие отделами и важнейшими секторами — тоже враги. Там человек 25 посажено в одном только земельном управлении. В финансовом управлении — Кочкарин. Тов. Ежов, кажется, упоминал о Кочкарине. (Голос с места. Это что, все местные работники?) Они и местные у нас, и приезжие. Скажем, в одном только большевистском сельсовете разломано 147 хат колхозных и единоличных, разрублены, распилены пополам, сломаны сени, выдернуты петли, сломаны потолки. Это все сделано для того, чтобы получить недоимку в размере 30 руб. с каждого хозяйства. И, товарищи, по всем линиям эти вредители приложили очень большую руку к разложению колхозов. Положение в колхозах, повторяю, очень тяжелое. То же самое — в плановой комиссии, председатель которой оказался врагом. Он довел вопрос с топливом до того, что школы зимой в течение длительного срока не работали оттого, что топлива совершенно не было. Во время морозов школы не могли работать.

Что мы имеем, товарищи, в области партийной работы в Курске? Если в Ростове там Карпов и другие осуществляли вредительство в партийной работе путем насаждения, как они говорят, бюрократизма, разложения, грубого обращения, озлобления коммунистов против партийных органов, так здесь этот самый Подволоцкий, культпроп насадил своих людей по линии культпропа и совершенно сознательно срывал работу по партийному просвещению в течение очень длительного срока. И многого в этом деле достиг, прежде всего по линии такого построения партийной работы, которое исключает какие-либо результаты от учебы и партийного воспитания.

Как обстоит дело с партийной работой? Я приведу такой пример: товарищ Яковлев был на активе, который был созван по вопросу о смене партийного руководства и в связи с решением ЦК и пленума обкома партии. И вместо 1300 человек, которые должны были быть на этом активе, мы настаивали, чтобы было 1300 человек, — но на самом деле на актив Курской организации фактически явилось только 700—800 человек от силы, по такому важнейшему партийному вопросу.

В ленинские дни, на траурном заседании заранее были розданы билеты, причем билетов было роздано в 2 раза больше, чем вмещает помещение, и все-таки помещение оказалось незаполненным. В Мединституте из 560 студентов на ленинский вечер явилось 13 человек. Когда после 15-го пленума, по решению Центрального Комитета и пленума обкома, где был записан целый большой раздел о троцкистах, вредителях и шпионах по докладу т. Яковлева и т. Андреева, когда мы проверили, что приняли первичные организации в г. Курске, то оказалось, что ни в одном из десяти решений не оказалось даже слов «троцкизм», «враг», «правые», то есть прошли совершенно мимо этого вопроса при обсуждении решений пленума. То есть, видимо, партийная организация к этому вопросу абсолютно была не подготовлена, иначе этого нечем объяснить.

Возьмем, например, портреты, были такие факты, что в портреты с вождями в горкоме комсомола, в горсовете и других учреждениях были вложены портреты врагов расстрелянных, причем об этом сообщают не коммунисты, а стекольщик, который стеклил эти портреты. Это дело расследуется, мы найдем, кто это осмелился такие вещи делать. Но все же факт остается фактом. Этот факт говорит об огромном запущении партийной работы, о больших трудностях.

Нужно сказать о перестройке, как перестраиваться, после того урока, который я получил в Азово-Черноморье, после решения ЦК. Удастся перестроиться или нет с первых шагов работы? С большими трудностями. Прежде всего на меня наваливают какие-то хозяйственные дела: семсуда не вывезена, советские органы малоспособны, помощи в этом деле не оказывают. Особенно это заметно по тому, что еще кадры не заменены, не выдвинуты, план сева — все это наваливается на меня, а это хозяйственные дела, и очень затрудняет перестройку работы.

Я только одно могу сказать, что после всего того, что было в Азово-Черноморье, после того, что я услышал здесь на пленуме, возникает понимание и сознание той остроты, необходимости перестройки нашей партийной работы, совершенно по-новому, крупной перестройки. Это сознание есть, и я должен сказать, что дело это очень трудное, надо будет и себя переделывать, выправлять и внести поправки в свою практическую работу, и придется преодолевать большие трудности в самой организации дела на местах (С т а л и н. Для этого время потребуется.) Да, конечно.

(Продолжение следует)

Судьбы советских военнопленных

М. И. Семиряга

О судьбах советских солдат и офицеров, оказавшихся в плену, существует многочисленная литература, как отечественная, так и зарубежная. В первые послевоенные годы, когда считалось, что советских военнопленных не было, имелись только предатели, вокруг этой проблемы была создана плотная стена умолчания. В послесталинские годы бывшие военнопленные смогли опубликовать свои воспоминания о пережитом. Появившиеся тогда же статьи и монографии еще не опирались на материалы, скрытые в архивах КПСС и КГБ. И все же удалось издать ряд документальных сборников¹.

Ситуация в зарубежной историографии была несколько иной, так как ее представители с самого начала использовали архивы своих стран. В ГДР и ФРГ были осуществлены документальные публикации, содержавшие материалы о судьбе советских военнопленных. Появились исследования о тех из них, которые, бежав из плена, сражались в движении Сопротивления практически во всех оккупированных гитлеровцами странах Европы².

С 70-х годов советские историки, несмотря на цензурные препоны, издали несколько обобщающих трудов по проблеме. Но ограниченный доступ к архивам, особенно к документам о послевоенной судьбе военнопленных, помешал воссоздать истинную картину их трагедии³. Ряд ценных документальных сборников и монографий увидел свет и в зарубежных странах⁴.

Общими усилиями исследователей, прежде всего немецких и советских, а также мемуаристов и писателей были более или менее полно освещены такие аспекты проблемы, как жизнь и быт советских военнопленных в лагерях, преступные медицинские эксперименты над военнопленными, смертность и болезни, использование труда военнопленных в промышленности и в сельском хозяйстве Германии, борьба советских военнопленных против фашистского террора, участие бежавших из лагерей советских людей в европейском движении Сопротивления. Вместе с тем явно недостаточно разработаны такие аспекты проблемы, как международное право о военном плене и позиция сталинского руководства по этим вопросам, причины, по которым советские воины оказывались в плену, их общая численность и послевоенная судьба, положение советских военнопленных в странах-сателлитах Германии, участие их в сформированных фашистами антисоветских воинских частях и другие.

Семиряга Михаил Иванович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института сравнительной политологии и рабочего движения РАН.

Плен — это постоянный спутник войн. Причины пленения или сдачи в плен следует искать не только в сложившейся в данный момент конкретной боевой обстановке, но и в социально-политической и моральной ситуации в стране еще до войны. Для любого воина плен — это позор и трагедия. Это не акт милосердия со стороны победителя, а право обезоруженного. Находясь в плену, воин может рассчитывать на защиту своих прав со стороны государства, пославшего его на фронт. Оно не должно рассматривать своего воина, оказавшегося в плену и не наносившего своей родине ущерба, как предателя. Он — жертва войны, и государство обязано придерживаться одного из древнейших международных принципов — возвращение военнопленного на родину и восстановление его во всех правах гражданина. За годы второй мировой войны воевавшие стороны взяли в плен, по некоторым данным, около 35 млн. солдат и офицеров противника⁵. Согласно докладной записке «О потерях личного состава Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», разработанной специальной комиссией под руководством генерала армии М. А. Гареева, пропало без вести и попало в плен — 4559 тыс. человек. Из этого количества после освобождения вновь было призвано в армию 939 700 человек, 1836 тыс. человек вернулись из плена после окончания войны, а 673 тыс. человек (по немецким данным) погибли в плену. Таким образом, достоверные данные имеются о 3 448 500 военнопленных. Неизвестна судьба 1 110 500 военнослужащих. Из приведенных и других данных комиссия сделала вывод, что в немецком плену было примерно 4 млн. советских военнослужащих. По данным германского ОКВ с июня 1941 по февраль 1945 г. в немецком плену пребывало 5 734 528 советских солдат и офицеров⁶.

Причинами, приводившими к пленению советских воинов, прежде всего в 1941 г., были: отсутствие оружия, с помощью которого можно было бы защититься, неясность с обстановкой и растерянность в сложных условиях боя, боязнь ответственности перед вышестоящими начальниками, страх смерти в случае продолжения сопротивления, наконец, неприятие советского строя, оправданные или неоправданные обиды, нанесенные этим строем.

Для предотвращения сдачи в плен Сталин предпочитал грубое насилие. Материальным воплощением его были созданные еще во время советско-финляндской войны 1939—1940 гг. так наз. заградительные отряды. Они были воссозданы в 1941 г., особенно активно применялись во время оборонительных боев на юге летом 1942 года и существовали практически до последних дней войны.

Трагической оказалась судьба как тех, особенно из командно-начальствующего состава, кто бежал из кратковременного плена и прибыл к своим, так и тех, кто попал в окружение и не воевал в партизанских отрядах. В соответствии с приказом Сталина от 1 августа 1942 г. к 25 августа их собирали в спецлагеря НКВД, где формировали штурмовые стрелковые батальоны и направляли на самые опасные участки фронта, откуда редко кто возвращался живым и невредимым. Разумеется, с помощью такого рода мер нельзя было предотвратить пленение советских воинов, где они оказывались узниками гитлеровских лагерей.

Кровавое обличье фашизма наиболее ярко проявилось в системе многочисленных лагерей, ставших братской могилой миллионов из многих стран мира. Свое место в этой системе занимали лагеря для военнопленных. Их нумерация соответствовала номеру военного округа, букве алфавита и названию города, где расположен лагерь. В годы наибольшей численности военнопленных на территории Германии, Австрии, Польши, Чехословакии, СССР и Норвегии имелось 2663 лагеря для рядовых и офицеров.

Режим в этих лагерях по своей жестокости почти не отличался от режима, существовавшего в концлагерях, хотя по международному праву военный плен — это не преступление. Но от концлагерей правовой статус лагерей для военнопленных все же отличался: 1) они находились в ведении не Главного управления имперской безопасности (РСХА), а военных властей. Правда, с сентября 1944 г. эти лагеря перешли в подчинение Гим-

млера; 2) пленные носили, как правило, свою военную форму, а не полосатую арестантскую одежду; 3) внутренний надзор осуществляли военные власти при помощи полиции, состоявшей из самих военнопленных, а не из эсесовцев; 4) охрану лагерей несли войска вермахта; 5) наблюдение за настроениями пленных вели на первых порах армейские контрразведчики, действовавшие согласованно с гестапо.

Известно, что с 1929 г. в Женеве была принята специальная Конвенция о режиме военнопленных, которую 21 февраля 1934 г. подписала и гитлеровская Германия. Однако выполнять требования конвенции нацисты не собирались.

В приговоре Международного военного трибунала отмечается, что находившиеся в руках гитлеровцев «военнопленные подвергались жестокому обращению, пыткам, убийствам не только вопреки установленным нормам международного права, но и при полном игнорировании элементарных требований гуманности»⁷. При этом констатировалось, что убийства советских военнопленных имели организованный, систематический и планомерный характер.

Масштабы уничтожения советских военнопленных в гитлеровских лагерях огромны: их смертность, по немецким данным, достигала 57,8%⁸.

Обвинитель от США на Нюрнбергском процессе Р. Джексон говорил, что «в отношении советского народа и советских военнопленных тевтонская ярость не знала границ»⁹. В приговоре Международного военного трибунала отмечается, что в директиве немецкого верховного командования (ОКВ) от 8 сентября 1941 г. прямо указывалось, что советские воины потеряли право на то, чтобы с ними обращались в соответствии с правилами Женевской конвенции.

Планируя агрессию против СССР с учетом ее внезапности, фашистское верховное командование исходило из предположения, что уже в первые шесть недель войны будет взято в плен 2—3 млн. советских солдат и офицеров. И уже тогда его расчет строился на их массовую гибель от голода, ибо не гарантировалось выполнение требований Гаагской конвенции 1899 г. об обращении с военнопленными¹⁰. В одной из директив экономического штаба «Ост» от 21 октября 1941 г. говорилось, что большая часть военнопленных излишне обременительна для Германии, поэтому следует «проявлять известные меры по сохранению жизни лишь тем, кто может быть непосредственно использован в экономике рейха». Из 3350 тыс. военнопленных, по данным ОКВ, захваченных в 1941 г. почти 60% умерли до 1 февраля 1942 г., причем свыше 600 тыс. из них с начала декабря 1941 года¹¹. Пленных лишали одежды, медицинской помощи. 17 июля 1941 г. гестапо издало приказ, предусматривавший уничтожение всех советских военнопленных, которые были или могли быть опасны для национал-социализма. Их морили голодом и расстреливали еще по пути в лагеря, расположенные во фронтовой зоне. Массовые казни продолжались и в стационарных лагерях. Значительную часть советских военнопленных, особенно командиров и политработников, гитлеровское командование направляло в концлагеря, где их ждала верная гибель.

В «приказе о комиссарах» от 13 мая 1941 г., дополненном приказом ОКВ от 6 июня того же года, предлагалось всех политработников и коммунистов из состава военнослужащих Красной Армии расстреливать на месте. Но поскольку выявить их было нелегко, то под эту категорию попадали все, кто в чем-либо подозревался. В некоторых лагерях администрация обещала выдавать по 100 руб. тому военнопленному, который поможет выявить «комиссаров» в лагерях или во время «прочесывания». Необходимость расстрела «комиссаров» «обосновывалась» не их вооруженным сопротивлением вермахту, а их местом в политической системе СССР¹². Командующий 4-й танковой группой генерал-полковник Э. Гепнер еще до «приказа о комиссарах» потребовал от своих войск ликвидации всех политкомиссаров¹³.

По официальным данным Управления по делам военнопленных, на 1 мая 1944 г. умерло или было расстреляно около двух миллионов

советских военнопленных. Лишь после победы Красной Армии под Сталинградом положение советских военнопленных несколько изменилось, что объясняется тем, что, объявив «тотальную мобилизацию», нацисты были заинтересованы в том, чтобы военнопленные имели физическую возможность работать более интенсивно и производительнее. В первый период войны, рассчитывая на скорую победу над СССР, гитлеровцы не прибегали к использованию в массовом порядке труда военнопленных в сельском хозяйстве и промышленности, особенно военной. Положение изменилось с весны 1942 г., когда потребность в рабочей силе в Германии резко возросла. Труд пленных стал широко применяться на самых тяжелых работах, особенно в металлургической, химической и горной промышленности. С июня 1943 г. все военнопленные непосредственно передавались в распоряжение имперского уполномоченного по использованию рабочей силы Ф. Заукеля. По требованию Геринга на отдельных промышленных предприятиях рабочими были только советские пленные.

Миллионы воинов Красной Армии, попав в плен, оказались на перепутье. Как вести себя дальше: дожидаться любого исхода войны лишь бы только спасти свою жизнь и, что еще хуже, нарушить воинскую присягу и пойти в услужение к врагу, или, рискуя жизнью, продолжать сопротивление ему с твердой верой в победу правого дела. На путь сотрудничества с врагом к сожалению, встала довольно большая часть советских солдат и офицеров, оказавшихся в плену. Добровольно или поддавшись различным посулам и угрозам со стороны германского командования, они обслуживали вермахт и даже участвовали в вооруженной борьбе против своей страны. Мотивы, которыми руководствовались военнопленные, соглашаясь служить в армии врага, были различны. Значительную часть этих людей составляли противники существовавшего в СССР общественного строя, сознательно перешедшие на сторону врага и активно боровшиеся против своих до последних дней войны.

Уже в 1941 г. военнопленные (преимущественно русские, украинцы и белорусы) использовались в качестве вспомогательной силы для обслуживания тыла действующей немецкой армии. На 1 февраля 1945 г. таких «добровольцев» в сухопутных войсках Германии насчитывалось около 600 тыс., в ВМФ — 15 тыс. и в ВВС (на июль 1944 г.) — 50—60 тыс. или в общей сложности около 700 тысяч человек¹⁴. Фашистских главарей особенно забавлял тот факт, что 70 тыс. советских пленных обслуживали зенитные орудия, направленные против союзной авиации.

Длительное время после начала агрессии против СССР Гитлер отвергал предложения сформировать воинские части из советских военнопленных. Еще в сентябре 1941 г. офицер штаба группы армий «Центр» полковник Х. фон Тресков разработал план создания 200-тысячной русской антисоветской армии. Но это предложение в Берлине даже не обсуждали. Лишь в середине 1942 г. Гитлер дал соответствующее согласие и тогда же генерал-инспектором «восточных» формирований был назначен Г. Хельмих, а в канун 1944 г. его сменил генерал Э. Кестринг. Таким образом, фашисты пошли на прямое нарушение норм международного права. Сделано это было не только из-за потерь на советско-германском фронте, но и из политических соображений. В легионах и других антисоветских формированиях гитлеровцы хотели воспитать послушных им администраторов для оккупированных областей СССР.

С 1942 г. большое значение придавалось нацистами формированию и боевому использованию легионов (батальонов), состоявших из советских военнопленных нерусской национальности. По немецким данным, всего было создано более 180 таких формирований, в том числе русских — 75, из донских, кубанских и терских казаков — 21, туркестанских и татарских (из Татарии и Крыма) — 42, грузинских — 11, из народов Северного Кавказа — 12, азербайджанских — 13, армянских — 8, а также части и соединения из литовцев, латышей и эстонцев. Численность этих формирований по национальной принадлежности на 14 января 1945 г. была такова: латышей — 104 тыс., литовцев — 36 800, азербайджанцев — 36 500, грузин — 19

тыс.; народов Северного Кавказа — 15 тыс., татар (Татария) — 12 550, крымских татар — 10 тыс., эстонцев — 10 тыс., армян — 7 тыс., калмыков — 5 тысяч ¹⁵.

Делая ставку на военнопленных нерусских национальностей, гитлеровцы стремились разжечь национальную рознь между народами Советского Союза. Кроме того, используя легионеров для борьбы против движения Сопротивления, они рассчитывали посеять среди народов Польши, Франции, Югославии, Италии и других стран недоверие к советским людям вообще.

Самыми многочисленными антисоветскими войсками, созданными гитлеровцами, были, однако, русские формирования («Русская освободительная армия» — РОА) под командованием генерала А. А. Власова и так наз. «восточные батальоны». По официальным данным «правительства Деница», на 20 мая 1945 г. числились следующие соединения «русских добровольцев»: 1) 599-я русская бригада, ок. 13 тыс. человек, находилась в пути из Дании; 2) 600-я пехотная дивизия (пд), около 12 тысяч человек, дислоцирована в Чехии; 3) 650-я пд, ок. 18 тыс. человек, расположена в районе Линца (Австрия). В войсках СС имелись 15-я и 19-я гренадерские дивизии (гд) литовцев, 20-я эстонцев, 14-я гд западных украинцев, 30-я кавдивизия белорусов, 1-я, 2-я и 3-я казачьи дивизии ¹⁶.

Оккупационные власти стремились широко использовать антисоветски настроенных лиц в Прибалтийских республиках. Уже 31 июля 1941 г. из 396 эстонцев — военнопленных и дезертиров — было создано первое полицейское подразделение. В последующие месяцы возникли латышские и эстонские охранные батальоны. В период битвы за Москву они были направлены на фронт. В 1942 г. у гитлеровцев возникла идея создания латышских и эстонских частей СС. К апрелю 1943 г. были сформированы эстонский (2850 чел.) и латышский (2478 чел.) легионы. Затем создается 1-я эстонская бригада СС и 2-я латышская бригада СС ¹⁷. Хотя к литовцам германские власти относились с недоверием, тем не менее и здесь создавались полицейские батальоны под командованием литовских офицеров. Все антисоветские воинские формирования в Прибалтике комплектовались преимущественно из гражданской молодежи, военнопленных в них было немного.

Еще весной 1941 г., в предвидении фашистской агрессии руководитель Организации украинских националистов (ОУН) С. Бандера сформировал в Южной Польше «Украинский легион» (700 человек), обучаемый гитлеровцами под видом «немецкой трудовой службы». Но отказ Германии признать «независимую Украину» и особенно их решение о присоединении Западной Украины к польскому Генерал-губернаторству (август 1941 г.) вызвали раздражение украинских националистов. С начала 1942 г. оккупанты начали репрессии против ОУН. Бандеровцы предприняли ответные действия.

В апреле 1943 г. преимущественно из украинской гражданской молодежи и части дезертиров из Красной Армии нацистами была сформирована 14-я пд («Галичина»), командиром которой стал немецкий генерал И. Фрейтаг ¹⁸. В июле 1944 г. она была брошена против советских войск под Бродами, где и была разгромлена.

С ухудшением положения на фронтах, особенно после Сталинграда, оккупанты стали искать контактов с бандеровцами. Сам Бандера находился тогда в концлагере Заксенхаузен, а его сторонники к этому времени уже начали создание Украинской повстанческой армии (УПА). Соответствующая резолюция была принята на II конгрессе ОУН летом 1942 года. 14 октября 1942 г. на Полесье и Волыни появились первые вооруженные отряды этой армии. Всего в УПА и других боевых организациях украинских националистов было около 40 тыс. человек (начало 1944 г.). Действовали они не только против немцев, но и против поляков и советских партизан. Весной 1944 г. гитлеровцы предложили бандеровцам сотрудничество «против общего врага — большевизма». В локальном плане такое сотрудничество было установлено. Но на более тесное сотрудничество, опасаясь недовольства местного населения, страдавшего от фашистов, бандеровцы не шли.

Летом 1942 г. во время немецкого наступления на Северный Кавказ часть казаков Дона скрывалась от мобилизации в Красную Армию, а некоторые регулярные казачьи части переходили на сторону врага. Активизировались бывшие участники белой армии, объявились атаманы Кулаков и Шкуро. Были созданы 16 отдельных калмыцких эскадронов для борьбы против Красной Армии. С весны 1943 г. гитлеровцы стали выделять из лагерей военнопленных казаков и создавать из них регулярные полки. К концу войны все казачьи части были сконцентрированы в Австрии. Здесь же позднее англичане передали их советским властям.

Подводя итоги участия антисоветских воинских формирований в боях на стороне гитлеровской Германии, один из западных авторов писал: «Уже в 1943 г. число советских граждан, которые с оружием в руках выступали против своей «социалистической родины», вдвое превысило Великую армию Наполеона и составило около 1 млн. человек. В 1944 г. вместе с РОА они составили от 1200 тыс. до 1600 тыс. человек»¹⁹.

Нет веских оснований утверждать, будто РОА состояла главным образом не из «идейных борцов», а из уголовников, националистов, а также слабых, безвольных людей, преследовавших одну цель — выжить. Во-первых, националист это уже «идейный борец» и, во-вторых, документы свидетельствуют, что власовцы стойко вели себя в боях во время высадки союзников во Франции в июне 1944 г. и в сражениях против советских войск на Одере весной 1945 года. Что же касается «идейной нищеты» власовского движения, то документы, принятые его политическим органом «Комитетом освобождения народов России», вряд ли подтверждают такой вывод.

Многие советские военнопленные прошли иной путь, оставаясь патриотами и не прекратив борьбы против врага. Прежде всего это те, кто сумел вырваться из плена, чтобы добраться до своих войск или партизан. Многие из них стали инициаторами создания партизанских отрядов или командирами их подразделений. Практически во всех партизанских отрядах бежавшие военнопленные составили наиболее подготовленную и стойкую их часть. Бежавшие из плена советские офицеры и солдаты, а их было не менее 50 тыс. человек, стали активными участниками движения Сопротивления в зарубежных странах, оккупированных гитлеровцами.

Советские военнопленные для более эффективной борьбы против фашизма в тех лагерях, где это было возможно, создавали боевые организации, устанавливали контакты с местными антифашистами. Наиболее крупной в Германии организацией советских военнопленных являлось созданное осенью 1942 г. в Баварии Братское сотрудничество военнопленных (БСВ). Его деятельностью руководили ст. батальонный комиссар П. Серебряков, полковник М. М. Тарасов, майор К. К. Озолин²⁰. Все они в числе других 84 офицеров были казнены нацистами в концлагере Дахау в сентябре 1944 года.

Наиболее результативной формой борьбы антифашистского подполья в лагерях военнопленных и концлагерях была организация побегов. В марте 1943 г. Кейтель признавал: «С глубочайшим беспокойством я должен отметить, что побеги военнопленных, в особенности офицеров, в последнее время приняли опасные размеры». Всего на территории Германии в 1941—1944 гг. бежало из лагерей до 70 тыс. военнопленных.

Множество советских военнопленных принимало активное участие в саботаже и диверсиях на тех военных предприятиях, где они вынуждены были работать. Они стали инициаторами сотрудничества с антифашистами других национальностей, особенно из славянских стран, а также французов, бельгийцев, немцев и других. Некоторым пленным удавалось создавать антифашистские организации в антисоветских легионах и устраивать переход легионеров на сторону Красной Армии и партизан.

В последние месяцы войны возникли трудности между союзниками по вопросу о судьбе солдат из негерманских воинских формирований в вермахте, и после капитуляции Германии не распущенных в оккупационных зонах. Союзники были поражены, когда узнали, что среди иностранных добровольцев, служивших в вермахте, больше всего было советских граждан и не просто граждан, а офицеров и солдат Красной Армии.

Посол Великобритании в СССР К. Керр по поручению своего правительства в мае 1944 г. направил В. М. Молотову письмо с предложением, чтобы Сталин лично или советское правительство обратилось к этим людям с воззванием переходить на сторону союзников. Советский нарком в ответном письме от 31 мая 1944 г. заявил, что, по данным советских властей, число советских солдат и офицеров, воюющих на стороне вермахта, крайне незначительно и поэтому обращение к ним не принесет никакой политической пользы. Однако через неделю, когда в Нормандии началась высадка, союзники воочию убедились, какова была численность и как сражались «русские добровольческие» воинские части, вкрапленные в германские войска на всем протяжении фронта от Нидерландов до Пиренеев. Как сообщала британская армейская разведка 17 июня 1944 г., среди вражеских военнопленных около 10% составляли «русские добровольцы»²¹.

Число советских военнопленных и «восточных рабочих», освобожденных войсками союзников по мере их наступления во Франции, быстро увеличивалось. Союзное командование принимало меры, чтобы переправить их в Англию и содержать там в лагерях, изолированно от немецких военнопленных. Часть из них была эвакуирована в США и Канаду. Британские власти были поражены тем, чтобы многие советские граждане, причем не только добровольно служившие в вермахте, но и насильно угнанные на работу в Германию, опасались возвращаться на родину. Союзные власти не настаивали на немедленном возвращении этих людей в СССР, опасаясь того, что Гитлер может принять репрессивные меры в отношении союзных военнопленных в Германии.

20 июля 1944 г. британский министр иностранных дел А. Иден сообщил советскому послу в Лондоне Ф. Т. Гусеву, что во Франции союзники взяли в плен тысячи советских граждан в немецкой униформе и что британское правительство готово предоставить советскому посольству возможность установить контакт со своими гражданами. Разумеется, британское правительство было хорошо информировано о том, что советские военнопленные опасаются при возвращении на родину за свою свободу, а то и за жизнь.

Союзным властям было известно, что многие советские граждане сражались в рядах французского Сопротивления. С властями генерала де Голля в Лондоне даже обсуждался вопрос об отправке на остров Мадагаскар тех советских граждан, которые откажутся возвращаться на родину. Но вскоре У. Черчилль и А. Иден приняли решение в интересах поддержания солидарности с СССР передать его граждан, сражавшихся на стороне немцев, в руки советского правосудия и насильно возвратит их на родину. Учитывалось при этом и то, что в противном случае советские власти могут принять репрессивные меры в отношении тех английских и американских военнопленных, которых они освободили в Польше и Восточной Германии.

К сентябрю 1944 г. число освобожденных советских военнопленных в Англии составляло уже 3750 человек, а к середине этого месяца их оказалось там более 12 тысяч и каждую последующую неделю прибывало по 2 тысячи человек. Проблема советских военнопленных стала предметом обсуждения во время пребывания Черчилля и Идена в Москве в октябре 1944 года. Сталин настаивал на быстрейшем возвращении советских граждан и обещал, что он примет соответствующие меры и в отношении освобожденных британских военнопленных в Польше и Восточной Германии²².

Первая партия советских военнопленных в составе 10 тысяч человек 31 октября 1944 г. была направлена морским путем в Мурманск. Это были солдаты и офицеры, не чувствовавшие за собой никакой вины перед родиной и поэтому охотно согласившиеся на возвращение. Впоследствии британские офицеры, сопровождавшие эту группу, рассказывали, как советские власти «встретили» своих соотечественников. Под усиленной охраной они (один охранник на 15 военнопленных) были направлены в плохо оборудованные лагеря на окраинах города. Затем многие из них на долгие годы оказались в сибирских лагерях.

В отличие от англичан американские власти на территории Франции создали специальные лагеря, где на протяжении четырех месяцев содержалось более 23 тыс. советских солдат и офицеров, служивших в вермахте. Часть военнопленных была отправлена в Соединенные Штаты, что вызвало протест советского посла в Вашингтоне А. А. Громыко.

В начале 1945 г., на фоне побед советских войск народы и солдаты армий стран антигитлеровской коалиции, восторженно приветствуя эти успехи, осуждали тех советских граждан, которые надели немецкую униформу и сражались против Красной Армии. 12 января 1945 г. генерал Д. Эйзенхауэр доносил в Вашингтон, что его войска взяли в плен 21 тыс. русских, одетых в немецкую униформу. Главнокомандующий союзными войсками сообщал, что эти военнопленные своим поведением создают трудности союзному командованию и предлагал их немедленно репатриировать²³.

Проблема советских военнопленных, служивших в вермахте и захваченных союзными войсками, приобрела настолько острый характер, что стала предметом обсуждения на высшем уровне в ходе Ялтинской конференции. 11 февраля 1945 г. Молотов и Иден подписали двустороннее соглашение и тогда же аналогичное соглашение подписали советский генерал-лейтенант А. А. Грызлов и военный представитель США в Москве генерал Дж. Р. Дин²⁴.

В опубликованном в тот же день коммюнике, а также в соглашениях Большой тройки и в приложениях к ним ни слова не говорится о дифференцированном подходе к советским военнопленным, служившим в вермахте и захваченным в плен с оружием в руках, и к тем, которые были освобождены из немецких лагерей. Сталину было крайне неприятно признавать наличие изменников среди советских военнопленных, тогда как среди английских и американских солдат и офицеров, которые одновременно предавались союзникам советскими властями, подобная категория людей отсутствовала. Поэтому он заявил, что «поскольку этот вопрос не имеет отношения к конференции, нет надобности включать его в коммюнике». Несколько дней спустя на запрос министра иностранных дел Великобритании, следует ли эти документы публиковать и зарегистрировать в ООН, от советского посольства последовал категорический ответ: «Ни в коем случае. Это соглашение должно рассматриваться как секретный документ!»²⁵.

После завершения Крымской конференции началась массовая насильственная отправка советских военнопленных на родину по двум маршрутам: через Средиземное море в Одессу и по Баренцеву морю в Мурманск. Многие из них, особенно те, которые родились в Западной Украине и в республиках Прибалтики, не признавали себя советскими гражданами. На этой почве возникало немало недоразумений и конфликтов. Для разрешения этого вопроса была создана смешанная советско-британская комиссия, сопредседателями которой были советский и британский генералы. Свое первое заседание комиссия провела 12 апреля 1945 года.

В дни, когда на заседаниях комиссии шла острая дискуссия, кого считать советским гражданином из освобожденных военнопленных, на теплоходах, следовавших с тысячами этих людей в советские порты, разыгрывались трагические сцены, свидетелями которых были английские моряки. Среди репатрируемых работники советских спецслужб искали изменников, служивших в РОА, после чего их судьба была predetermined. Во время прохода кораблей через Гибралтар и Дарданеллы бывали случаи, что люди прыгали в воду и в темноте вплавь стремились добраться до берега и скрыться, другие — кончали жизнь самоубийством. С прибытием в порты назначения бывшие военнопленные рассматривались как изменники и их вводили в спецлагеря под усиленной охраной.

После капитуляции Германии был установлен третий маршрут взаимного возвращения советских и союзных военнопленных, проходивший через Германию и другие страны Центральной и Восточной Европы. В январе—марте 1945 г., когда Красная Армия вела наступление на территории Польши, репатриация проходила стихийно. Советские военные власти ока-

зались не вполне подготовленными к решению масштабной и сложной задачи репатриации большого числа освобожденных из плена советских солдат и офицеров. Соответствующая директива была подписана лишь в конце января 1945 г., а командование 1-го Белорусского фронта она поступила только 2 февраля. Соответствующая директива начальника тыла этого фронта была получена в войсках в конце февраля. Таким образом, лишь в марте 1945 г. началась работа по налаживанию репатриации, начали создаваться лагеря репатриантов, сортировочно-пропускные пункты (СПП) и комендатуры. В армиях создавались свои сборные пункты. Этими мерами было несколько приостановлено стихийное движение десятков тысяч освобожденных людей на восток.

С выходом войск фронта на Эльбу перед органами по репатриации встала новая задача — прием советских граждан, освобожденных союзниками, и передача военным властям союзников их освобожденных граждан. Соответствующий приказ Военного совета 1-го Белорусского фронта был подписан 12 мая 1945 года. К этому времени между Одером и Эльбой было собрано и зарегистрировано около 200 тыс. бывших военнопленных и гражданских лиц. Если за период с января по март 1945 г. было собрано 83 536 советских граждан и 13 304 иностранцев, предназначенных к репатриации, то в ходе апрельского наступления Красной Армии было учтено 217 604 советских гражданина²⁶.

В первые дни и недели после войны можно было видеть тысячи американских «Студобеккеров», перевозивших этих людей к местам сбора. Через некоторое время эти же машины возвращались на запад с освобожденными гражданами из почти всех стран Западной Европы. От зональной границы на восток двигались колонны из десятков тысяч мужчин, женщин и даже детей. Они шли преимущественно пешком, но многие со своим тощим скарбом ехали на подводах и велосипедах. Впереди их ждали переселенческие лагеря, бесчисленные допросы офицеров госбезопасности, угрозы, унижения и оскорбления.

На 1 августа 1945 г. в советской оккупационной зоне уже имелось 86 лагерей, 18 комендатур, 23 СПП и 6 приемно-передаточных пунктов, в которых ожидали репатриации 615 тыс. советских граждан и 112 тыс. иностранцев. В соответствии с постановлением Военного совета Группы советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ) около 300 тыс. человек из них использовались на демонтаже предприятий, на полевых работах и в подсобных хозяйствах воинских частей, а более 10 тыс. работали в качестве вольнонаемных в войсках²⁷.

С капитуляцией Германии репатриация превратилась в международно-политическую проблему. Нужны были международно-правовые акты, которые регулировали бы процесс репатриации и направляли ее в законное русло. Это было особенно важно в связи с тем, что десятки тысяч граждан разных стран, включая и СССР, которые сотрудничали с оккупантами, воевали на их стороне и совершали военные преступления, а также по другим причинам, добровольно возвращаться на родину не желали. Некоторые женщины с этой целью выходили замуж за немцев. Руководитель Отдела репатриации Советской военной администрации в Германии (СВАГ) в 1948 г. по этому поводу писал: «Благодаря недооценке политического значения своевременного возвращения на родину и слабого контроля за работой органов немецкого самоуправления со стороны отдельных комендантов городов, начиная с мая 1945 г. по декабрь 1947 г., вступили в брак с немцами 67 советских женщин, которые сейчас имеют по 2—3 детей. Документы о вступлении в брак оформлены немецкими органами»²⁸.

С образованием СВАГ в ее структуре было создано Управление репатриации, которое совместно с армейскими органами по репатриации открывало на территории Восточной Германии все новые лагеря для приема репатриантов. Из-за их массового наплыва и нехватки железнодорожных вагонов 23 июня 1945 г. Военный совет фронта принял решение физически здоровых граждан направлять пешком через Польшу до границы Советского Союза, что составляло 850—900 км. Однако после выхода нескольких

колонн стала ясна невозможность решить проблему подобным путем. Поэтому с 3 июля была организована перевозка репатриантов железнодорожным и автотранспортом.

Основополагающим документом, которым должны были руководствоваться все органы, ведавшие репатриацией советских граждан, стала директива «О порядке приема, материального обеспечения и перевозки бывших военнопленных и советских граждан», утвержденная 31 января 1945 г. начальником тыла Красной Армии и заместителем уполномоченного СНК СССР по делам репатриации генерал-лейтенантом Ю. Д. Голубевым. В ней, в частности, предлагалось в сборно-пересыльных пунктах и в пути следования советским гражданам выдавать продовольствие; после их проверки направлять: а) бывших военнослужащих (рядовых и сержантов), не вызывающих подозрения, в армейские и фронтовые запасные части. Служивших в германской армии власовцев, полицейских и других — в спецлагеря по указанию НКВД для дальнейшей проверки. б) Весь офицерский состав направлять в спецлагеря НКВД немедленно после регистрации; в) лиц призывного возраста вне подозрения — во фронтовые запасные части тыла, непризывного возраста и женщин, — как правило, в места постоянного жительства, запретив им въезд в Москву, Ленинград и Киев; г) жители пограничных областей следовали в места их постоянного жительства только после прохождения проверочно-фильтрационных пунктов НКВД в этих областях ²⁹.

В первые недели и даже месяцы после освобождения репатрианты испытывали большие лишения, вызванные объективными причинами или нераспорядительностью органов репатриации. Отдел репатриации фронта и несколько групп, прибывших из Москвы от Уполномоченного СНК по делам репатриации не могли справиться с этой работой. Ведь к 6 июня в советской зоне уже было сосредоточено более миллиона репатриантов. В справке Уполномоченного по репатриации признавалось, что «отсутствие хотя бы элементарно оборудованных лагерей для приема этих людей создавало большие трудности в деле обеспечения этих людей и вызывало законное недовольство во стороны возвращающихся на родину советских и иностранных граждан. Были нередки случаи, когда люди в дождливую погоду вынуждены были находиться под открытым небом или ютиться на чердаках; не получали горячей пищи по несколько дней и даже хлеба; не получали своевременно медицинской помощи. Как правило, в лагерях одновременно находилось по 8—10 тысяч, а в отдельных лагерях по 25—30 тысяч человек» ³⁰. Из-за отсутствия транспорта репатрианты вынуждены были жить в таких условиях по два и более месяцев.

Большинство из назначенных в систему репатриации около 8 тыс. строевых офицеров и политработников не имели никакого опыта этой работы. Некоторые из них огульно обвиняли всех репатриантов в измене родине, запугивали их тяжкими наказаниями, изымали ценные вещи, пьянствовали, принуждали женщин к сожительству. Все это угнетало и подавляло репатриантов. Имелось немало случаев побегов из лагерей и самоубийств, особенно из среды военнопленных. Лишь в сентябре 1945 г. по всем лагерям зоны отмечалось 28 самоубийств. В оставленных записках они нередко писали, что осознали свою реальную или мнимую вину перед родиной.

В знак протеста против произвола и угроз со стороны отдельных работников проверочно-фильтрационных комиссий и «Смерш», а также из-за недовольства господствующим в СССР режимом некоторая часть репатриантов отказывалась возвращаться домой. Так, Полевая А. М. из лагеря № 218 говорила: «Я бы с большим удовольствием осталась жить в Германии». Немцы, отмечала она, «убивали тех, кто боролся против них. Я им ничего такого не сделала и они меня не тронули». Репатриант лагеря № 211 Колодяжный Ф. Т., раскулаченный в свое время, заявил: «На родину я никогда не поеду. Германия — это моя освободительница» ³¹.

Особенно подавленное настроение отмечалось у репатриантов из Прибалтики и западных областей Украины. На вопрос офицера по репатриации украинской девушке, почему она не хочет возвращаться домой, последовал

ответ: «А чого я туда поиду, там нэмае демократии». Но, что такое «демократия», она объяснить не могла. Один украинский парень спросил офицера, знает ли он, кто такой Бандера. В ответ на слова офицера, что Бандера — это бандит, помогавший немцам, а сейчас агитирует украинцев не возвращаться на родину, парень, подумав, сказал: «А може ж и ни?»³².

По результатам проверки девяти лагерей для советских и зарубежных репатриантов Главноначальствующий ГСОВГ маршал Г. К. Жуков подписал 19 июня 1945 г. приказ. В нем отмечались многочисленные случаи безобразного отношения к репатриантам со стороны ряда должностных лиц. Начальникам тыла 8-й гвардейской армии генерал-майору Похазникову и 33-й армии генерал-майору Плетневу были объявлены выговора. В приказе от 23 августа 1945 г. Жуков потребовал во всех армейских лагерях создать 30-суточный запас продовольствия, два раза в день репатриантам выдавать горячую пищу, создать отдельные детские кухни и обеспечить их молочными продуктами и белым хлебом³³.

К репатрируемым советским гражданам и прежде всего к бывшим военнопленным, особый интерес проявляли органы НКВД. По распоряжению заместителя Берии генерал-полковника И. А. Серова для «филтрации» советских граждан при каждом лагере создавались проверочно-филтрационные команды (ПФК) численностью от 30 до 50 человек каждая. Особенно тщательно они проверяли и изымали из основной массы репатриантов — бывших военнопленных, которые служили в национальных легионах и войсках РОА на стороне вермахта. Имея неограниченную и неконтролируемую власть над репатриантами, сотрудники контрразведки нередко входили в конфликт с военными комендантами лагерей. Часто сведения о массовых арестах в лагерях советской зоны доходили до советских репатриантов, находившихся в западных зонах, что также создавало немалые трудности в принятии ими решения о возвращении на родину.

Принципы, которыми следовало руководствоваться при взаимном обмене граждан разных стран, были разработаны 11 февраля 1945 г. на Ялтинской конференции. В соответствии с ними заместитель уполномоченного СНК СССР по репатриации Голубев и представитель Верховного командования союзных экспедиционных войск генерал-майор Р. В. Баркер 22 мая в г. Галле подписали «План передачи через линию войск бывших военнопленных и гражданских лиц, освобожденных Красной Армией и войсками союзников». Было решено передачу и прием начать через 24 часа после подписания этого плана на территории войск Красной Армии — в Висмаре, Вюстмарке, Людвигслусте, Магдебурге, Лейпциге, Стендале, Плаузене и в двух пунктах Австрии. Все репатрианты могли везти свое личное имущество — часы, велосипеды и другие вещи. Были определены также меры для извещения и сбора бывших военнопленных³⁴.

Как показали позднейшие события, этот документ не только помог многим советским гражданам быстрее вернуться на родину к своим семьям, но и определил трагическую судьбу большой группы граждан, проживавших до войны на территории СССР, но не признававших его гражданства, или совершивших по советским законам те или иные преступления. Эти люди с первых же минут передачи их советским властям оказались бесправными. У них отбирали вещи, издевались над ними, избивали, а то и убивали.

После конференции руководителей союзных держав в Потсдаме для организации сбора и переправки на родину советских граждан 21 июля 1945 г. в западные зоны были направлены советские военные миссии. К моменту их прибытия в июле-августе 1945 г. в западных зонах уже работали сотрудники Международной организации помощи (ЮНРРА). По далеко неполным данным советских миссий, работавших в западных зонах, в 191 лагере в английской зоне находилось 103 тыс. и в 100 лагерях американской зоны — 73 тыс. советских граждан. В ходе своей работы, миссии периодически докладывали, что переправка основной массы советских граждан на родину в первые месяцы после освобождения шла без особых трудностей. Однако американские власти срывали выполнение решений, принятых

на декабрьской 1945 г. сессии Совета министров иностранных дел (СМИД) в отношении передачи захваченных ими в плен и находившихся в лагерях под их покровительством 20 тыс. человек, которые боролись с оружием в руках против Объединенных наций, а также решения СМИД от 23 апреля 1947 г. «О перемещении населения»³⁵. Из 20 тыс. американцы передали советским властям только 4500 человек, включая генералов РОА В. Ф. Малышкина, Г. Н. Жиленкова, М. А. Меандрова и нескольких других.

Нежелание бывших союзников содействовать возвращению в СССР этой категории граждан объяснялось целенаправленной политической линией высшего военного руководства и правительств западных держав. Эта политика была сформулирована в телеграмме от 9 августа 1945 г., направленной Д. Эйзенхауэром командующим американскими войсками в Германии и Австрии. В ней было сказано, что, если граждане не желают возвращаться на родину, то вопрос о них должен решаться специальной комиссией военного командования и они не должны репатриироваться насильно. Если граждане проживали на территории, не включенной в границы СССР к 1 сентября 1939 г., или были освобождены до 11 февраля 1945 г., они не могут быть репатриированы вопреки их воле³⁶.

Аналогичная инструкция была разработана и британским командованием. Правда, в отличие от американской она содержала положение, устанавливавшее, что граждане, сменившие место жительства в результате войны, то есть после 21 июня 1941 г., и жившие на советской территории в ее границах на 2 сентября 1939 г., должны репатриироваться независимо от их желания³⁷.

К концу 1946 г. поступление репатриантов из западных зон стало сокращаться, хотя там еще оставалось 250 тыс. граждан, которых репатриационные комиссии СССР считали советскими. Но из них 170 тыс. из Прибалтийских республик и около 60 тыс. украинцев, в основном из западных областей Украины не признавали себя советскими гражданами³⁸.

Общая картина поступления и движения всех репатриантов — советских граждан с 10 июля 1945 г. по 30 июня 1948 г. представляется следующей: в 1945 г. принято от трех Белорусских фронтов, из западных зон, из лагерей непосредственно после освобождения и по другим каналам — 1857 264 чел., в 1946 г. 53 304 чел.; в 1947 г. — 9560 чел.; в 1948 г. — 5560 чел., а всего 1 925 687 человек³⁹. Из них бывшие офицеры Красной Армии составляли 64 324 человек, сержанты и рядовые — 551 416 человек.

По данным управления Уполномоченного СМ СССР по делам репатриации на октябрь 1945 г. всего было учтено оставшихся в живых 2 016 480 освобожденных советских военнопленных⁴⁰. Среди гражданских лиц мужчин было 539 276, женщин 605 904 и детей — 164 767. В числе репатриированных были представлены русские — 674 894, украинцы — 803 162, белорусы — 242 151, татары — 16 593, грузины — 16 233, латыши — 15 391, армяне — 10 939, литовцы — 13 624, эстонцы — 6741 человек⁴¹.

По официальным советским данным по состоянию на 1 сентября 1945 г. из всех оккупационных зон Германии было репатриировано около 5 млн. советских граждан, из них 2230 тысяч вывезены из западных зон.

От войск названных выше фронтов в 1945—1948 гг. было принято и направлено на их родину американцев — 728, англичан — 364, бельгийцев — 8689, голландцев — 14 450, греков — 1411, люксембуржцев — 1067, поляков — 49 748, чехов и словаков — 10 339, французов — 99 813, австрийцев — 12 021, венгров — 16 527, итальянцев — 108 813, румын — 12 824 человек и др. Всего — 378 475 человек⁴².

Денежные затраты СССР на репатриацию в период с июня 1945 г. по июнь 1948 г. составили около 743 млн. рублей, не считая затрат отдела репатриации 1-го Белорусского фронта в предыдущий период. Из них на возвращение советских граждан истрачено более 683 млн. рублей и иностранцев — около 62 млн. рублей⁴³. В целом, в результате деятельности советских органов по репатриации к 1 января 1953 г. в СССР возвратилось 5,5 млн. советских граждан и вернулись на родину около 4 млн. граждан других государств⁴⁴.

Подавляющее большинство советских граждан было репатрировано из западных зон Германии, где они находились в лагерях для военнопленных или в качестве «восточных рабочих». Поступление части советских граждан из советской зоны с задержкой почти на четыре года свидетельствовало об их нежелании побыстрее возвращаться на родину. Большое количество репатрируемых детей говорит не только о том, что они были вывезены с советской территории оккупантами, но и о том, что они рождались в Германии от связей советских женщин с их соотечественниками, немцами или другими иностранцами. Сравнительно большое число украинцев среди репатриантов свидетельствовало о масштабах вывоза оккупантами жителей Украины на работы в Германию, а возможно и добровольном выезде украинцев из западных областей республики. Из иностранных граждан наибольшее количество составляли среди репатриантов интернированные в 1943 г. немецкими властями итальянские военнослужащие и захваченные в плен французские и польские солдаты и офицеры, а также рабочие из этих стран. Количество отправленных в спецлагеря за сотрудничество с врагом, видимо, не отражает масштабов репрессий в отношении этой категории советских граждан.

Немалое место в деятельности советских военных органов в Германии занимали розыски пропавших без вести сотен тысяч советских и иностранных граждан, и обустройство могил умерших, погибших и казненных нацистскими властями. В соответствии с решением Контрольного совета Главного начальствующий СВАГ в своем приказе от 30 декабря 1945 г. потребовал от министров — президентов земель произвести учет всех захороненных граждан Объединенных наций и привести в порядок их могилы. Этот и последующие приказы были выполнены.

К 15 сентября 1947 г. в советской зоне было выявлено 89 320 могил, из них 40 865 могил советских воинов, 37 437 могил гражданских лиц СССР и 11 018 могил граждан других стран, входивших в ООН. В западных зонах, предположительно, было захоронено более 600 тыс. советских граждан (лишь в британской зоне учтено 545 захоронений, где погребено 381 045 советских граждан)⁴⁵.

Поскольку советское правительство считало, что репатриация советских граждан из западных зон к 1948 г. еще не завершена, оно требовало продолжить ее и в последующие годы. В течение 1948 г. было репатрировано всего 595 и в 1949 г. — 460 человек. По состоянию на 1 января 1950 г. в западных зонах, по уточненным данным, находилось еще 137 246 человек, которые, по сведениям советских властей, должны были быть возвращены в СССР как его граждане. С 1949 г. после ликвидации Советской военной администрации этими вопросами стала заниматься Советская контрольная комиссия. По ее данным, из общего числа советских граждан в Западной Германии находилось: русских — 2870, украинцев — 41 905, белорусов — 2839, латышей — 41 111, литовцев — 16 805, эстонцев — 10 566, советских немцев — 1175 и прочих советских граждан — 19 975 человек. Подавляющее большинство их жило в специальных лагерях, 20 403 — на частных квартирах и 603 были осуждены союзными властями к тюремному заключению.

С начала 1950 г. был предпринят секретный вывоз советских граждан при помощи созданной в 1946 г. Международной организации по делам беженцев (ИРО) из Германии в другие страны. Из общего количества 590 тыс. беженцев из разных стран, вывезенных за 26 месяцев, большинство составляли советские граждане (только в 1949 г. их было вывезено 117 599 человек). 10 ноября 1949 г. американская армейская газета «Stars and Stripes» писала, что в США к этому времени прибыло 118 620, в Израиль — 114 319, в Великобританию — 82 725 и Австрию — 80 751 беженцев⁴⁶.

Массовый вывоз перемещенных лиц из Германии в другие страны начался в 1948 г., когда возможности их возвращения на родину были полностью исчерпаны. В июне 1948 г. президент США Г. Трумэн разрешил ввоз в США в течение двух лет 205 тыс., Англия согласилась принять из Германии и Австрии — 150 тыс., Канада — 100 тыс., Австралия — 200 тыс.

перемещенных лиц. На протяжении 1949 г. было переселено из Западной Германии до 200 тыс. человек и оккупационные власти западных держав вели активную агитацию в пользу их выезда, закрывали лагеря и нередко ставили тех беженцев, которые еще не приняли определенного решения, в безвыходное положение.

Начальник отдела СВАГ по репатриации и розыску советских граждан генерал-майор Юркин неоднократно опротестовывал действия западных оккупационных властей, требуя от них, чтобы «всем советским гражданам было оказано полное содействие в возвращении на родину». Поскольку советский представитель отлично знал, что к 1949 г. в Западной Германии оставались только те советские граждане, которые не желали возвращения на Родину, то подобные требования были ничем иным, как попыткой заставить западные оккупационные власти насильно передать этих людей советским властям.

По сведениям советских властей, на протяжении пяти первых послевоенных лет в лагерях Западной Германии существовали многочисленные организации, которые при поддержке военных властей западных держав вели постоянную и небезуспешную агитацию среди советских граждан за невозвращение их на родину. Наиболее влиятельными из них были «Толстовский фонд» — среди русских, Украинская национальная рада — среди украинцев, комитеты латышей, литовцев и эстонцев. Не без основания они утверждали, что родина встретит их не с распростертыми объятиями, а тюрьмами и спецлагерями. В отношении значительной части этих людей советский режим именно так и поступал.

Советское руководство относилось более гуманно к военнопленным противника, нежели к собственным гражданам, вернувшимся из вражеского плена. Они рассматривались как изменники и предатели Родины. Советское правительство тем самым грубо нарушало один из древнейших международных принципов — возвращения на родину и восстановления в правах после плена своих граждан. Плен рассматривался как уголовное преступление. Еще в декабре 1941 г. приказом наркома обороны было установлено, что все освобожденные военнопленные проходят через армейские пересыльные пункты и направляются в спецлагеря НКВД, а раненые размещаются в специальных госпиталях. К ним широко применялись провокационные методы следствия. Их семьи были лишены пособий и льгот. В нарушение норм международного права с середины 1943 г. значительная часть освобожденных военнопленных — офицеров в порядке наказания направлялась в отдельные штурмовые стрелковые батальоны в качестве рядовых и лишь затем если остались в живых восстанавливались в званиях и на штатных должностях.

После окончания войны освобожденные военнопленные сводились в особые батальоны и в принудительном порядке направлялись в отдаленные районы страны на постоянную работу в предприятиях лесной и угольной промышленности. Только 17 сентября 1955 г. была объявлена амнистия советским гражданам, которые в годы войны сотрудничали с оккупантами. В соответствующем указе было сказано: освободить всех, служивших в немецкой армии, полиции и в специальных немецких формированиях; освободить от ответственности советских граждан за границы, служивших в немецкой армии, полиции и специальных формированиях. Амнистия не распространялась лишь на карателей, участвовавших в убийствах.

29 июня 1956 г. ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли постановление «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей». В документе осуждались проявления огульного политического недоверия к бывшим военнопленным, применение к ним необоснованных репрессий и ограничение их прав и провокационные методы следствия. Объявлялись незаконными репрессии в отношении семей военнопленных, практика незаконного разжалования без суда офицеров, бывших в плену и окружении, осуждались препятствия при поступлении их в учебные заведения.

С 1956 г. все дела бывших военнопленных были пересмотрены. Под-

авляющее большинство их реабилитировано. Им были восстановлены воинские звания и пенсии. Тем, кто в плену вел себя достойно, пребывание там засчитывалось в срок службы в армии. Бывшие военнопленные, получившие ранения или совершившие побег из плена, награждались орденами и медалями.

Примечания

1. О чем не говорилось в сводках. М. 1962; Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сб. мат.-лов в семи томах. М. 1958—1961 гг.; Немецко-фашистский оккупационный режим (1941—1944 гг.). М. 1965; Судебный процесс по делу верховного главнокомандования гитлеровского вермахта. Перевод с нем. М. 1964.
2. SH. STREIT. Keine Kameraden. Stuttgart, 1978; LAROCHE G. On les nommait des étrangers. P. 1965; CALLENI M. I partigiani sovietici nella resistenza italiana. Roma. 1967; FRAHLMANN H. Fremdarbeiter und Kriegsgefangene in der deutschen Kriegswirtschaft 1939—1945. Darmstadt, 1968.
3. ПОЛТОРАК А. И., САВИНСКИЙ Л. И. Вооруженные конфликты и международное право. М. 1976; Н. С. АЛЕКСЕЕВ. Злодеяния и возмездие. М. 1986; Гриф секретности снят. М. 1993, и др.
4. STREIM A. Sowjetische Cefangene in Hitlers Vernichtungskrieg. Heidelberg, 1982; U. HERBERT. Fremdarbeiter. Berlin-Bonn. 1985 G. R. UEBERSCHÄR/W WETTE. «Unternehmen Barbarossa». Paderborn. 1984.
5. Die Deutschen Kriegsgefangenen in Jugoslawien 1941—1949. Band 1/1. München, 1962, S. X.
6. См. Новая и новейшая история. 1992, № 3, с. 223; SH. STREIT Op. cit. p. 10.
7. Нюрнбергский процесс... Том VII. М. 1961, с. 373.
8. Die Zeit. März 15. 1985.
9. Нюрнбергский процесс. Том VII, с. 15.
10. U. HERBERT. Op. cit. S. 134.
11. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1983. Band 4, S. 1017, 1019.
12. Ibid. S. 1062.
13. U. HERBERT. Op. cit., S. 135.
14. Die höheren Dienststellen der Deutschen Wehrmacht 1933—1945. München, 1953, S. 104.
15. Hitlerslagebesprechungen. Stuttgart. 1962, S. 260—261. Д. А. Волкогонов не совсем прав, утверждая, что данные о наличии в мае 1943 в вермахте 90 русских батальонов и почти столько же национальных батальонов сильно преувеличены. ВОЛКОГОНОВ Д. Триумф и трагедия. М. 1989, с. 246, 249.
16. W. KEILIG. Das deutsche Heer 1939—1945. Band II. Bad Naumheim. 1963. S. 18—22.
17. G. H. STEIN. Geschichte der Waffen-SS. Düsseldorf. 1978, S. 159. 18. Ibid., S. 167.
19. JÓSEF MACKIEVICZ. Kontra. P. 1957, s. 270.
20. Е. А. БРОДСКИЙ. Живые борются. М. 1965, с. 108—131.
21. N. BETHELL. Das letzte Geheimnis. Darmstadt, 1975, S. 19.
22. Ibid., S. 44. 23. Ibid., S. 48, 61—62.
24. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.). Сб. док. М. 1984, с. 263—279.
25. N. BETHELL. Op. cit., S. 19.
26. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0457 «г», оп. I, порт. 25, п. 8, л. 17. 27. Там же.
28. Там же, л. 18. 29. Там же, порт. 26, п. 8, л. 7
30. Там же, л. 100. 31. Там же, л. 105.
32. Там же, л. 106. 33. Там же, л. 66, 68—70.
34. Там же, л. 36—37. 35. Там же, порт. 25, п. 8, л. 8—11, 35.
36. Там же, порт. 26, п. 8, л. 77—78. 37. Там же, л. 79, 113.
38. Там же, л. 113. 39. Там же, порт. 25, п. 8, л. 28—29.
40. Военно-исторический журнал, 1991, № 8, с. 29.
41. АВП РФ, порт. 25, л. 28—33. 42. Там же.
43. Там же, порт. 26, п. 8, л. 123—124.
44. Великая Отечественная война. 1941—1945. Энциклопедия. М. 1985, с. 609.
45. АВП РФ. порт. 25, п. 8, л. 44—48.
46. Там же, порт. 26, п. 8, л. 18; 24, 25.

Москва, Тверь и Орда в 1300—1339 годах

А. А. Горский

К началу XIV в. в Северо-Восточной Руси сильнейшими княжествами стали Московское и Тверское. Между их князьями развернулась борьба за стол великого княжения Владимирского, обладатель которого считался верховным правителем во всей Северной Руси, включая Новгород Великий. Борьба эта происходила в условиях, когда прерогатива поставления великих князей Владимирских принадлежала ханам Золотой Орды. Естественно поэтому, что князья, претендовавшие на владимирский стол, должны были занимать определенную позицию в отношении Орды.

История Тверского княжества знает такие трагические эпизоды, как казнь в Орде князя Михаила Ярославича (1318 г.), антитатарское восстание и последующий карательный поход на Тверь (1327—1328 гг.), убийство в Орде князя Александра Михайловича и его сына Федора (1339 г.). Эти события произвели сильное впечатление на современников, каждое из них послужило поводом для создания литературных произведений, в которых в той или иной степени выражено отрицательное отношение к ордынскому владычеству¹; Михаил Ярославич позднее был канонизирован. В истории Московского княжества первой половины XIV в. нет ни столь трагических эпизодов, ни памятников литературы с антиордынской окраской. Поэтому неудивительно, что в исторической науке распространено (и фактически становится общим местом) мнение, что тверские князья в первые десятилетия XIV в. тяготились ордынской властью, а то и предпринимали попытки освободиться от нее, московские же князья проводили проордынскую политику². Окажется ли справедливым такой вывод, если рассмотреть отношения тверских и московских князей с Ордой, не ограничиваясь тремя названными наиболее яркими эпизодами?

До 1300 г. Орда в течение двух десятилетий была расколота на две части: Волжскую Орду со столицей в Сарае и Орду Ногая, являвшегося фактически самостоятельным правителем западной части улуса Джучи — от Нижнего Дуная до Днестра³. В Северо-Восточной Руси существовали две противоборствовавшие княжеские группировки: одна, во главе с городецким князем Андреем Александровичем (с 1294 г. — великий князь Владимирский), ориентировалась на волжского хана, другая — на Ногая. Московский князь Даниил Александрович (младший сын Александра Невского, младший брат Андрея Александровича) и его двоюродный брат тверской князь Михаил Ярославич входили во вторую группировку, при

Горский Антон Анатольевич — доктор исторических наук, Институт российской истории РАН.

этом в последние годы XIII в. главенствующее положение в ней занимал Даниил ⁴.

После того как Ногай в 1300 г. потерпел поражение от волжского хана Тохты и погиб ⁵, Орда снова стала единым государством. Князья, ориентировавшиеся на Ногай, вынуждены были признать себя вассалами Тохты, и их союз раскололся: в 1300 г. в Дмитрове состоялся княжеский съезд, на котором Михаил Тверской рассорился с третьим членом коалиции — Иваном Дмитриевичем Переяславским. После этого тверской князь стал союзником великого князя Андрея. Осенью того же года Даниил Александрович ходил походом на Рязанское княжество: «Данило князь московьский приходил на Рязань ратью и билися у Переяславля, и Данило одолѣлъ, много и татар избито бысть, и князя рязаньского Костянтина нѣкакою хитростью ялъ и приведе на Москву» ⁶. Наступательные действия против князя, пользовавшегося военной поддержкой Орды, на его земле аналогий не имеют: даже в период двоевластия в Орде известен только один факт прямого удара по татарскому отряду, но это было действие, предпринятое в защиту своей территории ⁷; позже князья решались только на оборонительные бои против войск, включавших в себя татарские отряды.

15 мая 1302 г. умер бездетный переяславский князь Иван Дмитриевич. После этого великий князь Андрей Александрович послал в Переяславль своих наместников, а сам осенью того же года отправился в Орду за ярлыком на Переяславское княжество. Но в конце 1302 г. Переяславль занял Даниил ⁸. Это являлось нарушением прав великого князя, под чью власть, по традиции, должны были отходить выморочные княжества.

5 марта 1303 г. Даниил Александрович умер, а осенью Андрей возвратился из Орды, после чего в Переяславле состоялся княжеский съезд. По его итогам Переяславль остался за сыном Даниила Юрием (занявшим по смерти отца московский стол), но, по-видимому, с условием, что после смерти Андрея Александровича город отойдет к его преемнику на великокняжеском столе ⁹.

Великий князь Андрей скончался 27 июля 1304 года. Если бы Даниил Московский пережил брата, он, как следующий по старшинству среди князей Северо-Восточной Руси, имел бы преимущественные права на владимирский стол. В сложившейся же ситуации старейшим был Михаил Тверской: он остался единственным внуком князя Ярослава Всеволодича (отца Александра Невского), за потомками которого закрепилось с середины XIII в. великое княжение. Но прерогатива поставления великого князя принадлежала хану Золотой Орды, куда и отправился в том же году Михаил. Следом за ним в Орду двинулся и Юрий, рассчитывая склонить выбор хана в свою пользу. Во время отсутствия Михаила и Юрия тверское войско пыталось взять Переяславль, но было разбито москвичами и переяславцами во главе с братом Юрия Иваном Даниловичем (будущим Калитой) ¹⁰.

Хан Тохта решил вопрос о великом княжении в пользу Михаила. Осенью 1305 г. тверской князь вернулся на Русь и еще в том же году ходил на Москву; результатом этого похода стало, очевидно, признание московским князем прав Михаила на Переяславль ¹¹.

В 1306 г. «князь Юрьи выѣха на Москву съ Рязани, а на осень бысть Таирова рать. Тое же осени князь Александр и Борис (младшие братья Юрия Даниловича.— А. Г.) отѣхали въ Тферь съ Москвы. Тое же зимы князь Юрьи князя Костянтина убиль Рязанского» ¹². В отношении «Таировой рати» исследователи обычно отмечают, что направление ее и цели неясны ¹³; лишь Дж. Феннелл предположил, что «Таирова рать» была связана с визитом Юрия в Рязань и имела целью усилить его позиции на переговорах о присоединении к Московскому княжеству Коломны ¹⁴. Такое предположение подразумевает поддержку в 1306 г. Москвы Ордой. Однако ни в последующие, ни в предшествующие годы факты такой поддержки неизвестны: наоборот, годом ранее Тохта поддержал противника Юрия, Михаила Тверского.

Сразу после «Таировой рати», «тое же осени», отъехали в Тверь братья московского князя — факт беспрецедентный, могущий свидетельствовать

только о крайней непрочности положения Юрия (и непонятный, если допустить его поддержку ханом); зимой 1306/1307 г. Юрий убил рязанского князя, в 1300 г. тесно сотрудничавшего с Ордой. Скорее всего, «Гаирова рать» имела как раз антимосковскую направленность. Дело в том, что Юрий не признал прав Михаила на Новгород Великий: еще в 1307 г. Михаил с Юрием воевали из-за новгородского княжения¹⁵, а окончательно великий князь сел в Новгороде только 14 июля 1308 года¹⁶. Княжение в Новгороде со времен Александра Невского было составной частью прерогатив великого князя Владимирского¹⁷; следовательно, своими действиями Юрий нарушал волю хана, отдавшего великое княжение Михаилу. Это и могло повлечь за собой татарский поход на Московское княжество (или/и на его рязанских союзников¹⁸).

После вокняжения Михаила в Новгороде он еще раз ходил на Москву. К этому времени великий князь утвердился в обоих пунктах, за которые с ним пытался бороться Юрий, — Переяславле и Новгороде. По-видимому, теперь он рассчитывал окончательно сокрушить своего соперника и, возможно, посадить на московский стол одного из отъехавших в Тверь братьев Юрия. Но бой у стен Кремля 25 августа 1308 г. («на память святого апостола Тита») не принес Михаилу успеха¹⁹.

Вскоре Юрий Данилович овладел Нижегородским княжеством, оставшимся выморочным после кончины князя Михаила Андреевича (сына Андрея Александровича)²⁰. Тем самым московский князь вновь пытался присвоить себе права великого князя. Основанием для притязаний на Нижний Новгород было то, что Даниловичи оказались ближайшими родственниками — двоюродными братьями умершего князя. В 1311 г. старший сын Михаила Ярославича Дмитрий двинулся на Нижний Новгород «на князя на Юрия», но эта попытка была парализована митрополитом всея Руси Петром, «не благословившим» Дмитрия во время его нахождения во Владимире²¹.

Митрополит Петр был поставлен в Константинополе в 1308 г., причем патриарх предпочел его другому кандидату — ставленнику Михаила Ярославича Геронтию. По приезде в Северо-Восточную Русь в 1309 г. Петр был обвинен союзником Михаила тверским епископом Андреем в симонии (поставлении на церковные должности за мзду). Обвинение разбиралось в присутствии посланника патриарха на соборе в Переяславле; Петр был оправдан, причем, по-видимому, во многом благодаря поддержке московских князей²². «Житие» Петра свидетельствует, что великий князь Михаил находился во время Переяславского собора в Орде²³. Очевидно, там он был и во время похода своего сына на Нижний Новгород: в противном случае необъяснимо, почему это предприятие возглавил не Михаил (это было бы естественно, так как в Нижнем находился сам Юрий), а 13-летний княжич. Переяславский собор датируется концом 1309 г.²⁴, а поход Дмитрия — началом 1311 года²⁵. Вряд ли можно предполагать два визита Михаила в Орду с небольшим интервалом, по-видимому, была одна длительная, с конца 1309 по 1311 г., поездка. Скорее всего, она была связана с захватом Юрием Даниловичем Нижнего Новгорода²⁶. Поскольку Нижегородское княжество (бывшее Городецкое) было отчиной дяди Юрия и политического противника его отца — Андрея Александровича, предшественника Михаила Ярославича на великокняжеском столе, московский князь придавал большое значение такому приобретению. Пребывание Михаила в Орде затянулось, предполагаемая военная поддержка оттуда не приходила, и правящие круги Тверского княжества совершили в 1311 г. попытку своими силами изгнать московского князя из Нижнего Новгорода.

В 1312 г. Михаил был уже на Руси²⁷, и данных о том, чтобы он получил военную помощь Орды против Юрия, нет. Но все же можно полагать, что безрезультатной поездка великого князя не была. В 1312 г. митрополит Петр «сня сань» с сарайского епископа Измаила²⁸. Измаил известен как проводник политики Тохты: в 1296 г. он вместе с ханским послом Неврюем участвовал в княжеском съезде во Владимире, где разбирались споры противоборствующих группировок²⁹. В Сарай Петр в 1312 г. не ездил,

следовательно, его конфликт с Измаилом имел место на Руси. Возможно, сарайский епископ приехал в качестве посланника хана с целью оказать воздействие на Юрия и лишение его сана дружественным Москве митрополитом было вызвано антимосковской позицией Измаила.

В августе 1312 г. умер Тохта³⁰. В следующем году, после восшествия на престол нового хана — Узбека, великий князь Михаил, как это было принято в подобных случаях, отправился в Орду³¹. Юрий получил, казалось бы, шанс оспорить в данной ситуации великое княжение. Но московский князь, очевидно, опасаясь расправы за свое неподчинение прежнему хану, в Орду не поехал. Михаил вновь задержался в Орде надолго, и в его отсутствие Юрий возобновил борьбу за Новгород Великий, где у него было немало сторонников. В 1314 г. он прислал туда своего подручного князя Федора Ржевского; наместники Михаила были схвачены, а новгородцы с Федором двинулись к Волге. Навстречу им выступил Дмитрий Михайлович. Войска простояли друг против друга «до замороза», после чего был заключен мир, по которому Новгород отходил к Юрию; зимой 1314—1315 гг. московский князь приехал туда «на столъ» с братом Афанасием³².

Новое посягательство Юрия на права великого князя привело к тому, что он был вызван ханом в Орду и 15 марта 1315 г. выехал из Новгорода. С Юрием отправились и его сторонники из числа новгородских бояр³³, очевидно, рассчитывавшие добыть в Орде для московского князя ярлык на новгородское княжение (а может быть, и на владимирский стол). Между Михаилом и Юрием в Орде «бывши прѣ велице»³⁴. Узбек принял решение в пользу Михаила: осенью 1315 г. великий князь после двухлетнего пребывания в Орде пришел на Русь в сопровождении посла Таитемера, возглавлявшего крупный татарский отряд. 10 февраля 1316 г. Михаил и Таитемер разбили под Торжком новгородцев во главе с Афанасием Даниловичем. Новгородцы вынуждены были выдать Афанасия и Федора Ржевского и принять наместников Михаила³⁵.

Победа великого князя казалась полной. Но новгородцы в 1316 г. вновь выступили против него. На этот раз поход Михаила окончился неудачей³⁶. А на следующий год обстановка коренным образом изменилась: Юрий, женившийся за время пребывания в Орде на сестре Узбека Кончаке (приняла православие под именем Агафьи), получил ярлык на великое княжение и двинулся на Русь с послом Кавгадыем³⁷. Лишение князя владимирского стола при жизни и при отсутствии каких-либо признаков неподчинения с его стороны хану — факт почти исключительный³⁸. Вероятно, главную роль здесь сыграли опасения Узбека в связи с чрезмерным усилением Михаила; можно полагать, что имели также значение влияние на хана его сестры и поддержка (в первую очередь материальная) Юрия новгородцами, окончательно рассорившимися с Михаилом после битвы под Торжком, где пало много видных новгородских бояр.

Михаил встретил Юрия и Кавгадыя у Костромы. Здесь после переговоров он признал переход великого княжения к Юрию («съступися великаго княжения Михаилъ князь Юрию князю») и уехал в Тверь³⁹. Но подобно тому, как в 1308 г. Михаил стремился добить побежденного соперника и ходил на Москву, так теперь и Юрий не удовлетворился достигнутым. В конце 1317 г. он вместе с Кавгадыем стал разорять Тверское княжество⁴⁰. Михаил попробовал вести переговоры, но безуспешно: послы от Кавгадыя приезжали «все съ лестию (неискренне.— А. Г.) и не бысть межи ими мира». В конце концов тверской князь вынужден был оказать сопротивление. 22 декабря 1317 г. у села Бортенево (в 40 км от Твери) он нанес Юрию поражение: новый великий князь бежал в Новгород, его жена и брат Борис попали в плен. Кавгадыю пришлось пойти на почетную капитуляцию: он «повелѣ дружинѣ своей стяги поврѣщи», а наутро заключил мир с Михаилом и отправился вместе с ним в Тверь. Тверской князь явно не желал ссориться с ханом: он «почтил» Кавгадыя и отпустил⁴¹.

Вскоре, в начале 1318 г., Юрий выступил на Михаила вместе с новгородцами. Был заключен мир, по которому князья договорились, что оба пойдут в Орду⁴². В сохранившемся тексте договора Михаила с Юрием

и Новгородом Юрий именуется «великим князем», а Михаил — просто «князем»⁴³. Таким образом, Михаил, несмотря на одержанную военную победу, не оспаривал у Юрия великого княжения: он только защитил свое Тверское княжество⁴⁴.

Тем временем жена Юрия, Кончака-Агафья, умерла в тверском плену, и появилась версия, что она была отравлена⁴⁵. Вряд ли это было так на самом деле⁴⁶: Михаил не стремился создавать себе новые сложности в отношениях с Ордой; хватало и того, что ему пришлось биться с войском, в состав которого входил татарский отряд. В том же 1318 г. Юрий и Кавгадый отправились в Орду. Прибыл туда по требованию хана и Михаил. В Орде ему были предъявлены обвинения в невыплате дани, сопротивлении ханскому послу и смерти Кончаки. 22 ноября 1318 г. Михаил Ярославич с санкции Узбека был казнен⁴⁷.

Юрий Данилович выступал одним из обвинителей Михаила, однако не был, по-видимому, самым активным участником трагедии⁴⁸. Даже пространная редакция «Повести о Михаиле Тверском», созданная в Твери вскоре после описываемых событий (скорее всего, духовником Михаила игуменом Александром) и изображающая Юрия в исключительно черных красках, называет главным виновником случившегося не его, а Кавгадыя⁴⁹. Казнь Михаила была предопределена, скорее всего, не утайкой дани (об обоснованности этого обвинения данных нет⁵⁰), а оскорбительными для Узбека фактами смерти в тверском плену его сестры и пленения ханского посла (последнего, разумеется, не мог простить и сам Кавгадый).

В 1321 г. Юрий двинулся на Тверское княжество. Дмитрий Михайлович и его братья вынуждены были заплатить требуемую великим князем для передачи в Орду дань, а Дмитрий обязался не оспаривать у Юрия великое княжение⁵¹. Но дальше произошло неожиданное: вместо того, чтобы отправиться навстречу ханскому послу и передать ему собранную дань, Юрий зимой 1321—1322 гг. уехал в Новгород⁵². В историографии нет единого мнения о мотивах поступка великого князя. А. Е. Пресняков и А. Н. Насонов полагали, что Юрий стремился соблюсти свое право непосредственно выплачивать «выход» Орде⁵³. Л. В. Черепнин, напротив, предположил, что Юрий «сделал попытку освободиться от тягостной опеки Орды»⁵⁴. По мнению Э. Клюга, Юрий скрылся в Новгороде от посла, которым был Ахмыл, дружественно настроенный к Твери⁵⁵. Последнее предположение наименее вероятно, так как Ахмыл был послан на Русь позже; имени посла, навстречу которому не поехал Юрий, источники не называют⁵⁶. К тому же кем бы ни был посол, направлявшийся к великому князю за «выходом», угрозы для него он не представлял. Права самостоятельного сбора дани Юрия никто не намеревался лишать: посол должен был только взять уже собранный «выход» и отвезти в Орду. Но даже если считать, что поступок Юрия был вызван нежеланием вносить «выход» через посла, это все равно является нарушением воли хана, направившего этого посла. Надо полагать, великий князь сознательно пошел на неподчинение Орде.

Поступком Юрия воспользовался Дмитрий Михайлович Тверской. Уже в марте 1322 г. он поехал в Орду⁵⁷. Узбек сначала отправил «по Юрия князя» посла Ахмыла; с ним был вынужден пойти брат Юрия Иван⁵⁸. Ахмыл «много створи пакости... много посъче христьянь, а иных поведе въ Орду». Юрий отправился из Новгорода в Северо-Восточную Русь, но по дороге на него напал брат Дмитрия Александр Михайлович; обоз великого князя достался нападавшим, а сам Юрий бежал в Псков, откуда вернулся в Новгород⁵⁹. Целью поездки Юрия в Северо-Восточную Русь явно была встреча с Ахмылом⁶⁰, но в результате тот возвратился в Орду, так и не встретившись с Юрием, и тогда осенью 1322 г. Узбек отдал великое княжение Дмитрию Михайловичу. Зимой он пришел на Русь с послом Севенчбугой и занял владимирский стол⁶¹.

В 1322—1324 гг. Юрий Данилович находился в Новгороде. 12 августа 1323 г. он заключил со Швецией Ореховецкий договор, определивший шведско-новгородскую границу. Примечательно, что в этом договоре Юрий именуется «великим князем»⁶². О передаче великого княжения Дмит-

рию было, конечно, уже давно известно. Следовательно, московский князь пошел на то, на что не решился Михаил Ярославич в 1317—1318 гг.: вопреки воле хана он продолжал считать себя великим князем и выступал в этом качестве в международных переговорах. Юрий явно не намеревался расставаться с новгородским столом и тем самым самовольно сохранял за собой часть великокняжеских прерогатив.

В 1324 г. Юрий с новгородцами совершил поход на Устюг. Город был взят, и устюжские князья вынуждены были заключить мир⁶³. Мнение, что Юрий действовал в ордынских интересах⁶⁴, основано на словах Никоновской летописи XVI в.: «И докончаша мир по старинѣ и выходъ давати по старинѣ во Орду»⁶⁵. Согласно ранним летописным источникам, стороны «докончаша миръ по старои пошлине»; об ордынском выходе в них ничего не говорится⁶⁶. Термин «пошлина» в новгородских памятниках употреблялся для обозначения договорных обязательств, в которых одной из сторон выступал Новгород⁶⁷. Следовательно, речь шла о защите интересов Новгорода, а не Орды. Вызван поход был тем, что в предыдущем году устюжане схватили и ограбили новгородцев, ходивших на Югру⁶⁸.

С Двины Юрий, не возвращаясь в Новгород, по Каме отправился в Орду. Туда же в 1325 г. прибыли Дмитрий и Александр Михайловичи. В том же году «приде изъ Орды князь Олександръ Михайловичъ, и татарове с ним должници, и много бысть тягости на Низовьской земли»⁶⁹. Александр, таким образом, выполнял поручение хана, как бы замещая брата, задержанного вместе с Юрием при ханском дворе.

Несмотря на то, что вина Юрия перед ханом представлялась очевидной (налицо было невыплата дани и неподчинение ханскому решению о передаче великого княжения Дмитрию), Узбек все же медлил; возможно, его удерживало то, что Юрий был прежде его зятем. Тогда Дмитрий Михайлович и «без цесарева слова» убил Юрия. Это случилось 21 ноября 1325 г.⁷⁰ — накануне седьмой годовщины гибели Михаила Тверского. Узбек не простил Дмитрию самосуда, и 15 сентября 1326 г. казнил великого князя⁷¹. Несмотря на то, что в 1326 г. в Орде побывал Иван Данилович⁷², великим князем Узбек поставил не его, в Александра Михайловича⁷³. Этот шаг, кажущийся на первый взгляд лишь проявлением особой изощренности хана (одного брата убил, другого обласкал)⁷⁴, был на самом деле вполне логичен⁷⁵. Московские князья не оправдали доверия Узбека: Юрий Данилович дважды пошел на неподчинение хану. Тверские же князья выполняли свои обязанности перед Ордой⁷⁶, а лично Александр продемонстрировал свою покорность в предыдущем году.

Александр Михайлович вернулся на Русь, а вскоре произошло событие, круто и надолго изменившее соотношение сил в пользу Москвы. 15 августа 1327 г. в Твери поднялось восстание против татар, пришедших туда с послом Шевкалом (Чолханом, двоюродным братом Узбека); татарский отряд был перебит. Это событие отражено в нескольких разнящихся между собой летописных рассказах (в так наз. «Повестях о Шевкале») и фольклорном произведении — «Песне о Щелкане»⁷⁷. Источниковедческие исследования⁷⁸ показали наличие в этих памятниках поздних наслоений. Это касается, во-первых, представления об экстраординарности миссии Чолхана, якобы имевшего целью погубить «князя великого Александра» и «всѣхъ князей Рускихъ», «разорить христианство» (тверская версия)⁷⁹, самому сесть в Твери на княжение, посадить в других русских городах татарских князей, а население обратить в мусульманскую веру (версия, восходящая к своду — протографу Новгородской IV и Софийской I летописей); во-вторых, изображение восстания как настоящего сражения с татарами войска, возглавлявшегося князем Александром (вторая версия)⁸⁰. Ранние, достоверные свидетельства о восстании содержатся в Новгородской I летописи старшего извода⁸¹ и второй части «тверской» версии, дошедшей в составе Рогожского летописца и Тверского сборника⁸².

Прибытие на Русь отряда Чолхана не представляло собой ничего необычного. Сопоставление даты восстания (15 августа 1327 г.) со временем прибытия на Русь Александра Михайловича в качестве великого князя (не

ранее зимы 1326—1327 гг., так как Дмитрий был казнен 15 сентября 1326 г.) заставляет предполагать, что Чолхан был либо тем послом, который пришел вместе с Александром для утверждения нового великого князя на столе⁸³, либо прибыл несколько позже для взимания поборов в счет уплаты за великокняжеский ярлык Александра. Что касается характера восстания, то, согласно тверской версии, оно имело стихийный характер, будучи ответом на чинившиеся татарами притеснения⁸⁴, а по новгородской — инициатива избиения татар исходила от великого князя⁸⁵. Последнее может быть интерпретацией новгородского летописца — современника событий, сделанной в начале 30-х годов XIV в., когда Александр сел во Пскове в качестве вассала великого князя Литовского Гедимина и Псков, таким образом, вышел из-под влияния Новгорода (признавшего своим сюзереном тогдашнего великого князя Владимирского Ивана Калиту, а следовательно, и ордынского хана)⁸⁶. Но не исключено, что данное известие отображает тот факт, что Александр в условиях вспыхнувшего восстания, поняв необратимость случившегося (а также будучи оскорблен поведением ордынцев), поддержал тверичей.

Иван Калита, узнав о происшедшем, отправился в Орду. Узбек послал на Тверь зимой 1327—1328 гг. крупное войско; московский князь шел вместе с ним. Тверское княжество подверглось сильному разорению. Александр Михайлович бежал в Новгород; новгородцы его не приняли, и тогда он отправился во Псков⁸⁷. По вопросу о великом княжении Узбек принял неординарное решение: власть была поделена между двумя князьями. Ивану Калите достались Новгород и Кострома, а суздальскому князю Александру Васильевичу — Владимир и Поволжье⁸⁸. Очевидно, имевшие место акты неповиновения великих князей Владимирских (Юрия Даниловича и Александра Михайловича) привели хана к мысли о нежелательности усиления одного князя, которое неизбежно происходило при единоличном властвовании его во всем великом княжестве.

В 1329 г. Иван Калита двинулся на Псков против Александра Михайловича. Тот вынужден был бежать в Литву, но спустя два года вернулся оттуда и сел во Пскове «из руки» великого князя Литовского Гедимина⁸⁹. Здесь он княжил шесть лет.

Иван Калита, сумевший путем щедрых даров и обещания больших выплат получить после смерти Александра Васильевича Суздальского в 1331 г. все великое княжение⁹⁰, и ставший тверским князем следующий по старшинству сын Михаила Ярославича — Константин в последующие годы соблюдали полную лояльность к Орде⁹¹. В 1337 г. Александр Михайлович приехал из Пскова в Орду и повинился перед Узбеком⁹². Хан простил Александра и пожаловал ему тверское княжение; в следующем году Александр приехал в Тверь с татарскими послами, сотворившими много «тягости христианомъ» (т. е. взимавшими поборы в уплату за ярлык, выданный князю). Но в 1339 г. Александр Михайлович был вызван Узбеком в Орду и там казнен вместе со своим сыном Федором⁹³.

По-видимому, главной причиной резкой перемены отношения хана к тверскому князю были его литовские связи⁹⁴. В 1338 г. между Ордой и Литвой началась война, и Узбек в следующем году предпринял действия как против Александра, шесть лет бывшего псковским вассалом Гедимина, так и против смоленского князя Ивана Александровича, признававшего сюзеренитет великого князя Литовского: на Смоленск совершило поход (безуспешный) большое войско во главе с Товлубием (приближенным хана, руководившим перед этим казнью Александра и Федора) и Иваном Калитой⁹⁵. Великий князь, видя в возвращении Александра опасность для своей власти, был заинтересован в его гибели. Иван с сыновьями побывал в Орде перед поездкой туда Александра⁹⁶.

Историю отношений московских и тверских князей с Ордой в первые четыре десятилетия XIV в. можно разделить на пять периодов.

1. 1300 г. (восстановление единства Орды) — 1305 г. (получение Михаилом Ярославичем великого княжения). В этот период тверской князь являлся союзником верного вассала хана Тохты великого князя Андрея Алексан-

дровича, тогда как Даниил Московский совершает действия, «нелояльные» по отношению к Орде: разбивает татарский отряд, действовавший на стороне рязанского князя, захватывает Переяславль, который по праву должен был отойти к великому князю. В 1304—1305 гг. и Михаил Тверской, и новый московский князь Юрий Данилович стараются добиться милости хана и получить великое княжение.

2. 1305—1317 гг. (великое княжение Михаила Ярославича Тверского). В это время Михаил является верным вассалом Орды. Неизвестно ни одного его действия, имевшего прямую или косвенную антиордынскую направленность. Юрий Данилович постоянно ведет борьбу с Михаилом, оспаривая часть его великокняжеских прав: княжение в Новгороде Великом (до 1308 и в 1314—1315 гг.), выморочное Нижегородское княжество (1309—1311 гг.)⁹⁷. Вражда с Михаилом влечет за собой недружелюбие хана: против московских князей были организованы, по-видимому, два ордынских похода — в 1306 («Таирова рать») и 1315—1316 гг. (поход Михаила и Таитемера на Афанасия Даниловича и новгородцев). Московский князь не пытается домогаться в Орде ярлыка на великое княжение: он не едет туда при воцарении нового хана, а в 1315 г. отправляется не по своей воле, а по требованию Узбека. В сложившейся ситуации, однако, московский князь предпринимает все, чтобы заслужить ханскую милость. Нет никаких данных о поддержке Ордой Москвы до получения Юрием в 1317 г. ярлыка на великое княжение (исключая, возможно, временное оставление за Юрием Даниловичем Переяславля в 1303 г.)⁹⁸.

3. 1317—1318 годы. Михаил Ярославич подчиняется ханскому решению о передаче Юрию Даниловичу великого княжения, но оказывает сопротивление (как и Юрий в 1305 и 1308 гг.) вторжению в свое собственное княжество. «Слишком» решительная победа, одержанная им при этом, унижение, испытанное ордынским послом, и смерть в тверском плену ханской сестры решают судьбу Михаила. Вина Юрия состояла в том, что он поддерживал обвинение. Исходя из нравов княжеской среды того времени, вряд ли можно было ожидать от московского князя иного: Михаил был его злейшим врагом, не раз наводившим на него с братьями татарские войска, добивавшимся его свержения (и, вероятно, гибели) в 1308 году⁹⁹.

Подводя итоги деятельности Михаила Ярославича, можно утверждать, что характеристика его как борца с ордынским игом ошибочна: тверской князь оказал сопротивление только однажды, когда попал в безвыходное положение, грозившее ему гибелью; при этом он сделал все возможное, чтобы не обострять отношений с ханом. Действия Михаила в 1317 г. были несколько не более «антиордынскими», чем действия Афанасия Даниловича в 1316 г. (отличие состояло в том, что Михаил одержал победу, а Афанасий потерпел поражение) и Даниила Александровича в 1300 г., когда тот осмелился биться с татарами, не угрожавшими его владениям. Мученическая смерть Михаила и панегирическое изображение этого князя в сочинении, написанном его духовником, не должны заслонять того факта, что Михаил не только никогда не помышлял о ликвидации ордынской власти над Русью, но и в течение 12 лет своего великого княжения ни разу не противился ханской воле¹⁰⁰.

4. 1319—1327 годы. Тверские князья в этот период ведут себя лояльно по отношению к Орде. Дмитрий Михайлович по своей инициативе отправляется туда с жалобой на Юрия, его брат Александр препятствует попытке великого князя оправдаться перед ханом, и в результате Дмитрию достается великое княжение. Нарушением воли Узбека является убийство Дмитрием Юрия, вызванное стремлением отомстить за отца и устранить соперника; но, очевидно, тверской князь рассчитывал на прощение ему самосуда, так как Юрий был виноват перед ханом. Что касается Юрия Даниловича, то он в 1322—1323 гг. идет сначала на неуплату собранной дани, а затем на непризнание ханского решения о лишении его великокняжеских прав. (Михаил Ярославич таких проступков против сюзерена не совершал.)

Говоря о деятельности Юрия за 1303—1325 гг., следует отметить, что осознанного стремления сбросить иноземную власть в его действиях не

просматривается. Борясь в период великого княжения Михаила за первенство среди князей Северо-Восточной Руси, Юрий не пытался самостоятельно полностью овладеть великим княжением, право распоряжения которым принадлежало хану: он старался отнять у великого князя лишь часть его прерогатив (княжение в Новгороде, право на выморочные княжества). Когда представилась возможность получить в Орде все великое княжение, Юрий ее использовал. Однако вскоре он осмелился не подчиниться воле хана, а утратив ярлык, продолжал считать себя великим князем и княжить в Новгороде. В целом элементы сопротивления воле (именно воле, а не власти в принципе) Орды в деятельности Юрия Даниловича можно заметить в намного большей степени, чем у Михаила Ярославича Тверского.

5. 1327—1339 годы. В результате тверского восстания 1327 г. Александр Михайлович оказался (больше волею обстоятельств, чем своей) виноватым перед ханом. После 1327 г. ни его преемник на тверском столе Константин, ни сам Александр по возвращении в Тверь в 1337 г. не проявляли нелояльности к Орде; гибель Александра в 1339 г. не была связана с какими-либо антиордынскими настроениями тверского князя. Иван Калита, в отличие от своего старшего брата, был в период своего самостоятельного княжения верным вассалом хана. Дважды — в 1327 и 1339 гг. — его визиты в Орду способствовали нанесению ударов по Твери и ее князьям.

Подведем итоги. Мнение, что московские и тверские князья в первые десятилетия XIV в. проводили две принципиально разные политики по отношению к Орде (первые — откровенно проордынскую, вторые — более независимую), не соответствует фактам. И те и другие не подвергали сомнению сюзеренитет ханов над русскими землями. При этом до 1325 г., в последние годы княжения Даниила Александровича и в княжение Юрия Даниловича, московские князья многократно проявляли косвенное неподчинение ханской воле, оспаривая часть великокняжеских прерогатив, предоставленных их противникам правителями Орды, а Юрий Данилович, став великим князем, дважды пошел на прямое неподчинение хану. Очевидно, по меньшей мере два раза — в 1306 и 1315—1316 гг. — Орда направляла против московских князей войска; также не менее двух раз — в 1300 и 1316 гг. — московские князья вступали в военные столкновения с татарами¹⁰¹. У тверских князей за тот же период известен только один случай неповиновения (1317 г.), связанный с защитой своего княжества в условиях, когда Михаил Ярославич подчинился ханскому решению о передаче его противнику великого княжения. Позднее, во второй половине 20-х — 30-х годах XIV в. московский князь Иван Калита соблюдал полную лояльность к Орде. Тверские князья проявили неподчинение еще однажды — в 1327 г.; это, однако, не было продиктовано сознательным стремлением свергнуть иноземную власть.

Примечания

1. См.: ЧЕРЕПНИН Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV — XV вв. М. 1960, с. 468 — 472, 476—497, 507—508; КУЧКИН В. А. Повести о Михаиле Тверском. М. 1974.
2. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Соч. Т. 2. М. 1988, с. 19—20; САФАРГАЛИЕВ М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск. 1960, с. 66; КУЧКИН В. А. Ук. соч., с. 274—275; ЛУРЬЕ Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л. 1976, с. 36, 259; ЮРГАНОВ А. Л. У истоков деспотизма. В кн.: История Отечества: Люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — начала XX в. М. 1991, с. 46—59.
3. ЕГОРОВ В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М. 1985, с. 33—36, 200—201.
4. НАСОНОВ А. Н. Монголы и Русь. М.—Л. 1940, с. 69—80; КУЧКИН В. А. Роль Москвы в политическом развитии Северо-Восточной Руси конца XII в. В кн.: Новое о прошлом нашей страны. М. 1967, с. 59—64.
5. ТИЗЕНГАУЗЕН В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб. 1884, с. 113; т. 2. М.—Л. 1941, с. 70—71.

6. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 1. М. 1962, стб. 485—486. О датах событий 1300—1306 гг. см.: БЕРЕЖКОВ Н. Г. Хронология русского летописания. М. 1963, с. 119—120, 122—123, 351.
7. В 1285 г. великий князь Дмитрий Александрович (ум. 1294), старший брат Даниила и Андрея, прогнал царевича, пришедшего из Волжской Орды (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. Пг. 1915, с. 246; т. 5. СПб. 1851, с. 201).
8. ПСРЛ. Т. 1, стб. 486; ПРИСЕЛКОВ М. Д. Троицкая летопись. М.—Л. 1950, с. 350; КУЧКИН В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М. 1984, с. 128—130.
9. ПРИСЕЛКОВ М. Д. Ук. соч., с. 351; ПСРЛ. Т. 18. СПб. 1913, с. 85—86; КУЧКИН В. А. Формирование, с. 129—131.
10. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (НПЛ). М.—Л. 1950, с. 92; ПСРЛ. Т. 18, с. 86; ПРИСЕЛКОВ М. Д. Ук. соч., с. 351—352.
11. ПСРЛ. Т. 18, с. 86; КУЧКИН В. А. Формирование, с. 132—139.
12. ПСРЛ. Т. 18, с. 86.
13. НАСОНОВ А. Н. Ук. соч., с. 81; ЕГОРОВ В. Л. Ук. соч., с. 205.
14. FENNELL J. L. I. The Emergence of Moscow. 1304—1359. Lnd. 1968, p. 66.
15. КУЧКИН В. А. Формирование, с. 136—138.
16. НПЛ, с. 92; *Russia mediaevalis*. Т. VII, 1. München, 1992, S. 93—94, прим. 39.
17. См. ЯНИН В. Л. Новгородские посадники. М. 1962, с. 143—144.
18. Ими были, по-видимому, враждебные Константину сыновья его брата Ярослава Романовича (см.: ЭКЗЕМПЛЯРСКИЙ А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 год. Т. 2. СПб. 1891, с. 574—577).
19. ПСРЛ. Т. 18, с. 87. О дате см.: БЕРЕЖКОВ Н. Г. Ук. соч., с. 19, 27, 351.
20. КУЧКИН В. А. Формирование, с. 209—211.
21. ПСРЛ. Т. 18, с. 87; ПРИСЕЛКОВ М. Д. Ук. соч., с. 354.
22. ГОЛУБИНСКИЙ Е. Е. История русской церкви. Т. 2. Первая половина. М. 1900, с. 99—113; КУЧКИН В. А. «Сказание о смерти митрополита Петра». В кн.: Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 18. М.—Л. 1962, с. 68, 76.
23. СЕДОВА Р. А. Святитель Петр, митрополит московский, в литературе и искусстве Древней Руси. М. 1993, с. 25.
24. См.: КЛЮГ Э. Княжество Тверское (1247—1485 гг.). Тверь. 1994, с. 135, прим. 22. Ранее собор обычно датировали 1310 или 1311 годом.
25. 21 марта 1311 г. митрополит Петр, находясь в Твери, поставил епископом в Ростов Прохора (см.: КЛЮГ Э. Ук. соч., с. 135—136, прим. 24), а сообщение о походе Дмитрия Михайловича предшествует известию об этом событии (ПСРЛ. Т. 18, с. 87); следовательно, поход состоялся не позже февраля — начала марта.
26. Одновременно с Михаилом в Орде побывал с жалобой еще один князь — Василий Александрович Брянский: его согнал с княжения в 1309 г. дядя — Святослав Глебович, очевидно, при поддержке Юрия Даниловича. С приданными ему татарскими войсками Василий в 1310 г. вернул себе брянский стол (*Russia mediaevalis*. Т. VII, 1. S. 94—105).
27. НПЛ, с. 94.
28. ПСРЛ. Т. 18, с. 87.
29. ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1, с. 249; т. 5, с. 202.
30. Согласно продолжателю Рашид-ад-дина, Тохта скончался на пути «в сторону урусов» (ТИЗЕНГАУЗЕН В. Г. Ук. соч. Т. 2, с. 1411). Ранее я разделял основывающееся на этом сообщении мнение, что хан собирался в поход на Русь (НАСОНОВ А. Н. Ук. соч., с. 79; ЕГОРОВ В. Л. Ук. соч., с. 205) и предположил, что поход этот должен был быть против Юрия Даниловича (*Russia mediaevalis*. Т. VII, 1. S. 107). Но известие продолжателя Рашид-ад-дина (автора первой половины XV в.) восходит к непереуведенной на европейские языки «Истории Улджаиту» аль-Кашани (современника событий начала XIV века). А в этом источнике говорится, что Тохта заболел и умер на пути в свой «главный юрт» (АЛЬ-КАШАНИ. Тарих-е Улджаиту. Тегеран. 1969, с. 144. На перс. яз. Переводом этого места автор обязан А. П. Новосельцеву). Отсюда следует, что «сторона урусов» появилась под пером продолжателя Рашид-ад-дина, и похода хана на Русь не предполагалось.
31. ПСРЛ. Т. 18, с. 87.
32. НПЛ, с. 94.
33. Там же; ПСРЛ. Т. 18, с. 88.
34. ПСРЛ. Т. 5, с. 208.

35. НПЛ, с. 95; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 36; т. 18, с. 88.
36. НПЛ, с. 95; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 36; т. 18, с. 88.
37. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 36—37; т. 18, с. 88.
38. С ним сопоставимо только отнятие ханом Туда-Менгу великого княжения у Дмитрия Александровича в 1281 году (ПСРЛ. Т. 18, с. 78), но тогда гнев хана могло вызвать то, что после его воцарения Дмитрий не явился в Орду почтить ее нового правителя, как то было принято.
39. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 37.
40. Там же, стб. 37—38; т. 18, с. 88; НПЛ, с. 96.
41. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 37—38.
42. НПЛ, с. 96; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 38.
43. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л. 1949, с. 25—26. № 13.
44. А. Н. Насонов полагал, что Михаил после своей победы вновь занял территорию великого княжества Владимирского (НАСОНОВ А. Н. Ук. соч., с. 85). Но при этом он исходил из мнения издателей договора Михаила с Новгородом в «Собрании государственных грамот и договоров», полагавших, что в утраченном месте текста перед словами «князем с Михаилом» стоит слово «великимь» (в этом случае получалось бы, что и Юрий и Михаил поименованы в договоре великими князьями); в действительности оно там не помещается (см.: ЧЕРЕПНИН Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Т. 1. М. 1948, с. 291, 293—294; Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с. 25, прим. 1). Сообщение о пребывании Михаила в 1318 г. во Владимире не дает оснований считать, что он выступал как великий князь: он просто останавливался там по пути в Орду (ПСРЛ. Т. 5, с. 210). Поскольку его поездка совершалась по воле хана и соответствовала договоренности с Юрием, наместники последнего во Владимире не имели оснований препятствовать Михаилу в проезде через столицу (сам великий князь уже был в это время в Орде).
45. НПЛ, с. 96; ПСРЛ. Т. 15, с. 88; ПРИСЕЛКОВ М. Д. Ук. соч., с. 356.
46. Ср. КЛЮГ Э. Ук. соч., с. 108.
47. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 38—40; т. 5, с. 210—214; КУЧКИН В. А. Повести о Михаиле Тверском, с. 211—265.
48. Ср.: НАСОНОВ А. Н. Ук. соч., с. 88.
49. См.: КУЧКИН В. А. Повести о Михаиле Тверском, с. 224—234, 248—250.
50. НАСОНОВ А. Н. Ук. соч., с. 86, прим. 5. На суде Михаил утверждал, что выплатил все положенное (ПСРЛ. Т. 5, с. 211).
51. НПЛ, с. 96; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 41. Нежелание тверских князей платить дань великому князю не означает, что они вообще не хотели вносить «выход» в Орду: вопрос стоял о том, как они будут это делать — самостоятельно или через великого князя (ПРЕСНЯКОВ А. Е. Ук. соч., с. 132—133).
52. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 41: «Князь Юрии... не шель протива царева посла, нь ступиль съ сребромъ въ Новгородъ Великийи» (ср.: Т. 18, с. 89).
53. ПРЕСНЯКОВ А. Е. Образование Великорусского государства. Пг. 1918, с. 133; НАСОНОВ А. Н. Ук. соч., с. 90.
54. ЧЕРЕПНИН Л. В. Образование Русского централизованного государства, с. 474.
55. КЛЮГ Э. Ук. соч., с. 114, прим. 129.
56. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 41; НАСОНОВ А. Н. О тверском летописном материале в рукописях XVII века. В кн.: Археографический ежегодник за 1957 г. М. 1958, с. 37.
57. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 42; НАСОНОВ А. Н. О тверском летописном материале, с. 37; КЛЮГ Э. Ук. соч., с. 115, 145, прим. 130.
58. Иван Данилович находился в Орде с 1320 года (ПСРЛ. Т. 18, с. 89).
59. НПЛ, с. 96—97; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 42; т. 18, с. 89.
60. FENNELL J. L. I. Op. cit., p. 97.
61. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 42; т. 18, с. 89.
62. Грамоты Великого Новгорода и Пскова, № 38, с. 67—68. В латинском и шведском текстах — соответственно *rex magnus*, *mykle konungher* (см.: ШАСКОЛЬСКИЙ И. П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л. 1987, с. 104, 110, 123). В новгородских актах данного периода великокняжеским титулом обозначались исключительно великие князья владимирские. См.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова, №№ 4—14, 34—35, с. 14—28, 63—64 (грамоты 1296—1327 гг.).
63. НПЛ, с. 97.
64. НАСОНОВ А. Н. Монголы и Русь, с. 189.
65. ПСРЛ. Т. 10. М. 1965, с. 189.
66. НПЛ, с. 97; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1, с. 259.

67. См.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с. 9—10, 12, 15, 17, 19—21, 24, 27; НПЛ, с. 97, 350, 391—392, 419.
68. НПЛ, с. 97.
69. Там же; ПСРЛ. Т. 18, с. 89.
70. НПЛ, с. 97; ПСРЛ. Т. 18, с. 89.
71. ПСРЛ, т. 18, с. 89—90; т. 15. Вып. 1, стб. 42.
72. КУЧКИН В. А. «Сказание о смерти митрополита Петра», с. 69—70.
73. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, с. 42.
74. Предположение, что Узбек дал великое княжение Александру, уже имея намерение погубить его и Тверское княжество (FENNELL J. L. I. Op. cit., p. 105, 109), не выдерживает критики (КЛЮГ Э. Ук. соч., с. 120)
75. Ср.: БОРЗАКОВСКИЙ В. С. История Тверского княжества. СПб. 1876, с. 120.
76. Это касается не только Дмитрия и Александра, но и Михаила Ярославича: в бытность свою великим князем он ни разу не поступал вопреки ханской воле.
77. См.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV—XVI в. Ч. 2. Л. 1989, с. 208—209.
78. FENNELL J. L. I. The Tver Uprising of 1327. A Study of Sources.— *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, Bd. 17, 1967, Н. 2; КОНЯВСКАЯ Е. Л. Повести о Шевкале. В кн.: Литература Древней Руси. Источниковедение. Л. 1988.
79. НАСОНОВ А. Н. О тверском летописном материале, с. 37—38; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 42—43; т. 15. М. 1965, стб. 415.
80. ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1, с. 261; т. 5, с. 217—218.
81. НПЛ, с. 98.
82. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 43; т. 15, стб. 415—416.
83. Такова была обычная практика: Юрия Даниловича при приезде с ярлыком на великое княжение сопровождал Кавгадый, Дмитрия Михайловича — Севенчбуга.
84. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 43.
85. НПЛ, с. 98.
86. НПЛ, с. 343—344; Псковские летописи. Вып. 1. М.—Л. 1941, с. 17.
87. НПЛ, с. 98; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 43—44; т. 18, с. 90.
88. НПЛ, с. 469.
89. НПЛ, с. 98—99, 343; Псковские летописи. Вып. 1, с. 16—17.
90. КУЧКИН В. А. Формирование, с. 141.
91. См. об их поездках туда: ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 44—47; НПЛ, с. 344, 347. Тверской летописец отмечает, что Константин, получив в Орде в 1329 г. ярлык на Тверь, стал княжить «тихо-мирно» (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 46; НАСОНОВ А. Н. О тверском летописном материале, с. 38).
92. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 48: «Господине царю, аще много зло сътворихъ ти, во се есмь предъ тобою, готовъ есмь на смерть».
93. НАСОНОВ А. Н. О тверском летописном материале, с. 38—40; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 47—51; т. 18, с. 92—93.
94. Мнение, согласно которому литовские связи тверских князей сыграли роль уже при вынесении приговоров Михаилу Ярославичу и Дмитрию Михайловичу, неубедительно (критический разбор см.: КЛЮГ Э. Ук. соч., с. 123—128).
95. ПСРЛ. Т. 18, с. 92—93; т. 15. Вып. 1, стб. 51—52; НАСОНОВ А. Н. Монголы и Русь, с. 101—102, 112; КЛЮГ Э. Ук. соч., с. 122—123, 148—149.
96. ПСРЛ. Т. 18, с. 92; т. 15. Вып. 1, стб. 48, 51; ЧЕРЕПНИН Л. В. Образование Русского централизованного государства, с. 508; КЛЮГ Э. Ук. соч., с. 122.
97. Нижегородское княжество было вассальным по отношению к Москве до 1320 г., когда умер княживший там брат Юрия Борис (см.: КУЧКИН В. А. Формирование, с. 210—211). Поскольку он не оставил потомства, Нижний Новгород должен был отойти в состав великого княжества Владимирского. На сей раз Юрию не было нужды препятствовать этому, так как великим князем был он сам. Но с утратой Юрием великого княжения был утерян и Нижний Новгород.
98. Другое дело, что у Юрия еще до 1317 г. могли быть в Орде благожелатели: согласно «Повести о Михаиле Тверском», во время первого, в 1305 г., приезда московского князя в Орду часть ордынских вельмож была склонна поддержать его претензии на великое княжение (ПСРЛ. Т. 5, с. 207—208). Возможно, союзнические отношения Юрия с Кавгадыем берут свое начало с этого времени.

Подход, при котором всякое выступление Юрия (или Новгорода) против великого

князя априорно трактуется как происшедшее благодаря поддержке Орды (ГРЕКОВ И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М. 1975, с. 38—44), представляется ошибочным. Главной целью ордынской политики было обеспечение регулярного поступления дани; великий князь Владимирский являлся гарантом этого. Хотя в деятельности ханов (особенно Узбека) и прослеживается стремление не допустить чрезмерного усиления великих князей владимирских, разжигание на Руси войн против них не соответствовало интересам Орды, так как в подобных случаях осложнялась своевременная выплата «выхода» с мятежных территорий. Для предположения о поддержке Юрия Даниловича Ордой в период 1305—1317 гг. нет фактических оснований. Наоборот, Тохта и Узбек в это время неоднократно оказывали помощь Михаилу (для 1305 и 1315—1316 гг. источники свидетельствуют об этом прямо, а в отношении «Таировой рати» 1306 г. и эпизода с епископом Измаилом 1312 г. в пользу такой трактовки говорят косвенные данные).

99. Тот факт, что Юрий способствовал убийству русского князя врагами Руси, в начале XIV в. не имел того звучания, которое появилось в период активной борьбы за национальное освобождение. Иноземная власть считалась в то время злом, но злом, посланным Богом за грехи (см.: КУЧКИН В. А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая четверть XIV в.). В кн.: Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. Вып. 1. М. 1990). Ордынский хан рассматривался как в определенной мере законный сюзерен русских князей; он именовался «царем», т. е. более высоким титулом, чем кто-либо из них. Примечательно, что «Повесть о Михаиле Тверском» осуждает Юрия не за пособничество «поганым», а за то, что он, вопреки традиции, выступил против «старшего» в роду князя, не имея законных, по старшинству, прав на великое княжение (см.: КУЧКИН В. А. Повести о Михаиле Тверском, с. 255—263).
100. Можно констатировать, что автор «Повести о Михаиле Тверском», в которой ярко выражено негативное отношение к иноземному владычеству (см.: КУЧКИН В. А. Повести о Михаиле Тверском, с. 247—265), был настроен более «антиордынски», чем его герой: трагические события, имевшие место в жизни Тверского княжества, будили общественную мысль, способствовали (независимо от истинной позиции тверских князей по отношению к иноземной власти) возникновению в ней освободительных идей.
101. Не исключено, что татарские отряды участвовали и в походах Михаила на Москву 1305 и 1308 гг. (особенно вероятно это для 1305 г., так как тогдашний поход имел место сразу после возвращения Михаила с ярлыком на великое княжение, при котором князя наверняка сопровождал ханский посол с отрядом).

Восток: цивилизация, формация, социум

Р. Г. Ланда

Взаимодействие формационного и цивилизационного начал в исторической жизни социумов, их метаморфозы и внутренние мутации, обилие разновидностей и типов социальных, этнических, конфессиональных, кастовых и групповых конфликтов, редкое разнообразие и неповторимые сочетания общественных укладов, классов, слоев, прослоек и групп особенно рельефно и ярко проявляются на Востоке. Их изучение представляет особый интерес по трем главным причинам: дает возможность понять самобытность Востока и его социального облика, осуществить более глубокий анализ проблематики Запада с помощью компаративистских исследований параллельной проблематики Востока, наконец, шире использовать накопленный за последние десятилетия востоковедами опыт нестандартного, творческого подхода к познанию общества.

В последние годы наметился, к сожалению, определенный регресс востоковедной социологии истории в трудах российских авторов, все чаще возвращающихся к тому, что писали о Востоке европейские философы эпохи Возрождения (Н. Макиавелли, Ф. Гвиччардини) и более позднего времени (Ж. Боден, Ф. Бернье, Ш. Монтескье), имевшие весьма неполное и неточное представление о Востоке. Однако их идеи, чаще всего — в интерпретации К. Виттфогеля и А. Тойнби, пользуются все большим вниманием. Упор делается при этом на «восточный деспотизм», необходимым условием которого признается «господство государственной и общественной собственности, прежде всего на землю, и зависимое положение индивида, при котором отношение человека к человеку определяется не им самим, а стоящей над ним властью». Но, во-первых, в любом обществе отношения людей определяются не ими, а конкретными условиями и структурами (в том числе и властью) данного общества, существующими законами, обычаями и т. п. Во-вторых, форма собственности сама по себе не предопределяет характер режима: частная собственность, как известно, господствовала и под сенью тоталитарных режимов Гитлера, Муссолини, Франко, Пиночета. Очевидно, многое коренится в политической и общей культуре народа, его историческом опыте, традициях, господствующей на данный момент идеологии и т. д.

Можно согласиться с Н. А. Ивановым и Л. С. Васильевым, что «антиподом деспотизма как социального феномена является гражданское

Ланда Роберт Григорьевич — доктор исторических наук, заведующий отделом Института востоковедения РАН.

общество, как политического — свободное, или правовое государство»¹. Но такого общества на Востоке никогда не было и не могло быть: здесь всегда доминировали «коллективистское начало», «подчеркивание, акцентирование общности, связанности, существования как бы друг в друге всех членов человеческого коллектива», «сакрализация государственной власти»². «Долг перед обществом, обязанность повиноваться принятым нормам и не выходить за рамки общепризнанного», — так пишет об этом же Л. С. Васильев³. «Вне «коллектива» человек ничего не значил» — дополняют его О. Е. Непомнин и В. Б. Меншиков⁴.

Можно сколько угодно морализировать по этому поводу, но следует признать: иначе быть не могло. Не та природа, не та экономика, не тот образ жизни, не те задачи государства, не те нравы и привычки, что на Западе. Да и на Западе давно ли существуют гражданское общество и правовое государство? Еще в первой половине нашего столетия с уверенностью можно было указать лишь на США, Канаду и далеко не на все страны Западной Европы, юг которой (Португалия, Испания, Греция) присоединились к ней в этом плане лишь в середине 70-х годов. Кстати, Арнольд Тойнби, касаясь представления о Востоке как оплоте «неизменного неограниченного деспотизма», указывал, что «это в значительной мере иллюзия», если «переключить внимание на внутренний аспект социального существования»⁵.

Задача историка, как представляется, состоит все же не столько в осуждении или восхвалении того или иного общества, государства, режима, сколько в объективном анализе реально существовавшей ситуации и в определении факторов ее дальнейшего развития. Поэтому есть смысл вернуться к рассмотрению того позитивного, что сделано у нас в области изучения исторических судеб и специфических путей развития Востока. Это тем более необходимо, что именно в изучении проблем формационного и цивилизационного развития Востока нашими историками и социологами было немало сделано еще в 60—80-х годах. При этом были существенно подорваны многие догмы (такие, как европоцентризм в подходе к Востоку, постулаты однолинейного экономического детерминизма, обязательной при всех случаях жизни «авангардной роли» рабочего класса и компартий, всегда якобы «реакционной» роли буржуазии и особенно мелкой буржуазии, вечного будто бы доминирования классовой борьбы над межэтнической, межконфессиональной, межрасовой). В то же время были выдвинуты новые положения: о прогрессивной — в определенных условиях — роли национализма и религии, об интеллигенции и средних слоях как самостоятельном авангарде общественных движений и т. д. Нарботанное в 60—80-е годы может и должно служить базой дальнейшего развития нашего обществоведения.

А. И. Левковский (1924—1985), одним из первых обратил внимание не только на специфическое преломление на Востоке общих законов социально-экономического и социально-исторического развития (что до него делали и другие ученые), но и на наличие особых, присущих только Востоку, черт и явлений, неповторимых закономерностей и самобытных структур. «Перед нами предстает, — писал он, — проблема анализа общества особого переходного типа»⁶. При этом он не ограничивался только признанием «переходного характера» этого общества, на что обратил внимание еще С. Ю. Тюльпанов⁷. Левковский настаивал прежде всего на том, что переходный характер восточного общества обусловлен многоукладностью, которую он определял как его внутреннюю конфликтность, «показатель великого столкновения противоположных тенденций в общественной эволюции». Позднее это явление трактовалось им как «необычное для истории независимых государств Запада сочетание, соотношение отдельных укладов, количество компонентов — укладов, удельного веса каждого из них»⁸.

Многоукладность для Левковского была главным отличием восточного общества от европейского. Он признавал, что она присуща и многим странам Европы, но подчеркивал, что для них многоукладность — нечто второстепенное, чем-то «загрязняющее» основную, господствующую формацию, в то время как для афро-азиатских обществ это — принципиальная

сущностная характеристика. Переходя к анализу отдельных классов, он настаивал, скажем, на необходимости «выявить специфику мелкой буржуазии в странах, находящихся на переломе, стыке двух формаций». Это упоминание о «переломе, стыке двух формаций» у Левковского — не случайная оговорка. Еще в 1972 г., он писал: «Для преобладающей части стран Востока всегда были характерны крайне длительные, затяжные переходные периоды и огромная незавершенность в вытеснении предыдущих типов производства, обнаруживающих удивительную живучесть и приспособляемость». В подобных условиях «перелом, стык» двух и более формаций — не исключение, а норма. Возникающее в этих условиях многоукладное общество переходного типа характеризуется многоклассовостью и социальной пестротой, крайней запутанностью антагонистических и неантагонистических конфликтов, столкновением неоднородных классовых коалиций, «комплексом взаимодействия межукладных и внутриукладных противоречий»⁹.

Труды Левковского, как и работавших одновременно с ним В. В. Крылова, В. Н. Никифорова, В. И. Павлова, Л. И. Рейснера, Н. А. Симонии, Г. К. Широкова и многих других исследователей дали возможность по-новому поставить вопрос об особенностях развития формационных процессов на Востоке. Различные концепции советских востоковедов (многоукладность, «дуальность», «синтез традиционного и современного», «зависимое развитие» и т. п.) можно считать не столько различными моделями, сколько фиксациями различных сторон восточного общества, хотя перечисленные выше концепции сущностно различны и по-разному представляют себе нынешний облик Востока, как и его историю, по крайней мере — новую и новейшую. Однако многоукладность — это основа, на базе которой строятся все остальные концепции, в том числе и те, что критикуют или даже отвергают ее в пылу полемики.

Нередко «многоукладников» обвиняли (и продолжают обвинять) в статичности их теории, якобы лишь констатирующей дробность восточного общества и игнорирующей при этом его движение и механизмы развития. К этому вопросу Левковский подходил, особенно в последних своих работах, весьма диалектически. «Многоукладная экономика — отмечал он, — характеризуется значительной дезинтеграцией составляющих ее частей. Однако случается, что степень дезинтеграции преувеличивается и даже абсолютизируется в том смысле, что рисуются непреодолимые пропасти между укладами и их сочетаниями. В реальной жизни в эволюции переходного общества разобщенность укладов, разумеется, не исчезает, но в конечном счете нарастает тенденция к вовлечению в общий процесс воспроизводства все большего числа социальных сегментов и интенсификации этого процесса... Переходное общество движется, меняется, перестраивается, множатся элементы «формационного прорыва»¹⁰.

Иными словами, многоукладное общество не одномерно, а многомерно, не однолинейно, а многопотоково. Оно не стоит на месте, а эволюционирует, только еще более противоречиво, конфликтно и многообразно, чем «нормальное» общество европейского типа. Оно по-своему тоже едино, но это единство — постоянно меняющееся, хрупкое и трудно-предсказуемое даже в ближайшей перспективе. И, тем не менее, оно осуществляет свою ломку-движение, накапливая элементы «формационного прорыва» и пробирая себе дорогу к новому формационному качеству революционным или эволюционным путем.

Еще продолжающиеся споры о многоукладности имеют поэтому самое прямое отношение к определению сути формационных процессов на Востоке. Одно из направлений «многоукладников» пыталось снять возражения против своих концепций, соглашаясь признать наличие во всей системе многоукладности главного — формационнообразующего — уклада. При такой схеме, считает В. Г. Растяжников, «общее направление взаимодействий различных укладов определяется развитием формационного уклада, т. е. уклада системообразующего»¹¹. Были и другие концепции, просто отрицавшие многоукладность или сводившие ее значение не более чем к при-

меси, «загрязняющей» то или иное якобы моноформационное восточное общество.

Разумеется, идея социально-формационной неоднородности Востока родилась не вчера. Идущие еще с 20-х годов споры среди историков с новой силой возобновились в 60-е годы, сконцентрировавшись в основном вокруг «азиатского способа производства»¹². В ходе дискуссий появились понятия о «смешанных» формациях, которые именовались «общинно-рабовладельческий строй», «рабовладельческо-феодальный строй»¹³. Все эти комбинации можно было бы считать частными случаями многоукладности. В самом деле, то, что К. Маркс определил как «азиатский способ производства», является не чем иным, как сочетанием феодального (реже феодально-патриархального) деспотизма, государственного рабовладения и полупатриархальной общины.

Социально-формационная неоднородность Востока признавалась (в разной степени и в применении к разным периодам и даже формациям) многими советскими историками-востоковедами. В частности, В. Н. Никифоров, В. И. Павлов и С. Н. Ростовский еще в 1967 г. писали, что «в Индии, Китае, Египте к концу XIX в. стало создаваться многоукладное общество»¹⁴. В 1979 г. Павлов писал о существовании в странах Азии в разное время систем, «в которые входили социально-экономические структуры, инородные для данной стадии развития региона в целом»¹⁵. Как бы в развитие этой идеи А. И. Рейснер в 1984 г. специально подчеркнул, что «на Востоке феодализм на всех ступенях развития выступал по преимуществу как синтезированная (гетерогенная) структура»¹⁶. Н. А. Симония еще раньше, связывая многоукладность на Востоке с развитием колониализма, отмечал даже «существование в переходном обществе укладов двоякого рода: укладов с однородной внутренней структурой и укладов синтезированного типа, когда разные элементы одного воспроизводственного процесса являются неоднородными в социально-экономическом отношении». Именно последние олицетворяли «саму динамику перехода, процесс смыкания кодифицированных элементов разных однородных укладов» с последующей их трансформацией¹⁷. Иными словами, изучение социально-формационной неоднородности Востока привело исследователя даже к необходимости расщепления уклада!

Но социально-формационная (и иная) неоднородность восточного общества, его многоукладность — главная, принципиально важная, но не единственная из особенностей Востока. Можно попытаться сформулировать и другие особенности исторического процесса в этой части мира.

Все исследователи, пользовавшиеся понятием многоукладности, применяли его только к современной эпохе, в крайнем случае — к XIX в., в частности, объясняя само зарождение многоукладности на Востоке вмешательством колониализма, привнесшего извне капиталистический уклад и одновременно задержавшего развитие, законсервировавшего местные докапиталистические уклады. По нашему мнению, настало время поставить вопрос о стойкой многоукладности, сопровождающей весь процесс исторического развития с момента его выхода из первобытно-общинного состояния. Признание этой особенности не только современного положения, но в целом истории Востока снимает многие затруднения и оговорки методологического характера, возникающие, когда речь заходит о различиях между Востоком и Западом.

Развитие формационных процессов на Востоке всегда отличалось своеобразием, непохожестью на развитие Запада. Часто допускаемое преувеличение этой непохожести приводит к неправомерному внедрению в научное мышление киплиноговского представления о полной несовместимости Востока и Запада. На самом деле о подобной несовместимости нельзя говорить даже в цивилизационном аспекте, ибо существовали и в древности, и в средние века синкретические цивилизации, например, крито-микенская, эллинистические, византийская или арабо-андалусская (на Иберийском полуострове в VIII—XV вв.), сочетавшие западные и восточные компоненты. Что же касается несходства формационных процессов на Западе и Востоке,

то, употребив сравнение с химией, можно сказать, что в данном случае мы наблюдаем, как из разных сочетаний одних и тех же атомов, по-разному движущихся в пространстве и времени, рождаются качественно различные молекулы.

В конце 70-х годов было предложено в основу научной периодизации всемирной истории наряду с категорией «социально-экономическая формация» ввести понятие «историческая эпоха», под которой подразумевалась «длительная полоса в истории, характеризующаяся более или менее устойчивым взаимодействием двух или более одновременно существующих... формаций»¹⁸. Для тех, кто читал теоретические работы отечественных востоковедов 60—70-х годов, очевидно, что данная мысль у специалистов по всеобщей истории родилась, конечно, не без влияния со стороны Левковского, Павлова и других. Но, так или иначе, понятие исторически длительной переходности гетерогенной в формационном отношении эпохи пробило себе дорогу.

При внедрении в научно-историческое мышление подобного представления о межформационном периоде быстро выявилось, однако, принципиальное различие между его западным и восточным вариантами. В Европе, где развитие общества, примерно, с XIII в. начинает обгонять подобное развитие на Востоке, переходные межформационные эпохи длились сравнительно недолго. Здесь скорее и решительнее изживаются старые социальные формы и связи, быстрее происходит становление новых общественных отношений и порядков (исключение составляет, пожалуй, переход от древнеримской эпохи к раннему феодализму между III и VII веками н. э.). Наоборот, на Востоке сохраняется установившаяся еще с древности традиция крайне медленного изменения социального строя. Общественная система иногда не разрушается полностью даже после победоносных всенародных восстаний и революций, настойчиво воспроизводя себя (хотя бы частично) и в новых политических условиях. Более того, с незапамятных времен любая формация на Востоке почти нигде и никогда не достигала законченной формы, сохраняя свою гетерогенность, многоукладность.

Это определялось прежде всего географическими и вообще природными факторами — труднодоступностью горных или пустынных районов, изолированностью оазисов и долин, плодородием почвы и благоприятными природно-климатическими условиями в традиционно процветавших зонах земледелия, издревле склонных к хозяйственной автаркии. Богатость почв и климата, особенно в орошаемых районах, позволяла на Востоке получать более обильные, чем в Европе, урожаи при меньших затратах труда. Это, в свою очередь, давало возможность гораздо большей доле населения (и гораздо раньше, чем на Западе) заниматься несельскохозяйственным (ремеслом) и особенно непроизводительным трудом (торговлей, управлением, наукой, служением культам, войной и т. п.). В связи с этим общество оказывалось менее заинтересованным в совершенствовании производства материальных благ, что не могло не оказывать стагнирующего воздействия и на производственные отношения.

Не менее важен был и фактор «сопротивления культур» и «полуцивилизаций», сформулированный известным французским историком Фернаном Броделем. Согласно его концепции, несмотря на все попытки их уничтожения, «они появляются снова, упорно стремясь выжить»¹⁹. На востоке они возникли раньше, укоренились прочнее и поэтому отличались большей цепкостью, чем на Западе. Это и есть тот самый «цивилизационный фактор», который ныне нередко противопоставляется фактору формационному. На самом же деле они могут не совпадать, как например, этнос и язык, но диалектика их взаимоотношений, гораздо сложнее и характеризуется одновременно взаимозависимостью и независимостью друг от друга.

Многое в формационном развитии, как и вообще в истории зависит от уровня цивилизации данного общества и народа. Думается, старое определение цивилизации как степени общественного развития и материальной культуры, достигнутого той или иной формацией, ныне устарело, ибо практически не учитывает различия между формационным и цивилизацион-

ным началами. Предпочтительнее определять цивилизацию как «этап в развитии культуры», который включен «в исторически определенную систему общественных отношений, несет в себе формационную специфику и вместе с тем последовательно накапливает общечеловеческое содержание, отражая движение к подлинной гуманизации общества»²⁰.

Но и это определение не делает упор на внеформационные черты и функции цивилизации. В частности, цивилизация древнего Рима еще долго существовала после краха римской государственности и развала воплощенной в ней формации, а некоторые существенные элементы этой цивилизации (эстетика, этика, право и др.) дожили до эпохи Возрождения в Европе и даже до Великой Французской революции. Точно также арабo-андалусская цивилизация, просуществовав почти девять столетий, была воспринята в основе своей странами Магриба, а частично — также всем югом Европы, от Португалии до Прованса и Сицилии.

Не вдаваясь в сложные отношения цивилизации (меры развития общества) и культуры (меры развития личности, а также системы ценностей и способа деятельности), следует указать на взаимосвязь факторов цивилизационных и формационных. Та или иная цивилизация не может возникнуть вне определенной формации.

Можно согласиться с Я. Г. Шемякиным, что «культурно-цивилизационные факторы могут полностью блокировать детерминацию, идущую от способа производства.., могут частично парализовать ее, прервать поступательное формационное движение, преобразуя его в иные типы социальной динамики (многочисленны примеры циклической динамики, например, в Китае, в арабском мире, в доколумбовой Америке), могут искажать это движение, не прерывая в то же время его полностью». Однако нельзя согласиться с другим его тезисом: «в истории тех или иных народов и цивилизаций на протяжении очень длительных периодов (в течение тысячелетий) преобладали... циклическое движение (самое распространенное), регресс, застой»²¹. Подобное, да еще на протяжении тысячелетий, наблюдалось лишь у тех народов, которые оставались на уровне первобытнообщинного строя, дикости или варварства. Но с переходом к цивилизации и возникновением классового общества все реже периоды застоя и регресса, а главное — они уже не столь длительны. Их могут значительно удлинить лишь разрушительные нашествия извне, которые, в частности, во многом способствовали начавшемуся с XIII—XV вв. отставанию Востока.

Цивилизация, как и все, что создано творческим гением человека, не может застыть, окаменеть, ибо тогда она умрет. Поэтому ее существование в застойном и, тем более, деградирующем виде долго не может продолжаться. Вместе с тем развитие цивилизаций имеет свои законы, свою очередность, тесно связанные с общим ходом развития человечества и накоплением исторического опыта. Другое дело, что влияние и даже жизнь той или иной цивилизации могут быть продолжены за пределами породившей ее формации. Но родовые признаки всегда сохраняются. Отношения между формацией и цивилизацией характеризуются сложностью, неоднозначностью, наличием обратной связи и даже возможностью какое-то время идти по расходящимся путям.

Исследователи, склонные к подчеркиванию приоритета цивилизационного подхода обычно как раз и абсолютизируют эту способность цивилизации жить своей жизнью, не совпадающей с жизнью породившей ее формации. Особенно их восхищает способность цивилизации не развиваться и идти вперед, а сохранять накопленное, останавливаться или даже идти вспять. Но это — всего лишь мистификация или самообман, особенно часто встречающиеся у авторов, практически отождествляющих цивилизацию с религией. Во-первых, в спиралевидном развитии формаций также бывают уклоны, отступления, топтание на месте и даже попятные движения. Во-вторых, эволюция цивилизаций обязательно должна отличаться от эволюции формаций. Моменты их несовпадения — норма, а не исключение. К тому же духовное развитие идет по своим законам, нуждается в отдыхе и передышке, усвоении достигнутого, а развитие материальное (например,

экономическое) в большей мере измеряется количественным ростом и механическим продвижением вперед.

Цивилизация — это не просто «единство материальной и духовной культуры». Она включает в себя также всю совокупность институтов политической надстройки, мостиков между духовной культурой и экономическим базисом, результатов взаимодействия социальных связей и социальных ценностей данного общества. Именно этот компонент цивилизации многих сбивает с толку, вызывая даже желание подменить формацию цивилизаций. Обычно он гибнет вместе с формацией, хотя возможен и его ренессанс (подобно послереспубликанским монархиям в Англии, Франции, Испании). Но в целом цивилизация, особенно если согласиться, что ее складывание происходит «на протяжении нескольких формационных эпох»²², обладает большей устойчивостью, преемственностью, непрерывностью накопления информации, в то время, как для формационного начала характерны переменчивость и конфликтность. Иногда цивилизации переживают формации, иногда погибают вместе с ними, но — более замедленно, оставляя гораздо более заметный след в исторической памяти человечества. Это особенно проявляется в различные переломные или переходные эпохи, связанные с экономическими и социальными катаклизмами, с ломкой старых и образованием новых исторических структур.

Для Европы такой переломной эпохой было, например, великое переселение народов III—V вв., для Востока — колониальные завоевания европейских держав, начавшиеся в XV веке. Эти эпохи демонстрируют не только расхождение формационного и цивилизационного начал, но и довольно частые их совпадения. Более того, цивилизационный фактор и в эти, и в другие эпохи, как на Востоке, так и на Западе, выступает в роли одного из формационнообразующих компонентов. Но влияние его в разных регионах мира было различным, что и объясняет (частично) разные результаты формационного процесса.

Если ограничиться, по выражению Н. И. Конрада, «евро-афро-азиатским центром исторической жизни» (или «кругом земель») ²³, то нетрудно заметить неодинаковую роль цивилизационного фактора на западе и востоке этого «центра» в начале новой эры. На западе — полное доминирование латинской цивилизации Древнего Рима при второстепенной роли реликтов локальных культур. На востоке — своего рода «цивилизационная многоукладность», в которой латинский пласт — самый верхний, но в принципе равнозначимый локальным культурам, еще ранее слившимся (вплоть до образования синтезированных культов) с эллинистической, финикийско-карфагенской и другими цивилизациями Средиземноморья. Это — пример упомянутого выше «сопротивления культур», которое и в средние века преодолевалось крайне медленно и не до конца даже такими мощными интегрирующими силами, как ислам и арабская цивилизация.

В нашей литературе издавна повелось объяснять замедленность развития и последующее (после XIII в.) отставание Востока прежде всего особой стойкостью азиатской общины, а также нашествиями кочевников. Именно в XI в. процветавший Магриб был буквально вытопан и разгромлен номадами из бедуинских племен бану хилаль и бану сулайм, а с XIII в. «немалая часть восточных цивилизаций жестоко пострадала от монголо-тюркского нашествия», отбросившего их далеко назад ²⁴. К этому следовало бы добавить такие же последствия этого нашествия и примерно в то же время для Руси и Восточной Европы.

Существует, наряду с этим, мнение, что нашествия кочевников распространялись не на весь Восток. К тому же, во многих его районах кочевое и оседлое население постоянно составляло единую социально-хозяйственную и этно-демографическую систему, подобно «единой русско-половецкой системе» Л. Н. Гумилева ²⁵. Однако примеры позитивной роли таких смешанных систем крайне редки. Набеги бедуинов, как и сельджуков, монголов и османов, имели, как правило, разрушительный характер для хозяйства и культуры, тормозили социальный и технический прогресс. Кочевой элемент, выступая по отношению к оседлому миру в качестве военно-эксплу-

ататорского паразитического института, служил источником формирования феодального госаппарата (особенно войска). Тем самым социальные различия подкреплялись племенными или иными этническими различиями, углублялись и приобретали характер устойчивой традиции. Этого не могли изменить ни явное превалирование религиозной принадлежности над этнической, ни отсутствие в подобной «оседло-кочевой» системе развитой структуры сословного неравенства, ни широкое привлечение в войска и властные структуры победителей выходцев из покоренных народов (например, русских и половцев в Золотой Орде, албанцев, арабов, славян, греков и кавказцев в Османской империи) ²⁶.

Гораздо большая по сравнению с Западом этническая пестрота Востока также тормозила социальное развитие, ибо заставляла компенсировать культурно-лингвистическую неоднородность населения и неравномерность развития различных этнических общин гипертрофированной ролью государства и религии, игравших по отношению к этим общинам централизаторскую, цементирующую и унифицирующую роль. А это предопределяло гораздо большее разрастание и более высокую степень влияния на Востоке бюрократии и духовенства, социально консервативных по своей сути. Тем самым закреплялась и получала дополнительный стимул «азиатская деспотия», сформировавшаяся еще в древности на базе верховной собственности на землю и ирригационные сооружения, а также — на рабов. Даже фактически утратив эти права в дальнейшем, государство на Востоке сохраняло в своей практике много от азиатского деспотизма, особенно в условиях широкого распространения теократии. Да и рабовладение на Востоке фактически сохранялось гораздо дольше, чем это принято думать. Например, в Алжире оно было запрещено законом в 1848 г., но у туарегов Хоггара (в Сахаре) еще в 1949 г. имелись рабы. В ряде других регионов (например, на Аравийском полуострове) рабство сохранялось до середины нашего столетия.

На весь ход мировой истории, в первую очередь, истории Востока, сильно повлиял колониализм. Застав Восток в период длившегося уже не менее двух веков застоя, португальский и испанский колониализм XV—XVI вв. еще больше подорвал возможности выхода захваченных им стран из кризисного состояния. Феодальный и хищнический по своей сути, этот конкистадорский колониализм не только грабил, но и уничтожал целые племена и народы, города и государства. И в Америке, и в Азии, и в Африке он либо внедрял, либо поддерживал ранее уже существовавшую здесь работорговлю. Методы первых колонизаторов во многом были восприняты потом их голландскими, британскими и французскими преемниками. В результате к прежним отличиям Востока от Запада (географическим, этнокультурным, социоисторическим) добавились новые — экономические, демографические, технологические.

Поэтому новый виток развития — уже в колониальную эпоху — страны Востока начали в крайне невыгодных для себя условиях военного, хозяйственного, общественного и прочего неравенства с Западом. Новые экономические механизмы возникали здесь с большим опозданием и, в основном, в целях наиболее полного и выгодного для стран Запада использования местных природных ресурсов и дешевых рабочих рук. Развитие капитализма происходило здесь в основном под воздействием извне, а сам капитализм развивался несколькими, иногда мешающими друг другу потоками (иностранной, монополистической, национальной, государственной), не говоря уже о полукустарных мануфактурах и мелком производстве нецензового («неформального») сектора. При этом все эти формы, как правило, не осваивали социально-хозяйственное пространство целиком, оставляя значительное, иногда преобладающее место различным видам докапиталистической деятельности.

Разумеется, воздействие колониализма и внедрение капитализма на Востоке были неоднозначны. Помимо негативных последствий, они дали и позитивные результаты: приобщение афро-азиатских стран, к достижениям мировой цивилизации и научно-технического прогресса, формирование

современных секторов экономики, укладов и классов, воспитание местной интеллигенции нового типа, «модернизацию» образа жизни, профессиональной квалификации и ценностных ориентаций наиболее образованной части местного населения. Все это необходимо учитывать, но — в неразрывном диалектическом единстве с негативным наследием колониализма и, во многом, тесно с ним связанного капитализма. К тому же, в социальном плане восточный капитализм во многом не просто напоминает внутренне конфликтный, жесткий и «нецивилизованный» капитализм Европы XVIII—XIX вв., но также отягощен наследием патриархальной азиатчины, общинных, этноконфессиональных, племенных и прочих добуржуазных связей. Для него типичны бюрократические (иногда даже феодально-бюрократические), паразитические и государственно-монополистические формы.

Подводя итоги всему изложенному, можно так определить особенности формационных и цивилизационных процессов на Востоке: 1) большая, чем на Западе, длительность переходных межформационных эпох; 2) смешанный, «нечистый» характер любого общественного строя и его стойкая многоукладность; 3) особая роль фактора «сопротивления культур»; 4) совершенно не схожая с ситуацией на Западе цивилизационная и этническая гетерогенность; 5) гипертрофированное значение государства и религии, рождающее, в свою очередь, столь же гипертрофированные привилегии и влияние бюрократии и духовенства; 6) противоречивая и многоплановая роль колониализма; 7) неоднородность, неоднозначность и анклавно-островность развития капитализма.

Все эти особенности определяют специфику социальных и классово-образовательных сдвигов, эволюцию и архитектуру социально-классовой структуры Востока. Современные направления общественной эволюции Востока во многом, конечно, связаны с многовариантностью восточного капитализма, в том числе и в его государственной форме. Но все эти направления так или иначе несут отпечаток названных выше особенностей цивилизационных и формационных процессов в странах Востока.

В наши дни необходимо также, исследуя Восток, гораздо внимательнее изучить его связи и взаимодействие с Западом. Последний сумел улучшить свое положение не только за счет колониальной эксплуатации Востока (ныне продолжающийся в виде неэквивалентного обмена, наращивания грабительского процента по долгам, использования кабальных условий экономической, финансовой и технической помощи) и путем перебазирования на Восток наиболее «грязных» и экологически вредных производств, но и путем экспортирования в развивающийся мир своих социальных противоречий. Ранее эксплуатируемые трудящиеся Запады перестали быть неимущим пролетариатом, превратившись фактически в «средний класс». Зато на Востоке огромное большинство населения представляет собой неимущих пауперов и люмпенов, бедняков и пролетариев. Произошла интернационализация не только капиталов и технологии, но и всей системы социальных противоречий капитализма. И вряд ли ныне капитализм на Западе со всеми его преимуществами мог бы выжить, не используя неравноправие и отсталость, бедность и угнетенность Востока.

Таким образом, характер формационных и цивилизационных процессов на Западе и Востоке определяется, помимо ранее отмеченных особенностей, также взаимодействием и переплетением западных и восточных вариантов этих процессов, все более влияющих друг на друга и все более друг от друга взаимно зависящих. Так неожиданно и противоречиво, без какого-либо европоцентризма или «востокоцентризма», диалектически складывается путь к единству всемирно-исторического процесса.

Очевидно, есть и другие нерешенные проблемы в рамках темы «цивилизация — формация — социум». Думается, однако, что поставленные в данной статье вопросы должны в первую очередь стать предметом обсуждения. Хотя бы потому, что они неизбежно встают не только перед историками Запады и Востока, но и особенно перед историками нашего Отечества.

Примечания

1. ИВАНОВ Н. А., ВАСИЛЬЕВ Л. С. Введение.— В кн. Феномен восточного деспотизма. Структура управления и власти. М. 1993, с. 10.
2. КИСЕЛЕВ Г. С. Присвоение человека: о специфике социальной связи на традиционном Востоке.— Народы Азии и Африки. 1989, № 6.
3. Китай: традиции и современность. М. 1976, с. 72.
4. Исторические факторы общественного воспроизводства. М. 1986, с. 52.
5. ТОЙНБИ А. Дж. Постигание истории. М. 1991, с. 84.
6. Зарубежный Восток и современность. Т. 1. М. 1980, с. 25.
7. ТЮЛЬПАНОВ С. И. Очерки политической экономики (развивающиеся страны). М. 1969, с. 176.
8. ЛЕВКОВСКИЙ А. И. Третий мир в современном мире. М. 1970, с. 9; его же. Социальная структура развивающихся стран. М. 1978, с. 20.
9. ЛЕВКОВСКИЙ А. И. Мелкая буржуазия: облик и судьбы класса. М. 1978, с. 5; Экономическая политика и государственный капитализм в странах Востока. М. 1972, с. 4; LEVKOVSKY A. The Developing Countries' Social Structure. 1987. p. 18. 20—22.
10. Буржуазия и социальная эволюция стран зарубежного Востока. М. 1985, с. 9.
11. РАСТЯННИКОВ В. Г. Аграрная эволюция в многоукладном обществе. Опыт независимой Индии. М. 1973, с. 6.
12. Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М. 1966.
13. НИКИФОРОВ В. Н. Восток и всемирная история. М. 1975, с. 272—273.
14. Национально-освободительное движение в Азии и Африке. Века неравной борьбы. М. 1967, с. 345.
15. ЖУКОВ Е. М., БАРГ М. А., ЧЕРНЯК Е. Б., ПАВЛОВ В. И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса, М. 1979, с. 309.
16. Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М. 1984, с. 38.
17. СИМОНИЯ Н. А. Страны Востока: пути развития. М. 1975, с. 207.
18. ЖУКОВ Е. М. К вопросу о критериях периодизации истории.— Новая и новейшая история. 1979, № 1, с. 5.
19. БРОДЕЛЬ Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. Т. 2. М. 1988, с. 115—116.
20. ОЛЕХ Л. Г. Цивилизация и революция. Новосибирск. 1989, с. 3.
21. Вопросы философии. 1989, № 10, с. 54—55.
22. Эволюция восточных обществ, с. 15—16.
23. КОНРАД Н. И. Запад и Восток. М. 1966. с. 478.
24. Века неравной борьбы, с. 41; См. также ГРЕКОВ И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М. 1975; МАРКОВ Г. Е. Кочевники Азии. М. 1976; Татаро-монголы в Азии и Европе. М. 1977.
25. ГУМИЛЕВ Л. Н. Поиски вымышленного царства. М. 1970, с. 312. См. также: его же Древняя Русь и Великая степь. М. 1992, с. 327; его же. От Руси к России. Очерки этнической истории. М. 1992, с. 69, 115.
26. Подробнее см.: ИВАНОВ Н. А. Османское завоевание арабских стран. М. 1984, с. 204—205; ЕРЕМЕЕВ Д. Е. Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). М. 1971, с. 147—151; Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. 1. М. 1993, с. 40—52, 124—128; KHAZANOV A. M. Nomads and the Outside World. Cambridge. 1984, p. 164—169.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Генри Форд

Б. М. Шпотов

Среди американских бизнесменов первой половины XX в. трудно найти кого-нибудь популярнее Генри Форда — создателя поточного производства автомобилей и владельца одной из крупнейших автомобилестроительных компаний. Его имя получило мировую известность не только благодаря торговой марке «Ford». Он еще при жизни стал легендарной личностью.

О нем высказывалось множество разнообразных и противоречивых суждений. Одни американцы преклонялись перед его восхождением от простого механика до миллиардера, их поражали масштабы и технология руководимого им производства, другие предрекали неминуемый крах. Его называли великим реформатором отношений между капиталом и трудом, борцом с бедностью, противником финансовых магнатов Уолл-стрита. В то же время о нем говорили как об узком технократе, злейшем враге рабочего движения, беспощадном эксплуататоре и деспоте, да к тому же и невежественном человеке. Все зависело от того, какая из сторон действительно незаурядной, многогранной личности Генри Форда бралась как «ключ» к разгадке обстоятельств его жизни и бизнеса.

В России опыт организации им крупномасштабного производства высоко оценивался и пропагандировался в 20-е — начале 30-х годов. На русский язык были переведены две его книги, выдержавшие ряд изданий¹. В Советский Союз поставлялись автомобили и трактора Форда, а служившие у него специалисты руководили строительством автозавода в Горьком. Однако в дальнейшем о нем почти не вспоминали, а в разгар холодной войны получил хождение крайне отталкивающий образ Форда, как одного из некоронованных королей Америки. В наши дни эта точка зрения сменилась на противоположную. Его безоговорочно признают «выдающимся менеджером», «дальновидным и мудрым предпринимателем», стоявшим на голову выше всех остальных представителей тогдашнего крупного капитала².

В американской историографии отношение к Форду гораздо более сдержанное. Круг его достижений четко очерчен, а ошибки в бизнесе и менеджменте неоднократно подвергались детальному анализу³.

Генри Форд родился 30 июля 1863 г. близ поселка Дирборн (теперь — пригород Детройта), штат Мичиган, в семье фермера, переселившегося в США из Ирландии. С детства Генри был одержим страстью к механике:

Шпотов Борис Михайлович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

«железки», инструменты и старые часы были любимыми игрушками. Отец тщетно пытался заставить сына работать на ферме. Мальчик получил школьное образование, но серьезно увлекался только механизмами. Починка часов давала ему небольшой заработок.

В своей автобиографии, написанной в 1922 г. Форд сообщает, что с 12 лет мечтал о постройке самодвижущейся повозки для транспортировки людей и грузов — по типу локомотива с паровым двигателем. Юного Форда заинтересовала ходовая функция локомотивов, и после окончания школы он устроился слесарем-механиком по их обслуживанию. Досконально изучив эту громоздкую и дорогостоящую машину, он пришел к выводу о бесперспективности применения пара для движения по грунтовым дорогам и обратился к двигателю внутреннего сгорания, с действием которого ему довелось ознакомиться в 1885 году.

К тому времени немецкие механики Г. Даймлер и К. Бенц уже спроектировали автомобиль с двигателем внутреннего сгорания, но Форд пошел своим путем и разработал оригинальную конструкцию. Отказавшись от одноцилиндрового двигателя, он в своей первой модели автомобиля применил два цилиндра и более легкие велосипедные колеса. Однако работа по созданию действующего автомобиля подвигалась медленно. Женившись, Форд должен был содержать семью и переехал с женой в Детройт, где ему предложили место инженера-механика на электростанции.

Наконец, ранним утром 4 июня 1896 г. первый автомобиль Форда выехал из кирпичного сарая и с грохотом покатил по еще спавшему городу. Эта полностью пригодная к эксплуатации машина, напоминая небольшую тележку, с двигателем под сиденьем, была способна развивать скорость до 20 миль в час. Запаса бензина хватало на 60 миль пути. Затем Форд соорудил еще несколько экспериментальных моделей.

Решив целиком отдаться автомобильному делу, Генри в 1899 г. ушел с электростанции и вступил в Детройтскую автомобильную компанию. Но компаньоны не давали ему работать над совершенствованием конструкции автомобиля, заботясь лишь о скорейшем получении прибылей. А между тем Форд вынашивал идею превратить автомобиль из предмета развлечения для богатых в общедоступное средство передвижения.

Эта идея приходила в голову не только Форду — пригодные к эксплуатации автомобили появились в Америке раньше фордовской «каретки», а фирма «Олдс» опередила Форда в создании относительно дешевого автомобиля. Выпуск «олдсмобилей», стоивших 650 долл., начался в Детройте в 1901 г. и через два года увеличился с 400 до 5 тыс. в год. Одновременно выпуском недорогого автомобиля занялась фирма «Бьюик», быстро наращивали производство «Кадиллак» и «Паккард». Чтобы добиться известности и привлечь новых компаньонов, Генри начал работать над усовершенствованием гоночной машины и добился блестящего успеха. Построенный им в 1902 г. автомобиль с 4-х цилиндровым двигателем в 80 лошадиных сил не знал себе равных, и в начале 1904 г. на нем был поставлен мировой рекорд скорости — 91 миль в час (прежний составлял 77 миль в час).

Вскоре после того, как в октябре 1902 г. Форд выиграл свои первые гонки, им заинтересовался детройтский предприниматель А. Малкомсон, который привлек еще десятерых инвесторов. 16 июня 1903 г. была зарегистрирована «Форд мотор компани» со сравнительно небольшим наличным капиталом — в 28 тыс. долларов. Формально ее возглавил родственник Малкомсона банкир Дж. Грей, но Форд, получивший пост вице-президента, оговорил право быть фактическим руководителем компании и получать 25,5% дивидендов. Генри Форд был президентом «Форд мотор компани» с 1906 по 30 декабря 1918 года, когда он передал этот пост сыну, но фактически оставался главой фирмы.

Форд не вкладывал в предприятие свои деньги, но вместе с Малкомсоном владел контрольным пакетом акций. В дальнейшем численность акционеров не увеличивалась и источником финансирования компании являлась исключительно прибыль от продажи автомобилей.

Уже в первый год своего существования «Форд мотор компани» столкнулась с конкуренцией синдиката автомобилестроителей, претендовавшего на монополию в этой сфере. Еще в 1879 г. неудачливый изобретатель, но ловкий делец Дж. Б. Селден запатентовал проект автомобиля, который не был построен; он содержал лишь описание основных принципов. Первый же выигранный им судебный процесс о нарушении патентного права побудил владельцев ряда автомобилестроительных компаний приобрести соответствующие лицензии и создать «ассоциацию законных фабрикантов». Компании Форда и другим аутсайдерам грозил суд за отсутствие «права» выпускать автомобили.

Судебный процесс против «Форд мотор компани» тянулся с 1903 по 1911 г. и был первым и серьезным испытанием не только для нее, но фактически и для всей автомобильной отрасли США, где в угоду патентовладельцу нарушались принципы свободной конкуренции. «Законные фабриканты» угрожали вызовом в суд и покупателям автомобилей Форда. Но тот действовал мужественно, публично обещая своим покупателям «помощь и защиту», хотя финансовые возможности «законных фабрикантов» намного превышали его собственные. В 1909 г. Форд проиграл процесс, но после пересмотра дела суд решил, что ни один из автомобилестроителей не нарушал права Селдена, так как ими использовался двигатель другой конструкции. Монопольное объединение тут же распалось, а Генри приобрел репутацию борца за интересы потребителей.

Хотя судьба компании висела на волоске, Форд не терял самообладания и продолжал работать над усовершенствованием конструкции своей машины, выпуская небольшими сериями быстро сменявшиеся модели. Наконец в 1908 г. он остановился на модели «Т», которая превосходила по своим технико-эксплуатационным данным автомобили других фирм и в то же время была достаточно дешевой. Именно эта машина принесла Форду мировую известность, а переход к ее массовому выпуску обусловил стремительный взлет «Форд мотор компани», овладевшей большей частью автомобильного рынка, и не только Америки.

В 1913 г. компания Форда имела уже 31 отделение в различных городах США и 14 за рубежом. «Форд—Т» экспортировался во все части света. Их продажа возрастала стремительными темпами — с 18 664 в 1909—1910 гг. до 933 720 в 1920—1921 годах. В начале 20-х годов каждый второй автомобиль в США носил марку «Форд». К июню 1927 г. их было выпущено 15 миллионов. Специализация на одной модели позволила так отладить производственный процесс, чтобы за счет сокращения издержек предельно снизить цену автомобиля без ущерба для его качества. За 1909—1916 гг. цена модели «Т» понизилась с 900—1200 до 325—645 долл., в зависимости от модификации ⁴.

Рассчитывая на массового покупателя со средним достатком, Форд отказался от дорогой отделки и от всяческих излишеств. Он добился полной стандартизации и взаимозаменяемости деталей, которые изготовлялись с высочайшей точностью и подходили для любой выпущенной ранее модели «Т». Это облегчало сборку и удлиняло срок службы автомобиля. Форду удалось понизить его вес и увеличить прочность за счет применения ванадиевой стали. Он стремился устранить непроизводительные затраты и потери, наладить бесперебойное снабжение и сбыт, т. е. мобилизовал все внутренние ресурсы, сделав их источником прибылей и полного самофинансирования предприятия ⁵.

Доходы вкладывались в расширение производства, которое давало новые прибыли за счет увеличения объема продажи, а он, в свою очередь, возрастал за счет снижения цен. В отличие от Рокфеллеров, Дюпонов, Морганов Форд не занимался финансовыми операциями, не выпускал ценных бумаг, но получал баснословные доходы, используя любую возможность снижать издержки и расширять производство. Значительный источник экономии он нашел и в том, чтобы максимально приблизить свои заводы к рынкам сбыта. На внешние рынки и в отдаленные места страны отгружались не готовые автомобили, а их узлы и детали, собираемые на местах.

Если стандартизация и взаимозаменяемость деталей, увеличение объема производства и продаж как фактор снижения издержек и повышения эффективности предприятия были известны и ранее, то внедрение Фордом в 1913 г. сборочного конвейера стало новой, современной формой организации уже не просто массового, а поточного производства. Именно оно обеспечило компании Форда невиданный коммерческий успех и выделило его предприятия из множества других. Конвейерный метод дал гигантское ускорение выпуску автомобилей — 1000 в день и больше, которые в первую очередь благодаря Форду стали достоянием среднего класса. Это радикально изменило отношение к автомобилю: из предмета роскоши он превратился в массовое средство передвижения, сберегающее время, обеспечивающее комфорт. Индивидуальный автомобиль стал более массовым средством передвижения, чем общественный транспорт. Автомобиль, в свою очередь, обусловил революцию в дорожном деле, повлиял на градостроительные принципы, стимулировал рост металлургической, стекольной, резиновой, лакокрасочной и нефтяной промышленности, возникла индустрия автосервиса. Благодаря автомобилю изменился образ жизни и сделался более содержательным досуг средних американцев, которые смогли приобщиться к некоторым ценностям, доступным ранее только богатым.

Работа на конвейере потребовала от рабочего большого напряжения: темп ускорялся, угнетала монотонность операций. Адаптация нередко бывала болезненной, отмечались стрессы и нервные расстройства. Но массового ухода рабочих с автозаводов Форда не происходило, в силу высокой зарплаты⁶. Внедряя конвейер, Форд действовал достаточно осторожно. Рабочим, не желавшим работать на конвейере, предоставлялись другие виды труда. Несмотря на острую критику фордовской системы, особенно в первые годы ее существования, конвейер в конечном счете стал основой любого современного поточного производства.

Форд вряд ли заимствовал основы рациональной организации труда из трудов известного американского инженера Ф. У. Тейлора о принципах научного менеджмента, хотя в системах Форда и Тейлора действительно есть немало общего. Тейлор бывал в Детройте и пропагандировал свои идеи в корпорации «Паккард». При этом он заметил, что группа промышленников самостоятельно применяет некоторые принципы научного менеджмента, не прибегая к помощи экспертов. Среди служащих Форда были талантливые специалисты, знакомые с системой Тейлора, которые могли стать инициаторами конвейерной сборки. Но от кого бы ни исходила идея конвейера, она была воплощена в жизнь именно Генри Фордом⁷. Повышение производительности труда за счет его рациональной организации и Тейлор, и Форд считали важнейшей задачей, а главный стимул к высокопроизводительному труду они видели в высокой заработной плате.

В январе 1914 г. Форд ввел для своих рабочих самую высокую в стране минимальную заработную плату — 5 долл. в день при продолжительности рабочего дня 8 часов (в те времена средняя его продолжительность равнялась 10 часам, а 3 долл. в день считались довольно высокой платой). Новая система оплаты труда не привела к удорожанию автомобилей, и деньги на нее выделялись из расчетных прибылей компании. Но новые ставки не гарантировались всем и каждому. Форд считал, что делиться своей прибылью компания должна только с теми работниками, которым это пойдет на пользу, т. е. с теми, кто способен разумно тратить деньги и делать сбережения. Он вовсе не стремился представить эту меру как «благотворительность»⁸. В компании Форда существовал обычай регистрировать возраст рабочих, их семейное положение и наличие счета в банке, которое необходимо было подтвердить предъявлением сберегательной книжки.

В 1914 г. в «Форд мотор компани» был создан «социологический отдел» во главе с бывшим священником С. Маркуисом. С его помощью Форд стал отучать своих рабочих от злоупотребления алкоголем и даже курения (сам Форд был убежденным трезвенником и не выносил табачного дыма). Он считал, что эти распространенные пороки ведут к деградации

работника. Сотрудники отдела следили за тем, чтобы рабочие обеспечивали свои семьи, а их жены поддерживали в домах чистоту и порядок. Специальная комиссия обходила жилища рабочих и собирала о них самые разнообразные сведения. Наилучшей рекомендацией считались трезвый образ жизни, счет в банке, приобретение собственного дома и, конечно, автомобиля «форд», а также хорошие отзывы родственников и соседей. Данные социологической службы обязательно учитывались при рассмотрении вопроса о повышении заработной платы⁹.

Повышение зарплат вызывало большой энтузиазм у рабочих, но социологические обследования порождали недовольство и были в конце концов прекращены. Тем не менее социологический отдел продолжал свою деятельность: он оказывал помощь многочисленным рабочим-иммигрантам и их семьям, для которых важно было поскорее научиться жить и работать в Америке. «Иностранцев» учили английскому языку, рациональному ведению домашнего хозяйства, экономии, планированию семейного бюджета. Повышение зарплат, в том числе и женщин-работниц, содержащих свои семьи, и служащих, коснувшееся основной массы работников, ощутимо улучшило их положение. За 1914—1916 гг. средний размер банковских сбережений и недвижимости в расчете на одного рабочего увеличился со 196 до 750 долларов¹⁰.

Высокую заработную плату Форд считал необходимой для стабильности предприятия, и в 1919 г. повысил минимальный заработок до 6 долл. в день, а еще через 10 лет — до 7 долларов. Форд был принципиальным противником самостоятельного рабочего движения. Он утверждал, что для устранения бедности необходимы целенаправленные преобразования общего характера, способные донести блага цивилизации до каждого человека: расширение производства товаров и услуг, рациональное размещение промышленности, снижение транспортных расходов и цен, исключение непроизводительных затрат и потерь, устранение войн и военных расходов, всемерное развязывание личной инициативы и предприимчивости людей в сфере создания материальных благ, максимальное трудоустройство населения, включая сирот, нищих и инвалидов¹¹.

Ключевую роль в благополучии и процветании общества Форд отводил не государству, а общественно-полезной функции частного капитала. Он подчеркивал, что «главная цель» последнего — «не добыть как можно больше денег, а добиться того, чтобы деньги вели к улучшению жизни». Сделав своих рабочих участниками прибылей компании и покупателями ее автомобилей, Форд объявил профсоюзы и другие рабочие организации величайшим злом и не допускал их функционирования на своих предприятиях. Благотворительность же он не считал действенным способом лечения социальных болезней. Если человек способен и хочет трудиться, то задача предпринимателя — предоставить ему такую возможность. На заводы Форда принимали инвалидов, включая глухонемых, чахоточных, людей лишившихся руки или ноги. Даже слепые, утверждал Форд, могут быть старательными и добросовестными работниками, если получают не милостыню, а плату за труд¹².

В отличие от многих предпринимателей американского Севера, Форд охотно брал на работу негров. Как и инвалиды, чернокожие рабочие особо чутко воспринимали патернализм. У Форда здесь был свой расчет — воспитать предубеждение против профсоюзной агитации.

В 1916 г. Форд учредил Промышленную школу для подростков и юношей 12—18 лет. Треть учебного времени отводилась на общеобразовательные дисциплины, и две трети — на практические занятия и работу в мастерских. Даже уроки арифметики и географии давались на материале конкретных производственных задач компании. Выпускникам школы гарантировалась занятость. Кстати и сама эта школа работала по принципу самокупаемости. «Максимум услуг за минимальную плату» — таков был девиз учрежденной Фордом в 1914 г. клиники, где всем пациентам предоставлялись одинаково комфортные условия, а планировка здания была продумана так, чтобы сиделка, обслуживая больных, делала как можно меньше лишних движений — подобно рабочему на конвейере.

К миру бизнеса Генри относился не менее взыскательно. Предпринимателей он делил на «полезных» и «бесполезных». К первым он относил производителей материальных благ, не ставящих во главу угла наживу, а ко вторым — финансистов, биржевиков, владельцев акций и других «делателей денег ради денег». Признавая необходимость банков, он доказывал, что источником их капиталов должна быть промышленность. Финансирование же ее банками, полагал Форд, ставит предприятия под контроль последних, тогда производители начинают служить не обществу, а банкам¹³. «Зависимость» промышленников от акционеров, думающих только о дивидендах, также не устраивала Форда. Деньги, полагал он, должны служить производству и вкладываться в него, а не превращаться в самостоятельную силу или тратиться впустую.

Уделяя первостепенное внимание производству, Генри мало занимался вопросами продажи автомобилей. Основные заслуги в этом деле принадлежали талантливому менеджеру по сбыту Н. Хокинсу. Общепринятой практикой была поставка автомобилей дилерам, владельцам местных автомагазинов, которые заключали с фирмой-поставщиком договоры на продажу автомобилей определенной марки, обязываясь соблюдать интересы своего партнера. Хокинс требовал от дилеров «Форд мотор компани» поддержания хороших отношений с покупателями и образцовой организации торговли фирменной продукцией.

Дилерам вменялось в обязанность знание автомобиля, его эксплуатации и ремонта, изучение запросов покупателей, размещение рекламы, тщательное ведение документации. Особое значение придавалось отделению торговых залов от ремонтных мастерских, чтобы потенциальные покупатели не могли слышать жалобы владельцев ремонтируемых машин. В одном из филиалов компании Форда даже не разрешалось буксировать сломанные автомобили по улицам днем, так как это являлось «плохой рекламой». В автосалонах и мастерских запрещалось курить. Получение чаевых и доплата «сверху» считались нарушением правил торговли, за это продавец или механик немедленно увольнялись. Администрация компании с помощью специальных контролеров проверяла финансовое положение дилеров, уровень обслуживания, внешний вид персонала, состояние витрин и торговых помещений.

Менее чем за 10 лет с момента учреждения «Форд мотор компани» создала самую разветвленную сбытовую организацию в автомобилестроении США — около 7 тыс. торговых точек, с самой большой численностью занятого в них персонала.

Рекламную политику определял сам Генри Форд. Он делал ударение на технических достоинствах своих автомобилей, а в долговременном плане считал лучшим стимулом для роста объема продажи снижение цен. Попытки Хокинса проводить маркетинговые исследования на основании выборочных опросов покупателей, что было новаторским делом, Форд не одобрил, так как считал положение модели «Т» на рынке исключительно прочным. Но начав свертывать печатную рекламу после внедрения конвейера, Форд положился на то благоприятное впечатление, которое должны были произвести в обществе введение 5-долларовой оплаты труда и другие мероприятия, рассчитанные на публичный эффект. Другими словами, он ориентировался на создание благоприятного образа фирмы, а не только ее продукции.

Форд раньше многих других бизнесменов осознал важность хороших отношений с прессой и целенаправленного воздействия на общественное мнение для прочного делового успеха. Решающую роль в создании образа компании он отводил популяризации ее достижений. Но особое значение придавалось персонификации всех успехов компании: личность ее хозяина призвана была олицетворять неограниченные возможности бизнеса и процветание Америки. С этой грандиозной задачей Форд справился весьма успешно.

Особенно прославила его борьба с «ассоциацией законных фабрикантов» за интересы потребителя, а также победы его машин в авторалли (все

это широко освещалось прессой). С 1908 г. стал издаваться печатный орган компании — журнал «Ford Times», тираж которого к 1917 г. достиг 900 тыс. экземпляров. Но наряду с этими средствами, к которым прибегали и другие компании, Генри применил и нечто новое, чтобы привлечь внимание публики.

Он превратил в своего рода национальную достопримечательность автозавод в Хайленд-парке. Это было величественное здание, спроектированное в 1909 г. крупнейшим индустриальным архитектором США А. Каном, пронизанное солнечным светом. Президент США У. Тафт назвал завод «чудом». Восторженные отзывы о нем дали президенты германской автомобилестроительной фирмы «Бенц» и французской «Рено». Завод был открыт для экскурсантов, число которых в 1917 г. превысило 200 тысяч. Начатое в том же году Каном строительство еще одного автогиганта — завода в Ривер-Руж близ Детройта — было специально рассчитано на размещение в нем поточных линий. Это был новый образец индустриальной архитектуры. Как и другие заводы Форда он был открыт для посетителей.

Прославился Генри Форд и в области кинематографии, создав в 1914 г. свою киностудию. Хроникально-документальные и общеобразовательные фильмы снимались штатными операторами компании или приобретались у владельцев других киностудий. За символическую плату, но большей частью бесплатно эти фирмы демонстрировались в 4 тыс. кинозалов. За 1917—1920 гг. их просмотрело по меньшей мере 5 млн. человек. Компания Форда покровительствовала клубам автомобилистов-владельцев модели «Т», организовала десятки оркестров, выступавших на автомобильных выставках, автошоу и других массовых мероприятиях.

Вся эта бурная и многообразная некоммерческая деятельность в конечном счете работала на деловой успех компании Форда, создавая ее привлекательный образ, а ее руководитель приобретал все большую популярность. Введение 5-долларовой оплаты труда было восторженно встречено американской общественностью (90% газетных откликов было в пользу Форда). Естественно, что многие промышленники, особенно конкуренты «Форд мотор компани» отреагировали на это крайне отрицательно, утверждая, что такая заработная плата подает дурной пример рабочим и вызовет панику в мире бизнеса. Но эти нападки лишь еще больше увеличивали популярность Генри Форда, которого его заместитель Дж. Казенс представлял репортерам как инициатора «новых отношений между капиталом и трудом». Торжество Форда, правда, омрачилось «ходынкой» у ворот автозавода в Хайленд-парке, где уже на следующий день после публикации сообщений о 5-долларовой плате собралась толпа почти в 10 тыс. человек. Публика устремилась в Детройт за «обещанными» 5 долларами в день. Собравшиеся у закрытых ворот возмущенные люди отказались расходиться, и их разогнали только с помощью конной полиции и пожарных.

Новые, явно рассчитанные на сенсацию заявления Форда, прозвучали еще более интригующе. Газеты наперебой цитировали лаконичные и достаточно неопределенные сентенции мультимиллионера: «Я думаю, что умирать богатым бесчестно»; «добрая воля — это главное. С ее помощью можно добиться в жизни почти всего, а без нее человек практически бессилён», и другие, в таком же духе. Репортеры называли Форда «богачом со вкусами и пристрастиями бедняка», «механиком-миллионером, который даже не догадывается, что он — великий человек, и это придает ему еще большее величие». Встречаясь с представителями прессы, Форд демонстрировал добросердечие, простоту и открытость, называя даже цифры своих продаж и прибылей.

Впрочем, постепенно «скромность механика» рассеивалась, и все громче заявляла о себе самоуверенность миллионера, уверовавшего в свою способность судить решительно обо всем. Генри Форд запасся готовыми суждениями на все случаи жизни. У него выработалась своеобразная манера говорить — короткими фразами, звучащими как афоризмы. Его изречения подхватывались прессой и разносились по всей стране. Выходили даже их

специальные сборники. Форда цитировали не меньше, чем профессиональных политиков и даже литературных классиков. В 1914—1920 гг. по вниманию к себе прессы он уступал только ведущим государственным деятелям США — В. Вильсону, Ч. Хьюзу, У. Брайану и Т. Рузвельту, но зато вдвое превосходил обоих Рокфеллеров — старшего и младшего. Даже о восходящих звездах кинематографа Чарли Чаплине и Мэри Пкфорд писали тогда в 5 раз меньше¹⁴.

С годами у Форда вызревает мысль сосредоточить в своих руках все руководство компанией, сделав ее своей полной собственностью. Он постепенно избавился от большинства талантливых менеджеров, с которыми начинал дело. Труднее было с компаньонами, мешавшими принимать единоличные решения. Выкупив их долю в прибылях, на что ушел почти весь годовой доход компании, Форд в 1919 г. стал вместе со своей семьей самодержавным владельцем громадной автомобильной империи. Стремясь предельно централизовать хозяйственный механизм, он решил присоединить к нему добычу сырья и перевозку топлива. Он выкупил у государства железнодорожную линию Детройт-Толидо-Айронтон, протянувшуюся к угольным копям Западной Виргинии, стал владельцем 16 шахт, 700 тыс. акров леса, флотилии пароходов, перевозивших по Великим озерам железную руду, прорыл канал, спрямивший доставку грузов по воде, выстроил несколько электростанций, лесопильных и стекольных заводов.

Форд особенно гордился тем, что это громадное капитальное строительство финансировалось исключительно из прибыли компании. Его стремление к рационализации распространялось на все новые области. Для механизации труда фермеров он с 1918 г. начал выпускать тракторы «Фордзон» для внутреннего рынка (в годы первой мировой войны 5 тыс. тракторов были произведены специально для Англии, причем на них могли работать женщины, заменившие мобилизованных на фронт мужчин). Убыточная железная дорога, став собственностью компании Форда, превратилась в образцовое и доходное предприятие.

Форд считал, что индустриальные центры нужно сочетать с развитием мелкой сельской промышленности; не создавая миграции из села в город, а напротив, приближая предприятия к местам жительства. Он показал, насколько целесообразно использовать малые реки для строительства небольших гидроэлектростанций, обеспечивая энергией местную промышленность и занятостью сельских жителей. Для электрификации сельского хозяйства Форд предлагал использовать обветшавшие водяные мельницы, переоборудовав их в электростанции. Несколько таких станций он построил на р. Руж и экспериментально доказал правильность своей идеи¹⁵.

Став автомобильным королем, Генри Форд создал себе имидж необычайно динамичного и безошибочно действующего предпринимателя. И всё-таки несмотря на колоссальный размах его дела, смелые эксперименты и нестандартные решения, концепция автомобильного бизнеса, которой придерживался Форд, имела свою «ахиллесову пяту». Дело в том, что по его представлению спрос на автомобили обеспечивают только его функциональные качества, т. е. простота эксплуатации, надежность, долгий срок службы, невысокая цена. Одна и та же модель «Т», по его расчетам, в состоянии служить сколь угодно долго, так как доведенная до совершенства стандартизация позволяет не покупать новую машину, а заменять ее узлы и детали по мере износа. В этом Форд видел громадные преимущества модели «Т», даже окраска машин была одинаковой — черной. Переход же на новые модели Форд считал лишь способом заставлять покупателей непрерывно платить. Но доведя до крайности идею стандартизации и дешевизны автомобилей, Форд сам того не желая, зашел в тупик. Без конца совершенствуя производство, он прекратил совершенствовать то, ради чего оно собственно существовало — сам автомобиль.

Науки маркетинга тогда еще как таковой не было, однако другие предприниматели придерживались общепринятой практики модернизации своего конечного продукта, приспособления производства к разнообразным и меняющимся потребностям, вкусам и стилю жизни покупателей. Машины

других фирм стоили дороже фордовских, но выгодно отличались от них элегантностью, скоростью и комфортом.

Самым серьезным конкурентом «Форд мотор компани» в начале 20-х годов стала «Дженерал моторс», опиравшаяся на поддержку банкирского дома Дюпонов и команду талантливых менеджеров во главе с выпускником Массачусетского технологического института Альфредом П. Слоуном. После реорганизации она обновила выпускаемые ею модели «шевроле», соотносясь с требованиями рынка и возросшей покупательной способностью американцев. Эта фирма сочетала стандартизацию узлов и деталей с разнообразием дизайна и отделки. Тем самым удовлетворялся спрос как на дорогие, так и на относительно дешевые машины. С устаревшим «фордом» образца 1908 г. успешно конкурировали даже подержанные «шевроле» и «паккарды», продававшиеся по очень низким ценам. С 1921 по 1926 г. доля автомобилей Форда на рынке США упала с 56% до 30%, но «автомобильный король» упрямо продолжал выпускать свою «жестяную Лиззи», как прозвали в США модель «Т». Для компании Форда наступали тяжелые времена. «Форд мотор компани» перестала быть лидером американского и мирового автомобилестроения, откатившись на второе, а затем на третье место в США.

В чем заключалась причина стратегического просчета Форда? Он оказался заложником своей мечты о «демократизации» автомобиля путем превращения его в общедоступный предмет длительного пользования. Конвейер был рассчитан на выпуск только одной модели, и перейти на производство новой было делом дорогостоящим и трудным. Требовалась остановка и переналадка всего процесса. Форд хотя и работал на потребителя, но психологию спроса воспринимал слишком упрощенно и абстрактно, как нечто неизменное. Он воспринимал только одну причем наиболее очевидную ее сторону — что покупатели среднего достатка предпочитают недорогие, надежные, долговечные вещи, но не учел растущую склонность американцев к новизне, к переменам, к тому, чтобы заменить еще годный к употреблению товар на более новый и совершенный.

Форд же не просто игнорировал, а сурово осуждал подобную расточительность. В «жестяной Лиззи» он видел воплощение своих производственных и технологических достижений, своей мечты. Но у потребителей идеалы были другие. Если фордовский автомобиль был для американцев просто средством передвижения, то «Дженерал моторс» и другие фирмы сделали автомобиль символом жизненного успеха. Вначале покупатель разъезжает на дешевой, а потом на все более дорогих машинах, меняя их, как меняют по мере продвижения вверх костюмы, жилище, места отдыха и др. 20-е годы, ставшие для США периодом экономического процветания и роста зарплат, как нельзя лучше отвечали этим новым представлениям.

«Дженерал моторс» начала вкладывать средства в изучение потребительского спроса. Штатные исследователи компании Ч. Кеттеринг и А. Орт в 1932 г. сформулировали идею «новой необходимости». «Простейший способ обеспечить надежность производства — это постоянно изменять продукт: спрос на новые вещи бесконечно растет... Одна из основных целей научного поиска — питать здоровую неудовлетворенность»¹⁶. Девиз Форда был совершенно другим — «мы хотим, чтобы покупатель, который приобрел один из наших продуктов, никогда уже не имел надобности покупать себе второй»¹⁷.

Когда спрос на модели «Т» стал падать, в полной мере сказался и другой просчет Форда — давали о себе знать сделанные перед этим громадные затраты на интеграцию производства. Компания стала нести убытки и увольнять рабочих. Выпустив в мае 1927 г. 15-миллионный по счету автомобиль, Форд прекратил выпуск «жестяной Лиззи» и перешел на новую модель «А». Это был вполне современный автомобиль, стоивший дешевле «шевроле», но выпущен он был с опозданием. Форд и на этот раз хотел уготовить ему «долгую жизнь», но уже в начале 30-х годов столкнулся с конкуренцией более совершенного и почти столь же дешевого «плимута» фирмы «Крайслер».

Не лучше обстояли дела и с трактором «фордзон». Невнимание к организации его сбыта через автомобильных дилеров (никогда не имевших дело с сельскохозяйственной техникой) и игнорирование достижений конкурентов привели к свертыванию в конце 20-х годов производства тракторов. В 1925 г. Форд заинтересовался авиацией и начал строить цельнометаллические трехмоторные самолеты, совершавшие коммерческие рейсы между Детройтом, Чикаго и Кливлендом. Он раньше других промышленников оценил значение и перспективы нового вида транспорта, но как и в случае с тракторами, развернуть строительство самолетов на базе производства, узко ориентированного на выпуск и продажу автомобилей, было невозможно без коренной реорганизации управления. Простое же добавление новых производственных звеньев к уже существующим вносило разлад в организационную структуру компании, и без того разбалансированную ликвидацией высшего звена менеджмента, функции которого Форд пытался подменить личным волевым руководством.

Не умея анализировать спрос и соразмерять его с предложением, Форд принимал ошибочные волевые решения и на зарубежных рынках. Борьба с конкурентами в Европе в 20—30-е годы он пытался путем расширения производства и строительства новых автозаводов. Однако эти новостройки оказывались убыточными, так как не соответствовали емкости национальных рынков. Дилеры компании Форда в Англии не справлялись с заданиями по продажам и предпочитали иметь дело с британскими автомобилестроителями, которые в 1929 г. контролировали уже 75% сбыта.

Компания Форда потерпела поражение и в Германии. Если в 1930 г. она была на втором месте по продажам, уступая только компании Адама Опеля, то через два года оказалась на 9-м месте. В 1938 г. Форду удалось достичь четвертого места, но восстановить прежнее положение оказалось невозможным. И в этой стране возможности «Форд мотор компани» подорвало строительство нового автозавода (в Кёльне).

Экономика Веймарской республики переживала тяжелый кризис. А Форд, прибывший в октябре 1930 г. в Кёльн на закладку нового автозавода, самонадеянно заявил репортерам, что не видит в Германии никаких экономических трудностей. В этой стране «все люди работают, даже дети»¹⁸. Но если Форд целиком полагался на свои весьма субъективные представления о покупательной способности немцев, то «Дженерал моторс» тщательно проанализировала возможности германского рынка, на котором доминировала фирма «Опель». Вместо лобовой атаки на конкурента менеджеры «Дженерал моторс» пошли на соглашение с «Опелем», оказав этой фирме крупную финансовую и техническую помощь в обмен на участие в прибылях. Доля «Дженерал моторс» составила 80%, но реконструированная фирма «Опель» заняла ведущее положение в Западной Европе и в 30-е годы контролировала около 40% германского автомобильного рынка. Завод же Форда работал с большой недогрузкой, так как каналы сбыта автомобилей находились в руках конкурентов, и капиталы, вложенные в новостройку, не окупались.

Более успешным для «Форд мотор компани» оказалось сотрудничество с Советским Союзом, который остро нуждался в автомобилях и тракторах. Форд резко критиковал большевистский эксперимент: «Когда вводятся социальные законы, противоречащие законам природы, она отвергает их беспощаднее царей. Сама природа отвергла Советскую республику, которая пыталась отрицать естественный ход вещей, и главное — право человека на плоды своего труда»¹⁹. Вместе с тем он, как и многие другие американские бизнесмены, положительно относился к торговле с Советской Россией.

В 20-е годы советские внешнеторговые организации проявляли интерес к тракторам Форда, как к более дешевым и опробованным на практике. В 1924 г. у «Форд мотор компани» было закуплено 8300, а в 1925 г. — еще 12 тыс. тракторов. Руководству акционерного общества «Амторг», осуществлявшего внешнеторговую деятельность СССР в США, удалось впервые в практике компании Форда получить от нее экспортный кредит на совершение столь крупной сделки²⁰.

О том, какое значение придавало советское правительство установлению хороших отношений с компанией Форда, свидетельствует весьма резкое письмо Л. Д. Троцкого М. И. Фрумкину от 21 августа 1925 г., в котором предлагалось использовать для переговоров с Генри Фордом известного предпринимателя Арманда Хаммера, получившего концессию в СССР, и не полагаться в этом деликатном деле на «советского чиновника» И. Я. Хургина (председатель правления «Амторга»). Троцкий считал весьма желательным приезд в Советский Союз сына Форда Эдсела, с которым «мы пришли бы к соглашению насчет возможности большой работы Форда в России»²¹.

Проявляя большой интерес к тракторам Форда, специалисты «Амторга» отдавали предпочтение «паккардам» и автомобилям «Дженерал моторс»²². Однако фордовские автомобили поступали в СССР, а «Форд мотор компани» внесла наиболее крупный вклад в развитие советского автомобилестроения. В мае 1929 г. заместитель председателя ВСНХ СССР В. И. Межлаук заключил с Фордом договор о технической помощи его компании в строительстве Горьковского автозавода²³. В 20—30-е годы популярность Форда в Советском Союзе была весьма широкой, причем оценки, данные ему в литературе, в совокупности составили довольно правдивый образ не просто крупнейшего промышленника и капиталиста, но и незаурядного идеолога, задавшегося целью усовершенствовать мир по рецептам здравого смысла и этим выделявшегося в мире капитала.

Своим громким именем Форд был обязан не только созданию крупнейшего в мире производства автомобилей. В 1915 г. он выступил с политической инициативой, ошеломившей современников не меньше, чем 5-долларовая плата за рабочий день, и показавшейся общественности столь же

грандиозной, сколь и нелепой. Это был замысел остановить первую мировую войну, полыхавшую уже больше года. Генри Форд глубоко не вникал в причины войны, считая ее бессмысленной борьбой наций за передел материальных богатств, которая сама по себе ничего не решает. Свой же собственный деловой успех он расценивал как тот образ действий, который, будучи воспринят во всем мире, уничтожит основу для войн.

Производя как можно больше материальных благ, считал Форд, каждая нация начнет процветать и ей не понадобится отнимать что-либо у соседей. Он был готов возглавить кампанию за новое отношение людей и правительств к решению глобальных жизненных проблем. Именно идея всеобщего улучшения жизни на основе развития массового производства легла в основу политических проектов Форда. Все, что подчинялось элементарной логике, представлялось ему столь простым и очевидным, как достоинства модели «Т». Идеи, возникавшие на этой основе, легко овладевали его воображением и толкали в те сферы деятельности, где требовались иные представления, знания и способности.

Пацифистские организации в Европе и Америке вынашивали планы привлечения к мирному посредничеству нейтральных держав. В этом направлении и действовали люди, увидевшие в Форде наиболее подходящего делового партнера и, как бы теперь сказали, спонсора мирной инициативы. В ноябре 1915 г. Форд дал принципиальное согласие содействовать установлению всеобщего мира и одобрил опубликованное его пресс-секретарем поспешное и непродуманное заявление — «покинуть окопы к Рождеству».

Президент США Вудро Вильсон отказался поддержать эту инициативу, и Генри оставалось действовать на свой страх и риск. Не имея четкого плана действий, он зафрахтовал корабль для поездки мирной делегации в Европу. Предполагалось направить туда представителей различных групп и слоев американского общества, включая женщин и детей, чтобы создать образ Америки в миниатюре. Имелось в виду пригласить побольше «знаменитостей» — экс-президента США Уильяма Тафта, изобретателя Томаса Эдисона, бывшего государственного секретаря Уильяма Брайана, известную журналистку Иду Тарбелл, прославленного селекционера Лютера Бёрбанка и др. Но почти все знаменитости уклонились от участия в этом предприятии.

«Корабль мира» отплыл к берегам Норвегии в начале декабря 1915 года. По пути Форд сильно простудился и возвратился в январе 1916 г. в Детройт. Он продолжал финансировать мирную экспедицию, фактически не руководя ею. Пассажиры «Корабля мира» провели значительную работу, организуя встречи и пресс-конференции и устанавливая связи с пацифистами и государственными деятелями Европы. Европейская общественность и официальные круги отнеслись к этой мирной инициативе, связанной с именем Форда, с большим сочувствием и пониманием, чем американские. Французская пресса изобрела даже слово «фордизм», означавшее «прорыв дипломатической черствости и рутины и смелую замену правительственной сдержанности народной инициативой»²⁴.

Конечно, мирная экспедиция, снаряженная на деньги Форда, не могла остановить мировую войну, но она стала важным этапом в становлении негосударственной, народной дипломатии, сыгравшей столь значительную роль в международных отношениях XX века. Она не подорвала авторитет Форда, хотя и вызвала немало насмешек над ним в Соединенных Штатах. Он прослыл чем-то вроде «американского Дон-Кихота».

Строго говоря, экспедицию на «Корабле мира» нельзя назвать провалившейся — усилия ее членов по проведению мирной конференции в Копенгагене были остановлены нотой Вильсона от 19 декабря 1916 г. — официальным предложением посредничества. Весной же 1917 г. Форд круто изменил свое отношение к войне, став «оборонцем» и прекратив финансирование «Корабля мира». Пацифистов, свято веривших Форду, постигло жестокое разочарование. Впрочем «поворот к войне» совершил не один Форд, а вся страна.

Заводы Форда стали работать на войну. Помимо автомобилей раз-

вернулось производство противогазов, касок, цилиндров для авиаторов «Либерти», а в самом конце войны — легких танков и даже подводных лодок. Танки не получили одобрения военных, так как имели слабое вооружение и невысокую проходимость. Сказался консерватизм конструкторской мысли Форда, который продолжал эксплуатировать, в несколько модифицированном виде, все ту же идею легкого, массового и дешевого средства передвижения. Но репутация Форда поднялась на новую высоту, когда он во всеуслышание объявил, что не собирается наживаться на военных заказах и возвратит государству полученную им прибыль. Историки не нашли доказательств, что это обещание было Фордом выполнено, да и сама прибыль оказалась незначительной. Тем не менее это заявление произвело сильное впечатление на американских обывателей.

В годы первой мировой войны Форду не раз приходилось отбивать атаки ура-патриотической прессы. Когда в Мексике началась революция и обострились ее отношения с США, президент Вильсон в июне 1916 г. объявил о мобилизации национальной гвардии. Газета «Chicago Tribune» дала своим репортерам задание выяснить, проявят ли владельцы предприятий патриотизм сохранят ли за мобилизованными рабочими их места и заработную плату. Администрация заводов Форда дала на это отрицательный ответ. Тогда газета в редакционной статье назвала Генри «анархистом», игнорирующим законы и попирающим интересы нации. Другая кличка, данная ему газетчиками — «невежественный идеалист».

Форд вовсе не сочувствовал делу Мексиканской революции. У него были свои рецепты снятия социальной напряженности в Мексике — приобщение пеонов к производительному труду и внедрение справедливых отношений между предпринимателями и рабочими²⁵. Но для этого нужен был мир, а не военные авантюры. Подав на «Chicago Tribune» в суд за клевету, Форд в 1919 г. выиграл процесс, что впрочем стоило ему немалых унижений. Фактически Форд вовсе не был в оппозиции правительству и сохранил места за мобилизованными рабочими. На суде мультимиллионер обнаружил незнание элементарных вещей, известных каждому школьнику. Ему задавали самые простые вопросы по истории и политике и даже пытались проверить его умение читать, от чего Генри уклонился, сказав, что забыл взять очки.

Репортеры стремились доказать, что «властитель умов» «индустриальный гений» — всего лишь полуграмотный механик. Но неуклюжие ответы на суде лишь оттеняли его грандиозные деловые успехи, создавая противоречивый, но в целом привлекательный образ человека из простого народа, поднявшегося на небывалую высоту не благодаря книжной учености, а в силу природного ума, энергии и трудолюбия. Не таковым ли должен быть истинный американец, казалось, вопрошал Генри Форд, представ перед общественностью в качестве истца и одновременно — обвиняемого.

В конце первой мировой войны Генри привлек внимание политических кругов как возможная кандидатура в сенат. На него возлагал надежды президент Вильсон, нуждавшийся в сильных и авторитетных защитниках своего проекта создания Лиги Наций (позже Форд выступил в его поддержку, но как частное лицо). Огромная популярность, огромные финансовые и организационные возможности — например, возможность вести избирательную кампанию, используя в качестве агитаторов целую армию торговых агентов и дилеров, были, конечно, плюсами для будущего политика. Минусами же являлись отсутствие как необходимых знаний и эрудиции, так и определенной партийной принадлежности.

В 1918 г. Генри баллотировался на предварительных выборах в сенат по обоим спискам — и от демократов, и от республиканцев (это допускали законы штата Мичиган), рассчитывая заявить о своей политической позиции после победы. «Когда настанет время решать — я метну жребий или поручу решить вопрос моему секретарю», — самонадеянно рассуждал автомобильный король²⁶. Победив по списку демократов, Генри проиграл малоизвестному широкой публике республиканскому кандидату Т. Ньюбе-

ри, который и прошел в сенат, поскольку лучше всех других провел избирательную кампанию.

Форду оставалось только «насолить» новоиспеченному сенатору, обвинив его в финансовых злоупотреблениях во время избирательной кампании. Суду были предъявлены неопровержимые улики, собранные частными детективами Форда, и в 1920 г. Ньюбери был приговорен к штрафу и тюремному заключению. Верховный суд США пересмотрел приговор, но Ньюбери все равно пришлось подать в отставку. Однако по иронии судьбы место сенатора после него занял отставленный Фордом Дж. Казенс — его бывший компаньон, бывший менеджер и бывший друг.

В начале 20-х годов Форду представилась еще одна возможность прославиться — стать президентом Соединенных Штатов. Этот шанс появился у него в связи с грандиозным проектом электрификации и механизации сельского хозяйства. Наиболее подходящим местом для его начала Форд считал долину р. Теннесси в районе города Масл-Шолс, где на федеральные средства строились ГЭС и завод по производству минеральных удобрений. В 1922 г. Форд обратился к правительству США с предложением выкупить их у государства, но получил отказ, так как названная им сумма показалась недостаточной.

В то же время проект Форда вызвал энтузиазм значительной части сельского населения, увидевшего в нем реальную возможность преодолеть послевоенные экономические трудности. В 1923 г. в штатах Среднего Запада появились политические клубы, требовавшие включения «нашего Генри» в предварительные списки кандидатов в президенты США. В редакции газет шел поток писем и телеграмм в поддержку «индустриального гения», который-де лучше справится с экономическими трудностями, чем «банда политиканов».

В политическом мире кандидатура Генри Форда вызвала замешательство. Никто из видных деятелей обеих партий не выступил в его поддержку. Неожиданная смерть президента У. Гардинга в августе 1923 г. привела в Белый дом вице-президента К. Кулиджа. Этот многоопытный политик прекрасно видел непригодность Форда для управления страной. Необразованный, импульсивный, не имеющий политического опыта и знаний Форд не сумел трезво оценить обстановку — он стремился и приватизировать предприятия в Масл-Шолс, и стать президентом страны.

В конце 1923 г. Кулидж сделал ловкий ход, обещая Форду свою поддержку в деле приватизации Масл-Шолс и высказавшись в послании конгрессу за передачу предприятий в Масл-Шолс в частные руки на условиях, удобных для Форда, хотя и не называя его имени. «Автомобильный король» оценил этот дружеский жест, прекратив свою предвыборную кампанию и публично высказавшись в поддержку Кулиджа на выборах 1924 года. Большая часть голосов сторонников Форда перешла к Кулиджу.

Но от своей дружбы с президентом Генри ничего не выгадал. Конгресс, за которым было последнее слово, как и следовало ожидать, отказался совершить сделку с Фордом за предложенную им сумму, хотя Кулидж и предлагал конгрессу сделать главным условием приватизации не стоимость построек, а возможность выпускать дешевые удобрения, на что и рассчитывал Форд.

Все попытки Генри утвердиться в политической сфере, хотя и поддерживали внимание широкой публики к его имени, оказывались неудачными. Одни газеты безудержно хвалили его, другие ругали, третьи потешались над ним, но применительно к столь крупной фигуре, как Форд, это вполне вписывалось в нормы американской политической культуры. Его имя было у всех на устах, а политические промахи не снижали популярности. Они скорее даже могли усилить симпатии к нему рядовых американцев, особенно из сельской глубинки, покупавших дешевые фордовские автомобили и тракторы и презиравших политиканов. Кроме того, Форд не сделал ничего такого, что могло бы скомпрометировать его в глазах большинства американцев. Он не давал взяток, не нарушал законов, не совершал аморальных поступков. Наоборот, он имел достаточно оснований гордиться

тем, что все свое громадное состояние сделал честными методами, никого не грабя, платя рабочим «по максимуму» и выпуская самый дешевый в мире автомобиль.

Реальная сила Форда заключалась в его капиталах. Доходы компании, которая стала полной собственностью его семейства, были баснословными — в 1919 г. около 70 млн., в 1920 г. — 53,5, а в 1921 г. — почти 76 млн. долл.²⁷ Как единоличный собственник, он был богаче любого из «королей» Уолл-стрита, а значит, являлся богатейшим человеком в мире. Это наложило отпечаток и на его мировоззрение. Форд считал себя вправе проповедовать все, что, по его понятиям, необходимо было сделать для улучшения жизни на Земле, и до чего так и не додумались политики, государственные деятели и ученые мужи.

По представлениям Форда, у экономического процветания, к которому ведет массовое производство, был сильный и коварный враг — «международное еврейство», соблазняющее людей рецептами нетрудовой, «непроизводительной» наживы и само наживающееся на чужом труде, создавая торговый и денежный капитал, с помощью которого стремится господствовать над миром. На деньги еврейских банкиров, оплот которых в Америке — Уолл-стрит и профсоюзы, ведутся войны, совершаются революции, осуществляется целенаправленное развращение народа путем распространения проституции, порнографии, табака и алкоголя, коротких юбок, модных танцев... Всему этому Форд призывал объявить беспощадную войну. Недоброжелательное отношение к евреям и банкирам (между ними ставился знак равенства) было довольно широко распространено среди фермеров-протестантов Среднего Запада, из которых Форд и происходил, но у него оно стало своеобразным дополнением «философии» массового производства.

В 1921—1924 гг. в финансируемой Фордом газете «Dearborn Independent» появилось множество статей о «еврейском заговоре» против Америки и всего мира. Были опубликованы и пресловутые «Протоколы сионистских мудрецов». После антисемитской кампании в царской России это была крупнейшая попытка реанимировать черносотенные настроения. Главное доверенное лицо Форда — его секретарь Э. Г. Либолд привлек к сотрудничеству антисемита из России Б. Бразоля и официально заверил американских читателей, что «Dearborn Independent», печатающая статьи по еврейскому вопросу, является собственной газетой Генри Форда и он утверждает все, что в ней пишется. Это заявление было завизировано Фордом²⁸.

Развязав далеко не первую в истории Соединенных Штатов, но беспрецедентную по размаху, продолжительности и последствиям антисемитскую кампанию, Генри принялся энергично «спасать Америку». Не удовлетворившись статьями в провинциальной газете, он издал их в виде отдельных брошюр и сборника под заглавием «Международное еврейство».

Пропагандистская затея Форда, как и многие другие его политические начинания, потерпела фиаско. В США он нашел сочувствующих только среди ку-клукс-клановцев и им подобных, а за рубежом — у фашистов. Форд быстро оказался в моральной изоляции, а его попытки «раскапывать грязь» то об одном американском еврее, то о другом встретили энергичный отпор. Юрист У. Шапиро подал на Форда в суд, а известный кинопромышленник У. Фокс пригрозил ему выпуском на экране скандальной кинохроники об авариях фордовских машин на дорогах страны. Люди с репутацией безупречных христиан, включая бывших президентов США Вильсона и Тафта, уговаривали Форда прекратить «зловредную пропаганду», а У. Гардинг привлек для воздействия на Генри Эдисона, перед которым всегда преклонялся «автомобильный король».

Сконфуженный Форд принес евреям публичные извинения, и свалив всю вину на редакторов и издателей, в 1927 г. закрыл свою газету. Однако этим дело не кончилось. В начале 30-х годов нашумевшая в США фордовская литература о «международном еврействе» стала переиздаваться в Германии и других странах, а оттуда проникать в США. В Латинской Америке

она продолжала выходить вплоть до окончания второй мировой войны. Генри пытался оправдываться, но навлек на себя сильные подозрения еще и в потворстве германским нацистам. Его антисемитские произведения использовал Гитлер, прямо ссылавшийся на Форда не только в своих выступлениях, но и в американском издании «Майн кампф». Глава нацистской партии одобрял и сопротивление Форда профсоюзам, которые якобы контролируются евреями и являются инструментом их «всемирного заговора». По признанию лидера «Гитлерюгенда» Бальдура фон Шираха, немецкая молодежь и он сам зачитывались книгой Форда о «международном еврействе» и верили ему, поскольку-де самый богатый и преуспевающий человек в мире «знает, что говорит»²⁹.

Гитлер и другие нацистские главари не делали официальных признаний в получении ими денег от Форда, однако в печати фигурировали цифры финансовых «вливаний» «Форд мотор компани» в национал-социалистическое движение. В книге с выразительным названием «Трагедия Генри Форда» (1932 г.) приводится письмо председателя баварского ландтага президенту Германии Ф. Эберту от 7 февраля 1922 г., в котором сообщалось, что гитлеровское движение «частично финансировалось лидером американских антисемитов Генри Фордом... Гитлер открыто хвастается поддержкой Форда, превозносит его как великого индивидуалиста и великого антисемита. Его фотография висит в штаб-квартире Гитлера»³⁰. Немало говорилось и о людях из ближайшего окружения Генри Форда, связанных с антисемитами и фашистами.

Едва ли можно утверждать, что Форд сознательно помогал Гитлеру прийти к власти или явился одним из «крестных отцов» фашизма. Однако Гитлер явно симпатизировал Форду, прислав ему в день его 75-летия — 30 июня 1938 г. высшую награду рейха для иностранцев — Большой крест. Престарелый автомобильный король принял награду, расценив ее как благодарность за выпуск «фордов» в Германии и за трудоустройство нескольких тысяч немцев. Однако компания Форда находилась тогда на четвертом месте среди автомобилестроительных фирм Германии и испытывала всевозможные трудности. В фашистской Италии ее положение было еще хуже: за отказ поставлять грузовики армии Муссолини, вторгшейся в 1935 г. в Эфиопию, правительство дуче всячески препятствовало работе завода Форда, а в 1940 г. национализировало его. Та же судьба постигла и завод в Кёльне, который Генри отказался эвакуировать в Гамбург и начать на нем производство «фолькswagenов».

Генри Форд мало высказывался о Гитлере, но делал это в характерной для него манере. В конце августа 1939 г., накануне второй мировой войны, автомобильный король заявил: «Я не знаком с Гитлером лично, но в Германии люди по крайней мере обеспечены работой». Он не вникал в сущность политики фашизма и видел в нем лишь то, что ему всегда импонировало — развитие промышленности, высокую занятость, железную дисциплину, отсутствие профсоюзной «вольницы». Так или иначе, но после вступления США во вторую мировую войну, «Форд мотор компани» развернула работу на оборону, начала выпускать новое грозное оружие — бомбардировщики Б-24.

Выпады против евреев и подозрительное заигрывание с Гитлером сильно повредили репутации компании Форда в глазах американской еврейской общины. Еврейское население перестало покупать фордовские автомобили, и внуку старого Генри — Генри Форду II, сменившему в 1945 г. своего деда на посту президента компании, пришлось основательно потрудиться, чтобы постепенно восстановить нормальные отношения с этой довольно многочисленной и влиятельной группой американских граждан.

К числу стойких убеждений Форда относилось и его неприятие профсоюзов, которые, как он уверял, нарушают нормальный ход производства, вносят хаос в отношения между капиталом и трудом. Последняя в жизни Генри громкая политическая кампания была направлена на то, чтобы оградить заводы «Форд мотор компани» от этого «зла». К тому же Форд находился в оппозиции «новому курсу» Ф. Д. Рузвельта.

Ему импонировали президенты типа Гардинга, Кулиджа и Гувера, выступавшие за максимальную свободу частного бизнеса. «Новый курс» Форд не признавал, тем более что администрация Рузвельта окончательно похоронила надежды на приватизацию предприятий в Масл-Шолс, создав Управление долиной р. Теннесси, утвердила права профсоюзов (приняв закон Вагнера 1935 г. и создав НУТО — Национальное управление по трудовым отношениям, контролировавшее исполнение этого закона предпринимателями).

В 1936—1937 гг. главные конкуренты компании Форда — «Дженерал моторс» и «Крайслер» официально признали профсоюз автомобилестроителей, который с 1936 г. являлся коллективным членом Конгресса производственных профсоюзов (КПП). «Форд мотор компани» категорически отказала своим рабочим в праве на объединение и на коллективный договор. В 30-е годы условия труда на заводах Форда значительно ухудшилась: заработная плата уступала той, которую платили конкуренты, имели место всевозможные злоупотребления администрации: неодинаковая плата за один и тот же труд, сверхурочные работы без соответствующей компенсации, произвол при найме и увольнении, система слежки за рабочими и расправа с теми, кто пытался протестовать — вплоть до жестоких избиений.

Откат от патернализма к жестокому и бесконтрольному администрированию был связан с появлением в ближайшем окружении Форда новой, очень влиятельной личности — Гарри Беннета. Бывший моряк и боксер-любитель, Беннет начал свою карьеру в компании Форда с 1921 г., когда был назначен начальником охраны завода в Ривер-Руж. Вскоре он сделался главным телохранителем автомобильного короля и его семьи и возглавил многочисленный штат «частной полиции», состоявшей из бывших уголовников, спортсменов, отставных военных и т. п. Беннет имел «своих людей» и в преступном мире, и данное обстоятельство необычайно возвысило его в глазах стареющего Генри, решившего сделать этого субъекта своим доверенным лицом.

Именно Беннету Форд поручил «разобраться» с представителями профсоюза автомобилестроителей, которые пытались вести агитацию в Ривер-Руж. 26 мая 1937 г. молодчики Беннета устроили нападение на группу профсоюзных активистов, среди которых были и такие известные деятели рабочего движения, как Р. Франкенштейн и У. Рейтер. В конце 1937 г. НУТО обвинило «Форд мотор компани» в нарушении закона Вагнера, на что руководство компании ответило обращением в суд. В 1940 г. окружной суд вынес решение в пользу НУТО. Верховный суд США, куда апеллировал Форд, оставил это решение в силе. Несмотря на это, Генри продолжал отчаянно бороться за «чистку» своих заводов, увольняя всех сторонников присоединения к профсоюзу.

В апреле 1941 г. возмущенные рабочие забастовали. Упорство бастующих, отказ президента Рузвельта, прислать национальную гвардию для разгона «красных» и посредничество губернатора штата вынудили администрацию Форда сесть за стол переговоров. В конце июля старый автомобильный король, скрепя сердце, уступил. Его авторитет в стране оставался высоким, и при опросах общественного мнения большинство респондентов высказывалось в пользу Форда, а не профсоюзных активистов. Перед апрельской забастовкой менеджерам местных отделений компании было дано задание заручиться поддержкой издателей газет, чтобы начать защиту «дела Форда» в печати. Однако все легальные источники сопротивления были исчерпаны. Пример «Дженерал моторс», продолжавшей успешно сотрудничать с профсоюзной организацией, боязнь лишиться покупателей-членов профсоюзов и государственных заказов (из-за нарушения закона Вагнера), наконец, требования жены, пригрозившей разводом в случае отказа от соглашения с профсоюзами — все это сломило упрямство Генри.

Оказавшись загнанным в угол, Форд неожиданно для всех сделал «жест доброй воли». Он не только согласился со всеми положениями коллективного договора, но и сам предложил установить наивысшую в отрасли

заработную плату, ввести принцип «закрытого цеха» и перечислять взносы его членов в бюджет профсоюза автомобилестроителей. Профсоюзные деятели, в свою очередь, сняли все обвинения в адрес компании и приступили к деловому сотрудничеству с администрацией. С обеих сторон это был дальновидный шаг, поднявший репутацию Генри Форда — как «лучшего друга рабочих» — и авторитет его компании накануне вступления США во вторую мировую войну.

30-е и 40-е годы стали для Генри периодом «безвременья». Он мало интересовался производством, почти не бывал на заводах. Хотя после модели «А», имевшей кратковременный успех, с конвейеров сходили «форды» новых конструкций, прибыли компании оставались низкими. Старейший автомобильный король передал значительную часть дел своему сыну Эдселю. Подрастал и внук Генри. Они критически относились ко многому в деятельности Генри-старшего, не одобряли его антисемитизм и борьбу против профсоюзов, но особенно ненавидели или же побаивались всесильного Беннета. Сам Генри-старший был, в свою очередь недоволен сыном, называл его «неженкой». Эд обладал покладистым, мягким характером, изящными манерами, интересовался книгами и искусством, да к тому же имел самостоятельные взгляды на жизнь. В глазах отца он олицетворял новое — «легкомысленное и беспечное» — поколение американцев.

«Новая Америка» обгоняла идеалы Форда на каждом шагу. Устав идти против течения, он все больше замыкался в себе и находил отраду и утешение в разнообразных «хобби». Еще в 20-е годы он стал окружать себя атрибутами столь милой его сердцу старой провинциальной Америки. Деревушка Гринфилд близ Детройта стала грандиозным музеем, вместившим великое множество самых разнообразных памятников старины. Это были не только вещи, но и перевезенные из разных концов страны целые здания — как мемориального значения, так и просто «памятники эпохи». Среди экспонатов был даже средневековый английский коттедж с оградой.

Форд не коллекционировал антиквариат по определенной системе. Он просто собирал всё подряд — деревенские кузницы, старинные почтовые кареты, допотопные паровые машины, керосиновые лампы, бокалы, семейные альбомы, кринолины, кухонную утварь и т. п. В его музее нашлось место и для лабораторий Эдисона и Бёрбанка, мастерской братьев Райт, и конечно, для первых экипажей с мотором, построенных им самим на заре автомобилизма.

Другой страстью Генри Форда стали старомодные деревенские танцы, которые он любил до самозабвения — «шотландский», «виргинский», лансье и веселая кадрили. Чтобы заслужить милость своего патрона, инженеры и администраторы компании со своими женами должны были принимать участие в возрождении старинной плясовой музыки. Генри и его жена Клара первыми подавали пример. От души презирая фокстроты, чарльстон и другие новомодные танцы, автомобильный король считал возврат к старинной танцевальной культуре настолько серьезным и важным делом, что подумывал даже о написании книги, по которой все будут учиться правильно танцевать.

Генри Форд был принципиальным противником благотворительности и отказывал в какой-либо помощи даже уволенным с его заводов рабочим. Он ничего не давал в фонд социального вспомоществования Детройта, но сын и жена Форда постоянно жертвовали значительные суммы местным благотворительным организациям, Детройтскому симфоническому оркестру и Институту искусств. В конце 20-х — начале 30-х годов Эдсел Форд оказывал финансовую помощь известному полярному исследователю, летчику Р. Э. Бэрду. В 1936 г. было положено начало знаменитому «Фонду Форда», который после 1950 г. стал одной из крупнейших филантропических организаций международного значения.

Последним крупным производственным достижением компании при жизни ее основателя стал новый авиационный завод в Уиллоу-Ран (штат Мичиган), на котором в годы второй мировой войны развернулось поточное производство четырехмоторных бомбардировщиков Б-24 («Либерей-

тор»), самое крупное в США. Хотя вместо обещанной в 1940 г. тысячи боевых машин завод давал до 428 в месяц, это был значительный вклад в технологию самолетостроения. Принцип конвейера позволил снизить стоимость «Либерейтора» с 238 тыс. в 1942 г. до 137 тыс. долл. в 1944 году. Впоследствии на базе этого завода было начато производство знаменитых Б-29 («Летающая крепость») ³¹.

В 1943 г. Генри Форд лишился единственного сына Эда, умершего после тяжелой операции по поводу рака желудка. В 1945 г. он передал пост президента компании своему внуку Генри Форду II, а 7 апреля 1947 г. скончался.

«Человек-легенда», живой символ индустриальной Америки оставил историкам немало пищи для размышлений. В чем же состояли конкретные достижения и заслуги Генри Форда? Обладал ли он в действительности качествами выдающегося предпринимателя и менеджера? Наконец, в какой степени бизнес и другая деятельность Форда были связаны с особенностями его мировоззрения, и насколько оно соответствовало качествам делового человека и тому высокому положению, которое Форд занял в мире большого бизнеса?

Трудно сказать, самому ли Форду или кому-нибудь из его сослуживцев первому пришла в голову идея модели «Т», сборочного конвейера, 5-долларовой оплаты рабочего дня и других новаций, прославивших «Форд мотор компани» на весь мир. В период успешной деятельности компании под началом Форда работало немало способных инженеров и менеджеров, но все лавры доставались ему одному. Однако у Генри имелась своя оригинальная концепция автомобильного бизнеса, именно он определял цели и стратегию компании, принимал окончательные решения, какие проекты реализовать, а какие отбросить. Главное же состоит в том, что он прекрасно разбирался в технике и технологии автомобилестроения и мог компетентно судить обо всех производственных вопросах. Идеи максимальной рационализации производства, как и понимание необходимости усовершенствовать отношения между капиталом и трудом, доказали свою жизнеспособность. В практическом решении этих вопросов автомобильный король опередил других крупных предпринимателей.

Как уже отмечалось, совершенствование автомобиля Генри считал основной задачей компании, а финансирование, продажу и менеджмент — производными и второстепенными ³². Будучи механиком по призванию, автомобильный король не сумел стать ни гибким коммерсантом, ни хорошим менеджером. Потребительские свойства выпускаемого продукта он поставил в зависимость от расширения и удешевления производства. Но то, что казалось Форду «революцией» в бизнесе, на деле было тупиковой линией. «Дженерал моторс» и других его конкуренты сумели поставить автомобильный бизнес на гибкую, динамичную основу маркетинга.

Ему мешало и однобокое, предвзятое отношение к финансовому капиталу, кредиту и ценным бумагам. Форд отбрасывал такой важный источник финансирования производства, как выпуск акций. Делясь с рабочими частью прибыли компании в форме высокой заработной платы, Форд вознаграждал их за труд, но не считал нужным делать их соучастниками бизнеса и посредством акционирования.

Доходя до всего «своим умом» и осуществляя волевое, единоличное руководство, он часто пренебрегал советами квалифицированных специалистов. Из научного менеджмента начала XX в. он заимствовал исключительно рациональное построение производственного процесса, но игнорировал другие его направления.

Форд не уделял внимания подготовке профессиональных менеджеров, пренебрегал морально-психологическими факторами. Между тем еще Тейлор подчеркивал, что никакую благотворительность рабочих не ценит так высоко, как дружеское общение с ним руководства; он специально останавливался на значении воспитания «более умелых и интеллигентных рабочих» (организация дешевых столовых, читален, публичных лекций, вечерних курсов, спортивных площадок и т. д.) и считал профсоюзы полезным

элементом в гармонизации отношений между предпринимателями и рабочими³³. Ничего этого не было у Форда. Работа и только работа выполняет роль учителя и руководителя, повторял Генри, а чтобы работать рука об руку, незачем «нравиться друг другу»³⁴. Не случайным был и переход Форда в 30-е годы к жесткому «силовому» управлению — с массовыми увольнениями и частной полицией Беннета.

Конечно, такая крупнейшая автомобильная компания, как «Форд мотор компани», не могла обойтись без менеджмента, отлаженной системы управления в высшем и среднем эвене, включая и филиалы компании. Но в целом фордовский стиль руководства был авторитарным, а принятие решений — интуитивным, справедливо писал один американский историк³⁵. Ни один промышленник не превзошел Форда в концентрации индустриальной мощи и ускорении производственного процесса, но ни один так не цеплялся за устаревшую систему администрирования и допотопные методы ведения бизнеса, констатировал другой историк³⁶. Представления Форда о бизнесе и управлении предприятием остались на уровне прошлого столетия.

Зато интересы Генри Форда были намного шире и разностороннее, чем у любого банкира и менеджера. Электрификация сельского хозяйства, промышленные поселки, новые материалы для изготовления автомобиля, утилизация отходов, обработка сои и льна, новые паровые турбины, самолеты и дирижабли, промышленные стандарты и эксплуатация железной дороги — вот далеко не полный перечень того, что «держал в голове» Генри Форд. К этому следует добавить массу соображений по всяким другим вопросам, включая планировку больничных зданий и даже охрану перелетных птиц. Необычайная популярность механика-самоучки опиралась не на демагогию и обман доверчивой публики, а на реальные успехи и достижения, в основе которых — стремление удовлетворить потребителя.

Современники не зря прозвали Генри «идеалистом», имея при этом в виду, что он вел дела не по каким-то канонам и правилам, а как сам считал нужным. Его «руководящая идея» представляется своеобразным «сплавом» технократизма и патриархальности. По словам американского писателя Э. Синклера, Генри Форд был супермехаником с кругозором упрямого фермера, который считал, что люди будут пользоваться машинами и удобствами нового мира, сохраняя идеалы старого³⁷. Многие его идеи были обращены в прошлое или возникли на почве неприятия «новой Америки». Форд исповедовал пуританские принципы общественно-полезного труда, праведного, трудового обогащения, подразумевающего усердие, чувство долга, безупречную нравственность, умеренную прибыль и разумные траты. Любовь к техническому прогрессу в сочетании с консервативными идеалами и защитой традиционных ценностей составляют одну из типичных черт «американского характера». Генри Форда можно отнести к его классическим образцам.

Примечания

1. Их первые издания: ФОРД Г. Моя жизнь, мои достижения. Л. 1924; его же. Сегодня и завтра. М.—Л. 1927. Сам Форд не является автором текста — он принадлежит перу известного американского журналиста С. Краутера, изложившего в литературной форме его идеи. Переводы на русский язык были сделаны с многочисленными сокращениями и купюрами главным образом по идеологическим причинам. Последние издания 1989 и 1992 гг. выполнены без каких-либо изменений со старых переводов. Остальные работы Г. Форда на русский язык не переводились.
2. АНДРЕЕВ И. Л. Феномен Генри Форда (вместо послесловия). См. ФОРД Г. Моя жизнь, мои достижения. М. 1989 (далее цитируется это издание); КОЧЕРИН Е. А. От научного редактора серии «Классики менеджмента». См. Форд Г. Сегодня и завтра. М. 1992.
3. См., в частности: CHANDLER A. Scale and Scope. Cambridge (Mass.), 1990, pp. 204—210, 223, 231, 345—346, 530 etc.
4. NEVINS A. Ford: the Times, the Man, the Company. N. Y. 1954, pp. 644, 646—647, 652.

5. ФОРД Г. Моя жизнь..., с. 45—127.
6. Там же, с. 89—92.
7. NEVINS A. *Op. cit.*, p. 468—475.
8. ФОРД Г. Моя жизнь..., с. 106.
9. MEYER S. *The Five Dollar Day*. Albany (N. Y.), 1961, p. 123—147.
10. NEVINS A. *Op. cit.* P. 560.
11. ФОРД Г. Моя жизнь.. с. 148—174, 189—193; его же. *Сегодня и завтра*, с. 126—135, 159—166.
12. ФОРД Г. Моя жизнь..., с. 96, 156.
13. Там же, с. 16—17, 128—147.
14. LEWIS D. L. *The Public Image of Henry Ford*. Detroit. 1976, p. 39, 74—76, 115, 129.
15. ФОРД Г. *Сегодня и завтра*, с. 107—116.
16. Цит. по: БУРСТИН Д. *Американцы: демократический опыт*. М. 1993, с. 692—693.
17. ФОРД Г. Моя жизнь..., с. 122.
18. CHANDLER A. *Op. cit.*, p. 530.
19. FORD H., CROWTHER S. *My Life and Work*. Lnd. 1928, p. 4.
20. ФУРАЕВ В. К. *Советско-американские отношения, 1917—1939*. М. 1964, с. 47, 130.
21. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 413, оп. 2, д. 2040, л. 6-7.
22. Там же, л. 28—30; оп. 3, д. 1484, л. 152, 154; д. 2111, л. 7, 31, 32.
23. ФУРАЕВ В. К. *Ук. соч.*, с. 154.
24. ЛОКНЕР Л. П. *Генри Форд и его «Корабль мира»*. Л. 1925, с. 155. О фордовской миссии мира см. также: CRAFT B. S. *The Peace Ship: Henry Ford's Pacifist Adventure in the First World War*. N.-Y. 1978.
25. LEONARD J. N. *The Tragedy of Henry Ford*. N.-Y. 1932, p. 130—233, 154.
26. Цит. по: *Ibid.*, p. 138. Подробно об избирательной кампании Форда см.: ERVIN S. *Henry Ford vs. Truman S. Newberry*. N.-Y. 1974.
27. NEVINS A. *Op. cit.*, p. 647.
28. LEONARD J. N. *Op. cit.*, p. 200, 203—204.
29. LEWIS D. *Op. cit.*, p. 143, 153—154.
30. Цит. по: LEONARD J. N. *Op. cit.*, p. 208.
31. Цит. по: LEWIS D. L. *Op. cit.*, p. 152, 267—268, 361—362.
32. ФОРД Г. Моя жизнь..., с. 21.
33. ТЕЙЛОП Ф. У. *Менеджмент*. М. 1992, с. 125—126, 135—136.
34. ФОРД Г. Моя жизнь..., с. 81, 82.
35. NEVINS A. *Op. cit.*, p. 568—587.
36. LEWIS D. L. *Op. cit.*, p. 277.
37. СИНКЛЕР Э. *Автомобильный король*. М. 1957, с. 106, 180.

Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева

Ворох военных и мирных проблем

Как известно, мы провели сокращение численного состава Советских Вооруженных Сил. Это был тоже один из самых болезненных вопросов. В свое время Сталин считал, что мы находимся накануне возможного нападения со стороны США. Все в СССР было приведено в боевую готовность. И армию мы содержали огромную, в пять с лишним миллионов человек. Очень накладно в мирное время иметь такую армию. С нею можно без всякой войны надорвать экономику страны, самим осуществив то, чего именно и добивается наш противник. Он достигнет своей цели без войны. А бороться за разоружение или хотя бы сокращение вооружения, когда имеешь огромную армию, невозможно. Никто нам на слово не поверит. И скрыть такую армию нельзя, разведки и тогда знали, и сейчас знают состав армий двух сторон. Американцы основные цифры вообще не держат в секрете, публикуя их в печати. Мы скрываем, но результат тот же. Когда я читал сводки из зарубежной прессы или материалы закрытого характера, то видел, что американцам точно известен и состав нашей армии, и ее вооружение, и даже новые виды оружия. Я как-то спросил Малиновского: «Что же это такое? Их агенты имеются в нашем Генеральном штабе? Как противник столь быстро узнает все наши новости?» Малиновский пожал плечами: «Видимо, тут заслуга его воздушной разведки и других технических средств».

Мы честно хотели убедить своих бывших союзников в том, что нужно отказаться от войны как средства политического нажима и вмешательства во внутренние дела других стран, призывали пойти на сокращение вооруженных сил, а потом и на полное разоружение. Решили продемонстрировать свои мирные намерения, ликвидировав военно-морскую базу в Финляндии и выведя наши войска из Китая. Потом стали думать о численном сокращении вооруженных сил. Мы накопили некоторое количество единиц ядерного оружия и его носителей, наша огневая мощь возросла во много раз. А ведь сила армии определяется в настоящее время не количеством солдат: именно огневая мощь определяет поражение противника. Поэтому мы считали, что ничем не рискуем. Наоборот, сокращая армию, обогащаем бюджет и обретаем возможность переключить ресурсы на развитие средств производства и средств потребления ради повышения жизненного уровня граждан. Особенно остро стояла жилищная проблема. Требовались круп-

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 2—12; 1991, №№ 1—12; 1992, №№ 1—3, 6—9, 11—12; 1993, №№ 2—10; 1994, №№ 1—8, 10—12; 1995, №№ 2—3.

ные средства на жилищное строительство, чтобы ликвидировать голод на жилье и те нечеловеческие условия, в которых жили наши люди.

Придя к выводу, что можем сократить Советские Вооружённые Силы, мы уменьшили даже воинский контингент, расположенный в ГДР. Сами восточные немцы имели тогда небольшую армию. В целом мы опустили численность нашей армии до двух с половиной миллионов человек. Армия США в то время примерно была такой же, ФРГ обладала сначала малыми силами, потом расширила их и ныне имеет у себя все виды вооружения, кроме ядерного. Несмотря на наш добрый пример, наши бывшие союзники не последовали за нами и отказались от честного соглашения.

Американцы настаивали на параллельном авиационном контроле, охватывающем всю нашу страну. Мы в то время пойти на это не могли, так как были вооружены слабее, чем США с их союзниками, и не хотели выявить это. Допустить к себе контролеров означало позволить потенциальному противнику разведать, чем мы располагаем, и взвесить соотношение сил двух сторон, что могло бы подтолкнуть агрессоров к войне. Мы согласились лишь на уступки, допуская контролеров на определенную часть нашей пограничной территории. Если на границах установить на какую-то глубину контроль, он позволит предотвратить внезапное нападение обычных вооруженных сил, а любое внезапное нападение на соседа вообще исключается. Мы соглашались также на установление взаимного контроля на аэродромах, которые допускают быстрое сосредоточение войск в нужном направлении. Но и это не нашло понимания, соглашения не достигли.

У СССР остался единственный выход: продолжать укрепление обороноспособности и наращивать вооружения. Но разумно наращивать, не поддаваясь панике или запугиванию, которое нередко проводится разведками с целью вынудить противную сторону затратить лишние средства. А вооружение быстро стареет, потом его выбрасывают, тратят новые средства, и так без конца. Непрерывная гонка вооружений ведет к истощению страны и губительно отражается на жизненном уровне народа. Конечно, военные люди всегда высказываются за перевооружение. Но и тут возникли проблемы. Одна из них связана с именем человека, которого я очень уважал и высоко ценил за его заслуги в войне, ставшего в 1961 г. Главным маршалом артиллерии Варенцова, чья карьера оборвалась вследствие предательства близкого к нему полковника Главного разведывательного управления Пеньковского. Варенцов, обожавший ствольную артиллерию, болезненно переживал переход к ракетному оружию. Это ему принадлежит знаменитая фраза: «Голоса пушек — симфония, голоса ракет — какофония».

Конечно, Варенцов возражал против сокращения артиллерии. Дело осложнилось тем, что военные долго спорили, какой необходим для ракет транспорт: гусеничный или колесный? Этот не праздный вопрос, в нем объединяются стоимость, дальность хода, срок службы, скорость передвижения. Ученые и конструкторы дали правильное решение, создав необходимые колесные средства. Но тут же заговорили о транспорте для пехоты. Требовались не только грузовики, а транспорт, имевший броневое покрытие. Броня защищает. Однако она и утяжеляет транспорт, зато создает лучшие моральные и физические условия для бойцов. О ее необходимости не спорили. Дискутировали опять по поводу гусениц либо колес. Остановились на многоосевом колесном транспорте высокой проходимости. Затем встал вопрос о массовом воздушном транспорте большой грузоподъемности. Дело упиралось в строительство вертолетов. Оно решалось конструктором Милем, который создал семейство вертолетов отменной прочности, надежности и грузоподъемности. В беседах с ним я нацеливал его конструкторское бюро на создание вертолетов и в мирных целях, особенно для прокладки газопроводных и нефтепроводных магистралей, когда приходится преодолевать горы, болота, другие труднопроходимые места. И те же аппараты предназначались для транспортировки боеприпасов, вооружений, средств обеспечения и самих войск.

В данной сфере кроме Миля работал у нас еще и Камов, старый испытанный конструктор, который трудился над транспортом для сельско-

го хозяйства и создал ряд вертолетов специального назначения. Когда я был в гостях у президента США Эйзенхауэра и летел с ним из Вашингтона в Кэмп-Дэвид, то попросил его посодействовать нам в закупке двух вертолетов для советского правительства. Мы купили пару вертолетов, близких к тем, что имелись у нас. Но мне хотелось, чтобы наши ученые и конструкторы позаимствовали лучшее от техники США, используя покупку. Я не раз летал на вертолетах отечественного производства. Однако охрана не рекомендовала мне широко пользоваться этим видом транспорта, поскольку у нас порой случались катастрофы. Не стану сравнивать разные вертолеты в чисто техническом отношении. Однако, продав свои Индии, мы устроили там испытания вертолетов разных советских, американских и прочих марок. Наши заняли первое место, после чего Индия стала приобретать именно их. Потом в Крыму и на Кавказе организовали трассу по переброске пассажиров на курорты этими летающими автобусами. В годы моего руководства не произошло ни одной катастрофы вертолетов с гражданскими пассажирами в СССР. И летчики, и техническое обслуживание находились на хорошем уровне.

Только что мы создали ракетные войска во главе с Неделиным, как нас стал занимать вопрос противоракетной обороны. После гибели Неделина его заменил Москаленко, которого затем сменил Крылов. Поскольку на вооружение принята ракета, автоматически возникает требование наличия средств ее уничтожения — противоракетной ракеты. Это дорогое и сложное удовольствие. Но мы вынуждены были приступить к такой работе и организовали соответствующее конструкторское бюро во главе с Кисунько. Его коллектив изготовил и собственно противоракету, и другую технику, направляемую против ракетных средств противника. Подбадривая своих и пугая противника, я тогда публично говорил, что мы способны поразить муху в космосе, хотя абсолютное уничтожение запущенных атомных боеголовок, особенно если их много, оказалось в ту пору невозможным. Имелись, впрочем, и иные творческие предложения, их мы тоже финансировали и приняли решение о создании особых противоракетных сил.

Работал над этой проблемой, среди других, и Челомей. Но ему создать противоракетные средства, которые давали бы нам возможность спать спокойно, при мне не удалось. Достижение же договоренности с ракетно-ядерными державами о прекращении работ по противоракетной технике диктовалось стремлением не подвергать страну угрозе новой военной катастрофы и одновременно не истощать материальные ресурсы. Даже при любых затратах абсолютной защищенности, как я думаю, никогда не удастся добиться. Мне рассказывали ученые о перспективных работах с космическими лучами и с лазерами. Не знаю, в каком состоянии находится это дело в данное время, но полагаю, что самое благоразумное — договориться всем странам о прекращении всяких работ над противоракетным вооружением. Еще при мне и вскоре вслед затем президент США Джонсон воздерживался от крайностей, и средства на такие работы там не отпускались. Когда в Белый дом пришел Никсон, он объявил, что приступит к созданию противоракетной системы. Это подхлестнуло Советский Союз, развернулся очередной этап гонки вооружений, бессмысленных затрат человеческих усилий, истощающих экономику и отягощающих бюджет.

В иностранной печати и при встречах со мной на пресс-конференциях журналисты разных стран часто поднимали вопрос: мог бы Советский Союз предпринять какие-то совместные с США усилия для полета на Луну и вообще в освоении космоса? Мне эта идея нравилась. В 60-е годы мы потрясли мир запусками на орбиту и к Луне космических предметов, запуском людей в космос. За Гагариным последовали другие. Тут мы в те времена опережали США. Не случайно тогда нам подбрасывали мысль об объединении космических усилий и о том, чтобы СССР поделился опытом строительства ракет и их двигателей. Я здесь не говорю об официальных обращениях правительственных органов иных стран, но порой журналисты выполняют задания своих правительств и вносят идею, за которую их

правительства якобы не отвечают, однако взвешивают, как принимается эта идея другой стороной.

Особый упор делался на ракетные двигатели. Советский Союз опережал США в космическом двигателестроении. Я понимал, что это временное явление. Всегда находиться впереди других немислимо, потому что источник создания космических средств всюду один и тот же — наука и техника. А они являются по сути общими. И если на какой-то период в какой-то сфере мы опережали других, то те потом приложат усилия, выделят материальные средства, сами станут ведущими и могут опередить нас. Вот почему я полагал желательной договоренность с США и прочими странами о создании международной организации по освоению космоса, чтобы все делили не только славу, а и материальные тяготы. Однако в пору, когда я имел влияние на решение этой проблемы в СССР, мы оказались к тому не готовы: не решались раскрыть свои технические и научные секреты, ибо еще не достигли равенства в средствах вооружения. США успели накопить больше ядерного оружия. Правда, пока они базировались на самолетах-бомбардировщиках, но вскоре и у них пошли в дело ракеты.

На положении пенсионера я пользуюсь сейчас лишь газетными сведениями, очень скудными, так что мне трудно разобраться в истинном положении дел в этой сфере. Однако для меня бесспорно: программу, которую утвердил президент Кеннеди, американцы уже выполнили. Он поставил перед учеными и конструкторами задачу наверстать упущенное, создав ракеты, которые позволили бы человеку полететь на Луну, и там этого достигли. Их космонавты уже побывали на Луне. Но сейчас по-прежнему наша печать и телевидение убеждают, будто мы находимся впереди. Это несерьезно. Конечно, «Луна-16» и «Луна-17», которые работали недавно, осваивая лунную поверхность и информируя Землю,— тоже огромное достижение наших ученых. И все же человек, побывавший на Луне, не сравнится с любым умным автоматом, который остается творением человека, ибо тут полетел сам творец. Побывав там и посмотрев на все, он лучше познает новый мир, чем технические средства. Я мечтал, что на Луне первым побывает наш Иван. Не вышло, Джон опередил. Но уже в 1964 г. я считал возможным договориться с США и другими странами об учреждении коллективной организации по освоению космоса. В интересах человечества разумнее объединить усилия. Это способствовало бы прогрессу науки, техники и снятию напряженности между странами. Полагаю, что тут необходимо гораздо смелее идти вперед.

Возвращаясь к двигателям уже не техническим, а биологическим — к человеческим уму и сердцу, напомним, что у нас роль такого двигателя в науке по созданию ядерных средств выпала Курчатову, о котором я уже не раз упоминал. Незачем говорить тут о его достоинствах как ученого, он был признан во всем мире. Но я хочу высказать свое мнение о нем как о человеке. Мне с ним приходилось встречаться много раз и слушать его не только по проблемам ядерной физики. Он приходил ко мне в связи и с другими делами. Зная мое расположение к нему, неоднократно просил помочь развитию той или другой отрасли науки. Я всегда внимательно выслушивал его, относясь к нему с большим доверием, и считал, что он весьма порядочный человек. Ученые тоже порой сугубо эгоистически подходят к любой проблеме, стараясь что-то вырвать специально для себя. Курчатов был не таким, хотя, будучи предан своей сфере науки, он прежде всего думал о ней и двигал ее вперед. Но содействовал и другим, когда считал вопрос принципиальным.

При распределении средств нам приходилось выбирать самое необходимое, то, что было связано с общим развитием науки и техники, культуры и экономики, а в первую очередь с обороной страны. Курчатов отличался здесь от других ученых правильным пониманием необходимости выделения средств на основное, без чего не будет неприступности СССР, прежде всего на ядерное вооружение. Уже перед самой своей смертью он приходил ко мне с новыми идеями и в конце беседы сказал: «Считал бы полезным официально утвердить меня Вашим советником по вопросам

науки, то есть советником Председателя Совета Министров СССР». «Это мне нравится,— поддержал я его,— мысль заслуживает внимания. Посоветуемся, и при нашей следующей встрече я выскажу Вам наше мнение». Увы, более нам не довелось встретиться. Спустя всего несколько дней я узнал о скоростижной кончине этого великого ученого и замечательного человека.

Когда Курчатов предложил свои услуги в качестве советника, я понял, что мне нужен именно такой человек, которому я бы абсолютно доверял. Он идеально подходил для установления более тесных контактов правительства с ученым миром. Это оказалось бы полезным и для науки, и для обороны страны. Он помог бы руководству правильно оценивать ход событий и в нужное время выделять средства, необходимые для прогресса того или иного научного направления. Конечно, не раз заслушивал я и других ученых. Так, буквально потряс меня своим предложением Сахаров насчет создания водородной бомбы. Его расчеты полностью оправдались. Как известно, впоследствии у руководства с ним произошла размолвка по вопросу испытания водородной бомбы. Здесь он, в отличие от Курчатова, проявил недопонимание государственных интересов. Мы-то взрывали водородную бомбу не с целью подготовки к нападению на какую-то страну, а лишь для обороны. У меня с Сахаровым не было расхождения по существу вопроса, и я прошу понять мою позицию, когда я как политический деятель и один из руководителей страны обязан был использовать все имевшиеся средства для усиления оборонной мощи страны.

Других ученых и конструкторов атомного оружия не стану здесь называть, хотя невозможно, например, обойти при этом Зельдовича, Харитона и Будкера. Зельдович с коллегами трудился над технической стороной конструкции водородной бомбы. Это были люди, благодаря усилиям которых мы сравнялись с США по ядерному оружию. Американцам в некоторых случаях даже приходилось занимать как бы оборону. Они называли ее сдерживанием. Затем немалую роль в укреплении СССР сыграли ученые, работавшие над атомными двигателями для подводного флота. Я несколько раз встречался с ними и хорошо их знал. Атомные двигатели для подлодок были нашей заветной мечтой, с ними подводный флот мог плавать во всех океанах. У нас-то нет заморских баз. Наш флот, выйдя из своих портов, вынужден, избороздив океаны, возвращаться туда же. Длительность пребывания в подводном состоянии могли обеспечить только атомные двигатели.

А помогали ли тут нам иностранцы? В том числе тайно? Упомяну в этой связи об Этель и Джулиусе Розенберг, которые, находясь в США, передали нам некоторые секреты. В свое время Сталин очень тепло отзывался о них. Были и другие лица, сочувствовавшие СССР. Когда-то настанет время, и окажется возможным рассказать обо всем открыто, выразив нашу признательность тем людям, кто отдавал свою жизнь, помогая Советскому государству противостоять империалистическому миру.

Когда мы заслушивали ученых относительно космоса и ракетно-ядерного вооружения, часто с докладом выступал Келдыш. Келдыш и Курчатов в нашем понимании тогда были связаны неразрывно, как люди, работавшие над созданием баллистических ракет и ядерных зарядов к ним. Поэтому к Келдышу у нас тоже было особое уважение. Когда на одном из заседаний Совета Министров СССР, пригласив туда президента Академии наук СССР Несмеянова, высказали в его адрес критические замечания, он, будучи спокойным и очень деликатным человеком, предложил: «Может быть, следует вместо меня назначить на пост президента Академии наук Келдыша?». Мы его поддержали: «Обсудим, подумаем». Вскоре пришли к выводу, что, действительно, полезно было бы выдвинуть Келдыша президентом. Несмеянов подал в отставку, а Келдыша поддержал научный мир, избрав его своим президентом.

До меня по сей час доходят слухи, что не все ученые довольны Келдышем. Это не должно никого удивлять: трудно, занимая такой пост, угодить буквально всем. В науке вообще много индивидуального, каждый

ученый — со своим характером, своим пониманием дел и своими запросами. Предположить, что все могут одинаково относиться к президенту, невозможно. Я же считаю, что выдвижение Келдыша президентом было очень удачным решением.

С большим уважением относился я к вице-президенту Академии наук СССР Лаврентьеву. Я с ним познакомился, когда он работал еще в Академии наук УССР, где тоже был вице-президентом. Этот человек нравился мне своей простотой, настойчивостью при реализации программ и научной гениальностью. Он тоже многое сделал для обороны страны, привлекаясь как консультант по ряду вопросов оборонного строительства. Кажется, именно он подал идею создания у нас кумулятивных боеприпасов, в которых концентрируется взрыв в определенном направлении. Кумулятивный снаряд оказался очень действенным средством против брони. После войны его усовершенствовали. Однажды Лаврентьев предложил мне поехать на испытания: «Я покажу Вам заряд из взрывчатки определенной формы, положу его на лист железа, мы его подорвем, и он пронзит этот лист». Все так и произошло. Лаврентьев объяснил, что этот заряд не пробивает, а прожигает броню. Огромное он сделал дело на пользу страны.

В 50-е годы я поддержал его предложение создать особое отделение Академии наук в Новосибирске. Что касается его простоты, то не забуду, как этот большой ученый жил в палатке и ходил в кирзовых сапогах, когда в Сибири строили академические сооружения. Но главное не в том, как человек одет и что он носит — сапоги или цилиндр, это сугубо личный момент. Трезвость ума и пробивная сила Лаврентьева — вот что подкупало меня. Хорошо помню, как убедительно он доказывал необходимость создания академического филиала в Сибири, говоря, что наша страна огромна, а существует только один главный научный центр в Москве, это нераационально и неправильно. В качестве первого шага он считал полезным создать научный городок в Новосибирске, а потом и в других местах открыть такие же научные центры. Я спросил его: «И кто из ученых туда поедет? Это же Сибирь, пока еще пугало после смерти Сталина, там отбывали свой срок миллионы заключенных». «Есть,— говорит,— такие люди», и показал длинный список: «Вот они готовы уехать в Сибирь, особенно молодые».

Мы поставили этот вопрос на Президиуме ЦК партии и поддержали предложение Лаврентьева, дали необходимые средства. Требовалось очень много денег, особенно строительным организациям, чтобы в короткий срок создать хотя бы основу филиала. Научное строительство — непрерывный процесс, который, как и непрерывный процесс развития самой науки, требует оснащения необходимыми лабораториями, создания условий для работы и жизни ученых. Душой нового дела стал сам Лаврентьев. Я несколько раз посещал Академгородок, когда бывал в Сибири, и смотрел на месте, как идет строительство. Лаврентьев привез туда семью и жил сначала очень скромно, как я увидел, побывав у него на обеде. Сейчас им и его детищем в Новосибирске гордится вся страна, и есть чем гордиться! Потом он предложил начать строительство такого же центра на Дальнем Востоке. Но по нашим материальным возможностям время к тому еще не подошло, и я сказал: «Пока не будем торопиться, слишком много нужд у страны, сосредоточим внимание на научном центре в Новосибирске, а когда станем богаче, обсудим, как заложить новый филиал Академии наук».

Несколько слов — о Капице. Мне хотелось бы, чтобы после моей смерти осталось правильное представление о моих взглядах относительно этого крупнейшего ученого, которого у нас считали одиозной личностью. Во времена Сталина отношение к нему было нехорошее. Но и после смерти Сталина у нас продолжала проявляться сдержанность применительно к Капице. Имелись ли какие-то основания, когда у нас бросались фразами, выражавшими ему недоверие или даже прямо гласившими, что он, дескать, шпион? Никаких таких фактов не было, и я лично никогда не сомневался в его гражданской честности. Однажды я случайно стал свидетелем того, как решался вопрос о насильственном задержании Капицы в СССР. Прежде

я о нем ничего не слышал. Я находился тогда в кабинете Сталина, он вызвал к себе заместителя председателя Совнаркома СССР Валерия Межлаука. Я Валерия Ивановича очень уважал и крайне сожалею, что он трагично окончил свою жизнь, будучи репрессирован Сталиным, как и многие другие неповинные люди. Когда Межлаук стал председателем Госплана СССР, я довольно часто с ним соприкасался, и он производил хорошее впечатление и как государственный деятель, отлично знающий дело, и просто как человек.

У нас в ту пору проходило какое-то совещание ученых. На него приехал Капица, который работал тогда в Англии, но имел советское гражданство. Сталин поручил Межлауку переговорить с Капицей, и потом тот докладывал Сталину, что Капица выразил нежелание оставаться в СССР. Капица доказывал, что для того, чтобы он мог свои знания разумно использовать, необходимы соответствующие условия: оборудование, приборы и прочее, без чего ученый не может с толком трудиться, как трудился он до того с английским ученым Резерфордом и под его руководством. В Англии он все необходимые условия имел. Сталин сказал Межлауку: «Передайте Капице, что мы сделаем все, чтобы создать ему желательные условия, построим для него специальный институт, но объясните твердо, что в Англию он не вернется, мы не разрешим ему выехать туда». Межлаук так и поступил, и Капица остался.

Лично от меня он был далек. Члены Политбюро и другие люди, принадлежащие к определенным ведомствам, которым было разрешено получать правительственные сводки прессы, знали, что за рубежом Капицу ценили очень высоко. Я полагал, что Сталин поступил правильно, действуя в интересах собственной страны. Ведь нам было необходимо использовать все возможности, чтобы повысить ее боеспособность и привлечь ученых к созданию средств обороны. Над какой конкретно проблемой работал тогда Капица, мне было неизвестно. При мне Межлаук доложил Сталину: «С волнением и огорчением, но Капица вроде бы согласился остаться». Тут Сталин предложил построить для него институт на Воробьевых горах. Ранее этот участок отвели под строительство посольства США. Послом США в СССР был Буллит. Он сначала приобрел у Сталина большое доверие и выдвинул идею построить посольство США на Воробьевых горах. Там и отвели участок. Но когда Буллит оказался не таким человеком, как нам хотелось, Сталин вознегодовал и предложил: «Давайте построим на том участке, который отводился под строительство посольства США, институт для Капицы». Там его и возвели. Когда я приезжал в Москву, то, любя прогуляться по Воробьевым горам, видел уже готовый институт и радовался, думал: «Вот здесь наши ученые-чародеи под руководством Капицы создают что-то необыкновенное».

Над чем они работают, я не знал, да и не спрашивал. При Сталине придерживались такого порядка: если тебе не говорят, то не спрашивай, тебя это не касается. Где-то под конец Великой Отечественной войны Сталин стал выражать недовольство Капицей: дескать, он не дает того, что может, не оправдывает наших надежд. Насколько были обоснованы его претензии, я тоже не мог судить, но верил Сталину: раз он так говорит, значит, так и есть. Когда взорвались первые американские атомные бомбы, выяснилось, что мы отстали. Наши союзнические узы дали трещину, началась холодная война. А когда мы взорвали свою первую атомную бомбу, поднялся истошный вой в буржуазной прессе: эту бомбу русские получили из рук Капицы, вот он такой-сякой, крупнейший ученый, живущий там, только он и мог создать ее. Сталин даже возмущался: «Капица-то к ней абсолютно никакого причастия не имел, вообще не занимался данным вопросом».

После смерти Сталина у меня сохранялось двойственное отношение к Капице: с одной стороны, признанный всем миром ученый, а с другой — не помог нам получить атомную бомбу раньше американцев или не стал потом участвовать в создании советской бомбы. И поэтому отношение у меня к нему было весьма сдержанное. Однажды Капица попросился ко

мне на прием. Я слушал его очень внимательно, он рассказывал о важной теме, над которой хотел бы поработать, и просил оказать ему помощь, так как был отстранен от дел в его институте. Я расспрашивал о нем двоих ученых, включая Курчатова, и те меня особенно не обнадежили, пояснив, что данная тема не является самой острой с точки зрения государственных интересов. Мы тогда остроту научных тем измеряли лишь под углом увеличения обороноспособности страны, главными считались военные темы.

Спустя какое-то время Капица вновь попросился на прием, я его принял и сказал ему: «Почему бы Вам, товарищ Капица, не взять тему оборонного значения? Мы в этом очень нуждаемся». Он пространно объяснил мне свое отношение к военной тематике: «Я не люблю заниматься ею, я ученый, а ученые подобны артистам: любят, чтобы об их работе говорили, писали, показывали их в кино, военная же тематика секретна. Связаться с ней — означает изолироваться, похоронить себя в стенах института, фамилия исчезнет из печати. Я же хочу быть на виду, чтобы о моей работе знала общественность». Такие рассуждения произвели на меня впечатление, и не в пользу Капицы. «Мы вынуждены,— ответил я,— заниматься военной тематикой, пока существуют антагонистические государственные системы. Чтобы выстоять, нам нужно ею заниматься, иначе нас задушат и разобьют». «Нет, я не хочу заниматься военной тематикой»,— не соглашался он.

Мне трудно было понять, как советский человек, видевший страдания нашего народа, которые принесла гитлеровская война, может так мыслить. Мы прилагали все усилия к тому, чтобы не повторилась война, все делали для подъема экономики, науки, культуры. Понятно, что без науки оборонную мощь нельзя создать. А тут крупнейший ученый с мировым именем отказывается нам помочь? На меня его слова подействовали плохо. И я решил проверить себя, при очередной встрече спросив Лаврентьева: «Как вы оцениваете Капицу?». Лаврентьев дал ему исключительно высокую оценку. Между тем при втором разговоре со мной Капица сказал, что он хотел бы поехать за границу. И я спросил Лаврентьева: «Капица хочет поехать за границу. Как вы относитесь к этому?». «А что тут плохого? Нужно отпустить». «Вы считаете, что он честный человек?». «Абсолютно уверен,— сказал Лаврентьев.— Он чрезвычайно порядочный человек, и не только он, но и его дети. Капица патриот, а его сын, замечательный географ, тоже патриот своей Родины». Эти слова меня несколько успокоили, но я продолжал сомневаться. «А каково его отношение к военной тематике?» — продолжал я расспрашивать. «Он оригинал,— ответил Лаврентьев,— и действительно смотрит на военную тематику так, как сказал Вам».

Я начал склоняться к тому, чтобы разрешить Капице съездить за границу. «Ну, хорошо, вот мы его пошлем за рубеж, а знает ли он военную тематику, над которой работают наши ученые?» — задал я следующий вопрос. «Конечно, он все знает. Академики ведь общаются между собой, обсуждают научные проблемы, читают специальную литературу, к тому же это ученый огромного калибра, для него не существует секретов». Это меня опять насторожило. «А не может ли он где-нибудь проговориться на нежелательную тему?». «Тут мне трудно целиком говорить за него, но я считаю его хорошим ученым и большим патриотом, который никогда не станет предателем». Однако это меня не убедило: одно дело — предательство, другое — просто разболтать, тут разные вещи. Мы обменялись мнениями в Президиуме ЦК партии и решили все же воздержаться от разрешения. Ведь в начале 1950-х годов СССР находился на низком уровне атомных вооружений, и мы не хотели, чтобы наши противники что-либо разузнали, хотя бы косвенно или случайно. У нас не существовало полной уверенности, что в разговорах со знакомыми учеными, которых у Капицы за границей очень много, он не скажет чего-то лишнего. С сожалением, но пришлось отказать ему в разрешении на поездку.

Впоследствии он опять побывал все же за границей, съездил туда с большим шумом, получил заслуженное признание, стал почетным акаде-

миком в разных странах, и т. д. Я радуюсь за него и доволен, что наконец-то он обрел и за рубежом то, чего заслуживал. Может быть, я теперь испытываю даже некоторую ревность, что не я, когда мог, решил данный вопрос. Однако то, чего мы опасались в былые времена, перестало сейчас служить препятствием, когда мы стали признанной ядерной державой. Теперь за границу можно без боязни посылать почти любого человека, хотя бы мы и не были до конца уверены в нем. Какие уж сейчас секреты! За особым исключением, в сфере науки почти никаких. А мой долг как Председателя Совета Министров СССР требовал осторожности, и я ее проявил. Но не было ли в ней отрывки сталинских времен? Возможно, возможно. Ведь столько лет я проработал под руководством Сталина. Не сразу освобождаешься от моральных наслоений, даже тех, которые сам осуждаешь. Этого я не отрицаю. Необходимо время, чтобы все осознать и отрешиться от ненужного.

Как я в принципе смотрел на требование держать границу на замке и от своих людей, а не только от иностранцев, желавших посетить Советский Союз? После смерти Сталина мы спустя несколько лет довольно широко открыли ворота для поездок в обе стороны. Туда и сюда хлынули люди разного мышления и различных политических убеждений. Иначе и быть не может, всякий народ состоит из лиц, придерживающихся неодинаковых взглядов, с этим приходится считаться и жить с теми людьми, которые имеются. Некоторые из лиц, выезжавших из СССР, не возвращались. Выезжали театральные коллективы, и какие-то их участники тоже оставались за границей. Меня это огорчало, но особенно не волновало. Бывали случаи, что человек не возвращался, а спустя какое-то время слезно молил, чтобы ему разрешили вернуться на Родину. Случалось, что я шел даже на риск, если речь не шла о государственной тайне. Могут у нас быть просчеты? Вполне. Но при ином подходе к делу придется встать на позицию Сталина, который каждого советского человека подозревал, что тот может быть завербован, поэтому лучше просто держать всех под замком в своей стране и установить здесь за всеми агентурное наблюдение. Так возникли очень тяжелые условия для жизни людей, особенно ученых или лиц, выступающих в сфере искусства.

Вспоминаю времена гражданской войны. Когда я работал в политотделе 9-й Кубанской армии, то жил временно в буржуазной семье. Ее член, женщина с острым языком, проявляла смелость в разговоре с коммунистами. Она говорила: «Вот вы пришли к власти. Да вы же все растопчете. Разве вам оценить, например, такое хрупкое искусство, как балет?». И она была права. Мы тогда в балетном искусстве абсолютно ничего не понимали. Если видели открытки с изображением балерины, то считали, что женщина снята в неприличном виде. Не раз злословили в адрес Луначарского, который много сил и энергии затрачивал на поддержание старых театров. Полагали, что это слабость, его отклонение от коммунистических норм. Конечно, мы, люди заводов, шахт и крестьянских полей, тогда оставались далеки от высокого искусства. Сейчас, если бы я встретил ту женщину, сказал бы ей: «Вы помните наш разговор в 1920 году? Ваше пророчество, что Советская власть растопчет этот вид искусства? Теперь-то видите, на какую высоту поднят в советское время балет?». Могут спросить, а почему я не допускаю такой же мерки в отношении Капицы? Потому, что оборонные проблемы — не балет. Я не имел права рисковать, даже если кто-нибудь теперь скажет, что Хрущев поступил нечутко по отношению к такому большому ученому, как Капица. Возможно, я ошибся, как может ошибиться всякий смертный. Однако ошибка была допущена и Капицей, когда он отказался участвовать в работах по оборонной тематике. Значит, мы квиты.

Естественно, многое зависит от того, что считать секретом. Когда мы запускали в космос свои ракеты, никто не знал, кроме тех, кому следовало, кто их создатель. Никто не знал имени ни Королева, ни Глушко. Глушко внес не меньший вклад в это дело, чем Королев. Над корпусом и начинкой ракеты работал Королев, а Глушко трудился над двигателями.

Его двигатель потряс весь мир. Не имея двигателя, мы не запустили бы и ракету. Преуменьшать роль людей, которые работают над двигателем, несправедливо. Хорошие летчики говорят: «С сильным двигателем я могу и на грубу летать». Конечно, не надо подходить к сему упрощенно, что, дескать, с таким двигателем можно летать и на метле. Обе части должны друг другу соответствовать. Но я возвращаюсь к нашим анонимным героям. Кто знает конструкторов советских атомных подводных лодок? При мне никто не знал. Правильно это? Видимо, да. Ведь вражеская разведка ни перед чем не останавливается. Зачем же раскрывать ей адреса и облегчать ведение работы против СССР? А Капица — это пацифист при любых обстоятельствах. И я за пацифизм, но только если появятся условия, исключаяющие войну. Пока что мы живем в мире, где нужно смотреть в оба и поддаваться одностороннему пацифистскому настроению, без учета международных обстоятельств, опасно. Нас могут слопать.

Когда мы усиленно занялись ракетостроением, на первый план среди конструкторов сразу вышел Королев. Я много встречался с этим интересным и страстным человеком. Вот уж кого нельзя причислить к непротивленцам злу. Королев умел проталкивать нужное, азартно отстаивал свои идеи. Это хорошо. Я, слушая его, восхищался. Кто первым проложил дорогу в космос? Путь к Луне? Королев! Надо было видеть его, когда он докладывал, чувствовать его горение, ощущать ясность его ума. Замечательный конструктор! С Глушко он потом разошелся. А жаль. Глушко тоже сыграл огромную роль в ракетостроении. Почему же они не сошлись навсегда? Их стали раздирать разногласия, им оказалось трудно вместе работать.

Я старался их помирить. Как-то пригласил обоих к себе на дачу с их женами. Мне хотелось, чтобы они отдавали свою энергию на пользу стране, а не разменивались на мелочные споры. Но из этого ничего не вышло. Королев потом совсем порвал производственные связи с Глушко и избрал Кузнецова, еще сравнительно молодого, но тоже очень талантливого конструктора двигателей. Несмотря ни на что, именно Королев останется в памяти землян как человек, дерзнувший первым направить человека в космос. В этом недюжинном специалисте сочетались глубокое знание предмета, прекрасные организаторские способности, неограниченная воля и пробивная сила. Из жизни его вырвала нелепая смерть. Я знал, что он лег в больницу, и знал, что готовится к операции. Слышал от врачей, что операция несложна. Хирурги уже вымыли руки, считая, что все закончилось благополучно, как вдруг в результате шока Королева не стало. А он был в расцвете творческих сил и сколько мог бы еще сделать для человечества!

Из создателей воздушного флота СССР я лучше других знал Туполева-старшего. Мы с ним познакомились еще в 1931 г., когда я был избран секретарем Бауманского районного партийного комитета. Туполев возглавлял ЦАГИ, единственное у нас в ту пору учреждение, где занимались по-настоящему проблемами воздухоплавания. Он резко выделялся из остальной массы инженеров. Он был еще сравнительно молодым ученым и конструктором, но уже пользовался особым признанием. Сталин потом арестовал его и посадил в заключение. Там Андрею Николаевичу организовали конструкторское бюро. Я знал, что он находится в тюрьме, но Сталин об этом не говорил, а Сталина не положено было спрашивать. Впрочем, было известно, что и в заключении Туполев отдавал все свои знания на пользу Родине.

Как-то Туполев докладывал мне лично по одному из вопросов. Когда все ушли, он задержался: «Я хотел бы обратиться к Вам, товарищ Хрущев, с просьбой. Что же, так и потянется за мной хвост, что я сидел в тюрьме? Просил бы правильно оценить мою роль и реабилитировать меня. Иначе тень ложится не только на меня, но и на моих детей». «Конечно, товарищ Туполев,— ответил я,— можете идти и спокойно работать, даю Вам слово, что мы обсудим этот вопрос и прикажем уничтожить документы, относящиеся к Вам, чтобы нигде и ни в каких анкетах Вам не пришлось писать, что Вы подвергались аресту». Я очень часто потом встречался с Туполевым, слушал его по вопросам развития бомбардировочной и гражданской авиации.

У этого большого ученого хорошая практическая хватка. Когда ТУ-95 показал, что он не способен выполнять свои функции бомбардировщика, преодолевая противовоздушную оборону США, его предложили снять с производства. Туполев пришел ко мне и говорит: «Я понимаю военных, которые предложили снять с производства ТУ-95. Но другого-то бомбардировщика у нас сейчас нет, а этот еще послужит стране. Кроме того, можно его переделать и на его основе создать пассажирский самолет». Эта мысль мне понравилась, я поставил вопрос на Президиуме ЦК партии, и мы приняли предложение Туполева, после чего он создал пассажирский самолет дальнего радиуса действия ТУ-114, по тем временам замечательную машину. Она произвела сильное впечатление, когда я на ней по приглашению президента Эйзенхауэра прибыл в США после беспосадочного перелета Москва — Вашингтон. Это мощно прозвучало в пользу Советского государства. Туполев создал и другие бомбардировщики, а также ракетноносцы. Он как конструктор очень плодovit и изготовил массу отличных самолетов.

Как-то мы с Туполевым сидели в Крыму на берегу Черного моря. Он перелистывал свои рисунки, где был изображен будущий красавец ТУ-144, сверхзвуковой пассажирский самолет, и знакомил меня с его характеристиками. Мы тогда приняли его предложение создать такой самолет. Сейчас он заканчивает испытания. Пока что в мире существуют только два подобных самолета — французско-английский «Конкорд» и наш, который вскоре выйдет на линии. «Конкорд» тоже неплох, а американцы такого самолета еще не имеют. Вряд ли у нас с Туполевым кто-либо может тягаться.

Конечно, есть и другие конструкторы, которые работали над созданием бомбардировщиков, истребителей, пассажирской и сельскохозяйственной авиации. Вот Антонов сделал могучую пассажирскую машину с большими грузоподъемностью и радиусом действия. У него получились полезные самолеты и для сельского хозяйства, и для Севера. Не хочу тем самым ни в коем случае принизить достоинства такого замечательного ученого и конструктора, как Ильюшин. Он тоже внес большой вклад в победу на войне, создав немеркнущие штурмовики. Бронированные штурмовики потрясли врага. Затем он изготовил гамму отличных пассажирских самолетов. ИЛ-62 мне уже не пришлось испытать пассажиром в воздухе. Когда я еще работал, этот самолет выкатили на аэродром, но выход его на гражданские линии задержался на ряд лет. Сейчас видно из печати, что Сергей Владимирович все-таки добился своего. Его самолет к началу 70-х годов стал лучшим дальнепассажирским в своем классе и по грузоподъемности, и по скорости.

Сегодня воскресный ясный солнечный день. Теперь я узнаю числа по газете. Продолжаю свои воспоминания о беседах с Туполевым и его предложении построить атомный бомбардировщик. Когда я отдыхал на даче близ Ливадии, отдыхавший по соседству Туполев частенько заходил ко мне, от его санатория до моей дачи семь минут хода. Чаще всего он приходил с папкой и что-нибудь показывал. А на этот раз он принес конкретное предложение: «Хочу изложить свои соображения о возможности построить бомбардировщик с атомным двигателем». Он станет делать самолет, а за изготовление атомного двигателя брался авиаконструктор Кузнецов. Тот самый, который потом далеко ушел в строительстве двигателей для самолетов и ракет. Речь Туполева звучала очень заманчиво. Предлагался самолет с неограниченной дальностью полета. Мы мечтали о самолете с дальностью полета тысяч в 20 километров. ТУ-95 достигал 18 тысяч, но это казалось нам маловато. Дело упиралось, однако, не только в дальность, а и в скорость, высоту и грузоподъемность. «Какими они будут?» — спросил я Туполева. «Дальность почти неограниченная, высота та же, которую имеет ТУ-95, и скорость та же, то есть как у дозвукового самолета». «Но, Андрей Николаевич, — возразил я, — такие высота и скорость нас не устраивают. На них самолет не преодолеет границу огня наших вероятных противников». «Пока наука и техника нам больших возможностей не дают, а далее будем повышать».

«Тогда какой же смысл строить его сейчас?» — удивился я. «Ну, это

Вам решать, а я докладываю, что есть техническая возможность сделать бомбардировщик с атомным двигателем». Я постарался в ответ выразить свое несогласие помягче, но не очень-то у меня получилось. «А может быть, сделать пассажирский атомный самолет?» — задал я встречный вопрос. «О, нет! О пассажирском не может быть и речи,— замахал руками Туполев.— Двигатели на ядерной энергии пока несовершенны. Мы не можем обеспечить полную защиту пассажиров от радиации. Если еще с большими трудностями и сумеем защитить экипаж, то для пассажиров потребуется огромный вес самолета. Это невозможно. К тому же такой самолет будет заражать аэродром». «Раз невозможно, то откажемся». Сейчас точно не помню, сколько стоил бы этот самолет. Туполев назвал огромную сумму. Требовались большие научные и экспериментальные работы, что тоже влетало в копеечку, и рассчитываемость на длительное время. Андрей Николаевич не проявил тогда своей обычной страстности и просто предложил товар покупателю, а покупатель пусть уж сам решает, подходит ли ему товар.

Мы договорились отложить данный вопрос. О строительстве пассажирского самолета и думать пока было нечего, а бомбардировщик с такими характеристиками нас не устраивал. Мы не собирались затрачивать деньги впустую. Конечно, разработка могла пригодиться в будущем. Но сейчас грандиозная затрата денег повлечет за собой истощение бюджета. «Давайте,— сказал я,— ограничимся теоретической разработкой, чтобы выделить средства только на исследовательские работы. Их можно продолжать, но не надо форсировать. Возможно, то, что сегодня нельзя сделать, завтра станет реальностью». В то время Люлька тоже брался за строительство атомного двигателя. Его модель оказалась такой тяжелой, что ее невозможно было поднять в воздух. Мы не особенно огорчались, поскольку уже приняли решение сосредоточиться на выпуске ракет и вели необходимые серийные работы.

Что касается Туполева, то с ним всегда приятно было беседовать. Порою с конструктором случается так, что если не примешь его идею, то сразу почувствуешь надутость и холодность с его стороны. У Туполева я такого никогда не ощущал. Что касается упомянутой беседы, то у меня сложилось впечатление, что он хотел обменяться мнениями по данному вопросу, поскольку у него самого еще окончательно новая идея не созрела. Он высказал свои соображения как ученый и конструктор, а потом внимательно отнесся к моим замечаниям. Мы друг друга поняли и приняли правильное решение. Вернувшись в Москву, я сообщил руководству страны об этой беседе (а я всегда старался, чтобы такие решения принимались коллективно). Индивидуальность должна проявляться в инициативе, но крупное решение государственного значения обязательно следует принимать на коллективной основе. Когда я возглавлял правительство и ЦК партии, никогда единоличные решения такого рода не принимались. Да и принять их было невозможно в тех новых общественных условиях, созданию которых я же и способствовал.

Возвращаясь в своей памяти к 30-м годам, вспоминаю и крупнейший пассажирский самолет Туполева того времени, названный «Максим Горький». Он поднимал в воздух свыше 50 человек. К несчастью, он разбился, но не по вине конструктора, а в результате ухарского поведения летчика, сопровождавшего его на истребителе И-16, который пустили рядом, чтобы противопоставить его размеры гиганту. Я четко сохранил в памяти то печальное событие, весенний день. Я находился на даче, когда сообщили, что разбился самолет «Максим Горький». О нем много шумели в печати, радовались, что у нас есть самолет такой грузоподъемности. Мы тогда рассчитывали, что каждый пассажирский самолет можно будет использовать как бомбардировщик или как военный транспорт. А тот ухарь хотел сделать как будто воздушную фигуру, обернувшись вокруг крыла «Максима Горького», и просчитался, сам погиб и погубил всех пассажиров, которые совершали над Москвой праздничный торжественный полет.

Потом я как первый секретарь Московского комитета партии занимался

ся организацией похорон. Сталин очень рассердился и излил свой гнев на меня и на председателя Моссовета Булганина. Захоронение производили в крематории. Туда свезли трупы, сожгли их, а урны привезли в Колонный зал Дома Союзов, где выставили для доступа всем желающим отдать последние почести погибшим. Процессия растянулась на полгорода. Сталин, как бы в наказание за то, что мы допустили катастрофу, зло произнес: «Пусть Хрущев с Булганиным и несут урны всю дорогу». Но я считал за честь для себя участвовать в той похоронной процессии, а по пути в крематорий почему-то все время думал о красном цвете, в который ради контраста был окрашен несчастный истребитель.

Кончается солнечное воскресенье, а вчерашняя суббота была дождливой. У меня на веранде цветы посеяны в ящиках. Удивительно: на расстоянии трех метров получилось одно место градобойное и одно неповрежденное, одни цветочки побил град, а другие буквально рядом целехоньки, как будто ножом отрезало. Так бывает в природе. Вот почему от града посевы страдают меньше, чем от засухи. Град никогда не распространяется на большие площади, а засуха может довести страну и до голода.

Гонка вооружений или мирное сосуществование?

Сегодня — 8 мая 1970 года, завтра наша страна отмечает день Победы. Мы одержали победу с оружием в руках. А сегодня люди, с которыми я встречаюсь, частенько спрашивают меня о гонке вооружений, развернувшейся между соперничающими державами. Она поглощает огромные ресурсы. Если бы удалось прекратить гонку вооружений, мы сохранили бы массу средств, которые народ вынужден сейчас отдавать на вооружение. Это — мечта политического руководства СССР. Казалось, теперь мы вышли на рубеж, когда можно остановиться и направить средства на удовлетворение потребностей людей. Но пока что это иллюзия, на практике получается совсем иначе. Наука развивается, техника совершенствуется, появляются все новые и новые виды вооружения, которые превосходят вчерашние. Все страны в одинаковой степени пользуются такими «благами прогресса», этим бичом, подстегивающим конкурентов и разжигающим стремление к перевооружению. И опять выделяют на это большие средства.

В свое время моя встреча с президентом Эйзенхауэром, когда мы оба высказались за разоружение, окончилась тем не менее ничем. Она оказалась малопродуктивной именно потому, что мы не смогли договориться о прекращении гонки вооружений. А сегодня существует ли какой-то проблеск? Появилась ли возможность сдвинуть все страны в сторону понимания необходимости прекращения гонки вооружений? По-моему, есть такой свет в конце туннеля. Не проявляя трусости и не позволяя запугать себя, политическое руководство страны обязано иметь трезвый взгляд на соотношение сил в мире, чтобы, сделав прогноз на будущее, смелее идти по пути разоружения. Если правительство даст вовлечь себя в непрерывную гонку вооружений и не найдет в себе мужества сделать все, что в его силах, для прекращения этой гонки, то такая политика приведет к истощению ресурсов страны, она бесперспективна.

Что понимаю я под трезвым анализом обстановки? Как, идя на разоружение, сохранить СССР в состоянии готовности к отражению агрессии? Главное заключается в том, что сейчас великие державы имеют глобальное вооружение такой мощи и в таком количестве, что можно легко и быстро уничтожить весь мир. Если правильно оценить соотношение накопленного оружия, то появится возможность ограничить затраты на оборону. В свое время я говорил: «Даже при наличии договоренности о неприменении ракетно-ядерного оружия, если разразится война с использованием старых средств, а потом стрелка успеха начнет клониться в пользу одной стороны, то в последнюю минуту, когда иного выхода не останется, другая сторона, терпящая поражение, рискнет пойти на применение термоядерного оружия». Вот из чего следует исходить. Это, конечно, плохо, потому что

опасность термоядерной войны продолжает висеть над человечеством. Но она же может сыграть положительную роль, когда здоровое руководство разных держав не позволит втянуть себя в истребительную войну.

Кое-кто скажет, что эту теорию опровергает жизнь. Тянется война США во Вьетнаме. Осуществляются агрессивные вылазки в разных зонах земного шара. Постоянно державы, от которых напрямую зависит сохранение мира, выходят на грань большой войны. Но если обе конфликтующие стороны избегут ее перерастания в термоядерную катастрофу, то удастся предотвратить конечный крах. Кубинский кризис явился как раз таким испытанием, а окончился разумной договоренностью. Достигнуто равновесие основных сил, иначе говоря — равновесие страха, о котором прежде говорил Джон Фостер Даллес, балансировавший на предпоследнем мирном рубеже, но ни разу его не переступивший. Когда Даллес умер, Громыко не захотел ехать на его похороны. Мне пришлось ему доказывать, что он неправильно поступает, и порекомендовать ему попристутствовать на церемонии похорон своего бывшего противника. И не только в порядке общепринятых норм вежливости, а и потому, что при всех своих агрессивных замашках Даллес продемонстрировал тот факт, что разум всегда должен быть сильнее безрассудства.

Как нам быть дальше? Сейчас в мире имеется примерно равное соотношение сил двух лагерей. Здесь вопрос не в арифметике, а в другом. Вновь напомним слова президента Кеннеди: «Мы, Соединенные Штаты Америки, располагаем термоядерным оружием, которым можем дважды уничтожить Советский Союз. Но и Советский Союз располагает термоядерным оружием, которым он может уничтожить США единожды, так что второго раза уже не понадобится». Вот признание нашей силы. Ничего иного не требуется, потому что до второго раза у противника просто дело не дойдет. Даже находясь на грани войны, следует лучше определять эту грань, чтобы не переступить и не оказаться уничтоженным. Остальное оружие не будет решающим фактором для определения принципиальной политической линии, когда речь пойдет не о локальных конфликтах, а о мировом столкновении. Что значит сегодня превосходство, например, в пехоте? То есть, как выражаются военные, в пушечном мясе? Сейчас уже не то время, когда количество солдат или даже полководческое умение решали успех дела. Сегодня все зависит от умения управлять термоядерным оружием. А отсюда вытекает, что СССР, никому не диктуя своих условий, в состоянии навязывать политику разоружения.

Почему я так думаю? Вот мы сократили свои вооруженные силы почти вдвое. Ну, и что? Стали слабее? У нас появилось больше страха перед войной? Ничего подобного. Значит, спокойно можно уменьшить количество старого, обычного оружия. Мы ликвидировали свою базу в Финляндии. Разве от этого наши позиции ослабли? Наоборот, и позиции не ослабли, и международный климат улучшился.

Я всегда был и остался сегодня сторонником сокращения вооруженных сил, вывода всех национальных войск с территории других стран, ликвидации там своих баз. Это выгодно для всех. При существующих ныне международных условиях СССР располагает полной возможностью проводить независимую политику в вопросах вооружений и разоружения. Нам незачем идти на поводу у милитаристов, поддаваться на провокации. Капиталистические страны всегда будут подбрасывать нам идею соревнования в сфере вооружений, навязывать нам большой военный бюджет, чтобы таким способом истощать наши силы и не позволять народам социалистических стран использовать их средства на развитие экономического потенциала, удовлетворение растущих материальных и культурных потребностей людей. Военные расходы — это бездна, в которой понапрасну пропадают ресурсы. Естественно, самое лучшее — договориться с капиталистическими странами о прекращении гонки вооружений и о разоружении. Но для этого требуется абсолютное доверие. Полагаю, что сейчас абсолютное доверие между антагонистическими системами невозможно. Но в силах обеих сторон договориться о конкретных мероприятиях. Сумели же мы в 1963 г.

достичь договоренности о прекращении испытаний ядерного оружия в трех средах — в воздухе, в космосе и под водой. Такие договоренности, нарастая по разным линиям, в совокупности резко облегчают бремя военных расходов и сократят вероятность термоядерной войны.

Да, капиталистическим странам выгодна гонка вооружений. Мы же, принимая ее, как бы даем им какое-то оправдание проведения такой политики. Но могут сказать и наоборот: что прекращение нами гонки вооружений и производства средств ведения войны будет означать подчинение чужой политике... Ничего подобного! Термоядерные ракеты долговременного хранения удержат противника от нападения на нас. Проведение своей политической линии требует от руководства СССР стойкости и прозорливости, умения не дать вовлечь себя в соревнование по растраниванию национального дохода на средства истребления и одновременно иметь все необходимое для защиты страны. Мы должны строить свой оборонный бюджет, не поддаваясь никакому влиянию милитаристских кругов извне и изнутри.

Почему — и изнутри? Потому что и у нас существуют люди, которые заинтересованы в росте вооружений. Они могут толкать правительство в неверном направлении. Тут прежде всего военные, желающие командовать армиями большого состава. Они всюду доказывают правительству, что противная сторона обладает, дескать, таким оружием, которого нет у нас и которое нам жизненно необходимо. Нельзя поддаваться их влиянию, правительство само должно определять военную политику. Затем, с такими людьми тесно связаны те, кто производит оружие. Говоря общепринятыми словами, военно-промышленный комплекс. Третья группа лиц такого рода — часть общества, которая поддается на демагогическую пропаганду и начинает давить на правительство в том же направлении. В подобных случаях ответственные руководители должны не бояться идти на конфликт, как не испугался я конфликта ни с адмиралом Кузнецовым, навязывавшим ненужную программу строительства огромного надводного флота, ни с маршалом Варенцовым, рычавшим на ракетную технику, ни с конструктором Туполевым, подсовывавшим атомный бомбардировщик.

Нельзя идеализировать людей, считая, что раз они коммунисты, то автоматически занимают правильную позицию. Ерунда! Сталин тоже был коммунистом, что не помешало ему стать извергом. И Мао был коммунистом, что не помешало ему напасть на братский Вьетнам. Если военные или промышленники сумеют навязать милитаризацию социалистической стране, это приведет ее не к спасению, а к краху. При современном соотношении сил капиталистические страны вряд ли решатся на вооруженное столкновение с СССР, хотя и будут проводить подрывную политику против нас. Но это я считаю нормальным, потому что такая политика вызывается классовым антагонизмом. Мы тоже не отказываемся от идеологического противостояния со всеми сопутствующими ему мероприятиями, однако за исключением ведущих к катастрофе.

В идеологической борьбе мирного сосуществования, на мой взгляд, быть не может, и эта борьба должна закончиться победой коммунистического мировоззрения. Но подобное противостояние не противоречит полезным для всех контактам в сферах экономики, культуры и прочего. И если бы сейчас я имел какое-то влияние на исход двусторонних или многосторонних переговоров, то решительно пошел бы на поиски соглашения об установлении контроля над вооружениями. Сегодня полный обоюдный контроль нам не страшен. Напротив, такой контроль станет еще одним фактором, ведущим к всеобщему умиротворению. Ныне на взаимной основе можно пойти на самую широкую инспекцию. Все боятся гибели, и контроль тоже нужен всем. Спокойно можно пойти на установление наземного и воздушного контроля на всей территории всех стран земного шара. Он никому не мешает иметь в наличии силы безопасности, необходимые для охраны границ и наведения порядка.

Избавляясь окончательно от рецидивов сталинской болезни, хорошо бы образовать международные органы контроля над вооружениями. Полез-

но опубликовать советскую программу разоружения, постоянно согласовывать ее реализацию, хотя бы поэтапно, с капиталистическими странами и мобилизовать мировую общественность на борьбу за ее претворение в жизнь. Тем самым мы должны отказаться взирать на мир через очки ограниченной касты военных, через отраслевые очки военных промышленников, через очки запуганных пропагандой мещан. Надо видеть реальную ситуацию ясными глазами непредвзятых людей, ставящих на первый план доводы разума и интересы большинства трудящихся.

В свое время я обсуждал эти проблемы с маршалом Жуковым, когда он был министром обороны СССР. У меня с ним были в ту пору наилучшие отношения вплоть до времени, когда своими неразумными действиями он толкнул нас на снятие его с поста министра. Мне в нем нравилось, что, когда мы обсуждали возможность достижения с США какой-то конкретной договоренности насчет разоружения, в том числе допущения инспекции на нашей территории, он, в отличие от многих военных, не проявлял ведомственного твердолобия, которое иной раз отмечается у людей, носящих мундир. Он не только соглашался насчет того, что необходимо сокращение вооруженных сил, но и предложил уменьшить оклады некоторым категориям военнослужащих. Человеком, умевшим рассуждать и глубоко проникать в вопросы, был и маршал Соколовский. Когда я имел дело с ним как с начальником Генерального штаба, то после обмена мнениями мы тоже всегда находили общий язык.

Понятно, что для этого требовались соответствующий уровень развития, способность отойти от узковедомственной позиции, наличие широкого кругозора. Мало кричать «Мы всех разобьем!», нужно конкретно представлять себе, что означает «разобьем», как этого достичь, какие окажутся последствия для того, кто «разобьет», поскольку в термоядерной войне не будет в конечном счете ни побежденных, ни победителей. Она станет войной всеобщего поражения. В истории таких войн пока не было. И никакая счетная машина нам не поможет подсчитать неисчислимые и убийственные для всех потери человечества в результате нее. Я не паникую. Мне 76 лет. Я не на ярмарку еду, а давно уже с ярмарки и не знаю, сколько еще судьба отведет мне лет. Поэтому говорю о будущем, о своем народе, о потомках.

Средства защиты, которые создаются на случай термоядерного побоища,— глубокие убежища, командные пункты и прочее, превратятся в склепы с заживо погребенными. Будут уничтожены и те, кто создавал эти средства уничтожения. Единственный путь к спасению человечества — добиться соглашения на основе взаимного доверия. Тут нечего пытаться перехитрить, как-то обставить противную сторону. Партнер, с которым пойдут переговоры, так же умен, как и ты. Тем более не удастся обмануть общественность. Поэтому надо идти на переговоры по-честному, чтобы в их итоге обе стороны обрели равные возможности по всем линиям и, следовательно, уверенность в своей безопасности. Я сейчас не остановился бы ни перед чем, чтобы достичь соглашения! «Ни перед чем» означает не капитуляцию, а взаимную договоренность. То, что я предоставляю противной стороне, она пусть предоставит и мне.

А как быть тогда с мечтой о коммунизме на земном шаре? Мы, коммунисты, верим в свои идеи, в прогресс, в неумолимое развитие общества на пути к справедливой общественно-экономической формации. И мы уверены, что со временем изменятся условия в капиталистических странах, народы которых (пока что не знаю, когда), рано или поздно, отыщут способ установить тот строй, который их устраивает и при котором не останется эксплуатируемых и эксплуататоров. А сегодня надо сохранить мирное сосуществование, провозгласив его главной целью человечества. Наличие ракетного и термоядерного оружия как взаимно сдерживающее средство будет гарантом против злоупотребления доверием, как бы регулятором страха, чтобы агрессор знал, что возмездие неотвратимо.

(Окончание следует)

Наш дом в Мадриде

Ю. В. Дубинин

Заканчивался 1978 г., когда я прибыл в Испанию в качестве посла нашей державы. Испания освобождалась от наследия франкизма. Однако события в этой стране развивались непросто. Сопrotивление сил прошлого было значительным. Само наше присутствие в стране в такой момент требовало большой осмотрительности при каждом действии. В нашу пользу было то, что демократические силы Испании, сторонники перемен, видели в развитии отношений с Советским Союзом один из решающих факторов выхода страны из изоляции, на которую ее в течение нескольких десятилетий обрекал франкистский режим.

Я давно занимался испанскими делами в МИД, незадолго до назначения в Мадрид провел переговоры об установлении дипломатических отношений между СССР и Испанией, давшие удовлетворение обеим сторонам. В Мадрид я привез не только верительные грамоты, но и приглашение испанскому министру иностранных дел посетить Москву с официальным визитом, а этого в Мадриде очень ждали.

И вот я вручаю верительные грамоты испанскому королю дону Хуану Карлосу в роскошном тронном зале Восточного дворца в Мадриде. Король — знаток нескольких языков. И, конечно, французского. Для меня французский язык тоже близок, а по-испански я пока знал всего несколько слов. Но я предупредил о своем желании, чтобы в этот день во дворце звучала только русская и испанская речь. После официальной церемонии мы сидим за небольшим, инкрустированным мрамором круглым столом в комнате, предназначенной для разговоров в узком кругу. У короля несомненный дар располагать к себе, создавать комфортную обстановку. Прошло всего каких-то полчаса, как мы пожали друг другу руки, но я чувствую себя так, словно давно и близко знаком с этим человеком. В его манере держаться — достоинство представителя одной из старейших королевских династий мира и в то же время, а может быть, именно поэтому, поразительная простота общения, чуть ли не едва уловимая стеснительность. За всем этим просматривается человек сильного характера и гибкого ума.

Я позволил себе коснуться в разговоре одной не совсем обычной для первой встречи с главой государства темы — о размещении советского посольства в Испании. «У нашей страны здесь никогда не было своего

Дубинин Юрий Владимирович — заместитель министра иностранных дел Российской Федерации, кандидат исторических наук.

дома,— сказал я.— Не только у Советского Союза, но и у России. Так что если бы эту проблему удалось решить, это создало бы не только удобства для жизни и работы дипломатов, но и оставило бы заметный след в отношениях двух стран». По лицу короля пробежала чуть заметная улыбка: «Разумеется, мы в долгу не останемся». — «Испании уже предложено здание под посольство в центре Москвы, и мы поможем вам быстро и удобно расположиться в нем. Я знаю, Ваше Величество, что такого рода дела — компетенция испанского правительства. Но в то же время вопрос этот столь чувствителен для престижа наших государств, что я решился привлечь к нему Ваше внимание».

Король говорит, что наши заботы ему понятны, что ему было приятно услышать о внимании в Москве к посольству его страны. «Наши страны,— подчеркивает он,— конечно же, должны иметь достойные их здания посольств в Москве и в Мадриде. Вы правильно отметили, что практическая сторона вопроса — это область правительственных прерогатив. Но я убежден, что Марселино сделает все необходимое, чтобы помочь вам». Марселино Ореха — это министр иностранных дел. Он присутствует на беседе и тотчас же, живо откликаясь на слова короля, говорит, что ждет меня в министерстве для продолжения разговора. Отличный итог! Казалось, большего трудно было и ожидать. Но король мягко добавляет: «Пожалуйста, держите меня, господин посол, в курсе насчет того, как будут идти дела с посольством».

Золоченная карета, специально предназначенная испанским протоколом для церемоний приема новых послов, отвозит меня, теперь уже официально вступившего во все свои права посла СССР в Испании, из королевского дворца во дворец Санта Крус, где размещается министерство иностранных дел. Начинаются мадридские будни.

На таковой шаг, как разговор о размещении нашего посольства в Мадриде с королем, я пошел в силу того, что положение наше было отчаянным. Посольство, весь его довольно значительный персонал были втиснуты в четыре-пять комнатушек в здании, где тоже на временной основе обосновалось наше торгпредство. В небольшом кабинете поставили стол посла. Одну комнату занял резидент КГБ, другую — секретарь партбюро. В закутке ютился советник-посланник. И осталась на всех других дипломатов одна единственная комната, где не каждому хватало не только стола, но и стула.

При мадридской жаре дышать в комнате было трудно даже после того, как, нарушая все запреты, я осмелился на месте приобрести для дипломатов кондиционер. Все это мешало работе и накладывало тяжелый отпечаток на отношения в коллективе. Торгпред жаждет одного: чтобы мы как можно скорее освободили его здание. У резидента свои заботы: безопасность — здание посольства должно отстоять не менее, чем на 20 м от стены ближайшего дома; оно не должно выходить прямо на тротуар; ничто не должно мешать радиосвязи с центром и т. д.

Все наши люди имеют основания рассчитывать на квартиру с удобствами, на детский сад и школу. Ничего этого пока нет. Наконец, нам необходимо было открыться испанскому обществу, достойно принимать гостей, проводить культурные мероприятия, сделать посольство естественным участником общественно-политической жизни испанской столицы. Пока же посетители посольства должны были по узкой тесной лестнице спускаться в мрачноватый полуподвал — единственное место для приема, где беседы велись днем при электрическом свете.

Надо было действовать. Проблем со зданием для посольства оказалось великое множество. Нам открыто заявили, что испанское государство не сможет предложить под посольство ничего ни в собственность, ни в аренду пусть даже на основе самой полной взаимности в отношении интересов Испании в Москве. Ни помещениями, ни землей для этого, поясняли нам, государство просто не располагает. И это была правда.

Проблема могла решаться только на базе так называемой эффективной взаимности, при которой каждая из сторон получала бы для решения своих проблем свободу пользоваться такими же правами, без какой-либо

дискриминации, что и другие иностранные государства. Как выяснилось, получение такого режима означало бы для Советского Союза немалое достижение, поскольку в стране действовал для нашей страны, равно как и для других социалистических стран, запрет на приобретение в собственность недвижимости. Открывая нам простор для действий, МИД Испании выразил готовность оказать содействие в поиске участков или зданий, консультациях о ценах на рынке недвижимости и т. д. Мы же в свою очередь взяли обязательство помочь испанцам в Москве.

Но как все это превратить в здание посольства? Перед нами — большой малознакомый город. Его требовалось изучить, пропустить сквозь призму наших интересов все возможные варианты, решить, покупать ли готовое здание или участок под строительство. И все это в условиях, когда в Москве нам пока не выделено на эти цели ни цента, ни песеты. Мы взялись одновременно решать и проблему здания для посольства, и проблему резиденции посла. Это диктовалось жизнью. Обустройство в новом посольстве неизбежно потребовало бы времени. Хорошо подобранная резиденция посла дала бы возможность в этот период выполнять на ее базе многие представительские функции. Так что речь шла не о роскоши, а о настоятельной необходимости, особенно с учетом намеченной на 1980 г. встречи в испанской столице в рамках общеевропейского совещания.

Специально созданная группа из нескольких дипломатов изучала все, что можно было отыскать из недвижимости в Мадриде. Каждый день она докладывала мне о своей работе. Все мало-мальски интересное я осматривал сам. Полезным побочным результатом этой работы для меня стало предметное знакомство не только с городом, но и с тем, как живут мадридцы. Мы посещали квартиры, особняки, стройки, встречались с десятками людей разного положения. Как-то мы с женой попали на виллу, которая выгодно отличалась качеством постройки и планировкой от многих других. Вся из белого мрамора, поставленная в центре безупречной лужайки, со множеством картин и гобеленов не только на стенах, но целыми штабелями сложенных в полуподвальном помещении. В одной из комнат мы застали двух мальчиков за уроками. «Правнуки Франко», — пояснил нам сопровождающий. Вилла, как оказалось, была подарком каудильо своей внучке.

Итоги наших поисков были неутешительными. Мадрид застроен предельно плотно. В нем не нашлось предложений, отвечающих строгим критериям безопасности. Стало быть, нужно строить. Но где же взять в Мадриде, да еще желательно в центре города, участок земли с гектар размером? Куда не оглянись — негде ткнуть пальцем.

С резиденцией посла не намного лучше. Вилл продается много, но даже самые дорогие из них построены с расчетом на удобную жизнь одной семьи. В таком доме дипломатическую работу не развернешь. Когда мы были близки к отчаянью, один из наших хороших знакомых, крупный испанский бизнесмен и общественный деятель Р. Мендоса порекомендовал нам посмотреть дом на самой фешенебельной окраине Мадрида, обращенной к загородному королевскому дворцу Сарсуэле. Хозяин его — из нуворишей франкистской эпохи — вел себя необычно. Договариваться о встречах он требовал не менее чем за два-три дня. Самим встречам придавал едва ли не конфиденциальный характер. Объявления о продаже виллы не давал. Позже мы узнали, что у него возникли большие сложности с персоналом его предприятий и он хотел незаметно сойти со сцены.

Вилла была на редкость подходящей для наших потребностей. Построенная известной французской фирмой, она была со вкусом отделана дорогими породами дерева, вокруг — хорошо спланированный парк побольше полугектара. Но главное — удобные гостиные, просторные террасы позволяли приглашать большие группы гостей. Хозяин хотел продать виллу со всей мебелью, картинами и гобеленами, забрав с собой лишь великолепное полотно Ренуара. Мы направили в Москву предложение купить этот дом.

Но резиденция посла — только часть проблемы, и не главная. Что же

делать с посольством? Фантазия моих советчиков иссякла. Правда, как выяснилось, один свободный участок в Мадриде все-таки есть. Размер его более полутора гектаров. Он как бы венчает возвышенное место, почти холм Мадрида и расположен на перекрестке основных магистралей, пересекающих испанскую столицу с севера на юг и с запада на восток. От него рукой подать до центра, и в то же время ряд домов закрывает его от городского шума. На самом участке — обломки давно развалившихся небольших построек, несколько одиноких стареющих тутовых и абрикосных деревьев и бурьян по пояс. Бетонный забор, железные ворота. Все это производит странное впечатление для этой части Мадрида.

Но не в этом дело. Мне поясняют, что участок с большим изъяном. Оказывается, по градостроительному плану Мадрида на этой земле разрешено построить лишь совсем небольшой дом высотой не более шести метров. Какое уж тут посольство! Но участок заманчивый. Я прошу выяснить о нем все возможное. Через пару дней мне докладывают, что когда-то на этой земле стояли казармы. Затем ее купил «Банко Сантраль», самый крупный частный банк Испании, намеревавшийся возвести здесь свою штаб-квартиру. Долгие годы добивался банк с этой целью изменения плана застройки участка в мэрии Мадрида, но до самой смерти Франко ему это не удалось. Теперь же с приходом демократии банк вообще потерял надежду осуществить свою мечту и уже давно ищет случая сбыть с рук эту землю. Но и это непросто даже при скромной цене.

Я даю задание срочно встретиться с владельцами участка и начать переговоры о покупке, попросту говоря, начать торговаться. У многих в посольстве это вызывает недоумение. Приходится объяснять, что ничего другого все равно нет и не будет. А здесь есть за что побороться. И я прошу обратиться и в МИД Испании, и в мэрию Мадрида с просьбой изменить условия застройки участка, так чтобы на нем можно было поставить подходящее для нас здание. Что это трудно, мы уже знаем. Муниципалитет франкистских времен доживает свой век. Приближаются выборы. Что будет дальше, неясно.

Как бы то ни было, операция начата. Теперь неплохо бы иметь деньги на все это. Прилетев в Москву в январе 1980 г. по случаю первого визита к нам испанского министра иностранных дел, я надолго задерживаюсь дома, стремясь получить эти деньги. Денег, точнее говоря, валюты, у финансистов в Москве нет никогда. Это общеизвестно. Тем более их нет на Испанию, о которой никто и не помышлял, когда составлялся план расходов. Приходится подниматься все выше и выше, нажимать на политические мотивы, на добрые чувства у нас к Испании, испанцам. Наконец, получаю поддержку А. Н. Косыгина. Теперь мы с большей уверенностью повели переговоры в Мадриде. Владелец участка сбросил 10% со своего первоначального запроса. Финансовые условия устраивают Москву, если нам удастся обеспечить изменения критериев застройки участка.

Виллу мы показали резиденту КГБ. Он обошел ее, пробурчал нечто вроде одобрения. В то же время его водитель заснял по его поручению бассейн и самые красивые участки сада. Эти снимки резидент отправил в КГБ в обоснование своих возражений против покупки слишком роскошного, по его мнению, особняка. К счастью, там не поддержали его.

Тем временем маятник политической жизни Испании качнулся влево. Процесс превращения страны из тоталитарной в демократическую давал все более ощутимые результаты. Чувствовался неплохо продуманный в главном замысел сил, выступавших за перемены. В конце 1978 г. была одобрена демократическая конституция. Начались выборы в представительные органы власти. 3 апреля 1979 г. состоялись муниципальные выборы — первые демократические выборы такого рода после 1931 года. Левые силы — социалисты и коммунисты — добились на них значительного успеха. В их руках оказалась местная администрация большинства крупнейших городов страны, включая Мадрид. 19 апреля 1979 г. мэром испанской столицы стал Э. Тьерно Гальван. Видный деятель социалистического движения, профессор философии, человек энциклопедических

знаний, он оказался незаурядным администратором и подлинным отцом города. Если в 1979 г. для избрания мэром ему потребовалась помощь коммунистов, то спустя несколько лет на муниципальных выборах 1984 г. он вновь возглавил мэрию Мадрида, заняв этот пост уже без помощи какой-либо другой партии. Когда в 1985 г. Тьерно Гальвана не стало, в последний путь его вышли проводить сотни тысяч мадридцев.

Но вернемся к 19 апреля. Телефонный звонок в моем кабинете. Поднимаю трубку. Слышу голос Тьерно: «Господин Посол, мне выпало большое счастье стать первым демократически избранным алькальдом Мадрида после сорокалетнего перерыва. Я только что вошел в свой кабинет, и мой первый звонок Вам как представителю Советского Союза». В словах Гальвана находили выражение чувства многих миллионов испанцев, которые в долгую франкистскую ночь глубоко верили в высокую прогрессивную роль нашей страны. Я был тронут. Поздравил Гальвана и попросил его принять меня после того, как он войдет в нормальный ритм своей работы. Алькальд пообещал сделать это.

3 мая — я у него в кабинете. Разговор с Тьерно, как всегда, интересен и поучителен. Запомнилась его четкая фраза: без хороших отношений с Советским Союзом внешняя политика Испании будет сильно хромать. Отрадно, что это все лучше понимают в Мадриде. Я обращаюсь к Гальвану с просьбой помочь нам построить здание посольства, изменив для этого условия застройки участка, который мы хотим приобрести. Добавляю, что обратиться к нему мне советовал министр иностранных дел Испании.

Уже 12 мая нам сообщили, что просьба наша удовлетворена. Нам разрешено построить здание в пять этажей, расширяется площадь строений. Попутно нас просят безвозмездно уступить 15% участка муниципалитету под общедоступные зеленые насаждения, поясняя, что фактически речь будет идти о благоустройстве территории, прилегающей к фасаду будущего посольства. За вычетом этой площади для строительства посольства остается 1,35 га, что превышает запрос Москвы, и центр сразу же дает нам согласие и на эти условия, и на скорейшее оформление сделки с хозяином участка.

Новости в Мадриде имеют обыкновение распространяться с невероятной быстротой. Причем то, что передается из уст в уста, значит порой больше сообщений в печати или по телевидению. Стало известно и о решении мэрии Мадрида об участке, о котором мы ведем переговоры. И не кому-нибудь, а банку-владельцу. Разумеется, ценность участка при новых условиях его застройки существенно возросла. Однако, поздравив нас с успехом, представители банка заявили, что уже согласованную к этому времени цену продажи нам участка они менять не будут — показательный для испанского характера жест. Позже президент «Банко Сантраль» Эскамес заметил в шутку на большом обеде: «Говорят, что миром правят финансисты. Вы опровергли это, господин посол, добившись того, чего не сумел сделать наш банк».

Осталось оформить приобретение своей недвижимости в собственность нашего государства. Для этого требовалось решение испанского правительства и заключение соглашения. Возник вопрос, какой уровень должно иметь это соглашение. Испанцы предложили, чтобы это было соглашение между министерствами иностранных дел двух стран. Мы, однако, с этим не согласились, так как считали, что соглашение должно быть высшего уровня — межгосударственным. В конце концов на этом и сошлись. Позже высокий статус соглашения нам весьма пригодился.

Соглашение было основано на принципе взаимности. В нем увязывалось разрешение на приобретение нами собственности в Испании и предоставление Советским Союзом в аренду служебных и жилых помещений для нужд посольства Испании в Москве. Таким образом, Испания получала в аренду здание в рамках Садового кольца на ул. Герцена, а также неподалеку расположенную резиденцию посла. В свою очередь испанское правительство разрешило нам приобретение недвижимости в собственность вопреки сопротивлению влиятельной части госаппарата. Оно выразилось, поми-

мо прочего, и в ряде публикаций в испанской печати с резкой критикой действий правительства. С учетом этого МИД Испании попросил нас обмен нотами 6 августа 1979 г. произвести в конфиденциальной обстановке, на что мы, разумеется, согласились.

Следующим этапом должны были быть реконструкция здания, выделенного в Москве для испанского посольства и строительство комплекса зданий для нашего посольства в Мадриде. Когда через несколько дней я уезжал в отпуск, мне казалось, что испанская столица стала мне намного ближе: впервые наша страна стала обладательницей частицы ее земли. Я уже строил радужные планы насчет того, как бы скорее открыть двери нового посольства для наших испанских друзей. Но, как говорится, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

В Москве я был у министра иностранных дел А. А. Громыко. Зашел разговор и о посольстве. Он заметил, что хорошо бы построить в Испании что-нибудь нестандартное — ведь это страна богатейшей культуры, да и чувства у нас к испанцам особые. С этим нельзя было не согласиться. Далее министр заговорил о том, что здания наших новых посольств на удивление однообразны и скучны. Все они — порождение одной и той же мастерской. На проектах такой тяжелый штамп, что исправить их по ходу дела уже невозможно. Действительно, в силу какого-то высокого решения проектирование зданий всех посольств было сосредоточено в одном месте. А монополия есть монополия!

В заключение Громыко сказал, что проект посольства в Испании он поручит И. С. Глазунову. Такое решение вызвало легкую панику среди тех, кто имел отношение к строительству зданий наших загранучреждений. Но, встретившись с Глазуновым, мы быстро достигли взаимопонимания. Илья Сергеевич заверил, что выполнит все пожелания посольства насчет характера, размеров, расположения необходимых нам служебных помещений.

Что касается меня, то я не перечил многократно подчеркнутому художником утверждению, что он имеет полученную «свыше» полную свободу, карт-бланш в отношении архитектурного замысла и оформления посольства. Мне, конечно, было далеко не безразлично, как будет выглядеть посольство. Но я знал, что всему задуманному Глазуновым в том, что касается внешнего облика посольства, предстоит пройти жесточайшую экспертизу и в мадридском муниципалитете, и в общественном мнении Мадрида, для которых никаких «свыше» не существует. И никакая экстравагантность не пройдет.

Контакт был установлен, и Глазунов стал нашим частым гостем в Мадриде. Дальнейшее же развитие баталий вокруг его проекта и в самом деле все расставило по своим местам. Илья Сергеевич вдохновлялся благородным желанием заложить в архитектурный облик посольства символику дружбы двух стран. С этой целью он хотел увенчать боковые крылья фасада здания посольства зубцами, повторяющими зубцы кремлевской стены, а центральную часть фасада завершить фронтоном, похожим на тот, что можно увидеть в знаменитом дворце XVI в. Эскориал — резиденция испанских королей близ Мадрида.

Во всем этом Илью Сергеевича подвело недостаточное на первых порах знание Испании. В самом деле: задолго до того, как желаемые им зубцы попали на кремлевские стены, такие же зубцы опоясали бесчисленные арабские крепости в Испании, и мадридские эксперты решительно воспротивились возведению в центре Мадрида того, что большинством испанцев воспринималось бы как подобие нового мавританского замка. Что же до фронтона, то его форма утвердилась как архитектурный элемент испанских соборов, и повторять эту форму на фасаде посольства испанцы сочли тоже неуместным. Ко всему этому другие линии фасада, прочерченные в первоначальном проекте, напомнили нашим испанским критикам некоторые элементы архитектуры франкистских времен, что также потребовало изменения. Все свои замечания испанцы делали в духе полной доброжелательности, но с той вполне понятной силой убедительности хозяев, на которую не был способен ни один оппонент Ильи Сергеевича в Москве. В то же

время теперь, когда все позади, имеются все основания утверждать, что Глазунов внес много ценного, придавшего оригинальность проекту и внутреннему оформлению здания.

После моего возвращения из отпуска мы быстро освоили резиденцию посла. Уже в ноябре 1979 г. здесь остановился Громыко во время своего первого визита в Испанию. Украшенная картинами и другими художественными ценностями, привезенными из нашей страны, с уютным кинозалом и (что немаловажно) отличным поваром, резиденция быстро завоевала репутацию одного из самых престижных дипломатических центров Мадрида.

Что же касается посольства, то теперь требовалось, казалось бы, немного: получить разрешение на начало строительства комплекса зданий на нашем участке. Однако чем дальше, тем больше чувствовалось, что дело затягивается, и не только по причинам техническим.

В Испании осложнилась внутривластная ситуация. В сентябре 1980 г. была произведена реорганизация испанского правительства, положившая начало сдвигу вправо. Ореха потерял пост министра иностранных дел. Его преемник — Х. Л. Перес Льорка мог декламировать на русском языке целые пассажи из «Евгения Онегина», но к развитию отношений с СССР большого вкуса не проявлял, хотя чем дальше, тем горячее высказывался в беседах в пользу активизации советско-испанских контактов. В январе 1981 г. о своем уходе объявил и председатель испанского правительства А. Суарес. 23 февраля 1981 г. последовал путч реакционно настроенных генералов, и если бы не твердая позиция короля Хуана Карлоса I в защиту конституции и демократии, то Испания была бы ввергнута в пучину глубоких потрясений. К. Сотело заверял меня при встречах, что выступает за то, чтобы отношения между Испанией и СССР развивались «лучше и шире», однако, практическими шагами это не подкреплялось.

Положительным явлением было то, что в Мадриде началась встреча государств-участников общеевропейского совещания — единственный форум такого рода в условиях набирающей силу конфронтации, но и его работа продвигалась со скрипом. Политический же фон никак не способствовал решению деликатных вопросов. Однако мы продолжали стучаться во все двери в надежде получить разрешение начать строительство. В августе 1981 г. госсекретарь министерства иностранных дел Испании К. Роблес Пикер заверил меня, что принципиальное решение принято и осталось только оформить его, но год кончался, а ответа не было. Это все больше настораживало.

Накануне Рождества мы с женой были в гостях у моего московского коллеги — испанского посла в Москве Л. Перината. Он прилетел на несколько дней в Мадрид, и мы по традиции, установленной еще с Х. А. Самаранчем, встречаемся, чтобы поговорить о наших делах. Перинат — из дворянского рода. Стройный, подтянутый, в безупречном костюме, он изысканно вежлив. Дом его подстать хозяину — обставлен строго, но со вкусом и изяществом. Кроме нас, на ужине присутствовали Глазунов (он как раз был в Мадриде по делам посольства), а также сын Перината, которому еще нет и двадцати.

Хозяин задает непринужденный тон беседе. Делится своими московскими заботами. Полушутя рассказывает, как тяжело порой бывает иметь дело с УПДК. Это в те времена наше мидовское управление по работе с дипломатическим корпусом, и его задача опекать иностранных дипломатов в их житейских заботах. Уже в силу этого УПДК — притча во языцех всех московских иностранцев, тема бесконечных светских пересудов. Но в данном случае слова Перината приобретают для меня все большую значимость. В приличествующей обстановке тональности он возмущается сопротивлением строителей из УПДК его желанию немного увеличить гостиную в здании испанского посольства с тем, чтобы вокруг стола можно было бы поместить на пару стульев больше. Я поинтересовался, не знает ли посол, как решается вопрос о нашем посольстве в Мадриде. Но Перинат ничего конкретного не знал, хотя, правда, слышал, что с участком «что-то

неладное». Неприятный сигнал! Я рассказал послу, что не далее, как пару дней назад, я в который раз обсуждал эту проблему с К. Роблесом Пикером. Ничего утешительного он мне не сказал, но и не упомянул ни о каких сложностях с участком. Далее я добавил, что если бы действительно возникли неприятности с участком, то это было бы печально не только для нас, но и для испанской стороны.

Я надеялся, что Перинат снимет мою обеспокоенность каким-нибудь успокоительным разъяснением, но этого не происходит, хотя смысл моих слов до него явно дошел. Напротив, он пускается в бой. «Ну какая же может быть связь,— говорит он.— Я — в Москве, вы — в Мадриде. У каждого свои проблемы, свои собеседники, свои отношения». — «В какой-то степени это верно. Но есть соглашение, а в соглашении говорится о взаимности. Где же она, эта взаимность, коллега, если вы в Москве уже ведете разговоры о том, как расставить стулья в гостиной, а в Мадриде нам в течение двух лет не дают возможности воспользоваться землей, которая нам принадлежит».

Посол недоумевает, что за соглашение? В Испании с тех пор сменился не только министр иностранных дел, но и председатель правительства. «Соглашение межгосударственное,— поясню я.— Государство-то испанское на месте?!» Молчание. Его вдруг прерывает сын Перината: «А не лучше ли вам,— говорит он, обращаясь ко мне,— продать вашу землю и купить другую?» Начинают подтверждаться худшие предположения: задержка с разрешением на строительство комплекса зданий посольства связана с какими-то глубинными причинами.

Я доложил о разговоре в Москву. Предложил пригласить испанского посла в МИД, выразить ему озабоченность состоянием дел с размещением нашего посольства в Мадриде, отметить, что мы со вниманием относимся к запросам испанской стороны в Москве и вправе рассчитывать на взаимность. Написал я и о том, что ход реконструкции здания испанского посольства в Москве необходимо увязать с решением наших проблем в Мадриде. Я попросил Москву информировать посольство о том, что будет решено сделать по нашей телеграмме.

Реакции из Москвы не последовало. Прошел еще месяц. Нам стало известно, что интересующий нас вопрос был включен в повестку дня пленарного заседания мадридского муниципалитета, назначенного на 29 января 1982 года. У нас еще теплилась надежда на положительный исход дела, и мы с нетерпением ждали приближения этой даты. Однако вместо добрых вестей нам сообщили, что неожиданно вопрос перенесен на более поздний срок. Какой? Ответ уклончивый: «Может быть, на февраль».

В то же время наши знакомые доверительно нам рассказали, что накануне обсуждения министр внутренних дел Испании дал жестокое указание руководству фракции правящей партии в мэрии Мадрида сделать все возможное, чтобы сорвать принятие положительного решения. Главное обоснование этого требования — ссылка на то, что участок находится слишком близко от испанского Генерального штаба. К этому следовало вполне логичное пояснение: это дело рук военных.

Чтобы избежать конфликта, руководство муниципалитета решило не выносить вопрос на рассмотрение. Новой даты обсуждения нашего вопроса не было назначено. Все это, конечно, серьезно. Генштаб от нашего участка действительно близко. Но объективности ради следует отметить, что здание, где мы расположились временно, еще ближе к генштабу, всего в нескольких шагах. К тому же Генштаб стоял на том же месте и в момент, когда испанское правительство давало нам согласие на покупку земли для вполне определенной цели — под посольство. Согласиться с мотивировкой испанских властей (пусть нам ее и не объявили) значило бы навсегда отказаться от участка. И это в условиях, когда свободной земли, как мы знаем, в Мадриде нет.

Вывод посольства: следует продолжать борьбу. Решение проблемы посольств и в Москве, и в Мадриде было бы шагом вперед в отношениях между нашими двумя странами в целом, в то время как конфликт лег бы пятном на эти отношения.

Я обстоятельно докладываю обо всем в Москву. Подчеркиваю, что если с нашей стороны не будут незамедлительно приняты энергичные меры для обеспечения наших интересов, то на долгие годы станет вообще невозможным нормальное размещение нашего посольства в Испании. Предлагаю вызвать посла Испании и сделать ему соответствующее представление, свернуть работы по реконструкции испанского посольства и возобновить их только после того, как будут обеспечены наши интересы.

Предложение я отправил в начале февраля, а уж через день заместитель министра иностранных дел информировал нас о своей беседе в Перинатом: последний обещал сделать все возможное, чтобы добиться скорейшего политического решения нашего вопроса. Но при этом добавлял, что удовлетворение интересующих испанскую сторону просьб о реконструкции здания посольства Испании поможет ему оказать давление на МИД и другие компетентные учреждения.

То, что посол так отреагировал на наше представление, было естественным: для него главное — получить от нас свое посольство. Но не принял ли заместитель министра слова посла за чистую монету? Тем более, что о приостановке работ по реконструкции он не написал ни слова.

Нам оставалось одно — по горячим следам проверить, как отреагирует испанский МИД на вызов Перината в Москве. Результат грустный. Министерские кабинеты глухи. Я веду разговоры с Гальваном. Он возмущен, и не просто возмущен — он действует. Даже в этой обстановке он проводит на пленарном заседании муниципалитета 5 марта 1982 г. решение о предоставлении нам права на строительство посольства на нашем участке и в соответствии с нашим запросом относительно параметров этого строительства. Теперь требуется получить одобрение этого решения в комиссии по планированию и координации застройки Мадрида, так называемой Коплако. Это трудный бюрократический барьер, поскольку там заседают представители не только мэрии, но и правительства, в том числе министерства обороны. Последние теперь должны занять открытую позицию, не прячась за чью-то спину. Они это и делают. Как нам сообщили, испанское военное ведомство представляет официальные возражения против нашего строительства в связи с тем, что участок расположен в районе прохождения коммуникаций, имеющих особое значение для государственной безопасности. Рассмотрение вопроса отложено.

Я вновь обращаюсь к Москве с призывом: нужны действия. Москва не откликается. Не понимаю, что там происходит. Требовалось все прояснить на месте. Прошу разрешения вылететь в краткосрочную командировку. Получаю согласие. По прилете в Москву, еще до посещения министерства, отправляюсь на ул. Герцена, где находится предназначенное для испанцев здание. Не верю своим глазам. Улица перегорожена. Троллейбусная линия отведена в сторону. По количеству рабочих вокруг здания, ритму их работы, можно подумать, что речь идет об одной из модных в те времена ударных строек коммунизма. В дом подведено тепло. Скоро последует и торжественное открытие! Окончание строительства запланировано на второй квартал 1982 г., а сейчас уже начало апреля. И все это при огромном объеме незавершенного строительства в стране. Все это невзирая на телеграммы посольства, на холодное отношение к нашим проблемам мадридских чиновников, на соглашение о взаимности... Никак не могу взять в толк, в чем дело.

Встреча с заместителем министра. Собеседник вроде бы понимает наши заботы, но главный акцент он делает на том, что если он снимет рабочих с испанской стройки, то будет трудно заполучить их обратно. Я высказываю свою позицию: у себя дома мы всегда сможем поступить так, как нам удобно, а упустив момент, мы рискуем потерять в Мадриде очень многое. Собеседник не поддается. Правда, он соглашается направить посольству Испании в Москве сердитую ноту-предупреждение с требованием решить нашу проблему в Мадриде. Более того, хотя и с явным нежеланием, он утверждает график-увязку решения нужных нам вопросов в Испании с шагами по завершению реконструкции испанского посольства в Мо-

ске. В графике указывается, что срыв испанцами любого из этапов в решении вопроса о нашем посольстве повлечет за собою остановку работ на стройке в Москве. Этот документ-указание передается 5 апреля на исполнение в соответствующее управление МИД. Конечно, я увожу копию с собой вместе с немного окрепшей надеждой.

Вновь обиваем пороги в испанской столице. Как правило, встречаем растущее безразличие. Составленный в Москве график у меня на столе. Давно уже позади не один этап, когда при подобном поведении испанских властей работы в испанском посольстве должны быть остановлены. Однако, судя по информации из Москвы, эти работы продолжают полным ходом, и мы быстро приближаемся к той критической точке, когда, получив ключи в Москве, в Мадриде вообще могут забыть о наших проблемах.

Между тем в Мадриде наш пустующий участок облюбовали цыгане. Целый табор вольготно раскинул шатры меж развалин. Появились веревки с бельем и прочие атрибуты вольной жизни, запылали костры с дымящимися котлами. Жильцы соседних домов, которые до этого не без опаски прикидывали, какие испытания могло бы принести им соседство с загадочным посольством Советского Союза, вдруг получили этот сюрприз, что, вероятно, стало по-новому влиять на их шкалу ценностей. В посольство стали поступать письма-просьбы навести порядок на принадлежащей нашему государству земле. Но как сделать это, если ставится под сомнение само наше право на пользование нашей собственностью? Мы просто прилежно пересылали письма испанцев испанским же властям.

Надо снова лететь в Москву. Изобретаю причину, не связанную со строительством, из опасения, что по этим делам меня, может быть, не очень хотят там видеть. Добиваюсь сразу приема у Громыко. «У нас трудности,— говорю я,— с получением разрешения на начало строительства здания на нашем участке в Мадриде». Я готов продолжать, если нужно что-то доказывать, но реакция министра мгновенна и немногословна: «Закреть испанцам все на стройке в Москве». И разговор переходит на другие дела. Отправляюсь в кабинет заместителя министра по строительству. Сообщаю: «Министр решил закрыть испанскую стройку». Молчание, потом вопрос: «До какого времени?» — «До тех пор, пока не будет решена наша проблема в Мадриде».

Вскоре после моего возвращения в испанскую столицу мне приходит указание для разговора в МИД Испании. Оно кончается словами: дайте понять, что дальнейшая ничем не оправданная задержка решения вопроса о позволении на строительство комплекса зданий нашего посольства в Испании может вынудить советскую сторону пересмотреть имевшуюся договоренность о передаче Испании в ранее предусмотренные сроки реконструированного здания ее посольства в Москве. Это уже другой разговор. Выполняем указание, то есть «даем понять». Понимают ли? Не знаем. В ответ слышим, что наш вопрос все еще находится на рассмотрении и пока, дескать, нам ничего сказать не могут. Это — июнь 1982 года.

Строительство в Москве прекращается. Такой сигнал доходит до министра иностранных дел. Перес-Льорка сам поднимает вопрос о посольстве передо мной. Он не только не протестует, а напротив, говорит, что считает советскую позицию «вполне обоснованной», признает, что «испанские власти оказались не на высоте положения», обещает, занявшись этим лично, довести решение вопроса до конца. Разговор происходит в конце сентября. Это обещание уходит в небытие вместе с правительством Кальво Сотело. Правда, может быть, просто не хватило времени...

Досрочные парламентские выборы в Испании в октябре 1982 г. принесли крупную победу Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП) во главе с Ф. Гонсалесом. Она завоевала большинство мест в обеих палатах кортесов, сформировала однопартийное правительство. Неспеша, взвешенно, но уверенно и последовательно правительство Гонсалеса повело страну дорогой глубоких реформ и самостоятельности во внешних делах. Все это в рамках многоплановой политики национального примирения. Такой курс предполагал в качестве важного элемента активизацию отношений с Советским Союзом.

В конце января 1983 г. в беседе с новым министром иностранных дел Ф. Мораном мы намечаем стратегию развития государственных контактов между СССР и Испанией. Она впечатляюща: визит Морана в СССР, затем визит в Советский Союз короля Испании. Вслед за этим — визит в Испанию нашего министра иностранных дел и, наконец, визит Гонсалеса в СССР с последующим визитом в Испанию руководителя нашей страны. Это не просто календарный план. Наши планы предполагают большую политическую работу по преодолению наслоений прошлого в общественном мнении Испании, да и нашем тоже. Имеется в виду решить много вопросов практического характера. В их перечне, конечно, и вопрос размещения посольств обеих стран.

Я подробно ввожу Морана в курс наших проблем в Мадриде. К моему удовлетворению министр обещает лично заняться вопросом о предоставлении нам разрешения на строительство. Упираются военные, точнее, Главный военно-морской штаб. Но, судя по всему, можно рассчитывать на помощь министра обороны. Все это увеличивает надежду на то, что дело сдвинется с мертвой точки.

Помимо слов, мы получаем и первое за долгое время свидетельство внимания к нашим делам. Меня приглашает к себе губернатор Мадрида и просит согласия на выдворение цыганского табора с нашего участка. Я, конечно, даю такое согласие после того, как губернатор заверяет меня, что непрошенные квартиранты будут посажены на машины и вывезены за город на специально подобранную для них площадку. И вот несколько бульдозеров прошли по нехитрому импровизированному табору, а санитарные машины произвели дезинфекцию. Были поставлены еще более прочные, чем раньше, железные ворота, заделаны провалы в ограде.

В начале марта Моран пригласил меня сам. Он рассказал, что Главный военно-морской штаб свои возражения против строительства здания посольства на нашем участке снял. Министр пообещал прислать в ближайшие дни в посольство ноту, разрешающую строительство по документам, представленным посольством.

Вместе с тем наши беседы на рабочих уровнях свидетельствуют, что все не так однозначно, как могло бы показаться. Да, подтверждает нам высокий мидовский чиновник, препятствия для строительства действительно сняты, но... Следует длинный перечень бюрократических оговорок, и остается не ясным, когда будет принято нужное нам формальное решение. От нас требуется еще масса хлопот. Спрашиваю собеседника, сколько на это уйдет времени. «Может быть, около месяца, может, немного больше», — это говорится 24 марта 1983 года.

Только 19 ноября 1983 г. МИД Испании передает нам ноту, в которой одна новость хорошая, а другая — похуже. Хорошая: представленные нами документы одобрены всеми, кому положено. Новость похуже: «В любом случае начало работ по строительству посольства находится в зависимости от запроса и, в свою очередь, от выдачи соответствующей лицензии (разрешения) муниципалитета на проведение работ, причем этот запрос должен быть представлен муниципалитету, поскольку это относится к его компетенции». В каждой стране свои правила. Известно, в чужой монастырь со своим уставом не ходят. И все-таки остается фактом, что обещанное «через месяц или чуть больше» разрешение опять ускользает, словно жар-птица. На выражение недоумения с нашей стороны нам говорят: «Все это техника, мелочи».

Теперь для решения вопроса о выдаче лицензии от нас просят представить так называемый базовый проект здания, составленный на этот раз совместно с испанским архитектором. Он-то уж должен знать все насчет того, что и как делается в Испании. Этим мы и занимаемся с удвоенным усердием. Нашли испанского архитектора. Им стал замечательный человек Диего де Карраль.

Начало 1984 г. приносит из Москвы сердитую телеграмму: по просьбе нашего посольства, говорится в ней, новое здание посольства Испании в СССР остается незанятым уже более года, что влечет неполучение круп-

ных сумм по аренде. Кроме того, невозможно использовать временно занимаемое испанским посольством здание для других целей... Счет предъявляется суровый. Телеграмма заканчивается вопросом-заданием: «В свете вышеизложенного просим срочно сообщить, как обстоят дела с получением разрешения на строительство и возможную дату получения этого разрешения».

Я знаю, что испанский посол активно добивается получения здания. Чувствую, что и у моих коллег в Москве нетерпение нарастает. Поэтому обо всем, что происходит в Мадриде, я информирую центр подробно и обстоятельно. Стараюсь сообщить ту уверенность в успехе, на которую имею достаточно оснований, исходя из обстановки в Мадриде, и объективно рассказываю о трудностях. И тем не менее такая телеграмма! Невольно возникает вопрос: а читают ли в Москве телеграммы посольства?

Отвечаем: реконструкция нового здания посольства Испании была проведена вопреки многочисленным обращениям нашего посольства, просившего не делать этого без увязки с решением аналогичных проблем, интересующих Советский Союз в Мадриде. Это было сделано в отступление от распоряжения заместителя министра Н. С. Рыжова, который еще в апреле 1982 г. заложил во все наши действия в этом вопросе принцип взаимности. Говорю и о другом, может быть, о главном, что решение задержать передачу здания посольства Испании было принято министром.

Тем временем шаг за шагом шла реализация наших с Мораном задумок насчет развития советско-испанских отношений. В конце мая — начале июня 1983 г. испанский министр иностранных дел совершил визит в Советский Союз, который прошел весьма успешно. Была достигнута договоренность о сроках визита в СССР короля Испании Хуана Карлоса I. Визит должен был начаться 10 мая. И в Москве, и в Мадриде главные усилия все в большей степени подчинялись подготовке этого визита, которому обе стороны придавали исключительное значение.

В первой половине февраля Рыжов сообщил мне, что испанский посол Х. Л. Ксифра поставил перед нашим МИД вопрос о скорейшей передаче испанцам здания посольства с тем, чтобы подготовить его к официальному открытию во время визита короля. Из телеграммы следовало, что вопрос был поставлен с большим нажимом, чуть ли не как условие осуществления самого визита. Рыжов просил высказать соображения насчет того, что можно было ответить испанскому послу.

Такой поворот дела с испанской стороны создавал деликатную ситуацию. Конечно, разница в положении сторон оставалась принципиальной — испанцы стояли на пороге открытия посольства, мы же все еще не имели даже разрешения на начало строительства. В то же время визит главы Испанского государства был действительно подходящим случаем для открытия посольства. Требовалось проявить гибкость, найти какое-то компромиссное решение, хотя бы в минимальной степени обеспечивавшее наши интересы в Испании, поскольку становилось нереальным ожидать одновременно открытия двух посольств. Такое решение наше посольство видело в том, чтобы рассматривать получение разрешения (лицензии) на строительство здания посольства, конечно, если такое разрешение будет официально препровождено нам через МИД Испании, достаточным для того, чтобы передать испанской стороне задание посольства. Такой образ действий как шаг доброй воли с нашей стороны я и предложил Москве.

В центре согласились, и 27 февраля такая позиция была изложена испанскому послу. Ксифра, однако, настаивал на своем — на передаче испанской стороне здания посольства не позже конца марта. Что касается наших интересов, то в общей форме говорилось, что разрешения на строительство можно было ожидать в середине мая, то есть после визита короля в СССР. Сколько же было обещаний начиная с 1979 года! Таким образом, договоренность несмотря на проявление максимальной уступчивости с нашей стороны не была достигнута.

Время, между тем, требовало заняться подготовкой визита короля вплотную. В начале марта на одном из приемов Хуан Карлос I сказал мне:

«Приезжайте, господин посол, ко мне в Сарсуэлу. Будем готовить поездку. Вдвоем. Никого больше с собой не берите». Я, конечно, с радостью согласился. Ничего подобного в практике организации визитов такого уровня я не знал. Королевский дворец окружен лесом. Это легкое невысокое строение совсем небольших размеров. Внутри отделан деревом. Большие окна, много света.

Шеф королевского протокола проводит меня в кабинет короля. Большой круглый стол под картиной Сальвадора Дали. Двери закрываются. Мы действительно одни. Разложив на столе карты и книги, мы отправляемся с Хуаном Карлосом I в увлекательнейшее путешествие по просторам моей страны. За первой встречей последовала вторая, во время которой к нашему разговору присоединилась королева София.

В то же время со стороны все большего числа испанских представителей начался жесткий нажим на меня лично с откровенными высказываниями насчет того, что без открытия испанского посольства в Москве во время визита короля под вопросом окажется сам визит. Вскоре я получил разрешение побывать на короткое время в Москве.

Середина марта. Я в кабинете работника МИД достаточно высокого уровня. Его владелец превыше всего любит краткость. Следует всего лишь один вопрос: «Юрий Владимирович, не помешает ли дело с посольствами визиту короля?» Я отвечаю, что вряд ли разумно увязывать столь разновеликие вещи. Собеседник не продолжает беседы, всем своим видом давая понять, что он свое сказал и за последствия ответственности не несет.

Другой кабинет. Рангом чуть ниже. Продолжительная беседа с реверансами в мой адрес: «Ты долго вел принципиальную борьбу за наше посольство в Испании. Я только что просмотрел в архиве все три телеграммы. Ты правильно предвидел развитие событий. Но теперь твои действия стали контрпродуктивными. Надо изменить поведение и согласиться на открытие испанского посольства во время визита короля безо всяких условий». Хозяин этого кабинета — человек тонкий, гибкий и очень осторожный. Чтобы так говорить со мной, он должен был иметь строгое поручение. К тому же еще ссылка на архив... Собеседник высказывает тревогу: может сорваться визит короля, и спросят за это с меня. Я же в ответ советую довести вопрос до высшего уровня — доложить К. И. Черненко.

Наконец, меня приглашают в кабинет самого высокого уровня для этой моей поездки. Тон разговора там сухой и жесткий. Смысл его сводится к следующему: в интересах дела и в моих собственных интересах пора кончать волокиту, к тому же здание испанского посольства давно пустует, а сейчас в нашем государстве строго спрашивают за разбазаривание государственных средств. Затем следует туманная ссылка на очередное высказывание Черненко насчет народного контроля и категорическое требование разблокировать вопрос об испанском посольстве. «Чего проще, — отвечаю я. — Пришлите мне в Мадрид телеграмму с указанием сообщить об этом испанским властям. Как посол я буду вынужден подчиниться». В ответ: «Такая телеграмма требует санкции министра». — «Но кабинет министра в трех десятках метров от вашего. Вы его видите каждый день...» — «Нет! Вернитесь в Мадрид и сами напишите телеграмму с таким предложением».

Вот он, момент истины. Я отвечаю, что такой телеграммы не напишу. Добавляю: «Сейчас важно другое: и в Мадриде, и в Москве говорить одно и то же, а именно: еще достаточно времени до визита, чтобы испанское правительство приняло решение о нашем посольстве, за нашей же стороной дело не станет. Испанцы знают это. Все это пойдет лишь на пользу визиту». Прощаюсь. Вдогонку доносится: «Советую подумать!» Что происходит? Все услышанное в мидовских кабинетах представляется мне настолько иррациональным, что в тот момент я не в состоянии это осмыслить.

18 марта я снова в Мадриде. У меня в резиденции испанский посол, прилетевший из Москвы. Ксифра, конечно, лучше, чем кто-либо в Мадриде, осведомлен о настроениях в Москве. Видимо, поэтому он проявляет в разговоре предельную жесткость. Он доходит до прямого обвинения в том, что я — не советская сторона, нет, палец прямо указывает на меня — срываю

мероприятие исторического масштаба. Посол в моем доме — гость, но отвечать ему надо.

Я соглашаюсь с тем, что визит Хуана Карлоса I в СССР призван стать событием, о котором будут писать в истории отношений двух стран, но замечаю, что подвести испанского короля, сорвать визит могут только его подданные — те, кто готов престиж главы испанского государства заменять на дела, несравнимые по значимости. Разговор приобретает резкую тональность. Но, что поделаешь, нужно сбить нажим на нас, достичь понимания того, что необходимо решить возникший вопрос ко взаимному удовлетворению. Тем более, что я неустанно повторяю: еще достаточно времени принять решение относительно нашего строительства.

Но козни продолжают продолжаться. Сотрудники посольства докладывают о назойливых вопросах, с которыми к ним обращаются их испанские знакомые, а именно: поднимал ли передо мною король вопрос об открытии испанского посольства во время наших встреч наедине в Сарсуэле? Но я молчу; о содержании моих бесед с королем знает в посольстве только шифровальщик. Причем все телеграммы о них отправлял один и тот же. Да и в телеграммах в Москву принято писать лишь то, что совершенно необходимо.

Наконец, такой вопрос задают и мне. Это делает генеральный директор МИД Испании в конце завтрака один-на-один в нашей резиденции. Тон почти вкрадчивый. Приходится из уважения к собеседнику отшучиваться, стараться ответить как-то помягче, хотя бы за счет интонации: «Король-то ваш, испанский. Что же спрашивать о разговорах с ним у иностранного посла?»

Как обратный счет перед стартом ракеты, отсчитывает время дни, остающиеся до 10 мая, до даты начала визита испанского короля к нам. Кончился март, уходит апрель. В начале двадцатых чисел я на очередном дипломатическом приеме, каких много. Там и министр иностранных дел Моран. Здороваемся. Слышу: «Господин посол, вы бы не могли завтра прислать кого-нибудь из своих дипломатов к моему помощнику? Пусть они вместе составят проект ноты в связи с разрешением на строительство вашего посольства». — «Конечно, господин министр. Завтра наш дипломат непременно будет во дворце Санта Крус». И все так просто, обыденно. Будто какая-то ничтожная преходящая мелочь. Вокруг толпятся люди, разносят соки. «Да, — добавляет министр, — не забудьте перед этим зайти в мэрию к Тьерно и оформить все у него. Тьерно будет в курсе». — «Спасибо, господин министр, я зайду».

У Тьерно Гальвана я через считанные часы. Он готовит для нас разрешение на строительство. Небольшой листок бумаги с пол-листа размером, стандартного типа формуляр, где есть графа о сроке, в течение которого разрешение будет считаться действительным. Сотрудники Тьерно доказывают ему, что там надо указывать, что разрешение дается на шесть месяцев, больше, дескать, не принято. «Что же, и в этот раз временно? — говорю я алькальду. — А если опять начнут крутить бюрократы в Мадриде или Москве, нам все начинать сначала?» Алькальд не спорит со своими подчиненными. Он дает им указание заполнить бланк, кроме графы о сроке. Затем, когда мы остаемся в кабинете вдвоем, он сам садится за машинку и впечатывает, подбирая буквы одним пальцем: «бессрочно».

26 апреля Моран вручил мне ноту, препровождавшую выданное муниципалитетом разрешение (лицензию) на строительство посольства. Министр передал и само разрешение, обратив внимание на то, что оно имеет окончательный характер. В ноте, кроме всего, указывалось, что «если в период строительства возникнут проблемы административного порядка со стороны муниципальных властей или других учреждений в связи с ведущимся строительством, министерство будет оказывать свои добрые услуги и поддержку посольству СССР с целью быстрого и удовлетворительного решения упомянутых проблем». Моран отметил, что МИД выполнил наши пожелания, и выразил надежду, что вопрос о передаче Испании реконструированного здания найдет свое удовлетворительное разрешение с тем, чтобы посольство в Москве могло быть открыто испанским королем.

Сообщая обо всем этом в центр, я предложил пойти навстречу испанской стороне.

И вот Москва, 11 мая 1984 года. Резким рывком Хуан Карлос I срывает белое полотно, покрывающее мемориальную доску, на которой сообщается об открытии испанского посольства.

Наше же посольство еще предстоит построить. Но теперь это обеспечено. Подобрана строительная фирма. Мощные бульдозеры вгрызаются в землю. Дому нашей страны в Испании быть! Страница перевернута.

У меня в Испании немало хороших знакомых. Многие из них, когда я приступал к работе, были начинающими политическими деятелями. Теперь они занимают высокие посты. Мне вновь подтверждают, что сложности с получением разрешения на строительство действительно исходили от испанских военных. Но уточняют: кое-какие аргументы у военных для этого, оказывается, были. Дело в том, что наш участок оказался на пути электронного луча между испанским Генеральным штабом и передаточной станцией, через которую осуществлялась связь со всеми испанскими военными базами. Когда мы купили участок, на это не обратили внимания. Затем разобрались, возникла угроза, что наша разведка будет перехватывать тайные переговоры в испанской армии. Чтобы решить проблему, пришлось построить другую передаточную башню, уведя таким образом луч в сторону от посольства. Мне назвали и сумму потребовавшихся на это затрат. Военные получили удовлетворение и сняли свои возражения. Я оценил и откровенность, и усилия испанского правительства. Оно пошло на пользу отношениям между нашими странами.

В конце 1985 г. на работу в посольство прибыл новый дипломат. Он долго был причастен к испанским делам в центре. Как-то я предложил ему пройтись. Стояла ясная солнечная погода, летний зной позади, дышится легко. Несколько сот шагов — и перед нами прочные железные ворота. За ними — наш участок. Дежурный докладывает: на стройке все в порядке. Глазам открывается наша площадка. В центре огромный котлован. Мы не спеша идем по краю. Я вижу, что мой спутник под большим впечатлением. «Дело прошлое,— говорю я,— не могли бы Вы рассказать, что происходило в Москве, почему мне пришлось вести там бой потяжелей, чем в Мадриде?»

«Все просто — слышу в ответ,— был момент, когда на довольно высоких уровнях пришли к заключению, что договориться с испанцами невозможно, что военных не перебороть, к тому же испанские генералы могут заручиться поддержкой американцев». — «Но посольство посылало множество телеграмм, давало анализ обстановки, из которого следовало другое. И, наконец, наши интересы требовали защиты». — «Ваши телеграммы на эту тему просматривались одним глазом. Между собой говорили, что Дубинин блефует, идет по острию ножа — его дело. Чем больше будет настаивать, тем тяжелей будет для него расплата».

Я не задаю других вопросов, хотя их после разговора стало даже больше. В самом деле, почему анализ проводился без меня? Что дало основание для порочного вывода? Чиновничья бесхребетность? Ошибка или недобросовестность какого-то оставшегося за ширмой консультанта, которому поверили больше, чем посольству? Аргументы испанских послов, к которым прислушивались внимательнее, чем к послу собственному, или, может быть, банальная интрига? Кто-то знает ответ, я — нет. Но я твердо знал другое: только решение, дававшее удовлетворение обеим сторонам, было достойно надежд, которые и в Москве, и в Мадриде связывали с новыми отношениями между двумя странами.

Конец октября 1992 года. Меня пригласил выступить с лекцией мэр Барселоны Паскуаль Марагаль, внук одного из крупнейших поэтов Каталонии, человек, вписавший свое имя в испанскую историю успехом барселонской Олимпиады, мой давний хороший знакомый. Мы с женой побывали по этому случаю и в Мадриде. Нас везет Алексей Мешков. В бытность мою послом — начинающий дипломат. Сейчас — советник. Кольцевая дорога. Поворот. Проспект Кастельяно — одна из самых впечатляющих городских

артерий мира. Еще поворот. Площадь Республики Аргентины. Вместо стремящихся вверх зданий-гигантов вы попадаете в приветливую атмосферу жилых кварталов испанской столицы. В нескольких десятках метров улица Веласкеса. Нечто вроде уютной площади. Помните те 15% земли, которую мы безвозмездно уступили Мадриду? Место это украшает, сверкая новизной, здание российского посольства. Оно прочно стало здесь символом дружбы народов наших стран.

А какова же была позиция короля? Он ведь просил держать его в курсе дел насчет посольства. Приоткрывая завесу конфиденциальности, отвечу: он знал, как разворачивались события. Конечно, в самых общих чертах и в той степени обобщения, которая отвечала его положению. Более дотошный читатель может спросить вслед за моими испанскими коллегами, касался ли король этой проблемы во время тех доверительных бесед со мной, которые подготовили его визит в СССР? Но я и сегодня не считаю себя вправе отвечать на этот вопрос. Деликатности ради пусть эта деталь останется нераскрытой.

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Очерки русской смуты

Генерал А. И. Деникин

Том пятый. Вооруженные силы Юга России

Глава XXIX. *Особое Совецание: вопрос о перемене политического курса.
Наказ правительству*

Осенью 1919 г. с особенной остротой встал вопрос о дальнейшем существовании Особого Совецания.

После признания мною верховной власти адмирала Колчака, вместе с приветственным адресом Особого Совецания, председатель его ген. А. М. Драгомиров вручил мне свое письмо, в котором высказался о своей государственной деятельности. «На Юге — писал он — задача... устранить все трения к объединению разрозненных частей России... приобретает чрезвычайное государственное значение, ввиду ярких сепаратистских течений, борьба с которыми до сих пор не привела к успеху... По свойствам моего темперамента и характера... у меня совершенно отсутствует умение сглаживать и смягчать отношения; каждый компромисс, без которого никакая политика невозможна, достается мне путем большого насилия над моей натурой и проводится в жизнь без того чистосердечия и искренности, которые в этих случаях столь необходимы... Род занятий всей моей жизни создал из меня генерала, но не политика. Переделать себя я не в состоянии... Я считаю себя неразрывно связанным и с той великой задачей, которую Вы исполняете, и лично с Вами... Но глубоко убежден, что по своей специальности я могу дать Вам большую помощь, чем на посту, ныне мною занимаемом».

Я не предполагал производить перемен до реорганизации всей структуры правительства и, отдав должное прямоте этого заявления, попросил Абрама Михайловича оставаться на посту. В ближайшие дни он уехал во главе миссии за границу и, когда в конце августа вернулся, то обстановка изменилась: с одной стороны казалось близким государственное объединение с казачьими областями, и роль полуответственного перед Высшим советом (право запросов) главы правительства была бы для ген. Драгомирова еще более не по сердцу; с другой — открылся пост командующего войсками и главноначальствующего в Киевской области, с которой у ген. Драгомирова были давнишние связи служебные и общественные. Пост этот требовал немедленного замещения. Я указал Абраму Михайловичу на предстоящую возможность и он, после краткого размышления, принял назначение в Киев.

Временным председателем Особого Совецания стал другой мой помощник, ген. Лукомский, исполнявший эту должность летом, во время отсутствия ген. Драгомирова. Заместителем Председателя был назначен В. Н. Челищев.

В этот переходный период круги, близкие к «Совету Государств. объедин.», и правый сектор Особого Совецания выдвигали усиленно положение, что главою

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 3—12; 1991, №№ 1—12; 1992, №№ 1—9; 11—12; 1993, №№ 2, 4—12; 1994, №№ 1—12; 1995, №№ 1—3.

нового правительства должно быть непременно лицо гражданское... Подразумевался А. В. Кривошеин.

Тяжкие внутренние нестроения наши служили неоднократно предметом для обмена мнений в заседаниях Особого Совещания. В середине октября по частному поводу «махновщины» я предложил членам Совещания подготовить фактический материал для суждения о причинах, питавших повстанческое движение. Сбор и обработка этого материала поручены были Н. И. Астрову, который в одно из ближайших заседаний Совещания сделал доклад, охвативший общую картину наших бедствий, грехов правительственной системы, гражданского управления и армии.

Картина получилась глубоко безотрадная. «Черные страницы армии», произвол и беззакония гражданской администрации — тема большая и обширная. Но доклад не заключал в себе положительных, конкретных предложений, могших уврачевать язвы и обосновать новый политический курс. Эта работа была произведена Н. И. Астровым дополнительно и вылилась в составление записки — «тезисов по вопросу о политическом курсе», подвергнутой затем автором, по предложению председателя Особого Совещания, обсуждению совместно с членами Совещания Савичем и Соколовым.

Записка Астрова состояла из неравноценных частей. В одной перечислялись цели, лозунги борьбы, всецело повторявшие наши неоднократные декларации и заявления. В другой — указывалось на необходимость пресечения ряда преступлений беспощадными карами. Эти положения также составляли тему десятков моих приказов, а смертная казнь являлась обычной мерой наказания военно-полевого и уголовного кодекса. Было, например, совершенно бесспорным, что «власть должна понудить тыл принять участие в предоставлении армии всего, что нужно для продолжения борьбы», а в армии «принять героические меры к ее оздоровлению, прекращению грабежей и поднятию дисциплины». Что власть «решительно отвергает месть, насилие, самоуправство и произвол над мирным населением».

Наконец, третья часть записки касалась предстоящего изменения курса и смены личного состава центрального органа. Первый вопрос — на кого опираться — был разрешен в такой форме:

«В целях привлечения к делу строительства Государства разных слоев населения, кровно заинтересованных в установлении порядка, власть должна действиями, не расходящимися с ее декларациями и обещаниями, дать населению ясное представление о том, какие цели ставит себе она и какие требования предъявляет к населению. Вместе с тем, власть должна неукоснительно принимать решительные меры в области социальных реформ на демократических основаниях. Эти реформы, среди которых на первом месте должна стоять аграрная реформа, должны установить связь власти с разными слоями населения и, по преимуществу, с крестьянством, связанным с землей, со всеми элементами, занятыми производительным трудом в области промышленности и торговли, со служилым элементом, с городским населением, с его мещанством и мелким ремесленничеством. Опора на одну какую-либо часть населения и отбрасывание всего остального населения было бы непоправимой ошибкой, которую использовали бы враги новой власти».

Эта формула не обнаруживала степени дерзания ни в аграрном, ни в прочих социальных вопросах, сильно напоминая наши всегдашние призывы к сотрудничеству «всех государственно-мыслящих слоев населения», а некоторая неясность редакции этого пункта дала даже повод председателю Особого Совещания, ген. Лукомскому сопроводить ее замечанием: «т. е. выбросить буржуев!..»

Наконец, вопрос о составе высшего органа власти:

«Преобразование Центрального Органа Управления и образование Органа Власти из лиц, связанных единством понимания политических задач и стремлением объединить свою волю с волей носителя высшей национальной власти и способных освободиться от умертвляющей энергию рутины».

Центральный орган должен привести местные органы в полное соответствие с планами и намерениями центральной власти, для чего должны быть пересмотрены все назначения на высшие административные посты, а новые кандидаты на эти должности должны быть проводимы через Особое Совещание (Высший орган)».

Какая же политическая или общественная группа могла принять на свои плечи бремя власти?

Особое Совещание в целом отнеслось скептически к «перемене курса», и записка

Астрова долгое время не ставилась на обсуждение. Поэтому, я вызвал членов комиссии для доклада в Таганрог 2-го декабря. На этом докладе ¹ все приведенные выше вопросы не только не разъяснились, но были затуманены еще более; каждый из трех членов комиссии придерживался особого мнения. Н. И. Астров, считая, что декларации главного командования в достаточной степени соответствуют требованиям жизни, говорил о необходимости претворить слово в дело, устранить расхождение обещаний с практикой, словом принять «ясный политический курс», не поясняя, однако, кому надлежит приводить его в исполнение? Н. В. Савич говорил о том, что наша политика не удовлетворяет ни одно из течений, борющихся с оружием в руках, и о необходимости опереться на «класс, способный постоять за себя» — опять-таки не определяя, какой именно. Только К. Н. Соколов высказался вполне определенно: «власть должна опереться на консервативные круги, при условии признания ими факта земельной революции» ². Это предложение теряло свою ценность, принимая во внимание настроения правых кругов, в глазах которых тогда даже «третий сноп» считался «уступкой домогательствам черни».

Пришлось дешифровать беседу...

Итак, коалиции — конец. Предстоит выбор: либерализм, консерватизм или «левая политика правыми руками» — та политика, которая была испытана впоследствии в Крыму другими лицами, без особого успеха.

Мои убеждения не были тайной и всецело соответствовали либеральному направлению. Но осуществление их встречало непреодолимые трудности. Если в конце июня, в разгар блестящих успехов армий и общего высокого подъема либеральная общественность страшилась взять руль правления, в предвидении «враждебного отхождения других влиятельных общественных сил и противодействия с их стороны», то теперь позиция ее была несравненно сложнее и тяжелее: армии уходили к Дону, теряя одну область за другой, замутилась вся жизнь страны, по которой катились уже людские волны эвакуаций — предвестниц катастрофы.

Полоса неудач вызвала сильный напор общественного мнения на власть. Искусно веденная политическая игра с особенным упорством перекладывала следствия безвременья, вины правителя и правительства на левый сектор Особого Сопещения, на «засилье в нем левых, кадет». И хотя такая постановка вопроса были слишком элементарна, несправедлива и отзывалась демагогией, но она находила отклик в армии и близких ей кругах, где систематически создавалось озлобление против «кадет» и, в частности, либеральных членов Особого Сопещения, которых называли «злыми гениями» и «главными виновниками» постигших нас бедствий. В такой обстановке либеральная общественность сочла для себя бремя власти непосильным и, предлагая известный политический курс, в то же время не давала своих людей, которые могли бы проводить его в жизнь. Очевидно, и не могла дать, так как по признанию видных ее деятелей, помимо внутренних расхождений, в этом лагере было очень мало людей, которые «революционному разложению и распаду могли бы противопоставить понятную всем организующую силу». Это последнее обстоятельство встало передо мной особенно ярко, когда я задал вопрос, при создавшихся условиях, чисто академический:

— Кого же, все-таки, либеральная группа могла бы предложить в главы правительства?

После некоторого раздумья мне было названо имя — В. Н. Челишева. Я высоко ценю и уважаю Виктора Николаевича и лично, и как государственного деятеля; но такое предназначение человека, глубоко мирного по природе своей, в дни жестокой борьбы и внутренних потрясений меня удивило. Вероятно, серьезные сомнения были и у Н. И. Астрова, потому что он не поддерживал свое предложение, заявив, что «если нельзя по каким-нибудь соображениям назначить штатское лицо председателем правительства», то эту должность мог бы занять генерал Романовский... Иван Павлович самым решительным образом отклонил это предложение. Его имя было бы не прикрытием, а яркою мишенью. Не подлежит сомнению, что подобная комбинация привела бы только к тому, что константинопольский выстрел прозвучал бы на несколько месяцев раньше.

Настаивать на образовании либерального правительства было, таким образом, нецелесообразно. Но и другая комбинация — переход власти всецело в руки правых элементов, — не говоря уже об идеологических обоснованиях, представлялась невыносимой: этот уклон, и без того преобладавший в деятельности правительства.

и подчиненных ему органов, был осужден всем ходом событий. Фронт катился на юг, «российская» территория сокращалась до минимума, и стратегическая обстановка, кроме всего прочего, создавала и большую зависимость нашу от казачьих сил, казачьих настроений. Резкий поворот руля вправо там прозвучал бы, как вызов.

Беседа моя с членами Особого Сопещания, нося характер теоретического обмена мнений, не привела ни к каким конкретным результатам; по выражению одного из участников «идеи не были персонифицированы». И хотя в формах весьма туманных вопрос как будто сводился к выбору: Челищев, Кривошеин или... Соколов.

Между прочим, со времени наименования кандидатуры Челищева, правые круги стали проводить мысль, что главою правительства в переживаемое тяжелое время может быть только лицо военное.

Стратегическая обстановка требовала настоятельно принятия мер предосторожности. 6 декабря председатель Особого Сопещания был уведомлен Ставкой о необходимости начать эвакуацию центральных управлений за Дон. Это известие произвело большое впечатление на членов Особого Сопещания, не вполне ясно воспринимавших грозность военного положения. Они считали свою эвакуацию преждевременным «бегством» — обидным и зазорным для правительства. В конечном результате с запозданием началась эвакуация правительственных учреждений, личный состав которых было приказано сократить наполовину и больше, в Черноморскую губ. и Крым. Вследствие враждебности Кубанского правительства, на Кубани оказалось возможным разместить только одно военное управление. Ввиду отсутствия крупных центров в тылу и предстоявшей, поэтому, разбросанности расквартирования, главы ведомств должны были обосноваться в Новороссийске лишь с небольшими ячейками своих управлений. До последнего дня они оставались в Ростове. Это решение, продиктованное чувством патриотизма и которому я не воспротивился, повлияло, однако, на планомерность общей эвакуации.

В связи с предстоящим раздельным пребыванием Ставки и правительства, по инициативе последнего мною отдан был приказ о расширении прав начальников управлений и председателя Особого Сопещания, которому в известных случаях предоставлялось право утверждать постановления Сопещания за главнокомандующего. В связи с этим приказом, Особому Сопещанию дан был мною «наказ», определявший тот «политический курс», который ставился главным командованием. В нем не было ничего нового. Наказ представлял из себя скорее более подробную сводку моих словесных и письменных заявлений и указаний, моральная ответственность за которые лежит на мне.

«В связи с приказом моим сего года за № 175 приказываю Особому Сопещанию принять в основание своей деятельности следующие положения:

1. Единая, Великая, Неделимая Россия. Защита веры. Установление порядка. Восстановление производительных сил страны и народного хозяйства. Поднятие производительности труда.

2. Борьба с большевизмом до конца.

3. Военная диктатура. Всякое давление политических партий отменить, всякое противодействие власти — и справа, и слева — карать.

Вопрос о форме правления — дело будущего. Русский народ создаст верховную власть без давления и без навязывания.

Единение с народом.

Скорейшее соединение с казачеством путем созданная Южнорусской власти, отнюдь не растрчивая при этом прав общегосударственной власти.

Привлечение к русской государственности Закавказья.

4. Внешняя политика — только национальная русская.

Невзирая на возникающие иногда колебания в русском вопросе у союзников — идти с ними. Ибо другая комбинация морально недопустима и реально неосуществима.

Славянское единение.

За помощь — ни пяди русской земли.

5. Все силы, средства — для армии, борьбы и победы.

Всемерное обеспечение семейств бойцов.

Органам снабжения выйти, наконец, на путь самостоятельной деятельности, использовав все еще богатые средства страны и не рассчитывая исключительно на помощь извне.

Усилить собственное производство.

Извлечь из состоятельного населения обмундирование и снабжение войск.

Давать армии достаточное количество денежных знаков, преимущественно перед всеми. Одновременно карать беспощадно за «бесплатные реквизиции» и хищение «военной добычи».

6. Внутренняя политика:

Проявление заботливости о всем населении без различия.

Продолжать разработку аграрного и рабочего закона в духе моей декларации; также и закона о земстве.

Общественным организациям, направленным к развитию народного хозяйства и улучшению экономических условий (кооперативы, профессиональные союзы и проч.) содействовать.

Противогосударственную деятельность некоторых из них пресекать, не останавливаясь перед крайними мерами.

Прессе — сопутствующей помогать, несогласную терпеть, разрушающую — уничтожать.

Никаких классовых привилегий, никакой преимущественной поддержки — административной, финансовой или моральной.

Суровыми мерами за бунт, руководство анархическими течениями, спекуляцией, грабеж, взяточничество, дезертирство и проч. смертные грехи не пугать только, а осуществлять их при посредстве активного вмешательства Управления Юстиции, Главного Военного Прокурора, Управления внутренних дел и Контроля. Смертная казнь — наиболее соответственное наказание.

Ускорить и упростить порядок реабилитации не вполне благополучных по большевизму, петлюровщине и т. д. Если была только ошибка, а к делу годны — снисхождение.

Назначение на службу — исключительно по признакам деловым, отметая извергов и справа и слева.

Местный служилый элемент, за уклонение от политики центральной власти, за насилия, самоуправство, сведение счетов с населением, равно как и за бездеятельность — не только отрешать, но и карать.

Привлекать местное население к самообороне.

7. Оздоровить фронт и войсковой тыл — работой особо назначенных генералов с большими полномочиями, составом полевого суда и применением крайних репрессий.

Сильно почистить контрразведку и уголовный сыск, влив в них судебный (беженский) элемент.

8. Поднятие рубля, транспорта и производства преимущественно для государственной обороны.

Налоговый пресс, главным образом, для состоятельных, а также для не несущих воинской повинности.

Товарообмен — исключительно за боевое снаряжение и предметы, необходимые для страны.

9. Временная милитаризация водного транспорта, с целью полного использования его для войны, не разрушая, однако, торгово-промышленного аппарата.

10. Облегчить положение служилого элемента и семейств чинов, находящихся на фронте, частичным переводом на натуральное довольствие (усилиями Управления продовольствия и Ведомства военных снабжений).

Содержание не должно быть меньше прожиточного минимума.

11. Пропаганде служить исключительно прямому назначению — популяризации идей проводимых властью, разоблачению сущности большевизма, поднятию народного самосознания и воли для борьбы с анархией».

г. Таганрог, 14 декабря 1919 г.

Глава XXX. Упразднение Особого Сопровождающего. Кризис русского либерализма

В кругах ростовской общественности, в политических организациях шли непрерывно совещания, царило возбуждение, углубляемое нервирующей обстановкой отступления и эвакуации.

16 декабря начальник управления торговли и промышленности, Фенин, привез мне записку, являющуюся по существу плодом мысли либеральной общественности и по форме — обращением ко мне левого сектора Особого Сопещания:

«В тяжелую пору новых испытаний, ставших на пути воссоздания нашей Родины, в минуты особенно трудные для Вас, взявшего на себя все великое бремя ответственности, позвольте нам, до конца остающимся преданными Вам и великому делу, которому Вы служите, мнение которых Вы неоднократно выслушивали, по долгу чести и совести сказать Вам, как мы смотрим на сложившееся положение и какой выход мы предполагаем из тяжелых обстоятельств переживаемого времени.

Мы не станем перечислять ошибки и упущения, допущенные военными и гражданскими органами, призванными Вами служить делу борьбы за воссоздание государства и установление элементарного порядка. Ошибки эти многообразны. Главнейшие из них по нашему мнению: допущение развития дурных нравов в армии и безнаказанность высших попустителей, а также отсутствие организованного, сильного аппарата центральной власти, объединенного в своем составе единым пониманием задач, стоящих перед властью, единством методов действий, и полная изолированность от жизни и населения того органа, который являет собою весьма несовершенный суррогат власти.

Эти недостатки и ошибки были бы сглажены и исправлены успехом и достигнутой целью. Но неудача, как возмездие, требует коренных и глубоких изменений в тех органах и устройствах, с которыми связаны эти ошибки. Общее смущение и тревога на фронте и в тылу требуют немедленных решительных и ярких действий.

Опыт всех стран свидетельствует, что в наиболее критические для государства минуты Высшая Власть, несущая перед Страной всю тяжесть ответственности, распускает правительство и на его место призывает новых людей, более отвечающих новым задачам, ставшим перед страной.

Эти изменения в составе Правительства достигаются не только привлечением новых лиц в его состав, но и освобождением этого состава от прежних руководителей и участников, а в нужных случаях путем изменений в самой конструкции центрального органа власти.

Мысль о необходимости преобразования Особого Сопещания, состоящего при Вас, возникла давно и едва ли кто стал бы теперь защищать его конструкцию и его состав.

Только не в меру затянувшаяся работа Южно-русской конференции задержала преобразование Особого Сопещания и остановила давно назревшую реформу. До осуществления этой реформы — в смысле создания Высшего Совета и Совета Начальников Управлений, в виде переходной меры было бы совершенно необходимо распустить Особое Сопещание и на его месте образовать Правительство в составе семи лиц, с привлечением в него трех представителей от казачьих войск.

Это Правительство — Совет при Главнокомандующем — должно быть объединено общим пониманием поставленных ему задач и способно к энергичным и решительным действиям. Оно должно дать Вам объявляемую Армии и Населению, торжественную клятву в строгом исполнении принятых на себя обязательств.

Этот орган, представляя собой Походное Управление, должен быть возглавлен лицом, наиболее понимающим Ваши идеи и близким Вам по духу и воззрениям.

Семь лиц, входящих в состав Правительства, должны сосредоточить в своих руках портфели министров: Военного, Финансов, Внутренних дел, Торговли и Промышленности, Юстиции, Путей сообщения и Снабжения. Если бы портфель министра внутренних дел можно было вручить председателю Совета, то состав членов можно было бы сократить до шести.

Министру снабжения должны быть подчинены все нынешние несовершенные органы снабжения Армии, а бессильные органы продовольствия должны быть вовсе упразднены. Другие ведомства, ныне сокращенные, должны находиться под управлением начальников, действующих по указаниям Совета при Главнокомандующем. Иностранная политика, как и ныне, остается в руках Главнокомандующего, исполнение предубаказаний которого осуществляется через особое Управление, состоящее наравне с другими управлениями, руководители которых не входят в состав Совета. Государственный контроль получает указания непосредственно от Главнокомандующего.

Подготовительная работа по законодательству временно, до образования

Высшего Совета могла бы производиться в Совещании по законодательным предположениям, члены коего назначаются Главкомандующим.

Роспуск Особого Совещания и образование Совета при Главкомандующем должны быть произведены особым актом, в котором могло бы быть указано, что преобразование Особого Совещания вызвано тяжелыми условиями борьбы и необходимостью сосредоточить власть в руках лиц, все внимание которых должно быть сосредоточено на управлении, на действиях, столь необходимых в данное время.

В этом обращении к Армии и населению могли бы быть указаны те начала, которые Вы преподали Особому Совещанию сегодня, 15 декабря, к руководству, и особенно подчеркнута, что Новому Правительству ставятся основные и главнейшие задачи — сосредоточить всю энергию на помощи и содействии Армии, на ее снабжении, снаряжении, на заботах об ее раненых и больных, на обеспечении семейств борющихся; что помощь Армии нужна быстрая и полная для скорейшего доведения до конца борьбы с большевиками за воссоздание России, за поруганную православную веру, за освобождение национального сознания Русского народа от поработившего его ига большевизма и за скорейшее восстановление гражданского мира на началах права и справедливости; что новая Власть устранил в своих действиях допущенные раньше ошибки и, беспощадно карая нарушителей гражданского мира, грабителей и насильников, возьмет под свою защиту все население, желающее прекращения смуты и междоусобия; что новой Властью вменяется в обязанность привлечь население к установлению порядка и поднятию производительности труда.

Создавая новое Правительство в минуты опасности и тревоги, Вы снова поднимете бодрость в Армии и населения, снова окрылите надежды, ибо вместо непопулярного Особого Совещания около Вас будет новый орган, которому будут поставлены новые ясные задачи.

Тогда можно будет начать решительную борьбу с пороками, разлагающими Армию и тыл. Тогда можно будет противопоставить новую организованную Власть развивающимся опасным течениям в Армии и тылу. Тогда можно будет привлечь соседние государственные образования к борьбе за воссоздание Русского государства. Пусть этот орган возьмет на себя часть ноши, которую Вы несете, и примет на себя удары, направленные со стороны тех, кто ставит себе иные, чем Вы, цели и задачи.

Громоздское и неспособное действовать Особое Совещание исполнило свое назначение и пережило себя. Ни Вам, ни делу оно больше не может быть полезно.

Вместо того, чтобы отсылать его от себя и тем самым лишать его всякого политического и делового значения, вместо того, чтобы ставить его в положение укрывающегося и спасающего себя в наиболее суровые минуты и обрекать его на вынужденное бездействие и утрату последнего престижа в глазах Армии и населения — лучше распустите его.

Твердо и горячо веруя в историческую правду движения, возглавленного Вами, и в его конечный успех, мы всеми силами души желаем Вам мудрости и величия духа в Вашем великом и трудном подвиге».

Подписали: Н. Астров, М. Бернацкий, В. Степанов, Челищев, В. Юрченко, Мих. Федоров.

В тот же день получен был мною доклад председателя Особого Совещания, ген. Лукомского, затрагивающий «главнейшие вопросы, по которым необходимо знать (мое) мнение». Ген. Лукомский писал:

«1. Наиболее животрепещущий вопрос для данного момента — это наша неудача на фронте.

При неудаче всегда масса (и на фронте и в тылу) ищет виновников. Конечно, этим дела не исправишь, да и занятие, которое хотя нервирует массу и создает известное настроение и в армии и в тылу, довольно бесполезное, ибо дела не исправить.

Но если для массы это занятие бесполезное, надо помнить, что известное настроение и впечатление от этой же массы передается и тем, от коих очень многое может зависеть.

Одни обвиняют Ставку, другие Особое Совещание. Те, кои обвиняют Особое Совещание, в свою очередь, разделяются на два лагеря: одни ругают за слишком правое направление, другие за слишком левое направление.

Лично думаю, что виновны обе стороны: и Ставка и Особое Совецание.

Ставка, правильной штаб, виновен тем, что не организована была военная сила в тылу, что допущено было чрезмерное продвижение войск вперед без соответственного устройства тыла (и в военном и в гражданском отношении) и что, по-видимому, штаб не знал состояния войск. Особое Совецание (главным образом, управление Внутренних дел) виновно тем, что не справилось с устройством тыла³.

Это я отмечаю не с целью искать виновных, а для того, чтобы предостеречь от опасности искать причину неудачи в области политики.

А эта опасность есть.

И. П. Романовский на этих днях сказал мне примерно следующее: «Мы с Вами несколько расходимся в наших политических воззрениях и я не могу умолчать, что, по моему глубокому убеждению, мы сорвались на том, что в Малороссии, фактически, проводили слишком правую «гетманскую» политику».

Н. И. Астров, представляя свою записку об изменении политического курса, также считал, что одна из причин неудачи — это неправильная политика.

Я лично считаю, что здесь не в политике дело, а в том, что мы не умели устроить тыла, не умели и не могли обуздать грабежи и насилия, чинившиеся и войсками, и государственной стражей, и органами контрразведки.

Если же мы теперь начнем менять политический курс, то попадем в еще более тяжкое положение.

2. Реорганизация Особого Совецания.

Сговориться с казаками теперь будет трудно. Вчера мне Харламов сказал: «не скрою от Вас, что настроение среди членов конференции несколько изменилось, и некоторые говорят так: когда Добрармия занимала Орел, то с нами не церемонились и говорили очень твердым языком; теперь пора и нам заговорить другим языком».

Но если б даже разговоры с казаками шли гладко — вряд ли теперь своевременно создавать всю ту постройку, которая намечалась.

Н. И. Астров настойчиво доказывает (а Федоров к нему присоединяется), что Особое Совецание отжило свой век; что теперь надо создать небольшое деловое правительство, (из пяти-шести начальников главнейших управлений) и через него Вашему Превосходительству управлять всеми «министерствами». При таком небольшом «волево» (как выражается Н. И. Астров) правительстве должен быть законосовещательный орган.

Этот вопрос члены Особого Совецания просили поставить на обсуждение в присутствии Вашего Превосходительства.

Сегодня был у меня П. Б. Струве. Говорит, что все (и правые, и средние, и левые) ругают Особое Совецание. Что по его мнению надо положить руль направо и, отменяя всякое соглашательство, твердо проводить военную диктатуру.

Должен сказать, что с эвакуацией начальников Управлений в Новороссийск, а Управлений в Крым — дело осложняется чрезвычайно.

Ясно, что Особое Совецание действительно надо реорганизовать, но как — это сказать трудно».

Эти два документа поставили вновь и весьма остро вопрос об Особом Совецании. Было ясно, что дальнейшее существование его становится невозможным психологически. Кроме того, и в техническом отношении общая обстановка требовала действительно большей концентрации власти, сокращения и упрощения ее органов.

Приказом моим от 16 декабря была проведена реорганизация управления, вылившаяся в такие формы:

1. Особое Совецание упразднено.

2. Упразднены отдел законов и управление продовольствия, самостоятельный отдел пропаганды подчинен начальнику управления внутренних дел и должность начальника военных сообщений и начальника путей сообщений соединены в одну; точно также соединены в одно ведомства морское и военное.

3. Учреждена новая должность главного начальника снабжений, к которому перешли функции военного снабжения, санитарной части и общего продовольствия.

4. Образовано правительство из глав шести ведомств (военно-морского, внутренних дел, финансов, сообщений, снабжений, торговли и промышленности, юстиции)⁴.

5. Начальник управления иностранных дел и главный контролер подчинялись

непосредственно главнокомандующему; нач. управл. земл. и землеустройства, народн. просв. и исповед., также не входя в состав правительства, по вопросам, превышавшим их права, должны были входить с представлением к последнему.

6. При правительстве учреждалось «совещание по законодательным предположениям».

Несравненно труднее обстоял вопрос о политическом курсе и составе правительства. Я ответил на него оставлением в силе данного мною «наказа» и оставлением в должности генерала Лукомского, стоявшего во главе правительства в течение нескольких месяцев — деятеля правого, но официально не носившего партийного штампа. При указанных выше условиях менять главу Правительства не имело смысла.

Этот мой шаг произвел в свое время большое впечатление на общественные круги и вызвал всевозможные толки и догадки относительно внутренних, «скрытых» побуждений, вызвавших его.

Ближайшие дни показали, что и либеральная группа Особого Совещания не вполне правильно восприняла свершившееся.

Отступление продолжалось, штаб Добровольческой армии перешел уже в Таганрог, и Ставка перенесена была временно в Ростов. Председатель правительства, ген. Лукомский на первом же докладе сообщил мне, что либеральная группа Особого Совещания обратилась к нему с просьбой ввести в состав правительства... А. В. Кривошеина и инженера Чаева⁵. Не сказав ни слова, я утвердил их назначения. Эта капитуляция побудила меня при ближайшей встрече с моими бывшими сотрудниками по Особому Совещанию (либералами) бросить им фразу, выражающую удивление и укор... В ответ один из них писал в то время ген. Романовскому:

«В нашей записке был дан план концентрации власти с привлечением в нее казачьих элементов. При этом имелось в виду, что опыт коалиции, вызвавший провал основной — земельной реформы и всего местного гражданского строительства, осужден. Мы ожидали смены почти всего действующего состава, начиная с главы правительства. Но назначением генерала Лукомского предreshался вопрос о дальнейшем направлении внутренней политики. Этим устанавливалось ее правое направление с сохранением военной бюрократизации гражданского управления. Подчиняясь этому решению, мы должны были направить все внимание на создание сильной, а следовательно однородной и технически наилучше оборудованной власти. Отсюда вытекала необходимость именно в рядах правых искать наиболее сильных, наиболее активных элементов. Мы, прежде всего, обратились к Савичу, но когда он категорически отказался, остановились на Кривошеине и Чаеве. В тяжелых условиях переживаемого момента мы не считали себя вправе считаться с политическими и иными недочетами этих людей, на которые мы своевременно указывали и Главнокомандующему, и считали себя, по долгу совести, обязанным указать на них, как на наиболее сильных и пригодных для однородного и способного к действию правого кабинета».

Впрочем, Н. И. Астров несколько иначе определял отношение либеральной группы:

«Мы не хотели усмотреть в этом принятие нового — правого курса. Но это было и не то, что мы предполагали, ибо образовывалось новое Правительство — не определенного политического курса, связанное с Вами единством понимания политических задач, а чисто техническое для наилучшего разрешения невероятно сложных технических задач, выдвинутых временем и обстановкой.

Политический момент отступал на задний план, стушевывался перед техническими трудностями задач. Отсюда — право выбора техников отовсюду».

Главы остальных ведомств остались на своих местах, а не получившие портфелей члены бывш. Особого Совещания, кроме Соколова, вошли в состав «Совещания по законодательным предположениям». В таком виде новое правительство — по существу старое, перейдя в Новороссийск, некоторое время еще продолжало свою деятельность, в силу сложившейся обстановки сводившуюся исключительно к ведению текущих дел.

Наступал период ликвидации и эвакуации.

Все эти перипетии, связанные с «реорганизацией» правительства, представляют, может быть, интерес для истории русской общественности. Но, как показало ближайшее будущее, то или иное решение никакого влияния на ход событий уже оказать не могло.

Я не знаю, нужно ли говорить о тех побуждениях, которые руководили мною в дни перестроения власти... Мне казалось, что и тогда они были достаточно ясны и вовсе не прикровенны.

В сущности, все в правительстве должно было оставаться по старому до создания новых форм управления, слагавшихся в процессе работ южно-русской конференции.

Последние приказы мои означали: невозможность опереться на либералов, нежелание передать власть всецело в руки правых, политический тупик и личную драму правителя.

В более широком обобщении они свидетельствовали об одном, давно назревшем и теперь особенно ярко обнаружившемся явлении: О кризисе русского либерализма.

Особое Совецание и с ним целый период жизни противобольшевистского Юга отошел в прошлое. Судить нас будет история. Я хотел бы отметить одно только явление, общее для всех поднявшихся против безумного советского режима частей Российского государства — общее для Севера, Востока, Юга и Запада, для казачьих областей, Закавказских новообразований и западных лимитрофов.

Первые же шаги насаждения государственного строя на обломках прежнего, поросших большевизмом, различаясь внешними формами, большей и меньшей радикальностью и демократизмом содержания, худшей или лучшей организацией — имели везде одну, проникавшую существо их черту: Они направляли народную жизнь в старое русло.

Одни — в нетронутое, затянутое тиной, другие — в расчищенное, углубленное, но все же прежнее. В расчете на то, что над страной пронеслась только буря, опрокинувшая, изломавшая реальные ценности, накопленные веками, трудом и разумом поколений, а не наступил глубокий процесс, переродивший духовную природу и психологию нации.

Свидетельствовало ли это явление только о той цепкой связи и зависимости от прошлого, которое довлело над страной и строителями, быть может, иногда помимо сознания и воли их? Исходило ли оно из бессилия и неумения деятелей революции прорыть, не выжидая, новое русло, в которое могла бы хлынуть и успокоиться очищенная в крови и страданиях волна народной жизни?.. Или, наконец, было оно признаком жизненности основных вех, по которым шло последовательно, веками русское строительство?..

Ответ даст будущее.

Глава XXXI. Поход на власть

Начало 1920 г., наряду с тягчайшими трудностями стратегическими, осложнено было сильным походом на власть.

Шел он с двух сторон.

Генерал Врангель, получив назначение формировать казачью конную армию, прибыл в Екатеринодар, где имел ряд совещаний с кубанскими деятелями. На этих совещаниях были выработаны общие основания формирования трех кубанских корпусов, во главе которых должны были стать генералы Топорков, Науменко и... Шкуро.

Предназначение ген. Шкуро представилось мне довольно неожиданным.

После освобождения Шкуро от командования корпусом, в силу неприемлемости его для генерала Врангеля, Шкуро, по личной его просьбе, предоставлено было Ставкой объехать кубанские станицы и поднять с п о л о х. Популярность его среди кубанцев сохранялась, а отрицательные стороны его деятельности в глазах казачества не были одиозны.

13 декабря барон Врангель послал телеграмму кубанскому атаману, с копией в Ставку: до сведения его дошло, будто Шкуро начинает формировать нештатные добровольческие части на Кубани. Барон просил задержать эти формирования до прибытия в Екатеринодар с его планом организации командированного туда генерала Науменко.

Генералу Шкуро было предоставлено подымать казачество, а не вести формирования ⁶, и потому моим штабом отправлена была на его имя соответственная

телеграмма. Местопребывание Шкуро не было точно известно, и служба связи отнеслась с исключительным вниманием к пожеланию ген. Врангеля, разослав телеграмму эту в целый ряд попутных станиц. Всюду, где появлялся ген. Шкуро, ему вручали телеграмму, содержание которой, довольно резкое, становилось известным и подрывало его престиж. Он протелеграфировал в Ставку о своей обиде, бросил «уговаривание» и вернулся в Екатеринодар. Дальнейшие эпизоды так излагаются генералом Шкуро:

«Мой поезд остановился напротив поезда ген. Врангеля. Прошло несколько минут, как адъютант мне доложил, что меня желает видеть генерал Шатилов. Я приказал просить. С ген. Шатиловым я был давно знаком, но за время гражданской войны нам как-то не приходилось встречаться. После взаимных приветствий ген. Шатилов заговорил о моих отношениях с ген. Врангелем. Сказал, что все недоразумения, которые произошли между нами, вызваны исключительно тем, что ген. Врангель был неправильно информирован о моей работе и деятельности, что теперь, ввиду тяжелого положения на фронте и общей опасности, нам всем надо объединиться для спасения общего дела, а затем просил, чтобы я зашел к генералу Врангелю. Не задумываясь, я ответил полным согласием и выразил готовность явиться к ген. Врангелю немедленно.

Спустя немного времени я пошел к ген. Врангелю. Будучи приглашен в салон, я там застал ген. Науменко и Шатилова. Ген. Врангель очень любезно принял меня, наговорил массу любезностей и просил помочь ему в той тяжелой работе, которую он на себя принял. Вскоре зашел только что прибывший с фронта ген. Улагай, но он был совершенно болен и сейчас же ушел. В тот же день он свалился от тифа и долго проболел. Когда ушел и ген. Науменко, то ген. Врангель начал расспрашивать о настроениях казачества на местах, о степени популярности ген. Деникина среди казачества и офицерства и вскользь несколько раз бросил мысль, что Главное Командование совершенно не понимает обстановки и всех нас ведет к гибели и что против этого надо бороться и искать какой-либо выход. Так как время было близко к Рождеству, то, помню, ген. Врангель сказал, что он хочет ехать на два-три дня в Кисловодск немножко отдохнуть, а также чтобы повидаться с Терским атаманом и ген. Эрдели. Собираясь также выехать в Кисловодск, где была моя семья, я предложил ген. Врангелю и ген. Шатилову с супругами встретиться у меня сочельник. Генералы очень любезно согласились.

Мы соединили наши поезда и 23-го декабря мы все вместе выехали. По дороге я долго беседовал с ген. Врангелем, который настойчиво доказывал мне, что вся общественность и армия в лице ее старших представителей совершенно изверилась в ген. Деникина, считая его командование пагубным для дела и присутствие ген. Романовского на посту нач. штаба даже преступным; что необходимо заставить во что бы то ни стало ген. Деникина сдать командование другому лицу и что с этим вполне согласны и что он уже переговорил об этом лично с Донским и Кубанским атаманами, с председателями их правительств, а также с командующим Донской армией ген. Сидориным и его нач. штаба генералом Кельчевским, с кубанскими генералами Покровским, Улагаем и Науменко, с видными членами Кубанской рады и Донского круга, со многими чинами Ставки и представителями общественности и что все вполне разделяют его, Врангеля, точку зрения, и что теперь остановка только за мной и за Терским атаманом, а тогда в случае нашего согласия, мы должны предъявить ген. Деникину ультимативное требование уйти, а в случае нужды не останавливаться ни перед чем.

Я ответил, что я пока не могу дать своего согласия, что это слишком рискованный шаг, который может вызвать крушение всего фронта.

Затем я ушел, условившись вечером в сочельник встретиться у меня на даче в Кисловодске. 24 декабря, утром, подъезжая к Пятигорску, я приказал отцепить свой вагон, а сам тотчас же проехал к Терскому атаману ген. Вдовенко. Ген. Врангель также до вечера оставался в Пятигорске. Рассказав ему (ген. Вдовенко) все подробно, я спросил, как он думает поступить. На это атаман ответил: «Думаю, что это все не так, тут чувствуется какая-то провокация. Во всяком случае, полагаю, что подобная генеральская революция преступна и нас всех погубит. Этого допускать нельзя и я сейчас же экстренным поездом отправлю председателя Круга Губарева к Донскому атаману и к Главнокомандующему. К вечеру мы все будем знать точно всю обстановку. Ты же никоим образом не соглашайся на ту роль, которая тебе

подготавливается, а если придется действовать энергично, я тебе помогу. Немедленно после этого я поехал в Кисловодск.

Ген. Врангель оставался еще несколько часов в Пятигорске. Вечером часам к 8 приехал в Кисловодск ген. Врангель, которого я встретил на вокзале с почетным караулом, а оттуда поехали ко мне генералы Врангель и Шатилов с супругами. За обедом обменялись все очень любезными тостами, но никаких серьезных разговоров не поднимали. Вскоре пришел ген. Эрдели. Тотчас же ген. Врангель и ген. Эрдели уединились в соседнюю комнату и о чем-то долго и горячо говорили. Затем все ушли, а утром совершенно неожиданно ген. Врангель потребовал паровоз и выехал. Мы условились, что по приезде в Екатеринодар, через два дня, мы снова «обо всем переговорим».

Посещение бароном Врангелем Терского атамана, ген. Вдовенко, описано в записке последнего следующим образом:

«24 декабря 1919 года вместе с генералом Шатиловым приехал ко мне генерал Врангель.

Беседа происходила в присутствии П. Д. Губарева, который случайно был у меня. Предложения ген. Врангеля заключались в том, что у донцов и кубанцев возникла мысль о коренной реорганизации власти на Юге России. Власть эта мыслилась, как власть общеказачья, и что по мнению генерала Врангеля обстановка требовала создания такой власти, а между тем ген. Деникин на создание такой власти не соглашается. Себе ген. Врангель отводил место командующего казачьими армиями: Донской, Кубанской и Терским корпусом. На вопрос, как же мыслилось дальнейшее существование Добровольческой армии, ген. Врангель подтвердил, что хотя ген. Деникин и грозит увести Добровольческую армию, но этого не будет и армия безусловно останется, ибо недовольна генералом Деникиным. По словам ген. Врангеля выходило, что на признание его, Врангеля, своим вождем кубанцы уже согласились, согласие у донцов обеспечено и остановка только за терцами. Надо сказать, что ген. Врангель очень волновался, поэтому почти после каждой фразы обращался к генералу Шатилову: «Не правда ли, Павлуша?» Я высказал сомнение, чтобы эту идею, идею смены революционным путем командования на Юге России в такой тяжелый для армии момент, разделяли бы Войсковые Атаманы и командующий Донской армией. Все это только послужит к усилению развала и поможет большевикам. Терек на это не пойдет, — сказал я, — и этим беседа кончилась.

Почувствовав интригу, я в тот же день командировал П. Д. Губарева к Донскому атаману и командующему Донской армией, чтобы он установил истину и доложил бы обо всем главнокомандующему, а затем бы заехал и на Кубань. Для официального Дона все это была новость. На Кубань Петр Дементьевич не заехал, а потому я и не знал, как думала официальная Кубань, но для меня стало ясно, что и на Кубани эта идея не имела успеха».

В те же дни бывший помощник ген. Врангеля по должности главноначальствующего Харьковской областью и будущий его министр внутр. дел г. Тверской собирал в Кисловодске видных общественных деятелей и осведомлялся — может ли ген. Врангель, в случае переворота, рассчитывать на поддержку общественных и финансовых кругов. Ответ получился отрицательный.

Между тем, как оказалось, с возглавлением казачьей группы бароном Врангелем вышло недоразумение и на Кубани. Заместитель атамана Сушков и председатель кубанской рады Скобцов отнеслись к такому предположению совершенно отрицательно, заявив, что «если это случится, то казаки не пойдут в полки, так как ген. Врангель потерял свой престиж на Кубани». Они просили ген. Науменко «принять меры, чтобы барон сам отказался от этой мысли». Науменко поручение исполнил.

Скобцов по этому поводу пишет:

«Ген. Врангель просил о свидании, которое и было назначено на первый или второй день Рождества. Мы были вдвоем с Сушковым. Ген. Врангель прибыл совместно с генералом Шатиловым...

Предупрежденный генералом Науменко, ген. Врангель... предупредил нас своим заявлением, что он решил отказаться от поручения главнокомандующего и срочно выезжает в Новороссийск.

В ответ на его предложение — воспользоваться услугами его штаба при формировании частей, мы указали, что это уже дело специалистов военных, которых мы назначаем из природных кубанцев».

Поезд Ставки перешел 27 декабря в Тихорецкую и в ближайший день туда прибыл ген. Врангель и председатель Терского круга П. Д. Губарев; последний с поручением от атамана Вдовенко и ген. Эрдели — выслушать его доклад ранее генерала Врангеля. Губарев сообщил мне почти дословно то, что изложено выше в позднейшей записке ген. Вдовенко, причем финал разговора описывал более образно:

— Выслушав ген. Врангеля, Герасим Андреевич (Вдовенко) ударил по столу кулаком и сказал: «Ну, этому не бывать». После чего разговор сразу пресекся.

Через несколько минут после ухода Губарева, в мой вагон вошел барон Врангель, и первыми его словами были:

— «Ваше превосходительство, Науменко и Шкуро предатели. Они уверили меня, что я сохранил популярность на Кубани, а теперь говорят, что имя мое среди казачества одиозно и что мне нельзя стать во главе казачьей конной армии».

Ген. Врангель считал, поэтому, дальнейшее свое участие в формировании ее невозможным. Свои взгляды на роль казачества и на продолжение борьбы он изложил в представленной мне тогда же записке, носившей дату 25 декабря:

«В связи с последними нашими неудачами на фронте и приближением врага к пределам казачьих земель, среди казачества ярко обозначилось с одной стороны недоверие к Высшему Командованию, с другой стремление к обособленности. Вновь выдвинуты предположения о создании общеказачьей власти, опирающейся на казачьи армии. За Главным Командованием проектом признается право лишь общего руководства военными операциями, во всех же вопросах как внутренней, так и внешней политики общеказачья власть должна быть вполне самостоятельной. Собирающаяся 2-го января в Екатеринодаре казачья дума должна окончательно разрешить этот вопрос, пока рассмотренный лишь особой комиссией из представителей Дона, Кубани и Терека. Работы комиссии уже закончены и соглашение по всем подробностям достигнуто. Каково будет решение думы, покажет будущее. Терек в связи с Горским вопросом, надо думать, займет положение обособленное от прочих войск. Отношение Дона мне неизвестно, но есть основание думать, что он будет единоклубен с Кубанью. Последняя же, учитывая свое настоящее значение, как последнего резерва Вооруженных сил Юга, при условии, что все Донские и Терские силы на фронте, а Кубанские части полностью в тылу — стала на непримиримую точку зрения. Желая использовать в партийных и личных интересах создавшееся выгодное для себя положение, объединились все партии и большая часть старших начальников, руководимые мелким честолюбием.

Большевистски настроенные и малодушные поговаривают о возможности для новой власти достигнуть соглашения с врагом, прочие мечтают стать у кормила правления. Есть основания думать, что англичане сочувствуют созданию общеказачьей власти, видя в этом возможность разрешения Грузинского и Азербайджанского вопросов, в которых мы до сего времени занимали непримиримую позицию.

На почве вопроса о новой власти агитация в тылу наших вооруженных сил чрезвычайно усилилась.

Необходимо опередить события и учесть создавшееся положение, дабы принять незамедлительно определенное решение.

Со своей стороны, зная хорошо настроение казаков, считаю, что в настоящее время продолжение борьбы для нас возможно, лишь опираясь на коренные русские силы. Рассчитывать на продолжение казаками борьбы и участие их в продвижении вторично вглубь России нельзя. Бороться под знаменем «Великая, Единая, Неделимая Россия» они больше не будут, и единственное знамя, которое, может быть, еще соберет их вокруг себя, может быть лишь борьба за «права и вольности Казачества»; и эта борьба ограничится в лучшем случае очищением от врага казачьих земель.

При этих условиях главный очаг борьбы должен быть перенесен на запад, куда должны быть сосредоточены все наши главные силы.

По сведениям, полученным мною от генерала английской службы Киз, есть полные основания думать, что соглашение с поляками может быть достигнуто. Польская армия, в настоящее время, представляет собою вторую по численности в Европе (большевики, поляки, англичане). Есть основания рассчитывать на помощь живой силой других славянских народов (Болгары, Сербь).

Имея на флангах русские армии (Северо-западную и Новороссийскую) и в центре поляков, противобольшевистские силы займут фронт от Балтийского до Черного моря, имея прочный тыл и обеспеченное снабжение.

В связи с изложенным казалось бы необходимым принять меры к удержанию Юга Новороссии, перенесению главной базы из Новороссийска в Одессу, постепенной переброске на Запад регулярных частей с выделением ныне же части офицеров для укомплектования Северо-Западной армии ⁷, где в них огромный недостаток.

Генерал-лейтенант барон Врангель».

С тех пор правая оппозиция, главою которой считался барон Врангель, стала вести агитацию за разрыв с казачеством, за перенесение борьбы в Новороссию и возглавление там войск и власти генералом Врангелем. Это течение, находившее отклик среди тылового офицерства и проникавшее в армию, ослабляло импульс готовившегося решительного наступления.

Глава XXXII. Верховный круг Дона, Кубани и Терека. Собрание в Тихорецкой

Поход на власть шел и с другой стороны.

Наши военные неудачи, вызвав падение авторитета Южной власти, вместе с тем похоронили и результаты Южно-русской конференции. Казачество сочло возможным самостоятельно и односторонне разрешить вопрос о построении общей сласти. 5 января в Екатеринодаре собрался «Верховный казачий Круг» ⁸, который приступил «к установлению независимого союзного государства», объявив себя «верховой властью по делам общим для Дона, Кубани и Терека». С первых же заседаний обнаружилась истинная физиономия этого парламента, едва ли не наиболее слабого из всех соборных опытов русского безвременья. Перечитывая теперь отчеты о заседаниях Верховного Круга, я укрепился еще более в его оценке: отсутствие национальной идеи, убогая мысль, потеря чувства реальности, оторванность от народных масс, личные или партийные интересы — во главе угла. И беспомощность немногих государственных людей, стремившихся безнадежно повернуть Круг на путь благоразумия, иной раз — просто пристойности. Самонадеянность сменялась подавленностью, жестокая и очень часто несправедливая критика, при забвении собственных вин, заменяла всецело положительную работу.

Сразу обнаружились три главных течения на Круге.

Часть Донцов и почти все все Терцы призывали к продолжению борьбы в единении с главным командованием. Особенно твердо настаивали на этом Донской атаман Богаевский и ген. Сидорин, рисуя перспективы полной военной катастрофы в случае ухода Добровольцев.

Большая часть Кубанцев, оба крайних фланга Донцов (Агеев, Гнилорыбов, Янов) и несколько человек Терцев (левый фланг) требовали полного разрыва с нами.

Чем же мыслили они восстановить равновесие сил перед лицом надвинувшихся уже на Кубань большевистских армий? Союзом с полумифическим в то время Петлюрой, помощью «живой силой» со стороны вступивших уже на путь переговоров с советами Грузии ⁹ и Азербайджана, наконец, — «организацией масс», т. е. поддержкой кубанских «зеленых» — отрядов Пелюка, Крикуна, братьев Рябоволов и друг., с которыми поддерживали тесную связь многие члены Верховного Круга и которые мало-по-малу из дезертиров превратились просто в бандитов.

Кубанский атаман Букретов вступил в переговоры с английскими и французскими представителями, и председатель Рады Тимошенко обнадежил ее, что кубанская армия будет обеспечена английским снабжением. Тотчас же ген. Хольман послал атаману и опубликовал в газетах письмо, в котором было заявлено, что ни один мундир, ни один патрон не будет выдан никому без разрешения главнокомандующего. Тем не менее кубанские самостийники не теряли надежд и продолжали вести сильнейшую агитацию на фронте и в тылу. Кавказская армия разлагалась и разбегалась окончательно, пополнения отказывались идти на фронт, и славные некогда кубанские корпуса превратились в штабы без войск, а последние в тучи дезертиров, осевших по станицам.

Наконец, третье течение — наиболее опасное. Оно захватывало левые фланги Донцов и Кубанцев, представители которых не осмеливались пока выявлять его открыто с кафедры, но на тайных сходках и заседаниях — ранее в Новочеркасске, теперь в Екатеринодаре — склонялись к прекращению борьбы. Встревоженные этим обстоятельством Терцы потребовали, чтобы Верховный Круг высказался по поводу

слухов о возможности мирных переговоров с большевиками, но председатель Тимошенко отклонил обсуждение этого опасного вопроса. Косвенно исчерпывающий, как будто, ответ, давало «введение» к «положению о Круге», определявшее самую цель его «организацией решительной борьбы против большевиков и очищение от них наших территорий...» Но слухи ползли отовсюду, находя радостный отклик в самостийной прессе («Куб. Воля» и друг.); назывались уже имена и факты.

Внутри Круга шла борьба между Войсками, внутри Войск — между партиями. Донцы и Терцы с возмущением и яростью нападали на Кубанцев за их потворство оставлению фронта кубанскими частями, за равнодушие и черствость в отношении донского беженства. В Донском Кругу углублялся раскол, осложнившийся кампанией, поведенной против атамана ген. Богаевского и председателя Круга Харламова, который вначале был даже забаллотирован в члены Верховного Круга ¹⁰.

Вражда между черноморцами и линейцами грозила перейти в полный разрыв, ставя вновь на очередь вопрос о выделении из Кубанского войска линейских («русских») округов и о присоединении их к Тереку... Только Терцы — атаман, правительство и фракция Круга — почти в полном составе представляли единый фронт.

На Круге все громче слышались голоса, требующие ограничения борьбы «защитой родных краев», а при обсуждении вопроса о форме присяги подвергалось поношению само имя России. Даже лояльные казаки говорили открыто на Круге: «главнокомандующий не учитывает момент... «Москву» нужно держать в сердце, но говорить теперь можно только об освобождении казаков от большевиков...» Не понимали, что эти упрощенные лозунги убивают всякий импульс к борьбе в Добровольцах: «что же мы? — отвечали из их рядов — пушечное мясо для защиты ненавистных самостийников?..»

А на фоне общего бедствия и клокочущих страстей появлялись политические маклеры — черезчур дальнозоркие или чрезмерно близорукие, ссылаясь на исторические заслуги казачества и указывая панацеею от всех взаимных столкновений и обид: «Нужно исправить северные границы Дона за счет Воронежской губ. и присоединить к нему Царицын (проект Доно-Волжского канала), разделить Ставропольскую губ. между Терекон и Кубанью и отдать последней Черноморскую губ. (порты Новороссийск и Туапсе)... Стоит только главнокомандующему поклониться этими землями казачеству, и все будет хорошо».

Верховный Круг с первого же дня своего существования разлагался, дискредитируя идею народоправства. Не только «верховой», но никакой властью фактически он не обладал. Круг не мог указать путей, способных привлечь, и не обладал энтузиазмом, могущим увлечь казачество на борьбу. Но Верховный Круг имел достаточно еще сил и влияния, чтобы склонить чашу весов колеблющегося настроения уставшего, запутавшегося казачества к разрыву с Добровольческой армией и... к миру с большевиками. И с Кругом нужно было считаться.

Идея самостоятельного казачьего государства и самостоятельной казачьей армии под влиянием кубанских самостийников поначалу стала брать верх на Круге.

Еще до открытия Верховного Круга, по поводу екатеринодарских настроений я телеграфировал ген. Богаевскому для передачи Кубанской Раде и Донскому Кругу, отмечая два важных случая последнего времени: отход Добровольческой армии с огромными потерями на Ростов для спасения казачьего фронта и... уход с фронта в самые тяжкие дни кубанских частей. «Невзирая на все случившееся — писал я — настоящее стратегическое положение, при условии принятия участия в борьбе кубанских казаков, обещает полную победу над большевиками... Но кубанские и донские демагоги, лишённые политического смысла, в ослеплении своем разжигают низкие страсти, возбуждают казачество против Добровольчества и командования и тем рушат последние своды, поддерживающие еще фронт... Предвижу только два положения: с Добровольцами или... с большевиками» ¹¹.

Через несколько дней в отчете Круга появилась фраза, сказанная будто бы на заседании его генералом Богаевским: «Если Круг предложит ген. Деникину уйти, он уйдет» и т. д. Я телеграфировал Богаевскому: «Ни в малейшей степени не считаюсь с желанием в этом отношении Круга. Веду борьбу за Россию на данном театре до тех пор, пока это возможно. А если идея общерусской государственности будет здесь попрана, вместе с Добровольческой армией перенесу борьбу на другой фронт...» ¹².

Разрыв грозил катастрофой обеим сторонам. Стратеги Верховного Круга могли заблуждаться, но Ставка и военачальники понимали прекрасно, что уход Добровольцев повлечет за собой немедленное падение всего фронта, быть может сдачу большевикам со всеми ее тягчайшими последствиями. С другой стороны, если Добровольческий корпус, хотя и с потерями, мог бы пробиться к Новороссийску даже сквозь большевистские полки и могущую стать враждебной ему казачью стихию, то на территории Кубани и Северного Кавказа оставались еще тысячи офицерских семейств, военные училища, гарнизоны, больные, раненые, чиновничество и вообще многочисленные элементы — российские, кубанские, донские и терские, связанные крепко с Добровольчеством. Бросить их в пучине страстей, которые поднялись бы с уходом Добровольцев, было невыносимо.

Вопрос для меня был ясен:

Никакие жертвы в области ограничения гражданской власти не велики, если, благодаря им, могло быть достигнуто оздоровление казачества и разгром большевиков.

С другой стороны, основы соглашения совершенно безразличны, если будет утеряна казачья территория, и в последнем случае важно лишь то, что ведет к возможно безболезненному исходу.

Эти мотивы легли в основу всех дальнейших моих отношений с Верховным Кругом и казачеством, приведших к ряду компромиссов, которые вызывали во многих российских кругах осуждение.

Я брал на свою голову, с полным сознанием своего долга, весь одиум «соглашательства» — ради победы или ради спасения тех, кто был связан с Добровольчеством.

Имя ген. Лукомского было одиозно в казачьих кругах, и председателем правительства был назначен ген. Богаевский¹³; в состав правительства я согласился ввести должности министров по делам трех казачьих войск.

Так как кубанцы не хотели идти в ряды Кавказской армии, то во исполнение их вождений создана была Кубанская армия, во главе которой поставлен был популярный на Кубани генерал Шкуро¹⁴.

Этими актами начался ряд уступок казачеству.

Верховный Круг шумел, хотя слухи об уходе Добровольцев вызывали страх и уныние. Для вящего воздействия на Круг, по инициативе военных начальников я собрал 12 января в Тихорецкой, где находилась Ставка, совещание из атаманов, правителей и командующих. На этом совещании, оставляя в стороне вопрос о личностях, оставляя всякие обвинения и ошибки, я поставил твердо и определенно основное положение:

Единство России и единство армии.

«Без этого ни я, ни тысячи людей, единомыслящих со мной, не можем идти с теми, кто эти идеи отвергает. Ответ необходим немедленный, ибо дальше в этой нездоровой политической атмосфере бороться не имеет смысла...»

Демонстрация полного единения всех военных начальников была внушительна и не оставляла сомнений во всеобщем негодующем чувстве по отношению к политиканствующему Екатеринодару. Прежде всего, все сходились в оценке стратегического положения, не только допускающего возможность продолжения борьбы, но и обещающего успех. Генералы Сидорин и Кутепов свидетельствовали — и тогда это было истиной — о боеспособности Донской армии и Добровольческого корпуса, о сохранении в их рядах духа и желания драться. Кубанские начальники (ген. Покровский, Шкуро), не отрицая развала своих войск, относились, однако, с большим оптимизмом — и это оказалось ошибкой — к возможности поднять кубанское казачество. И даже председатель Кубанской Рады Тимошенко заявил, что Рада разослала своих членов для агитации в станицах и уверена, что «все кубанские части, как один, пойдут на фронт». При этом, однако, кубанский атаман Букретов нашел лицемерное объяснение «той смуте, которая, якобы, (!) совершается в Екатеринодаре — этом сердце казачества»: весь вопрос был, оказывается, в малодушии российских людей. «Паника, буквальное бегство на Новороссийск... Вместо тыловых позиций на границах Кубани — устраиваются позиции у Новороссийска... Впечатление такое, что Кубань защищать не хотят».

Такие взгляды кубанский атаман (офицер Генерального штаба) проводил по

всей вероятности и в среде казачества. В этом вопросе он не нашел поддержки даже со стороны Тимошенко, который заявил, что казаки понимают, что нельзя ограничиться защитой географических пределов.

Не менее единодушно высказано было осуждение Верховному Кругу и возобладавшим на нем течениям. Привожу несколько выдержек из отчета об этом совещании.

Донской атаман, ген. Богаевский:

«Все, что происходит в Екатеринодаре, приводит меня к убеждению, что многие люди вовсе не понимают обстановки; всюду господствуют личные интересы и все ставят на карту ради них. К моему глубокому сожалению и у донцов случайно есть господа, думающие и говорящие о мире с большевиками, но и они записывают свои семьи на отходящие за границу пароходы. Создается совершенно ненужный союз. Предатели затевают нечестную кампанию и ставят крест на нашем существовании. Дезертиры громят тех, кто им мешает, и, громя их, губят армию и все дело борьбы. Офицеры сознают, что им не сдобровать, и, если будет разрыв, все уйдут, они понимают, что их выдадут первыми большевикам. Я первый откажусь от поста атамана.

Что было сегодня в Екатеринодаре? Два часа бессмысленных речей людей, ничего не понимающих в военном деле. Там собрались, чтобы воткнуть нож в спину... Если Добровольцы уйдут, все рухнет. Бредни о сборе 200 000 армии на Дону против большевиков, бессмысленные бредни ничего не понимающих людей. Армия, собранная для заключения мира, воевать не будет. Если откажемся от общей власти, от общего командования, будет лишь совдеп, и все погибнет».

Председатель Донского Круга, Харламов:

«Я вижу, что вопрос о возможности продолжения борьбы ставится под сомнение. Открыто о мире не говорят, о нем упоминается лишь в частных беседах. Но зараза эта распространяется и охватывает слабых людей. Конечно, в той обстановке, в которой протекает политическая жизнь, благодаря созданию Верховного Круга и той атмосферы, которая вокруг него складывается, зараза идет и шире и глубже.

Изменение лозунга борьбы и замена идеи борьбы — борьбой за собственный очаг, за собственную шкуру — означает конец этой борьбы. Кубань счастливее Дона и Терека. Дон вдался клином в Совдепию, Терек — вооруженный стан. Кубань богата и цветет и за нашей спиной может чувствовать себя спокойно; она может попытаться проводить в жизнь слеживание России по кусочкам. Мы это пережили и в августе, и в сентябре; потребовался особый указ Круга... Мы решили, что не географические границы области считать пределом борьбы, а стратегические требования. И когда донцы поняли большевизм, у них уже не было разговора о границах борьбы. То настроение, о котором говорил Командующий армией, разделяется всеми, сделавшими отход; все свидетельствуют о готовности бороться и дальше. Не только нет разговоров о мире, не говорят даже о безнадежности борьбы. И у меня нет сомнений, что Донской Круг, который на этих днях соберется, не останется на прежней позиции, но станет на точку зрения государственности. Самостоятельное казачье государство для нас немыслимо.

Единая Россия может создаваться единой общерусской властью и единой вооруженной силой. Это непреложно. Демократическими лозунгами казачество никого не обманет, никого не удивит и ничего не завоюет.

Я считаю своим долгом отметить, что единственная речь, произнесенная на Верховном Круге, напоминавшая о государственной идее и говорившая об общегосударственной власти, единственная речь — говорю это с болью в сердце — вышла из уст осетина Баева, представителя Терского Войска».

Председатель Терского Круга, Губарев:

«Тяжелая обстановка и атмосфера на Круге. Этого отрицать никто не будет. Там слово «Россия» произнесено быть не может. Вопрос о борьбе с большевиками проходит очень тяжело и был принят с большим трудом и то после того, как был поднят вторично. Мы, терцы, до сих пор не можем заглянуть в душу и разгадать, что происходит, что делается там, чего хотят они. Мы считаем, что идея не должна умирать ни сегодня, ни завтра, ни после... Дальнейшее такое положение невыносимо. Мы чувствуем, что многие из вас спасутся, наши же лучшие люди погибнут».

Председатель Терского правительства, Абрамов:

«Без общей государственной власти и согласия с главным командованием ни

бороться, ни жить Терское Войско не может. Другого выхода Терское Войско не видит. Если в мое и Губарева отсутствие прошла наша резолюция, то вы видите, каково настроение Терцев. Лучше погибнуть с честью за Единство России».

Терский атаман, генерал Вдовенко:

«Течение у Терцев всегда одно. Золотыми буквами у нас написано: «Единая и Великая Россия». У Терцев нет и мысли разрывать с Добровольческой армией. Не будет ее, не станет и борьбы».

В стороне от общего настроения собравшихся стояли только кубанские представители — атаман Букретов и председатель Рады Тимошенко, представлявший на совещании одновременно и Верховный Круг.

«Это не смута, а движение народа — говорил Букретов — которому нужно пойти навстречу и удовлетворить массу. Надо, быть может, посчитаться с личностями¹⁵. Нужны уступки, чтобы идти скорее в наступление».

Тимошенко, видимо волновавшийся от града обвинений, сыпавшихся на Круг, косвенно и по его адресу, ответил весьма сдержанно. Он протестовал против опорочения Круга, представляющего «все лучшее, что могли дать Дон, Кубань и Терек». Заявил от имени Круга: «мы повинемся главнокомандующему, когда говорят о стратегии...» Но, видя центр тяжести гражданской войны в политической жизни, он требовал участия в ней Круга: «мы, из народа, в состоянии не хуже военных авторитетов усвоить те идеи, которыми живет народ». Призывая «понять и оценить причины настоящего настроения масс», убеждал нас, что «утомление нельзя рассматривать, как измену и предательство». Тимошенко признавал необходимость борьбы, невозможность разрыва с Добровольческой армией и даже единство России, лишь бы не произносилась сакраментальная для казачества фраза о походе на Москву.

Сущность всего высказанного на совещании сводилась к следующим выводам:

1. Продолжение борьбы возможно, необходимо и обещает успех.
2. Необходимо немедленно выдвигать на фронт кубанских частей для прикрытия обнаженных ими направлений и для наступления.
3. Донская и Кубанская армии имеют право на существование, но составляют с прочими единую русскую армию, управляемую единой властью, которая использует казачьи и добровольческие корпуса на тех фронтах и в тех армиях, где этого потребует стратегическая обстановка.
4. Разрыв с Добровольческой армией означал бы немедленное падение фронта и конец борьбы.
5. Добровольческая армия, Добровольческие части, входящие в состав казачьих армий, и русское офицерство — местной власти не подчинятся.
6. Горские народы Сев. Кавказа власти Верховн. Круга не признают.
7. Без идеи единства России и единства Армии — продолжение борьбы невыносимо. То тягостное неопределенное положение, в котором ныне живет армия, долее выносить нельзя. Необходимо немедленно разрешение вопроса о власти, ибо русское Добровольчество и офицерство готово сложить свои головы за Россию, но за благополучие одного лишь казачества умирать не будет. Это положение было высказано твердо не одними добровольческими начальниками, но и командующими Донской и Кубанской армиями.

(Продолжение следует)

Примечания автора

1. Присутствовали Астров, Савич, Соколов и ген. Романовский.
2. В воспоминаниях К. Н. Соколова упоминается, что он вообще стремился к радикальному разрешению аграрного вопроса. В заседаниях Особого Совещания, по крайней мере в моем присутствии, этот взгляд не проявлялся им сколько-нибудь решительно.
3. Нужно пояснить, что организация тыла в военном отношении лежала не только на Ставке, но и на военном Управлении (военном министерстве), во главе которого стоял автор этой записки. Точно также деятельность Управления внутренних дел была связана неразрывно с деятельностью председателя Особого Совещания. *Авт.*
4. Председатель мог быть и без портфеля.

5. Первого на должность главн. нач. снабжений, и второго — начальником управления сообщений.
6. Военное управление в Ростове, без ведома Ставки, назначило в помощь ему офицера Генерального штаба.
7. Северо-западная армия в это время была разоружена и интернирована на эстонской территории. *Авт.*
8. По 50 членов соответственных войсковых кругов и рады, под председательством председателя кубанской рады Тимошенко.
9. Серьезно дебатировался вопрос о финансировании предложения некоего князя Магалова, обещавшего выставить 20 тыс. корпус грузинских добровольцев (народная гвардия).
10. 29 января была переизбрана донская фракция Верховного Круга, причем новый состав имел большинство «харламовцев» и «парамоновцев».
11. 31 декабря, № 017582.
12. 10 января 1920 г., № 00248.
13. Фактически до окончательного преобразования власти не вступал в исполнение обязанностей. Назначение встречено было в казачьих кругах неблагоприятно.
14. Первый кандидат, ген. Улагай, был болен сыпным тифом. Ввиду лояльности ген. Шкуро к главному командованию, он подвергся бойкоту кубанских политиков, теперь припомнивших ему те грехи, которые ранее не ставились ему в вину.
15. Эта фраза была истолкована, как выпад против меня. Председатель Донского правительства Мельников, резюмируя слышанное, говорил: «Сегодня большинство всех против одного ответило, что казачество за генералом Деникиным идет». Я остановил оратора, предложив не касаться личностей и не выходить из области идей.

Восточная Европа после 80-х: тенденции и проблемы

Ю. С. Новопашин

Для общественно-политической сферы жизнедеятельности восточноевропейских стран, прежде всего для их партийно-государственного управления, характерной чертой в конце 80-х годов стала очевидная неспособность этой системы справиться с нараставшими трудностями, обеспечить эффективное внутреннее развитие и рост отдачи от внешних, в первую очередь взаимных, торгово-экономических связей, всего международного сотрудничества. Правда, нельзя сказать, что к тому времени уже все общество в этих странах осознавало факты полнейшего паралича коммунистического режима, внутренне присущей ему неререформируемости, неспособности шагать в ногу со временем.

Немало было в этих странах и таких, кто считал возможным придать реальному социализму «второе дыхание». На вере этой части населения в некие еще не раскрытые потенции реального социализма продержались всю вторую половину 80-х годов коммунисты-реформаторы, которые не только сделали в ряде стран более привлекательным, по форме демократическим фасад партийно-полицейской политической системы, но вольно или невольно содействовали ее сущностному изменению, включая признание правомерности организованной оппозиции, переговоры с нею за «круглым столом» и передачу этой антикоммунистической оппозиции цивилизованным, реформистским путем государственной власти согласно выраженной на всеобщих выборах воле населения (как это случилось в Венгрии и Польше).

В тех же странах, где не произошло за вторую половину 80-х годов даже формальной либерализации режима, где считалось ненужным (опасным) придавать демократический оттенок хотя бы фасаду тоталитарного устройства, система коммунистической власти оказалась устраненной насильственным путем, с помощью в первую очередь давления многотысячных митингов и демонстраций в столицах и других городах. В Чехословакии, Болгарии и ГДР это антиправительственное давление улиц и площадей достигло своих результатов без пролития крови и обоснованно заслужило название «нежной» или «бархатной» революции. В Албании последняя получилась не совсем «бархатной», ибо в Тиране дело все же дошло до столкновений молодежи с «силами охраны порядка», применившими 22 февраля 1991 г. оружие, в результате чего четверо ни в чем не повинных людей погибло, многие получили ранения, в том числе дети ¹. В Румынии в ходе декабрьских (1989 г.) антикоммунистических митингов и демонстраций были убиты 1104 и ранены 3352 человека ².

Новопашин Юрий Степанович — доктор философских наук, профессор, заместитель директора Института славяноведения и балканистики РАН.

Показателем социально-экономического развития является, как известно, прирост национального дохода. Проиллюстрировать его динамику можно с помощью сравнительных данных стран — членов Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) за почти четыре десятилетия. В 50-х годах они обеспечивали ежегодно прирост своего совокупного национального дохода на 9,5%, в 60-х — на 6,7%, в 70-х — на 4,5%, а за 1981—1989 гг. — менее, чем на 2%. Если учесть, что ощутимый порог расширенного воспроизводства и повышения народного благосостояния — это 3—3,5% ежегодного прироста национального дохода, то положение в восточноевропейском регионе к концу 80-х годов нельзя назвать иначе, чем кризисным. И настроение различных слоев населения этих стран, жизнь которого отнюдь не улучшалась, не сулило существовавшему там режиму ничего хорошего. Иными словами, отчетливо проявившаяся к тому времени тенденция к ухудшению благосостояния широких трудящихся масс, студенчества, других групп молодежи сыграла свою роль в том, что к концу 80-х годов они отвернулись от правившей партии коммунистов, перестали ей верить. Лишившись в массах какой-либо социальной опоры, тоталитарный режим все прошлое десятилетие балансировал, что называется, на грани, а потому и был так относительно легко свергнут.

В этом важную роль сыграла также мировоззренческая сфера. Приверженность догматическим установкам «единственно верного» учения, идеологическая зашоренность и нетерпимость восточноевропейских адептов этого учения, как и их советских наставников, привели к обратным результатам по сравнению с теми, которых постоянно добивалась коммунистическая пропаганда. Она десятилетиями трубила о гениальных предвидениях марксизма-ленинизма, воплощаемых реальным социализмом в жизнь, а люди видели, что ни одно из этих так наз. предвидений не осуществилось, что в жизни все зачастую происходило как раз наоборот. Им твердили о «всемирно-исторических завоеваниях авангарда мирового человечества», а между тем дела в СССР и других социалистических странах, олицетворявших этот авангард, год от года шли все хуже.

Наглухо отгородившись от народа «вооруженными отрядами» КГБ, МВД и армии, номенклатурная элита этих стран в своем подавляющем большинстве давно уже верила во всемогущество именно этих охранных отрядов, а не марксистско-ленинского учения, которому лишь в целях социальной маскировки продолжала отбивать парадные поклоны. Поэтому номенклатурная элита и пренебрегла смертельно опасным для себя сдвигом в общественном сознании и общественной психологии народов своих стран, происшедшим в 70—80-х годах и выразившимся в том, что представители всех слоев населения прекрасно разобрались в лжи и лицемерии этой элиты и четко отграничили себя от нее по принципу «мы» и «они».

Любая революция начинается с мировоззренческой сферы, со сдвигов в массовом сознании, когда угнетенные классы начинают расценивать свое незавидное положение как социальную несправедливость, которую следует устранить силой, если нет возможности сделать это при существующем строе законным путем. Это положение следует, естественно, принять во внимание, размышляя о причинах революционных событий в восточноевропейском регионе конца 80-х — начала 90-х годов. Но в данном случае, думается, необходимо упомянуть еще об одной из причин, но уже не внутреннего, а внешнего порядка. Речь идет об изменившейся к тому времени позиции советского руководства, которое выступало ранее международным гарантом «завоеваний» нового строя в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, а проще говоря, гарантом сохранения в них коммунистического режима.

Главной силой, стоявшей в регионе на страже интересов «социалистического содружества», были советские войска. Западная их группа, располагавшаяся с 1945 г. в Восточной Германии, состояла к концу 80-х годов из 546 тыс. солдат, офицеров, членов их семей и вольнонаемных; Центральная группа, образованная после советского вторжения в Чехословакию, насчитывала 87 тыс. человек; Северная группа, находившаяся в Польше, имела 67 тыс., а Южная, дислоцировавшаяся в Венгрии, — 65 тыс. человек. Если к этому прибавить 150-тысячную группу советских войск в Прибалтике, стратегически тесно связанную с «защитой завоеваний социализма» в восточноевропейском регионе, в первую очередь в Польше, а также воинские соединения на территории Западной Украины и в Закарпатье, то речь идет о более чем миллионной армии, осуществлявшей или готовой по первому слову вождей

КПСС осуществлять полицейские функции в любом из «братских» государств — участников Организации Варшавского Договора³.

Эту военно-политическую организацию я характеризовал еще пять лет назад как атавизм «холодной войны», как следствие не урегулированного до конца послевоенного положения. Когда советские войска, тесня нацистов, вошли в ряд стран, никто, наверное, не думал, что они там задержатся на столько лет. Но разве можно говорить, что пребывание войск на чужих территориях, пусть даже в дружественных странах, это фактор укрепления доверия. Тем более что были и такие страны (например Чехословакия), в которые советские войска вошли, не преследуя нацистов, а по другим причинам и совсем в другое время.

Вполне понятно, что как только коммунистов в восточноевропейских странах отодвинули от государственного кормила, Венгрия, Польша, Чехо-Словакия, а также объединившаяся в 1990 г. Германия поставили перед советским руководством вопрос о давно назревшей необходимости убрать из этих стран свои войска. Тем самым эти страны продемонстрировали, что видели и видят в расквартированных у себя воинских контингентах СССР не «противовес НАТО», а главным образом своего рода надсмотрщика за внутренним развитием этих стран, ограничивающего их суверенитет. Советскому руководству, объявившему к тому времени о приоритете в своей политике общечеловеческих ценностей над классово-коммунистическими, не оставалось ничего иного, как согласиться на переговоры об условиях и сроках вывода своих войск с территории ряда европейских стран, включая и восстановившие в начале 90-х годов национально-государственную независимость страны Балтии.

Это — один из важнейших аспектов той позиции советских властей, которую они тогда вынуждены были занять под давлением сложившихся обстоятельств. Другой аспект заключался в отказе советского руководства играть в восточноевропейских странах незавидную роль подпорки прогнивших коммунистических режимов. Данный аспект даже более важен, чем предыдущий. Ведь именно отказ подпирать в бывших «братских» государствах их несостоятельных правителей делал в общем-то ненужными и присутствие войск СССР в этих государствах, и Варшавский Договор как механизм советского военно-политического контроля за положением в восточноевропейском регионе.

Разумеется, этот отказ тоже был во многом вынужденным решением, а не какой-то глубоко продуманной стратегией советских коммунистов-реформаторов. Чтобы сохранить СССР, они в 1986—1991 гг. под разглагольствования о новом политическом мышлении, не раз прибегали к использованию против народа вооруженной силы. Но бросить войска СССР против народов восточноевропейских стран, чтобы сохранить в них коммунистические режимы, а значит и советский блок, эти «реформаторы» все же не решились. Они отдавали себе отчет в том, что в таком случае сразу окажется перечеркнутой политика перестройки и преодоления мрачного наследия «холодной войны». Они понимали, что столкнутся не только с трудно- или вообще неразрешимыми проблемами во внешней политике, но и внутри СССР их демократически настроенные сторонники превратятся в противников. Вот поэтому команда М. С. Горбачева и посчитала за меньшее зло свой отказ от полицейских функций в Восточной Европе, ибо крах всей внутренней и внешней политики СССР рассматривался ею злом гораздо большим.

Но как бы то ни было, это изменение позиции советского руководства имело поистине историческое значение и явилось главным международным фактором победы восточноевропейских народов над своими тоталитарными режимами. Плодами этой победы за первые пять лет посткоммунистического развития в восточноевропейском регионе явилось, если говорить об общественно-политической сфере, появление многопартийной структуры. Хотя и не устоявшаяся, хаотичная в некоторых странах, она стала тем не менее реальностью, несмотря на то, что демократическая традиция здесь была ограниченной или не существовала вовсе. В большинстве стран региона утвердился конституционно-парламентский механизм смены власти, и она везде произошла, исключая Румынию, где бывших членов РКП во главе с И. Илиеску никто еще законным путем не сумел отодвинуть от рычагов управления страной.

Нормальное функционирование механизма смены власти, опирающегося на результаты всенародных выборов, которые могут выиграть и вчерашние

коммунисты (как в Польше, Венгрии и Болгарии), — необходимый и отсутствовавший ранее элемент легитимации правительственных структур и фактор стабилизации всей общественно-политической системы. Что же касается социально-экономической сферы, тут дело с переходом к рыночной модели хозяйствования обстоит гораздо сложнее. Здесь пришлось, по существу, начинать с нуля, учитывая дезорганизацию рынков, которая вызвана крахом советского блока, бремя накопленного коммунистическими режимами внешнего долга (особенно значительного у Венгрии, Польши и Болгарии), устарелость большей части промышленности, находившейся в зависимости от СССР, и отсутствие в восточноевропейских странах, за исключением Польши и Венгрии (а также бывшей Югославии), частного сектора.

Все восточноевропейские страны пережили гиперинфляцию в начале переходного периода, хотя к концу 1994 г. она уже стала отходить в прошлое. Экономика всех этих стран испытала сильнейшее падение производства (от 15 до 30% валового внутреннего продукта). Правда, ценой огромных социальных издержек она начинает выбираться из критической ситуации. Уже в 1993 г. в Польше был зарегистрирован один из самых высоких в Европе показателей роста (3,8%). По данным Центрального управления планирования (ЦУП ПР), в 1994 г. валовой внутренний продукт Польши вырос еще на 4,7%, причем благодаря прежде всего частным фирмам и их капиталовложениям⁴. С начала прошлого года экономическое оживление, правда в более скромных масштабах, наблюдается также в Чехии, Словакии, Венгрии и Словении.

За последние годы в восточноевропейском регионе происходит массовое перераспределение собственности, открывшее шлюзы для широкомасштабного, часто анархичного, развития частного сектора, который даже внешне изменил облик стран Центральной и Юго-Восточной Европы, их столиц и других городов. Однако с приватизацией государственной собственности здесь далеко не все благополучно. Не говоря уже о многочисленных махинациях, темпы приватизации выглядят обнадеживающими лишь в центральноевропейских странах, а в балканском регионе этот процесс переживает стагнацию и связан с быстрым ростом безработицы, которая достигла в среднем 15% и потрясла целые слои общества. Парижская «Le Monde» 23 ноября 1994 г. в статье «Гигантские шаги в развитии Восточной Европы» касается социально-экономической стороны дела, ссылаясь на мнение одного из лидеров нынешней польской оппозиции А. Михника. «Широкие массы, задавленные невзгодами и нищетой, отнюдь не вкусили плодов победы, — пишет он. — Многим нарождающаяся демократия и капитализм, отождествлявшиеся вначале с западным процветанием, принесли не улучшение жизни, а ее ухудшение».

Действительно, пока что нарождающаяся демократия и капитализм (дикий, зачастую криминальный) принесли не улучшение, а ухудшение жизни не просто многим — большинству населения стран Центральной и Юго-Восточной Европы. За 1989—1994 гг. реальная зарплата здесь упала: в Польше, например, ее покупательная способность уменьшилась на 28%, в Чехии — на 18%, а в Венгрии — на 16%⁵. По данным, приведенным на одном из совещаний во Французском институте международных отношений директором отделения Центральной и Восточной Европы Всемирного банка К. Дэвисом, только за 1989—1992 гг. валовой национальный продукт (ВНП) на душу населения сократился в Албании (с 645 до 194 долл.), Болгарии (с 2339 до 957), Румынии (с 1621 до 760), Чехо-Словакии (с 2913 до 2098), Словении (с 8391 до 5715), Венгрии (с 3118 до 3104 долларов). И лишь в Польше показатели ВНП увеличились (с 1621 до 2300 долл.)⁶. За три года (1990—1992) средний реальный доход на душу населения снизился в этом регионе на 18—39%. «Такое падение в странах с рыночной экономикой, — говорится в одном из документов ООН, цитируемом в статье в «Le Monde» от 23 ноября 1994 г., — редко наблюдалось даже во время самой серьезной депрессии».

Итак, в главной для жизнедеятельности людей сфере — социально-экономической — плоды победы над тоталитаризмом вкусили весьма немногие, причем часто именно те, кто служил опорой старому режиму. Х. Доманевский, польский социолог, изучающий влияние бывшей коммунистической элиты, обнародовал недавно данные о функционерах ЦК ПОРП, которые, по его словам, «зарабатывали до революции, как правило, на 50% больше, чем квалифицированные рабочие, а теперь зарабатывают в десять раз больше. Они, — заключает ученый, — оставляют позади остальное общество»⁷.

Пожалуй, наиболее впечатляюще выглядят плоды победы над коммунистическим режимом в мировоззренческой сфере. Давно уже существовавшее разделение по принципу «мы» и «они» с их лживой пропагандой трансформировалось в постреволюционное время так, что марксизм-ленинизм утратил в общественном сознании и общественной психологии даже то, и в прошлом не господствующее, положение, которое занимал на идеологическом небосклоне. «Советская система, которая, казалось, могла конкурировать с капитализмом, рухнула как карточный домик,— писал в братиславской «Правде» от 22 апреля 1993 г. политолог, в прошлом деятель «пражской весны» З. Млынарж...— Крах так называемого реального социализма нанес серьезный урон самому понятию «социализм», идее построить нечто отличное от капитализма или попыткам подвергнуть его кардинальной реформе».

Однако идейная, мировоззренческая дискредитация марксизма-ленинизма, положения и выводы которого не выдержали проверки политической и экономической практикой, не оправдывает попытки добиться законодательного запрета этого учения, преследовать людей за коммунистические убеждения. Между тем антикоммунистическая истерия в восточноевропейских странах — реальный факт их нынешней политической и идеологической жизни. Понять истоки этого феномена можно (за 45 лет своего хозяйничанья в этих странах коммунисты нанесли огромный ущерб их экономике и всей общественной жизни), но оправдать, конечно, нельзя.

Усиливающаяся антикоммунистическая тенденция во всех сферах жизнедеятельности стран восточноевропейского региона, прежде всего государственных, далеко не безобидна, поскольку предполагает групповой, а не индивидуальный подход, предусматривает по существу политическую, а не судебную процедуру. Готовящиеся или уже вступившие в силу соответствующие законы раскалывают общество на благонадежных и неблагонадежных, открывают немалые возможности для травли неугодных, сведения счетов, т. е., по словам президента Болгарии Ж. Желева, «просто воспроизводят старые рецепты классовой ненависти к врагу с той лишь разницей, что она направлена в другую сторону»⁸.

Против подобного закона, принятого в 1992 г. венгерским парламентом, высказался президент страны А. Генц. Он опротестовал этот закон и получил поддержку Конституционного суда. Так что закон этот не вступил в силу. С критикой проекта такого же закона, подготовленного в 1991 г. парламентским клубом Соглашение центристских сил, выступил и президент Польши Л. Валенса. «Я не утверждаю,— заметил он,— что не следует наказывать виновных за совершенные ими преступления. Но каждый в нашей стране, включая ксендзов, ходил в коммунистическую школу, каждый пятьдесят лет жил при этой системе. Сведение счетов не может стать программой будущего»⁹.

Сведение счетов и многое другое, столь же неблагоприятное, проявилось, как только закон о кадровых проверках госучреждений был принят в октябре 1991 г. Национальным собранием ЧСФР. Предпринимаются все новые попытки «деидеологизировать» в антикоммунистическом духе государственную службу, в том числе юстицию, науку, культуру, общественные организации.

В конце октября 1994 г. на обсуждение в румынском парламенте была внесена юридической комиссией палаты депутатов формулировка 166-й статьи Уголовного кодекса страны, согласно которой «фашистская и коммунистическая пропаганда наказывается тюремным заключением сроком от 6 месяцев до 5 лет». Эту формулировку опротестовал депутат от Социалистической партии труда (СПТ) — наследницы бывшей румынской компартии. Напомнив о недавних намерениях депутата-либерала поставить вне закона все партии с коммунистической идеологией, он заявил, что стремление наложить запрет на эту идеологию объясняется опасениями, что левые партии привлекут на свою сторону избирателей. Высказывая свое мнение, депутат от СПТ имел в виду итоги осенних выборов мэров в крупных городах Брэиле, Слатине и Онешти, где победителями оказались бывшие первые секретари уездных комитетов РКП. В результате состоявшейся дискуссии был принят следующий текст статьи: «Пропаганда, направленная на установление тоталитарного государства, осуществляемая любыми средствами, наказывается тюремным заключением от 6 месяцев до 5 лет и лишением некоторых прав»¹⁰.

Главный итог истекшего пятилетия в сфере международных отношений сводится к следующему: вывод советских, а затем российских войск с территории всех восточноевропейских стран, включая Латвию, Литву и Эстонию. Сейчас, правда,

немало упреков адресуется бывшим советским руководителям, особенно М. С. Горбачеву, Э. А. Шеварднадзе и Д. Т. Язову, которые приняли поспешные, не во всех своих аспектах продуманные решения, в частности поддались давлению со стороны властей Венгрии, Польши, ЧСФР и Германии в вопросе определения ускоренных сроков вывода войск. Ведь более чем миллионная армия с огромными запасами вооружений, боеприпасов и прочего военного имущества была перебазирована в пределы своей страны практически за четыре с небольшим года, тогда как, по мнению М. Тэтчер, на нормальный вывод например британской Рейнской армии требуется не менее 10 лет ¹¹.

Как писал один российский публицист, «именно сентябрь 1994 года (время прибытия в Москву последнего воинского эшелона из Германии.— Ю. Н.) следует считать подлинным концом послевоенного мира, созданного в Ялте, Потсдаме и Сан-Франциско полвека тому назад. Наиболее зримый признак этого конца — впервые после 1945 года бывших советских войск нет нигде больше за пределами бывшего СССР» ¹². Это был конец послевоенного мира с его разделением на победителей и побежденных, с многолетним блоковым противостоянием сил демократического Запада и коммунистического Востока.

Сейчас мир, в том числе и европейский, сотрясают конфликты, льется кровь, сотни тысяч людей лишаются средств к существованию, крова, изгоняются из родных мест и т. п. Достаточно в этой связи напомнить о братоубийственной вражде в Боснии и Герцеговине, кровавых событиях в Чечне, в других «горячих точках» континента, чтобы понять всю сложность формирования «общеевропейского пространства» для всестороннего сотрудничества народов и государств. «С одной стороны,— говорил в одном из своих интервью известный немецкий политик Э. Бар,— закончился фантастический исторический эксперимент под названием «коммунизм», с другой — впервые в истории появился не менее фантастический, но реальный шанс превратить Европу в континент мирного сотрудничества» ¹³.

Этот шанс может быть использован, если, в частности, в восточноевропейском регионе продолжится формирование новой системы межгосударственных, международных отношений без односторонней ориентации на великого восточного соседа, как было в прошлом, или же лишь на Запад, как нередко получается сейчас. «Развал СЭВ,— комментировал ситуацию председатель правительства Чешской республики В. Клаус,— привел к тому, что бывшие восточноевропейские социалистические страны максимально открылись в западном направлении, но отгородились друг от друга. Из-за этого все интеграционные процессы на Востоке имеют весьма несущественное практическое значение. Недостает и доброй воли для их реализации. Непосредственные интересы заставляют посткоммунистические страны руководствоваться принципом «спасайся, кто может» ¹⁴.

Пытаясь координировать свою внешнюю политику и оживить взаимные торгово-экономические связи, Венгрия, Польша и ЧСФР подписали четыре года назад в Вишеграде соглашение о трехстороннем сотрудничестве. С распадом ЧСФР это региональное объединение стало группой четырех (Венгрия, Польша, Словакия и Чехия). Определенная антисоветская направленность данной группы государств была в то время очевидной, она не скрывается ими и сейчас. «Когда в 1991 г. создавалась «Вишеградская группа»,— подчеркнул 28 октября 1994 г. чешский президент В. Гавел,— существовало много важных совместных задач, к примеру, таких, как роспуск Варшавского Договора или устранение советской гегемонии, и тем самым надо было продемонстрировать, что страны региона способны сотрудничать и хотят стать членами сообщества демократических государств Европы» ¹⁵.

Действие Варшавского Договора было прекращено 1 июля 1991 г. протоколом последнего (пражского) совещания Политического консультативного комитета государств-участников этого договора. Несколько ранее, (28 июня) представители стран-членов СЭВ подписали в Будапеште протокол о расформировании и этой международной организации, посредством которой СССР оказывал влияние на характер народнохозяйственного и внешнеэкономического развития своих партнеров. Социалистическое содружество таким образом перестало существовать. Цели, поставленные в Вишеграде, и не только там, оказались реализованными, т. е. военно-политическое взаимодействие восточноевропейских стран с СССР прекратилось так же, как и свелось до минимума торгово-экономическое, а попутно были аннулированы все соглашения о культурном и прочем сотрудничестве.

Теперь, когда ущерб от подобного оборота дел стал чувствительным буквально во всех сферах жизнедеятельности, когда и Россия, и ее восточноевропейские партнеры несут огромные убытки из-за стагнирующего или вовсе прекращенного взаимного, прежде всего экономического, сотрудничества, положение, пусть и весьма медленно, начинает меняться. Болгария, Венгрия, Польша, Чехия и Словакия подписали с Российской Федерацией двусторонние договоры о равноправных и добрососедских связях, что создает необходимую политико-юридическую базу для возобновления и развития взаимовыгодных связей во всех направлениях. Однако проблем тут остается еще очень много. Отмечая, например, «вакуум безопасности» в восточноевропейском военно-политическом пространстве, печать некоторых находящихся здесь стран считает, что «заполнить его призван Североатлантический альянс», а Россию следует держать на расстоянии, «не подпускать» к натовскому механизму сотрудничества, ибо в противном случае «судьба Европы решалась бы лишь великанами, а малые страны вновь тряслись бы от страха за свое существование»¹⁶.

В отношении России, которую собираются не пускать в Европу, существуют здесь некий снисходительный подход и одновременно боязнь непредсказуемых, импульсивных действий с ее стороны. «В России по-прежнему таится огромная опасность,— предупреждает пражская печать.— Причем с экономической точки зрения совершенно безразлично, чего можно опасаться,— экономической экспансии или внутреннего краха и распада государства. Но, в общем, Москва небезынтересна и, возможно, когда-нибудь станет и заслуживающим доверия партнером. Естественно, стоит поддерживать с Россией хорошие политические отношения хотя бы ради того, чтобы знать потенциальные угрозы. Хотя бы потому, что восточное направление наиболее опасно для Чешской Республики»¹⁷. Об этой опасности пишет и польская печать, муссируя тезис «о возрождении российского империализма»¹⁸.

Былой антисоветизм как неизбежное следствие неравноправных в прошлом отношений трансформировался ныне в антироссийские настроения. Как только кто-либо в Москве ставит, скажем, вопрос, а стоит ли форсировать решение о принятии в НАТО некоторых вчерашних участниц Варшавского Договора, тут же в них раздаются «решительные» заявления типа: «Российские деятели, по-прежнему опьяненные великодержавной политикой бывшего Советского Союза, должны понять, что эра их господства в Центральной и Восточной Европе закончилась. «Холодная война» завершилась отнюдь не в их пользу, и сфера российского влияния не охватывает территорию государств этого региона»¹⁹.

Между тем упрекать нынешние российские власти за великодержавные замашки бывшей советской номенклатуры все же не совсем корректно. Они ведь пытаются строить внешнюю политику страны на общепризнанных демократических принципах, а не руководствуются нормами пролетарского или социалистического интернационализма, являющимися парафразом советского экспансионизма и гегемонизма. Конечно от советского менталитета очень трудно сразу избавиться, его рецидивы могут проявиться и в международных делах. А это в свою очередь питает антироссийские настроения.

«За последние пять лет,— цитирует «Le Monde» от 23 ноября 1994 г. мнение венгерского социолога Э. Ханкиша,— даже самые отсталые страны сделали гигантский шаг вперед. В самом деле, в Центральной и Восточной Европе наблюдаются сенсационные успехи, которые не в состоянии оценить ни Запад, ни те, кто живет здесь». Противоположной позиции придерживается представитель бывшей словацкой компартии. По его мнению, «переворот в ноябре 1989 г. глубоко затронул жизнь всего общества. Массы обмануты «нежной» революцией с ее абстрактными лозунгами о демократии, свободе, плюрализме, приватизации, рыночной экономике. Люди убедились, что приватизация означает бессовестный грабеж тех ценностей, что созданы за сорок лет при социализме. Рыночная экономика — это безработица, снижение жизненного уровня народа, а демократия и свобода — только для богатых»²⁰. Почти аналогичные оценки высказывают представители социал-демократов, многие ученые, отмечая «непраздничное» пятилетие «бархатной» революции в восточноевропейском регионе.

Крушение здесь коммунистических режимов и последующая деятельность их новых властей — это революционные события, отражающие общемировую демократическую тенденцию. Но теперь, когда уже улеглись восторги относительно

открывшихся перспектив развития этих революций, а действительность оказалась весьма отличной от первоначальных прогнозов, не замечать существующих проблем никак нельзя. За последние пять лет в регионе существенно понизилось народное благосостояние и это больно ударило по большинству населения. Радикальность перемен во всех странах проявилась пока что главным образом в полном сломе их старых производственно-хозяйственных и политико-идеологических систем, в которых осуществлялось развитие этих стран в послевоенную эпоху. Тем более, что становление новых систем происходит, как правило, медленно, часто непродуманно и непоследовательно, т. е. витриной успешного перехода к рыночным отношениям и демократическому правлению не является.

И если взглянуть на пятилетний период перехода от коммунистического тоталитаризма к демократии сквозь призму всех этих проблем, невольно приходят на ум предостережения русского философа И. А. Ильина, писавшего в 1948 г. о смертельной опасности для демократических правителей, которую не умеют или не хотят справиться с отрицательной социально-экономической динамикой. «Обнищавший народ, опустившийся до состояния черни, быстро вырождает и погубит всякое народоправство». Тем более, если первоначально в это народоправство выдвигались неискушенными избирателями, вчерашними рабами тоталитарного режима «безвольные глупцы, продажные невежды, бесчестные растеряхи и тому подобный социальный отброс... Демократия,— подчеркивал И. А. Ильин,— не умеющая выделить лучших, не оправдывает себя; она губит народ и государство и должна пасть». Иллюстрируя свой вывод отечественным примером, он заключал: «А к чему ведет правление подлинно худших людей, это русские люди испытывают на себе уже тридцать второй год... Суровая школа!»²¹.

Хотелось бы, конечно, верить, что уроки этой суровой школы, как и предостережения выдающихся мыслителей XX века, будут приняты нашим переходным обществом во внимание, что оно способно к самообучению и постепенно сумеет отделить лучших людей от худших. Если история хоть чему-нибудь все же учит, есть надежда, что ее влияние не обойдет стороной восточноевропейский регион.

Примечания

1. Краткая история Албании. С древнейших времен до наших дней. М. 1992, с. 459.
2. См. Romania libera, 22.XII.1994; Evenimentul zilei, 23.XII.1994; Bek, № 1, 1—6. I.1995, с. 4.
3. См. Le Monde, 1.IX.1994; Globe and Mail, 30.VIII.1994; Spring in Winter. The 1989 Revolutions. Manchester — New York, 1990, p. 235; Московские новости, 1990, № 23, с. 12; Правда, 1. IV.1990.
4. См. «Великая капиталистическая революция» в Восточной Европе.— Вести Европы (Спецвыпуск ИТАР-ТАСС), I.XII.1994, с. 10; Вести Европы (Вестник ИТАР-ТАСС), 24.XI.1994, с. 6.
5. The New York Times, 31.X.1994.
6. Le Echo, 21.II.1993.
7. The Washington Post, 3.XI.1994.
8. Репортер 7, 11—17. I.1994, с. 2.
9. Rzeczpospolita, 28.I.1992.
10. МОРОЗОВ Н. Румыния: коммунисты — в парламент или в тюрьму? — Вести Европы (Вестник ИТАР-ТАСС), 31.X.1994, с. 17—18.
11. THATCHER M. The Downing Street Years. Lnd. 1993, p. 817.
12. ПУШКОВ А. Сентябрь-94: конец еще одной эпохи — Московские новости, 1994, № 42, с. 5.
13. Neues Deutschland, 19.I.1993.
14. Český deník, 31.I.1993.
15. Český deník, 28.X.1994.
16. Mladá fronta dnes, 10.VI.1994.
17. Mladá fronta dnes, 11.IV.1994.
18. Rzeczpospolita, 16.XI.1994.
19. Mladá fronta dnes, 6.IX.1993.
20. РЖЕВСКИЙ В. Словакия: воспоминания о «бархатной революции». — Вести Европы (Вестник ИТАР-ТАСС), 18.XI.1994, с. 10.
21. ИЛЬИН И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948—1954 годов. В 2-х томах. М. 1992, т. I, с. 128, 140.

Военная коллегия Верховного суда СССР (1937—1939 гг.)

О. Ф. Сувениров

Зловещая роль Военной коллегии Верховного суда СССР в легитимизации царившего в Советском Союзе в предвоенные годы беззакония уже нашла в той или иной степени отражение в литературе ¹. В данной работе с привлечением не публиковавшихся ранее материалов предпринимается попытка показать ее участие в уничтожении начсостава Красной Армии.

Созданная в 1924 г. Военная коллегия Верховного суда СССР должна была вершить суд над всеми обвиняемыми в тех или иных преступлениях лицами высшего комначполитсостава Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА) и Рабоче-крестьянского Красного Флота (РККФ), длительное время непосредственно руководила военными трибуналами, выступая в качестве кассационной инстанции. Объем ее полномочий резко возрос с лета 1934 г., когда ей и руководимым ею военным трибуналам было поручено судебное рассмотрение расследуемых аппаратом особых отделов и других органов НКВД дел по обвинению в особо опасных преступлениях (измена Родине, террор, шпионаж, диверсии).

1937 и 1938 гг. вошли в историю СССР как годы большого террора. Как официально было доведено до сведения участников июньского (1957 г.) пленума ЦК КПСС только расстреляно было за эти два года 681 692 человека. Казнили людей как до 1937 г., так и после 1938 года. По официальным данным за 22 года (1930—1936 и 1939—1953 гг.) было расстреляно в СССР 104 406 человек ². По опубликованным данным из общего количества расстрелянных в 1937—1938 гг. подавляющее большинство (631 897 человек) было уничтожено по постановлениям внесудебных органов («высшая двойка», Особое совещание при НКВД СССР, «двойки» и «тройки» на местах и т. п.) ³. Военными трибуналами и Военной коллегией Верховного суда СССР в эти годы к высшей мере наказания (ВМН) было осуждено по тем же данным 49 795 человек.

Особенно мрачную популярность в те годы приобрел бессменный (с 1926 г.) председатель Военной коллегии — В. В. Ульрих. Именно он выступал в роли председательствующего судебного заседания на фальсифицированных судебных процессах 1930—1931 гг., а затем на «открытых» политических процессах о так называемых «антисоветском объединенном торцкистско-зиновьевском центре» (19—24 августа 1936 г.), «параллельном антисоветском троцкистском центре» (23—30 января 1937 г.) и «антисоветском правотроцкистском блоке» (2—13 марта 1938 г.). Он же был председательствующим и Специального судебного присутствия Верховного суда СССР, осудившего в июне 1937 г. в закрытом порядке восемь

Сувениров Олег Федотович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института военной истории Министерства обороны РФ.

«военных заговорщиков» во главе с Маршалом Советского Союза М. Н. Тухачёвским.

Родился Ульрих в 1889 г. в Риге, в обеспеченной семье. В 1909 г. окончил реальное училище, в 1914 г. Рижский политехнический институт. Работал конторщиком. С 1915 г. на военной службе. К революционному движению примкнул в 1908 году. Член РСДРП с 1910 года. После установления советской власти стал работать в НКВД и ВЧК заведующим финансовым отделом, а с 1919 г. — комиссаром штаба войск внутренней охраны. В системе военных трибуналов подвизался с начала 20-х годов. Уже с 1919 г. Ульрих вместе с будущим начальником Главного управления государственной безопасности НКВД СССР Я. С. Аграновым участвовал в разработке одной из провокационных акций ВЧК ⁴. Будучи затем начальником особого отдела Морских сил Черного и Азовского морей, он в феврале 1922 г. руководил массовым «изъятием» бывших морских офицеров в Крыму ⁵.

Единственному из всех военно-юридических работников — Ульриху было присвоено в ноябре 1935 г. персональное военное звание «армвоенюрист». Специальным приказом наркомата обороны (НКО) от 27 января 1936 г. «О присвоении военных званий членам Военной коллегии Верховного суда СССР» они были присвоены и другим ее членам. Один из заместителей председателя коллегии — И. О. Матулевич получил звание «корвоенюрист», другой заместитель — И. Т. Никитченко «диввоенюрист». Это же звание получили и семь других членов Военной коллегии: И. Т. Голяков, А. Д. Горячев, Я. П. Дмитриев, И. М. Зарянов, П. А. Камерон, А. М. Орлов, Н. М. Рычков, Члену коллегии Я. Я. Рутману было присвоено звание бригавоенюриста ⁶. К концу 1938 г. состав Военной коллегии существенно изменился, но в 1937—1938 гг. именно эти 11 высокопоставленных военных юристов творили суд и чинили расправу над многими сотнями лиц высшего комначполитсостава Красной Армии.

Перед Военной коллегией Верховного Суда СССР и военными трибуналами представляли и гражданские лица, и военнослужащие. Среди последних были осужденные как за реально совершенные уголовные преступления, так и по сфальсифицированному НКВД СССР делу о «военно-фашистском заговоре». Точных данных о числе осужденных непосредственно Военной коллегией до сих пор нет. Однако как явствует из официального доклада Ульриха только в течение 1937 г. Военной коллегией были осуждены как участники «военно-фашистского заговора и правотроцкистских организаций» 4602 военнослужащих, в том числе 602 — лица среднего, старшего и высшего комначсостава ⁷. По данным Н. Чистякова и В. Маслова, лишь за сентябрь 1938 г. Военная коллегия в Москве, Ленинграде, Киеве, Хабаровске и некоторых других городах осудила 3192 человека (в том числе 1803 — к расстрелу), а в октябре того же года — 3588 человек ⁸.

Деятельность Военной коллегии Верховного суда СССР в 30-е годы с точки зрения выработанных человечеством представлений о правосудии, не была да и не могла быть правосудной. Ведь тогда открыто провозглашалось, что она должна быть направлена на укрепление диктатуры пролетариата. Представление же о диктатуре вообще, а значит и о диктатуре пролетариата, В. И. Ленин сформулировал еще в апреле 1906 г.: «Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть» ⁹. Такое понимание государства диктатуры пролетариата делало его органически несовместимым с идеей правового государства.

Известно немало высказываний деятелей той эпохи, свидетельствующих о полном неприятии ими этой идеи. Выступая в Институте советского строительства и права, Л. М. Каганович заявил 4 ноября 1929 г.: «Мы отвергаем понятие правового государства. Если человек, претендующий на звание марксиста, говорит всерьез о правовом государстве и тем более применяет понятие «правового государства» к Советскому государству, то это значит, что он идет на поводу у буржуазных юристов, это значит, что он отходит от марксистско-ленинского учения о государстве» ¹⁰. Казалось «естественной» и попытка прокурора РСФСР А. Я. Вышинского доказать, что приведенное выше ленинское понимание диктатуры пролетариата «не стоит ни в каком противоречии с /законностью/ р/еволюционной/» и что одним из преимуществ этой «законности» является отсутствие «какого бы то ни было юридического формализма» ¹¹.

В сознании членов Военной коллегии прочно держалась мысль, высказанная еще в годы гражданской войны первым председателем Военно-революционного трибунала при Реввоенсовете РСФСР К. Х. Данишевским: «Военные трибуналы не руководствуются и не должны руководствоваться никакими юридическими нормами. Это карающие органы, которые постановляют свои приговоры, руководствуясь принципом политической целесообразности и правосознанием коммуниста»¹². В литературе неоднократно отмечалось, что под руководством Ульриха Военная коллегия систематически нарушала действовавшее тогда и без того драконовское законодательство. По крайней мере с начала 1935 г. она стала послушным орудием по выполнению любого пожелания «вождя». Об этом известно ныне чуть ли не из первых рук.

Секретарь Специального судебного присутствия Верховного суда СССР, «судившего» 11 июня 1937 г. военачальников во главе с Тухачевским, член Военной коллегии Зарянов в 1962 г. сообщил: «О ходе судебного процесса Ульрих информировал И. В. Сталина. Об этом мне говорил Ульрих, он говорил, что имеется указание Сталина о применении ко всем подсудимым высшей меры наказания — расстрела»¹³. Этот факт косвенно подтверждается регистрацией приема Сталиным Ульриха 11 июня 1937 года. Из этой же записи видно, что прием проходил в присутствии В. М. Молотова, Л. М. Кагановича и Н. И. Ежова.

В высшем эшелоне советской власти в 30-е годы сложилась и по крайней мере до 1939 г. безостановочно и безотказно действовала преступная практика, когда, по свидетельству Н. С. Хрущева, «в НКВД составлялись списки лиц, дела которых подлежали рассмотрению на Военной коллегии, и им заранее определялась мера наказания. Эти списки направлялись Ежовым лично Сталину для санкционирования предлагаемых мер наказания. В 1937—1938 годах Сталину было направлено 383 таких списка на многие тысячи партийных, советских, комсомольских, военных и хозяйственных работников и была получена его санкция»¹⁴.

В ноябре 1937 г. нарком внутренних дел СССР обращается с ходатайством к генеральному секретарю ЦК ВКП(б): «Тов. Сталину. Посылаю на утверждение четыре списка лиц, подлежащих суду Военной коллегии: 1. Список № 1 (общий). 2. Список № 2 (быв. военные работники). 3. Список № 3 (быв. работники НКВД). 4. Список № 4 (жены врагов народа). Прошу санкции осудить всех по первой категории. Ежов». Делегатам XXII съезда КПСС было официально доложено, что списки эти были рассмотрены Сталиным и Молотовым, и на каждом из них имеется резолюция: «За. И. Сталин. В. Молотов»¹⁵.

В некоторых кругах юристов высказывалось мнение, что по получении утвержденных Сталиным списков, обреченные немедленно отправлялись из застенков НКВД на расстрел. Однако и сам характер ходатайства Ежова, и имеющиеся документы не подтверждают эту версию. Ведь Ежов не просит разрешения «расстрелять», а просит «санкции осудить всех по первой категории». Документы свидетельствуют, что включенные в эти списки военные работники были затем «пропущены» через Военную коллегию.

Как же воля Сталина доводилась до членов Военной коллегии? В личной беседе со мною проработавший в послевоенные годы в аппарате Военной коллегии 45 лет военный юрист М. С. Сиротинский рассказал, как это делалось в 1937-1938 годах. Об этом ему доверительно в первые послевоенные годы поведал адъютант Ульриха капитан юстиции Я. П. Сердюк. Оказывается на обложке (или на первой странице?) обвинительного заключения, направляемого проводившими предварительное следствие сотрудниками НКВД на судебное следствие в Военную коллегию ставилась скромная и совсем ничего не значащая для непосвященных цифра «1» или «2». Пока неясно, кто именно обладал прерогативой ставить ее, сам Ежов или кто-то из его заместителей, а может и следователь. Очевидно эта цифра появлялась после получения санкции «вождя» и его «соратников». Единица означала смерть подсудимого, двойка — 10 лет лишения свободы (а с октября 1937 г. — до 25 лет).

Таким образом Военной коллегии Верховного суда СССР отводилась незавидная роль квази-юридического оформления «высшей воли», хотя советская пресса неустанно шумела о приговорах, выносимых именно этой судебной инстанцией, как выражавшей волю всего советского народа. Для любого сотрудника военных трибуналов, а тем более члена Военной коллегии высшей доблестью являлась беспощадность в отношении «врагов народа». Абсолютная нетерпимость руководства Воен-

ной коллегии к любой попытке вынесения оправдательного приговора нашла отражение в приказе Ульриха от 20 февраля 1937 года. Он требовал «в целях усиления контроля за правильностью разрешения военными трибуналами дел о контрреволюционных преступлениях», «все дела о контрреволюционных преступлениях, по которым выносятся оправдательные приговоры или производство по которым прекращено в подготовительном или в кассационном заседании, в случае опротестования прокурором данного приговора или определения — представлять в 7-дневный срок со дня вынесения приговора или определения непосредственно в Военную коллегия Верховного Суда СССР для рассмотрения в порядке судебного надзора»¹⁶. 25 февраля 1937 г. Ульрих издает новый приказ, в котором требует «вновь тщательно изучить и не позднее 7 марта 1937 г. доложить ему все вынесенные, начиная с 1-го октября 1936 г. и позже, по делам о контрреволюционных преступлениях: оправдательные приговоры военных трибуналов; определения подготовительных заседаний о прекращении дел; кассационные определения военных трибуналов и Военной коллегии (об оставлении в силе оправдательных приговоров или определений о прекращении дел и о прекращении дел). Доклады по всем этим вопросам должны были сопровождаться «представлением по делу краткого письменного заключения»¹⁷.

Схема оформления дела к суду была довольно проста. Главное — выбить любыми путями и средствами «признательные» показания. При полном беспределе в действиях следователей НКВД, в подавляющем большинстве случаев это удавалось. Чтобы дело выглядело более «основательным», к нему прилагали выписки из допросов лиц, арестованных по другим делам. Как правило, в судебном заседании не проверялось, соответствуют ли эти выписки оригиналу. Нередко следователи подсовывали суду самую настоящую фальшивку — выписку из несуществующих показаний того или иного арестованного. В этом случае следователи НКВД рассчитывали на то, что суд не будет «возиться» с проверкой подлинности представленных ему выписок. Да и судьи понимали, что такая проверка может быть расценена как «недоверие органам НКВД» со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Но если даже выписка соответствовала подлиннику, обязанность суда — проверить достоверность этих показаний, соответствие их истине. Просмотр многих сотен надзорных производств позволяет сделать вывод, что попытки такой проверки в суде были редчайшим исключением. В подавляющем большинстве случаев, даже при полном непризнании их правдивости подсудимым, судьи не удосуживались, да, видно, и не хотели заниматься их проверкой. Хуже того, отрицание вины подсудимыми считалось одним из оснований вынесения смертных приговоров. По существу предъявленных обвинений подсудимые в суде вообще не допрашивались. Все судебное следствие заключалось в том, что подсудимому задавался один вопрос: признает ли он себя виновным и подтверждает ли свои показания, данные на предварительном следствии?

В протоколах судебных заседаний показания подсудимых обычно не записывались. Здесь фиксировалось только то, что подсудимый подтвердил показания, данные им на предварительном следствии и признал свою вину. После этого следовал приговор: высшая мера наказания. Если же подсудимый отказывался от своих прежних показаний и отрицал свою вину, судьи делали вывод: подсудимый «изобличается» показаниями арестованных по другим делам и иными обстоятельствами дела. Следовал все тот же приговор.

Неудивительно, что при таком понимании правосудия заседания Военной коллегии зачастую проводились прямо-таки пожарным темпом. Речь шла о жизни и смерти людей, занимавших ответственные посты, имевших высокие военные звания, а вся по сути инсценировка судна, включая написание и оглашение приговора, занимала буквально несколько минут. Вот некоторые данные о продолжительности заседаний Военной коллегии, на которых подсудимые были осуждены к смертной казни:

30 минут: комкор И. Г. Гарькавый, комбриг Г. Ф. Гаврюшенко;

20 минут: командармы 2 ранга Я. И. Алкснис, И. Н. Дубовой, П. Е. Дыбенко, М. К. Левандовский, армейский комиссар 2 ранга Я. К. Берзин, комкоры В. В. Хрипин, М. В. Сангурский, корпусной комиссар М. Р. Шапошников; комдивы Д. А. Кучинский, В. С. Погребной, Н. М. Роговский, О. А. Стигга, дивизионный комиссар Л. А. Борович, бывший комендант Московского Кремля дивинтендант

Р. А. Петерсон, бывший военный министр Временного правительства, а затем комбриг А. И. Верховский, бригадные комиссары П. А. Булат, А. П. Лозовский, Д. Н. Статут, бригадженер В. П. Хандриков, полковники К. М. Римм, М. П. Касаткин и др.;

15 минут: армейские комиссары 2 ранга Б. М. Иппо и Г. А. Осепян, комжоры В. Н. Левичев, Э. Д. Лепин, Р. В. Лонгва, А. Я. Сазонтов, флагман 2 ранга А. В. Васильев, комдивы Г. С. Замилацкий и И. А. Ринк, дивинтендант И. Г. Прошкин, комбриги Д. И. Бузанов, И. И. Глудин, В. Е. Горев, А. И. Гречаник, А. Г. Добролеж, Н. Ф. Евсеев, В. Д. Залесский, А. Д. Малевский, Д. Д. Нахичеванский, Г. Т. Туммельтау, Ж. К. Ульман, М. А. Шошкин, бригадные комиссары С. Р. Будкевич, М. П. Захаров, Э. К. Перкон, К. И. Подсотский, С. А. Сухотин, Н. Л. Шпекторов, бригадженер С. Д. Иудин, полковники Н. Е. Ефимов, А. В. Емельянов-Сурик, Л. Н. Затонский, И. С. Карпицкий, военинженер 2 ранга Г. Э. Куни и др.;

10 минут: флагман 1 ранга Э. С. Панцержанский, комдив Я. Г. Рубинов, начальник военно-исторического отдела Генштаба комбриг И. Г. Ключко, бригадный комиссар С. Б. Рейзин, полковой комиссар Д. А. Федотов и др.

А для того, чтобы отправить «на тот свет» начальника отдела пропаганды и агитации Политуправления РККА дивизионного комиссара Х. Х. Харитонову и начальника кафедры иностранных языков Военной академии механизации и моторизации РККА полковника Ф. Л. Григорьева Военной коллегии хватило всего пяти минут на каждого.

Наиболее стандартной формулой обвинения в 1937—1938 гг. была своеобразная «трехчленка»: является активным участником антисоветского военно-фашистского заговора; занимался вредительством во вверенном ему полку (дивизии, округе, управлении); вербовал в заговор других лиц. Широко использовались также обречающие на смерть обвинения в шпионаже в пользу иностранных разведок и особенно в подготовке террористических актов по отношению к руководителям ВКП(б) и советского правительства вообще, против Сталина в особенности.

О стиле и методах работы Военной коллегии Верховного суда СССР свидетельствуют материалы многих дел. Вслед за арестом командующего войсками Уральского военного округа комкора И. И. Гарькавого были «взяты» органами НКВД и другие лица комначсостава из этого округа, в том числе и командир 65 стрелковой дивизии (сд) комбриг Г. Ф. Гаврюшенко. В 1917 г. он устанавливал советскую власть в Донбассе, за подвиги в гражданской войне был награжден орденом Красного знамени, окончил Военную академию им. Фрунзе. Обвинение Гаврюшенко в том, что он являлся активным членом антисоветской военно-троцкистской организации, посещал ее собрания, на которых восхвалялся «враг народа Троцкий» и велись «террористические разговоры»; по заданию военно-фашистского центра занимался вербовкой новых членов в военно-фашистскую организацию¹⁸. Все обвинения основаны лишь на личных «признательных» показаниях на предварительном следствии и в суде. Комбрига заставили оговорить себя, можно полагать, «физические методы» следствия и общая атмосфера. 1 июля 1937 г. «суд» приговорил его к высшей мере наказания. Реабилитирован он был в апреле 1957 года.

Арестованный 2 февраля 1938 г. брат В. В. Куйбышева командующий войсками Закавказского военного округа комкор Н. В. Куйбышев, награжденный тремя орденами Красного знамени, приговором Военной коллегии Верховного суда СССР от 1 августа 1938 г. был признан виновным в руководстве диверсионно-вредительской работой, а также в том, что являлся агентом германской, польской, литовской и японской разведок. Как показала дополнительная проверка в 1956 г., никаких сведений о принадлежности Куйбышева к разведорганам вышеназванных государств не оказалось. Не было их и у Военной коллегии, но зато имелись «признательные» показания комкора, данные им на предварительном следствии и в судебном заседании¹⁹. И Куйбышев расстрелян в день вынесения приговора.

Если при осуждении «сознавшихся» обвиняемых у Военной коллегии имелась хоть какая-то видимость правосудности приговора, то при отказе подсудимого от своих прежних, вырванных следователями НКВД показаний, даже такой видимости по сути дела не оставалось. Тем не менее и всех «отказчиков» Военная коллегия обречала на смертную казнь.

Один из героев гражданской войны, четырежды раненный и трижды награжденный орденом Красного Знамени комкор Б. С. Горбачев был арестован 3 мая 1937 года. У него выбили «признание». На суде 3 июля он решительно отказался от

незаконно полученных от него «признательных» показаний. Однако Военная коллегия признала его виновным в том, что он являлся участником военно-фашистской террористической организации и будучи заместителем командующего войсками Московского военного округа подготовлял вооруженное выступление в Кремле²⁰. В тот же день он был расстрелян. Реабилитирован посмертно.

Московский рабочий, активный участник гражданской войны, С. П. Обысов, комбриг, начальник Оперативного управления Генштаба, член Военного совета при наркомате обороны, сначала был срочно переведен в Донбасс командиром 80 сд, а 18 июля 1937 г. арестован. У него выбивают «признания». Затем он категорически от них отказывается, но Военная коллегия 8 сентября признала его виновным в том, что он являлся участником антисоветского военно-фашистского заговора и по заданию Тухачевского «составил пораженческий план войны на Западном фронте»²¹. А дальше последовал смертный приговор. Был реабилитирован в октябре 1957 года.

5 ноября 1937 г. органами НКВД с санкции прокурора СССР Вышинского был арестован начальник кафедры Военной академии им. Фрунзе беспартийный комбриг В. А. Дьяков. В личном его деле значилось, что службу в Красной Армии он начал с 1917 года. Следствие вели сотрудники Особого отдела Главного управления госбезопасности НКВД СССР лейтенант госбезопасности Бренер и младший лейтенант госбезопасности Гольфарб. Обвинительное заключение утвердили начальник Особого отдела ГУГБ Н. Г. Николаев (Журид) и заместитель Прокурора СССР Г. К. Рогинский. Судили члены Военной коллегии Верховного суда СССР Матулевич (председательствующий), Орлов, Иевлев. 26 апреля 1938 г. они на основе выбитого у Дьякова «признания» и, как выяснилось позднее при элементарной проверке, совершенно несостоятельных показаний еще трех лиц, арестованных по другим делам, несмотря на категорический отказ комбрига в суде от ранее данных показаний и отрицания своей виновности, признают его виновным в том, что он с конца 1919 г. по день ареста являлся активным участником антисоветской офицерской монархической организации, проводил подрывную вредительскую деятельность в области военных сообщений РККА, вербовал новых участников организации, создавал вредительские террористические группы, а также подготовлял совершение террористических актов над руководителями ВКП(б) и советского правительства»²². Хотя доказательств вины Дьякова не было, его приговорили к расстрелу. В июле 1956 г. приговор был отменен, дело прекращено «за отсутствием состава преступления».

10 февраля 1938 г. начальником особого отдела НКВД Белорусского военного округа Завадским был арестован командир 5-го кавкорпуса комбриг Д. А. Вайнерх-Ваянрх. Один из героев гражданской войны, награжденный тремя орденами Красного знамени, он обвинялся в том, что являлся участником военно-фашистского заговора и проводил вредительскую деятельность. Все обвинения основывались на полученных в ходе предварительного следствия «признательных» показаниях комбрига и показаниях арестованных по другим делам Шалимова, Якимовича и Никитина. 30 июня 1938 г. на заседании Военной коллегии подсудимый трижды от своих показаний отказался. Шалимов и Якимович также отказались от своих показаний и виновными себя не признали. Никитин же, говоря об участии комбрига в военном заговоре ссылаясь на И. П. Уборевича, расстрелянного год назад. По имеющимся в его деле показаниям Вайнерх вообще не проходил²³. Казалось бы у суда не было никаких объективных доказательств, но комбриг приговаривается к расстрелу.

Среди многих тысяч военных, судимых в 1937—1938 гг. Военной коллегией, встречались и такие, у которых на всем протяжении предварительного и судебного следствия, несмотря на угрозы, провокации и истязания, не удалось вырвать ни единого признания в несовершенных ими преступлениях. Подлинными героями сопротивления произволу были флагман флота 2 ранга И. К. Кожанов; комкоры Г. Д. Базилевич, Е. И. Ковтюх (прототип знаменитого Кожуха в «Железном потоке» А. С. Серафимовича), С. В. Петренко-Лунев, И. И. Смолин; комдивы Н. Ф. Артеменко, С. О. Белый, К. И. Калнин, Г. Н. Кутателадзе, И. А. Онуфриев, Д. К. Мурзин, Ю. В. Саблин, А. А. Свечин, Н. И. Точенов; дивизионные комиссары А. Н. Бахирев, И. И. Зильберт, Ф. Я. Левензон; дивинтендант П. К. Князев; комбриги Я. М. Жигур, М. Ф. Киселев, Г. Ф. Малышенков, Н. С. Поляков; бригадный комиссар П. Д. Матвеев; бригадир инженер А. Ф. Ласточкин; полковники Н. С. Бережной, А. Х. Базаревский, К. Г. Василевский, Я. И. Жинько, Т. М. Лексиков, Б. А. Степанов;

военинженер 2 ранга Г. Э. Куни, майоры П. А. Родионов, В. В. Степанов, А. У. Филимонов, капитан П. К. Блюхер (брат маршала), лейтенант Пак Ин-Де. Несмотря на отсутствие объективных доказательств их участия в «заговоре», все они были осуждены Военной коллегией к смерти.

Судили, как правило, индивидуально, поодиночке, но иногда «организовывались» и групповые дела. Вот лишь одно из многих. 5 октября 1938 г. выездная сессия Военной коллегии рассмотрела дело по обвинению 13 человек — командиров и политработников 22 кавдивизии Забайкальского военного округа — в том, что они являлись участниками военно-троцкистской диверсионно-террористической организации, действовавшей в частях округа и занимались вредительством. Никаких объективных доказательств их вины не было, девять подсудимых из 13-ти в суде виновными себя не признали и от своих показаний, которые дали на предварительном следствии, отказались. Но Военная коллегия двух подсудимых приговорила к 10 годам каждого, а 11 (в том числе награжденный двумя орденами Красного Знамени и орденом Ленина командир дивизии комдив Ф. В. Васильев, награжденный орденом Ленина начподив дивизионный комиссар А. Я. Третьяков, полковники В. М. Пылев и Ю. Ф. Фаркаш, полковой комиссар К. Ф. Пустынский, майор В. З. Зайкин, капитаны А. А. Знаменский, Г. Я. Краснодон и М. Д. Шполянский, политруки Н. Н. Щербак (редактор дивизионной газеты) и А. С. Щербинин) — к расстрелу. Этот приговор был отменен 1 июня 1957 года²⁴.

2 апреля 1938 г. Ульрих представил доклад на имя Сталина, Молотова и Ежова, в котором написал, что судебную практику по делам об измене родине, о подготовке террористических актов, о шпионаже и диверсиях Военная коллегия осуществляет под непосредственным руководством высших директивных органов. Руководство же судебной деятельностью военных трибуналов по борьбе с преступностью в Красной Армии Военная коллегия проводит по установкам, получаемым от народного комиссара обороны СССР. Таким образом признавалась полная зависимость «правосудия».

Опираясь на это, Ульрих пытался обосновать необходимость дальнейшего ужесточения механизмов расправы и предлагал реорганизовать Военную коллегия Верховного суда СССР в Военный трибунал СССР. Он просил санкционировать эту меру и установить такой порядок, чтобы все приговоры Военного трибунала СССР вообще не подлежали обжалованию в кассационном порядке, а право помилования осужденных им лиц осуществлялось только Президиумом Верховного Совета СССР. На этом докладе есть резолюция наркома обороны Ворошилова: «Пожалуй, правильно»²⁵. Однако на трибунализацию страны Сталин видимо не пошел.

К началу 1939 г. из прежнего состава членов Военной коллегии остались только трое (Ульрих, Матулевич и Орлов). Новыми ее членами были назначены члены Верховного суда СССР бригадвоенюристы Г. А. Алексеев, И. В. Детистов, Л. Д. Дмитриев, Д. Я. Кандыбин, М. Г. Романьчев, военюристы 1 ранга Ф. А. Климин и А. Г. Суслин. В 1939 г. количество членов Военной коллегии было увеличено за счет находившихся до того в запасе двух членов Верховного суда СССР (В. В. Буканов и А. А. Чепцов)²⁶.

С конца 1938 г. условия деятельности Военной коллегии Верховного суда СССР несколько изменились. К тому времени сталинскому руководству стало ясным, что дальнейшее продолжение большого террора может привести к непредсказуемым последствиям. Последовало постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». В нем говорилось о таких грубых нарушениях «социалистической законности», допускавшихся органами НКВД, как незаконные аресты граждан по фиктивным справкам о якобы совершенных ими контрреволюционных преступлениях; фальсификация протоколов допросов обвиняемых и свидетелей; искусственное создание отдельных дел о несуществующих контрреволюционных преступлениях; вымогательство от арестованных путем физических мер воздействия (избиений и истязаний) подписей заранее заготовленных фиктивных протоколов допросов.

В начале декабря 1938 г. Ежов был заменен на посту наркома внутренних дел СССР Л. П. Берией. Многие бывшие сотрудники НКВД («ежовцы») были осуждены «за нарушение норм социалистической законности». Можно считать, что в 1939 г. прекратилась практика поступления списков людей, обреченных на истребление резолюциями «вождей». В этих условиях стало несколько меняться и поведение председателя Военной коллегии. В мае 1939 г. председатель военного трибунала 1-й

Отдельной краснознаменной армии (ОКА) бригадюр юрист И. Ф. Исаенков на одном из совещаний заявил: «Докладывая 13 апреля с. г. Военной коллегии о работе военных трибуналов 1 ОКА я получил от тов. Ульриха указание о том, что мы должны при рассмотрении контрреволюционных дел искать прежде всего врага, а не липовое дело»²⁷.

С начала июня 1937 г. и до конца 1938 г. все до единого, представшие перед Военной коллегией по обвинению в участии в военно-фашистском заговоре в РККА, приговаривались к расстрелу. Среди просмотренных мною многих сотен дел подобного рода пока попалось лишь одно исключение из этого «правила» — дело бывшего начальника связи 1-й дивизии ПВО капитана А. Ф. Усова. Его судила Военная коллегия 16 июня 1937 г. по обвинению в принадлежности к военно-фашистскому заговору, якобы действовавшему в системе ПВО г. Москвы. Доказательств никаких не было, кроме показаний двух ранее арестованных и «признания» самого капитана, от которого на суде он отказался. Возможно такая его решительная позиция на суде сыграла свою роль, но его приговорили «только» к 10 годам исправительно-трудовых лагерей²⁸.

В 1939 г. в практике Военной коллегии при рассмотрении дел «участников» мифического военно-фашистского заговора стали преобладать приговоры к длительному (от 5 до 25 лет) заключению. Такие сроки получили комкоры С. Н. Богомяков, Н. В. Лисовский, М. П. Магер, С. А. Пугачев, Я. З. Покус, М. О. Степанов, А. И. Тодорский; корпусные комиссары М. Я. Апсе, Т. К. Говорухин; комдивы Я. Я. Алкснис, М. Ф. Букштынович, Я. И. Зюзь-Яковенко, М. П. Карпов, В. И. Малофеев, С. В. Никитин, К. П. Ушаков, И. Ф. Шарсков, некоторые дивизионные комиссары, комбриги, бригадные комиссары, полковники и многие другие. Однако вырваться на свободу после отбытия тюремного срока удалось лишь единицам. Конечно и эти приговоры Военной коллегии были неправосудными, все упомянутые здесь военные были реабилитированы (как правило, посмертно) «за отсутствием состава преступления».

В отличие от 1937—1938 гг. в 1939 г. имели место иногда и оправдательные приговоры Военной коллегии и некоторых окружных военных трибуналов в отношении судимых «за контрреволюционную деятельность» военных (корпусные комиссары М. Ф. Березкин и Г. Г. Ястребов; комбриги Е. М. Тихомиров и А. А. Туржанский и др.). Но и тогда выносились расстрельные вердикты суда.

Судебное заседание Военной коллегии 22 февраля 1939 г. рассматривало дело по обвинению одного из первостроителей Красной Армии, командовавшего важнейшими фронтами в годы гражданской войны, первого начальника Генерального штаба РККА, а затем первого заместителя наркома обороны СССР, одного из пяти первых Маршалов Советского Союза А. И. Егорова. Он был признан виновным в том, что с двурушнической целью в РКП(б) в 1918 г., а в 1919 установил преступные связи с руководителями антисоветской организации С. С. Каменевым и П. П. Лебедевым, а также с Л. Д. Троцким, по заданию которого пытался сорвать выполнение плана Сталина по разгрому Деникина, а в 1920 г. даже подготавливал террористический акт в отношении Сталина. Кроме того Егоров был признан виновным в том, что в 1928 г. установил антисоветские связи с А. И. Рыковым и А. С. Бубновым и по их заданиям создал в Красной Армии антисоветскую террористическую организацию правых. В последующие годы, как указано в пригороде, Егоров установил контакт по антисоветской работе с М. Н. Тухачевским и Я. Б. Гамарником. В 1931 г., находясь на учебе в Германии, он якобы установил шпионские связи с немецким Генеральным штабом, а в 1934 г., по заданию Рыкова, стал еще и агентом польской разведки²⁹. Маршал был приговорен к высшей мере наказания. Реабилитирован 14 марта 1956 года.

5 марта 1939 г. Военный трибунал Московского военного округа (председательствующий военный юрист 3 ранга Евжик, члены коллегии — капитан Сухов и военинженер 2 ранга Селиванов) рассмотрели дело слушателя Академии Генштаба беспартийного комбрига Ф. А. Померанцева. Бывший подпоручик царской армии, из дворян — он уже изначально казался подозрительным. Трибунал выносит приговор, в котором ему вменяет в вину участие в военном заговоре, во вредительстве на строительстве Минского укрепрайона и в том, что в 1936 г. будучи направлен Уборевичем на учебу в Академию Генштаба РККА, где встретился с комдивом Е. Н. Сергеевым (бывший начштаба БВО.— О. С.) и по его заданию принял участие в создании контрреволюционной организации в этой академии³⁰.

В судебном заседании Померанцев признал себя «виновным» лишь в том, что общался с врагами народа, и по службе имел упущения и недочеты. Но последовал приговор — расстрелять. Но другой день Померанцев подает кассационную жалобу, в которой убедительно показывает несостоятельность обвинения во вредительстве и нарушение военным трибуналом процессуальных норм. Кассацию рассматривает 5 апреля 1939 г. Военная коллегия Верховного суда СССР в составе: Алексеев, Кандыбин, Дмитриев и принимает определение: «Поскольку изменческая (так в тексте.— О. С.) деятельность осужденного Померанцева материалами дела и его личным признанием на суде полностью подтверждена, приговор о нем оставить в силе без изменения, а кассацию без удовлетворения»³¹. Померанцев обращается в Верховный Совет СССР. Но решением его Президиума от 8 мая 1939 г. ходатайство о помиловании было отклонено и в тот же день Померанцева расстреляли³². Реабилитирован он был 15 сентября 1959 года.

14 февраля и 26 марта 1940 г. Военная коллегия судила десять сотрудников Центрального архива Красной Армии. Все они были признаны виновными, как участники антисоветской организации, занимавшиеся вредительской деятельностью и шпионажем. Двое архивистов получили по 10 лет, а восемь — комбриг В. Л. Афонский, бригадир Д. В. Саттеруп, полковники Т. Ф. Дедюкин, П. П. Каратыгин и И. А. Лисицын, полковой комиссар П. Л. Кур, интендант I ранга В. В. Соловьев и майор И. Я. Судаков приговорены к высшей мере. Приговор этот был отменен 30 мая 1956 года³³.

Лишь изредка военные суды возвращали дела на доследование. Летом 1939 г. в Военный трибунал Московского военного округа от следователей НКВД поступило дело на 19 инженерно-технических работников автозавода им. Сталина, обвиняемых по 58-й статье УК РСФСР. Но шестеро из них даже на предварительном следствии виновными себя не признали, а затем и большинство «признавшихся» обратилось в трибунал с заявлениями, в которых отказались от своих показаний, заявляя, что последние у них вымогались следователем. Председатель трибунала диввоенюрист А. Д. Горячев уже неоднократно был замечен в «либеральном» подходе к подсудимым. И тогда Ульрих попытался решить эту проблему «по семейному». 31 августа 1939 г. он обращается к Берии и предлагает вернуть дело «для проверки материалов предварительного следствия в следственную часть НКВД». И далее председатель Военной коллегии Верховного суда СССР пишет наркому внутренних дел: «Прошу Вашего указания». Резолюция на этом письме гласит: «Передать в След. часть. Л. Берия. 2/IX. 39»³⁴. Этот факт подтверждает полную зависимость Военной коллегии от властей.

Какова же судьба самих членов военной коллегии, которая «из органа правосудия... превратилась в придаток аппарата власти, в орудие беззакония и произвола, в страшную машину репрессий»³⁵? Одному из них не повезло. Ему самому пришлось предстать перед Военной коллегией, но совсем не потому, что он несправедливо судил. 10 декабря 1937 г. был арестован член Военной коллегии бригадир Я. Я. Рутман. Ему вменяли в вину участие в антисоветской латышской националистической организации. Сначала он категорически отрицал это обвинение. Затем в деле появляется адресованное Ежову заявление Рутмана от 3 февраля 1938 г. и протокол его допроса от 8 мая 1938 года. Заявление начинается словами «После долгого запирательства на следствии я решил чистосердечно рассказать о всех своих преступлениях». В деле нет протоколов допросов Рутмана за время с 10 декабря 1937 г. по 3 февраля 1938 г., как и нет протоколов допросов, в которых было бы зафиксировано отрицание Рутманом своей вины. В суде он виновным себя не признал и от показаний, данных им на предварительном следствии, отказался. Несмотря на это и на отсутствие объективных доказательств его виновности, вчерашние коллеги по работе 28 августа 1938 г. приговорили его к расстрелу. Реабилитирован он был 12 марта 1955 года³⁶.

Что же касается всех других членов Военной коллегии Верховного суда СССР, неправосудно отправивших на смерть тысячи ни в чем не повинных людей, то почти все они пошли на повышение. Уже в 1937 г. члены Военной коллегии были выдвинуты на ключевые посты в юридической иерархии страны: на пост председателя Верховного суда СССР (И. Т. Голяков), наркома юстиции СССР (Н. М. Рычков), наркома юстиции РСФСР (Я. П. Дмитриев). Приказом Голякова уже как председателя Верховного суда СССР от 21 сентября 1938 г. были продвинуты вверх

и другие члены Военной коллегии. Ее председатель В. В. Ульрих, оставаясь на своем посту, одновременно стал одним (из трех) заместителей председателя Верховного суда СССР. На такой же пост был выдвинут и диввоенюрист И. Т. Никитченко. Кроме того, председателями почти всех судебных коллегий Верховного суда СССР также были назначены бывшие члены Военной коллегии диввоенюристы: П. А. Камерон — по уголовным делам, И. М. Зарянов — железнодорожной, Б. И. Иевлев — водно-транспортной³⁷. А позднее почти все члены Военной коллегии Верховного суда СССР 1937—1939 гг. получили генеральские звания.

Неправосудные приговоры Военной коллегии Верховного суда СССР 1937—1939 гг. свидетельствуют о том, что органом правосудия в настоящем смысле этого слова Военная коллегия не была.

Примечания

1. ВИКТОРОВ Б. А. Без грифа «секретно»: записки военного прокурора. М. 1990; МАСЛОВ В. П., ЧИСТЯКОВ Н. Ф. Вопреки закону и справедливости. М. 1990; Расправа: прокурорские судьбы. М. 1990; Реабилитация: Политические процессы 30—50-х годов. М. 1991 и др.
2. XX съезд КПСС и его исторические реальности. М. 1991, с. 54; Правительственный вестник. 1990, № 7(33).
3. Более подробно об истории создания внесудебных органов см. Известия ЦК КПСС. 1989, № 10.
4. ПЕТРОВ М. Н. Операция ВЧК «Вихрь». — Вопросы истории, 1991, № 7—8, с. 219, 222.
5. ЗОНИН С. Первый шквал. — Морской сборник, 1991, № 11, с. 84.
6. Архив Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации (АВКВС РФ), оп. 12, д. 3396, л. 2.
7. Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 9, оп. 29, д. 383, л. 19, 20.
8. Коммунист Вооруженных Сил, 1991, № 10, с. 76.
9. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 12, с. 320. Эту же формулировку Ленин повторил и в конце октября 1920 года (Т. 41, с. 383).
10. Советское государство и революция права. 1930, № 1, с. 9.
11. ВЫШИНСКИЙ А. Законность революционная. Большая Советская Энциклопедия. Т. 26. М. 1933, с. 86.
12. Цит. по: ЗВЯГИНЦЕВ В. Как узаконили беззаконие. Человек и закон. 1990, № 1, с. 23.
13. Цит. по: Реабилитация, с. 298.
14. Известия ЦК КПСС. 1989, № 3, с. 143.
15. XXII съезд КПСС. 17—31 октября 1961 года. Стеногр. отчет. Т. Ш. М. 1962, с. 152. По принятому тогда кодексу, осуждение по первой категории означало расстрел, по второй — до 25 лет лишения свободы.
16. АВКВС РФ, оп. 1, д. 1 а, л. 5—6. Подпись — автограф.
17. Там же, л. 10. Подпись — автограф.
18. Там же, оп. 64, д. 1940, л. 1, 4.
19. Там же, оп. 55, л. 6802, л. 1, 2.
20. Там же, д. 2828, л. 12.
21. Там же, оп. 64, д. 8707, л. 1.
22. Там же, д. 11081, л. 1.
23. Там же, д. 11079, л. 1—2.
24. Там же, д. 24059, л. 2—4, 14—36.
25. РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 1087, л. 14. Автограф.
26. АВКВС РФ, оп. 1, д. 59, л. 2.
27. Там же, д. 64, л. 87.
28. Там же, оп. 55, д. 10485, л. 4.
29. Там же, д. 3142, л. 2—3.
30. Архив Верховного суда РФ, оп. 15, д. 874, л. 6.
31. Там же, л. 7-об. Автограф.
32. Там же, л. 18, 10.
33. АВКВС РФ, оп. 55, д. 9817, л. 1—12, 25.
34. Там же, оп. 1, д. 106. л. 25, 24. Автограф.
35. Коммунист Вооруженных Сил, 1991, № 10, с. 76.
36. АВКВС РФ, оп. 54, д. 1316, л. 2, 6.
37. Там же, оп. 1, д. 144, л. 8—9; д. 50, л. 13.

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

Британские летчики в небе Великой Отечественной...

В. Р. Котельников

Участие летчиков британских королевских ВВС в боевых операциях на территории СССР — мало известная страница истории Великой Отечественной войны.

Начало боевому сотрудничеству советских и английских авиаторов было положено вскоре после нападения Германии на СССР. 21 июля 1941 г. в послании И. В. Сталину премьер-министр У. Черчилль писал: «Мы также изучаем в качестве дальнейшего шага возможность базирования на Мурманск нескольких эскадрилий британских самолетов-истребителей»¹. Для практической реализации этого предложения 12 августа на авиабазе Леконсфилд было сформировано 151-е крыло (полк) под командованием Х. Рэмсботтома — Ишервуда. В это крыло вошли две новые эскадрильи — 81-я и 134-я. Для их укомплектования использовался достаточно опытный личный состав из других авиачастей, прошедших через боевые действия в небе Франции и Великобритании. Среди пилотов было немало участников «битвы за Англию» — успешно отраженного королевскими ВВС «воздушного наступления» немцев на Британские острова. В частности, в 81-ю эскадрилью целиком влили отряд «А» 504-й эскадрильи, начавшей боевой путь в 1939 г. во Франции².

151-е крыло отправилось под Мурманск с первым конвоем судов, шедшим из Англии в советские северные порты. 24 истребителя «Харрикейн» ПВ погрузили на авианосец «Аргус» и еще 15 упаковали в контейнеры в разобранном виде для доставки на торговых судах. Личный состав (более 500 человек) разместился на авианосце, транспортах и эсминцах охранения. 28 августа «Аргус» прибыл в Мурманск, но только 7 сентября истребители взлетели с него и приземлились на аэродроме Ваенга, эксплуатировавшемся ВВС Северного флота. Транспортные суда разгружались в Архангельске. На площадке под Архангельском собрали остальные самолеты и перегнали их в Ваенгу³.

Перед личным составом 151-го крыла были поставлены три задачи: продемонстрировать поддержку союзниками военных усилий СССР, подкрепить авиационную группировку под Мурманском (северный фланг Ленинградского фронта и ВВС Северного флота) и обеспечить ознакомление советских авиаторов с английскими самолетами. Все три задачи имели достаточно большое значение. Крыло явилось первым воинским соединением союзников, прибывшим на советскую землю. Ирония судьбы заключалась в том, что именно летчики королевских ВВС, бывшие противниками пилотов авиаотрядов Красной Армии здесь же, на севере России, в годы гражданской войны, первыми подали руку помощи своим советским коллегам.

Прибытие 39 «Харрикейнов» почти вдвое увеличило количественный состав истребительной авиации Северного флота, которой английское соединение было передано в оперативное подчинение. Хотя «Харрикейн» ПВ осенью 1941 г. уже не был новинкой и во многом уступал как основным немецким, так и новейшим советским истребителям, он

Котельников Владимир Ростиславович — кандидат технических наук, старший преподаватель Московского авиационного института.

существенно превосходил устаревший И-15 бис, И-153 и И-16, составлявшие подавляющее большинство в истребительном авиапарке ВВС Северного флота. Появление под Мурманском английских самолетов позволяло существенно усилить прикрытие с воздуха этого ближайшего к Англии советского порта. Крыло должно было стать и своеобразным учебным центром переподготовки советских летчиков и техников в преддверии начала поставок авиатехники из Великобритании и США.

11 сентября английские истребители совершили первый боевой вылет на патрулирование у линии фронта, а 12 сентября впервые столкнулись с противником. Немецкий корректировщик, летевший под прикрытием пяти «мессершмиттов», был атакован пятеркой «Харрикейнов». Три немецких истребителя остались догорать в тундре, поврежденный корректировщик повернул назад; англичане потеряли один «Харрикейн». Это был единственный самолет 151-го крыла, сбитый немцами за полтора месяца боевых операций английских летчиков в Заполярье. До 20 октября британские пилоты совершили 365 самолето-вылетов, количество уничтоженных ими самолетов противника оценивается различными источниками от 12 до 16. Английские летчики прикрывали войска у линии фронта и город Мурманск, перехватывали немецкие бомбардировщики, сопровождали бомбардировщики советские ⁴.

Во второй половине октября, закончив подготовку смены из личного состава советской морской авиации, англичане сдали 28 самолетов ВВС Северного флота (еще один истребитель 27 сентября разбился в катастрофе). Эти машины были использованы для формирования 78-го истребительного авиаполка (иап) под командованием известного аса Б. Ф. Сафонова. Советское командование высоко оценило заслуги британских летчиков. Четверо из них (командир крыла Х. Рэмсботтом — Ишервуд, командиры эскадрилий Э. Рук и Э. Миллер и сержант И. Хоу) удостоились ордена Ленина. Они, кстати, — единственные английские военнослужащие, обладающие этой советской наградой. Последние специалисты из состава 151-го крыла вернулись домой на крейсере «Кения» в начале декабря 1941 года.

Но на этом сотрудничество советских и британских летчиков не закончилось. Во все увеличивавшихся количествах в СССР начали поступать английские и американские самолеты. Для помощи в их освоении прибыли английские летчики-инструкторы, инженеры и механики. Их распределили по запасным полкам, специализировавшимся на переподготовке личного состава ВВС РККА на иностранную технику. В частности, английские специалисты были прикомандированы к 6-й запасной авиабригаде (заб), размещавшейся в районе г. Иваново ⁵.

По мере увеличения потока грузов, поступающих в СССР с арктическими конвоями, германское командование все больше стремилось пресечь этот путь снабжения СССР острой необходимой военной техникой, оружием, оборудованием и сырьем. В Северной Норвегии сосредотачивались большие силы надводного и подводного флота, авиации. В качестве противовеса маршал авиации Джуберт из Берегового командования королевских ВВС в начале 1942 г. предложил разместить на Кольском полуострове летающие лодки с большим радиусом действия и торпедоносцы. Самолетов этого назначения остро не хватало Северному флоту. Однако в машинах этих категорий нуждались и другие театры военных действий, поэтому тогда предложение не было одобрено командованием английских ВВС ⁶.

Существенный перевес немцев в авиации явился одной из причин разгрома конвоя PQ-17 в мае 1942 года. Среди самолетов, привлеченных к поиску уцелевших судов этого конвоя, была и английская летающая лодка «Каталина», временно базировавшаяся на советской территории, на оз. Лахта. Ей удалось обнаружить два транспорта ⁷.

При подготовке проводки следующего конвоя, PQ-18 (операция «Оратор»), к идее Джуберта вернулись. 17 июля Черчилль предложил Сталину сразу шесть эскадрилий. За два месяца до выхода судов в Англии сформировали так называемую авиагруппу Хоппса (ею командовал Р. Хоппс). В нее вошли две эскадрильи торпедоносцев «Хэмпден» TBI (144-я и 455-я, всего 32 самолета), отряд гидросамолетов «Каталина» из 210-й эскадрильи (10 машин) и подразделение фоторазведчиков (три «Спитфайр» PRIV и один «Москито» PRIV). На этот раз все самолеты отправлялись по воздуху. Промежуточной базой стал Сумбург на Шетландских островах. Первыми оттуда стартовали разведчики. Через четыре с половиной часа все четыре самолета благополучно сели в Африканде (более близкую Ваенгу сочли опасной из-за близости к фронту).

4 сентября в путь отправились торпедоносцы. Для них дорога была трудней, так как цель находилась на пределе дальности их полета. Даже с дополнительными бензобаками они с трудом «дотягивали» до Африканды. С целью ускорения ввода самолетов в строй на непригодной для них базе торпедоносцы несли с собой инструмент, запчасти и механиков (по одному на самолет) ⁸. До советских аэродромов благополучно добрались 23 «Хэмпдена». Остальные разбились при вынужденных посадках, были сбиты немецкими истребителями или зенитчиками. Один заблудившийся торпедоносец появился над устьем р.

Колы как раз в разгар немецкого авианалета и был атакован советскими истребителями. Подбитый самолет сел на воду и утонул; экипаж спасся, за исключением стрелка, убитого еще в воздухе⁹.

Последними на новое место в губе Грязной прибыли летающие лодки. К 13 сентября там уже находились девять «Каталин». Гидросамолеты, обладавшие большой дальностью полета, летели прямо со своей основной базы в Сулом-Воу (Шотландия). Хоппс прибыл на одной из «Каталин» 5 сентября. Его штаб разместился в Полярном. Наземный состав группы, оборудование и боеприпасы (включая торпеды) доставил в Мурманск американский крейсер «Тускалуза».

Наиболее активно действовали разведчики и летающие лодки. Фоторазведчики совершили в общей сложности 20 вылетов на Нарвик и Альтен-фьорд, где базировались корабли немцев. «Каталины» осуществляли противолодочное патрулирование в зонах, не доступных для одномоторных советских МБР-2, частично по «челночной» схеме: из Шотландии на оз. Лахта (или оз. Красное) и обратно. Торпедоносцы совершили всего один боевой вылет — 14 сентября, растянувшись завесой на возможном курсе линкора «Тирпиц», стоящего в Альтен-Фьорде. За это время англичане потеряли один самолет — 27 сентября над Альтен-Фьордом немцы сбили «Спитфайр» (пилот погиб). Одна «Каталина» была атакована немецким бомбардировщиком Ju 88 над Баренцевым морем и совершила вынужденную посадку у о. Кильдин; командир экипажа лейтенант Д. Хили был убит. Впоследствии эту машину отремонтировали, и 6 октября она вернулась в Сулом-Воу¹⁰.

После завершения проводки конвоя PQ-18 и ответного QP-14 сменивший Хоппса Сэн-димен отдал приказ о возвращении группы домой. Обратный перелет в Сумбург при сильном встречном ветре сочли опасным, и большую часть самолетов с согласия британского правительства передали ВВС Северного флота. Всего были сданы 20 «Хэмпденов» (23 октября, три уничтожили в результате авианалета немцы 29 сентября) и три «Спитфайра» (20 октября). Гидросамолеты и «Москито» вернулись в Шотландию. Полученные от англичан торпедоносцы позволили сформировать первый на Северном флоте минно-торпедный полк — 24-й (впоследствии 9-й гвардейский)¹¹.

К этому времени появился новый проект использования авиачастей союзников на советской территории. В сентябре 1942 г. американцы предложили английскому командованию сформировать совместное авиационное соединение для поддержки советских войск, отесняемых немцами в Закавказье. Предполагалось включить в это соединение восемь английских истребительных эскадрилий (около 250 самолетов), три эскадрильи средних бомбардировщиков, группу (полк) четырехмоторных американских В-24 и транспортную группу. В своем послании Сталину от 9 октября 1942 г. Черчилль развил это предложение: он обещал уже девять эскадрилий истребителей и пять эскадрилий средних бомбардировщиков. Советская сторона, побуждаемая ухудшением военного положения, сначала согласилась на переговоры, в которых британскую сторону представлял маршал авиации Дреммонд, но уже в декабре, когда началось контрнаступление под Сталинградом, Сталин отказался от проекта, сообщив 18 декабря, что Советский Союз готов получить только самолеты без экипажей¹².

В 1943 и первой половине 1944 г. непосредственное взаимодействие советской и английской авиации имело эпизодический характер, ограничиваясь в основном транспортными перевозками и обеспечением связи военного и государственного руководства обеих стран. Наиболее яркой страницей здесь являлись операции английских самолетов-разведчиков, следивших с советских аэродромов за портами Северной Норвегии. В конце августа 1943 г. в Ваенгу прибыло специальное подразделение для сбора информации перед операцией «Брон» — атакой английских сверхмалых подводных лодок на линкор «Тирпиц», стоявший в Альтен-фьорде. За месяц боевой работы совместно с советскими воздушными разведчиками английские пилоты смогли собрать данные для успешного проведения операции — «Тирпиц» получил серьезные повреждения. «Спитфайры» — фоторазведчики и на этот раз были переданы ВВС Северного флота, где служили до конца войны¹³.

Последняя крупная операция королевских ВВС на советской земле была связана с тем же самым «Тирпицем», хотя и поврежденным, но все еще представлявшим немалую опасность. В сентябре 1944 г. на аэродром Ягодник под Архангельском прибыла специальная группа в составе двух эскадрилий тяжелых бомбардировщиков «Ланкастер» (9-й и 617-й), двух транспортных самолетов «Либерейтор» с наземным составом и разведчика «Москито». До Ягодника добрались 27 бомбардировщиков, 10 совершили вынужденные посадки в разных местах. 15 сентября 28 «Ланкастеров», оборудованных для несения особо мощных бомб (до 5 т) нанесли удар по немецкому линкору. В налете участвовали советские штурманы, помогавшие английским коллегам вывести соединение на цель. Несколько удачных попаданий

вынудили немцев отбуксировать «Тирпиц» на другую стоянку, где он был накрыт бомбами с самолетов, стартовавших из Англии, и затонул. Командование ВВС Беломорской военной флотилии за помощь в организации налета было награждено британскими орденами¹⁴.

Боевые операции британских летчиков, осуществленные с советской территории, способствовали достижению общей победы над фашистской Германией.

Примечания

1. Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 (далее — Переписка). Т. I. М. 1986, с. 21.
2. GOLLEY J. Hurricanes over Murmansk. Wellingborough. 1987, p. 12, 46, 87; BEDUMONT J. Comrades in arms. Lnd. 1980, p. 44.
3. RICHARDS D., SAUNDERS H. Royal Air Force 1939—1945. Vol. 2. Lnd. 1954, Vol. 2, p. 78; GOLLEY J. Op. cit., p. 96, 103, 110.
4. Боевая деятельность авиации ВМФ в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945. Ч. 1. М. 1963, с. 83; RICHARDS D., SAUNDER H. Op. cit., p. 79; GOLLEY J. Op. cit., p. 10, 115.
5. РАБКИН И. Г. Время, люди, самолеты. М. 1985, с. 213.
6. RICHARDS D., SAUNDERS H. Op. cit., p. 81.
7. SCHOFIELD E., NESBIT R. C. Arctic airmen. Lnd. 1987, p. 170.
8. RICHARDS D., SAUNDERS H. Op. cit., p. 192—195; MOYLE H. The Hampden file. Lnd. 1989, p. 22.
9. SCHOFIELD E., NESBIT R. C. Op. cit., p. 194—197.
10. MOYLE H. Op. cit., p. 24—25.
11. INFIELD G. The Poltava affair. N. Y. 1973, p. 2; Переписка. Т. 1, с. 84—85; т. 2, с. 31, 41.
12. Боевая деятельность. Ч. 1, с. 59; ТКАЧЕВ А. В. Охота на «Тирпица». М. 1993; КОТЕЛЬНИКОВ В. Р., ХАЗАНОВ Д. Б. Неизвестные «Спитфайры». — Крылья родины, 1992, № 5, с. 36.
13. ПУЗЫРЕВ В. П. Беломорская флотилия в Великой Отечественной войне. М. 1981, с. 96.

Ян Христиан Смэтс — южноафриканский политик и философ

А. С. Ходнев

В конце XIX в. в Европе и Северной Америке были распространены представления о бурах (африканерах) как набожных и невежественных людях, среди которых были распространены расистские идеи. Именно такое мнение составил Марк Твен, познакомившись с их патриархальной жизнью. В подтверждение этого о лидере бурского национального движения П. Крюгере рассказывали анекдоты. Вот один из них. Во время охоты в Южной Африке вокруг костра зашел спор о литературе, кто выше: Шекспир или Гете? Крюгер не принимал участия в разговоре. Когда спросили о его мнении, он ответил, что не читал ни того, ни другого и вообще предпочитает изучать Библию ¹.

Ян Христиан Смэтс не укладывался в рамки шуточного портрета, написанного рукой Марка Твена. Смэтс знал мировую литературу и философию. Если Крюгер, согласно анекдоту, не читал Шекспира, то Смэтс был одним из знатоков творчества великого писателя. Изучение произведений Шекспира было одним из любимых занятий Смэтса. Смэтс был первым буром, снискавшим громкую славу не только в политических, но и академических кругах Великобритании. С ним поддерживали отношения известный исследователь античности и мировой политики Г. Мюррей и молодой историк А. Д. Тойнби, которому Смэтс оказывал помощь в изучении проблем Ближнего Востока ².

Смэтс был сыном Южной Африки, по-своему любившим и понимавшим ее. Белые южноафриканцы высоко ценили вклад Смэтса в историю страны. В 1970 г. в Южно-Африканской республике (ЮАР) был проведен опрос общественного мнения. Белые должны были ответить на вопрос: «Кто являлся самым крупным политическим деятелем Южной Африки после 1910 г.?». 37,6% участников опроса назвали Смэтса, и он занял второе место после премьер-министра ЮАР Х. Фервурда ³.

Ян Христиан Смэтс родился 24 мая 1870 г. в семье Якабуса Абрахама Смэтса, потомка первых голландских переселенцев в Южной Африке. Ферма Смэтсов была расположена в западной части Капской колонии Великобритании неподалеку от местечка Рибеквест. С восьми лет Янни помогал отцу и матери пасти гусей и овец. Он мог бродить по велду часами, изучая следы зверей, наблюдая их поведение. Еще больше привлекал его мир растений, изучение и собирание их станет в будущем его любимым занятием. В велде Смэтс научился находить дорогу ночью по звездам, что пригодилось ему позднее, когда он встал во главе бурского партизанского отряда.

В 1882 г. Янни начал посещать местную школу. С первых месяцев учебы выяснилось, что мальчик обладает хорошей памятью. И в школе, и в университетах Стелленбоса и Кембриджа, где он учился, Смэтс выделялся среди сверстников необычайной серьезностью

Ходнев Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории Ярославского педагогического университета.

и углубленностью в себя. Он почти не участвовал в обычных веселых проделках сокурсников. Английский исследователь К. Ингэм отмечал, что Смэтс ощущал голод на знания, а его память перерабатывала информацию с эффективностью компьютера, «выдавая подчас необычные ответы с удивительной быстротой»⁴. Рассказывали, что уже в зрелом возрасте он любил демонстрировать друзьям свою феноменальную память. Просил кого-либо выбрать книгу из своей богатой библиотеки, зачитать наугад один из абзацев, а дальше точно цитировал следующие страницы по памяти.

Свое образование Смэтс завершил в 1894 г., окончив Кембриджский университет и получив специальность юриста. В 1895 г. он возвратился в Южную Америку. Здесь он женился на африканской девушке Сибилле Криг. Из восьмерых детей, родившихся в семье, двое умерли во время англо-бурской войны. Старший сын, Якоб, скончался от менингита в 1948 году. Смэтсы вырастили четырех дочерей и одного сына.

Последние пять лет XIX в. были временем становления политических взглядов Смэтса. В Южной Африке в это время обострилась борьба между бурами, отстаивавшими независимость своих республик, и сторонниками британской колонизации. Лидером британской колониальной политики был С. Родс. Смэтс увлекся его идеями и поддержал план образования на юге Африки крупной колонии под управлением Великобритании, в которую на основе соглашения вошли бы как прежние владения Британской империи, так и бурские республики. Пожалуй, с этого момента план создания на юге Африки бастиона западной цивилизации в виде государства под управлением белых надолго овладел воображением Смэтса.

Однако мирный путь объединения Южной Африки, поддержанный Смэтсом, был нарушен «набегом Джемсона». На Смэтса эта провокация англичан, подготовленная Родсом, произвела сильное впечатление. Он порывает связи с Родсом, переезжает в Трансвааль и поступает на службу к лидеру буров Крюгеру. Между тем ситуация вокруг бурских республик все более накалялась. 11 октября 1899 г. началась англо-бурская война. Смэтс пошел служить в армию буров и очень скоро проявил незаурядные командные способности. Он прославился на втором, партизанском, этапе войны. В литературе многие страницы посвящены его знаменитым рейдам по тылам английских войск⁵.

Смэтс одним из первых среди буров осознал необходимость заключения мира с Великобританией. Позднее, в 1910 г., в результате компромисса появился британский доминион Южно-Африканский Союз (ЮАС). Смэтс активно участвует в политической жизни: избирается в парламент, становится министром внутренних дел и образования. В правительстве единого ЮАС Смэтс получил портфели трех министерств: внутренних дел, обороны и горнодобывающей промышленности⁶.

Во время первой мировой войны Смэтс во главе британских войск провел успешную кампанию в германской Восточной Африке (Танганьике). Когда в конце 1916 г. Д. Ллойд Джордж создал имперский военный кабинет, Южную Африку представлял в нем Смэтс. Он прибыл в Лондон в марте 1917 года. Два с половиной года, проведенные здесь на завершающем этапе первой мировой войны и в период Версальской мирной конференции, стали для Смэтса временем международного признания. Английское общественное мнение в момент прибытия Смэтса находилось в состоянии депрессии. Сводки с фронтов не приносили победных известий. Германия начала подводную войну. К концу 1917 г. продовольствие в Англии стали распределять по карточкам. Появление на британских островах Смэтса — победителя немецких войск в Африке — вселяло в англичан надежду на успешное завершение войны⁷.

Никто не обратил внимания на то, что кампания в Восточной Африке была непродолжительной и в ней участвовало ограниченное количество отнюдь не самых боеспособных войск Германии. В письмах к жене Смэтс рассказывал, что встретил в Великобритании необычайно теплый прием. Его наперебой приглашали выступать в Эдинбург, Манчестер, Лондон. Кембриджский университет отметил его заслуги почетной докторской степенью. На британскую публику этот человек, прибывший с окраины империи, производил большое впечатление. Англичане не отождествляли его с правительством. Своей неторопливостью и оптимизмом он в тот сложный для Великобритании период вселял во многих чувство уверенности.

Он имел простую внешность, выглядел немного старше своих лет, был похож на провинциального нотариуса или учителя. Феномен Смэтса заключался еще и в том, что он, видимо, одинаково хорошо чувствовал ритм политической жизни и в доминионе, и в метрополии. Он оказался полезной находкой для военного кабинета Ллойда Джорджа. Смэтсу поручали решать самые разные проблемы. Он занимался подготовкой плана создания ВВС для защиты Великобритании от налетов немецкой авиации. По просьбе Ллойда Джорджа Смэтс уладил несколько конфликтов (например, участвовал в переговорах с горняками Уэльса, забастовка которых грозила остановить многие предприятия в решающий момент войны)⁸.

Со времени подписания перемирия в ноябре 1918 г. Смэтс занимался проблемами послевоенного устройства мира. В центре его внимания были проблемы Британской империи. В ходе имперской конференции Смэтс голосовал против предложения индийского делегата С. Састри о предоставлении прав гражданства для индийцев в доминионах. Смэтс твердо придерживался принципа «Белая Южная Африка — превыше всего». В речи на банкете журналистов 14 ноября 1918 г. Смэтс говорил, что старая Европа, старый мир, вышедший из Французской революции, умер. Новый мир рождался, по его мнению, из взаимозависимости и сотрудничества всех стран. Смэтс призывал укреплять и развивать сотрудничество и Британскую империю предпочитал называть Британским содружеством наций⁹.

Анализ выступлений Смэтса осенью 1918 г. показывает, что у него уже тогда имелась теория устройства мира. И хотя его книга «Холизм и эволюция» появилась лишь в 1926 г., основные идеи были продуманы и даже применены им при подготовке плана нового мирового порядка после войны. По мнению Смэтса, миром управлял процесс творческой эволюции — создание новых целостностей. Высшая конкретная форма органической целостности — человеческая личность. Высшая форма организации общества — холистский мир. Этот мир состоит из системы целостностей. Первая для Смэтса холистская целостность в области политики и власти — Южная Африка, объединявшая все владения белых на юге этого континента. Южная Африка являлась частью следующей целостности — Британского содружества наций. Наконец, самая крупная холистская целостность — Лига Наций, мировое объединение государств для поддержания ценностей западноевропейской цивилизации и создания прочной системы Версальского мира. Смэтс всегда считал свою философию холизма не только отвлеченной теорией, но и программой действия¹⁰.

Изложив свои предложения по организации Британского содружества, Смэтс принимается за подготовку брошюры о Лиге Наций. «Практические предложения» были опубликованы 16 декабря 1918 года. Смэтс хотел в этом памфлете помочь сформулировать общественное мнение по наиболее важным вопросам будущей мирной конференции. По его мнению, дискуссия о Лиге Наций проходила в основном среди ученых, далеких от политики. Смэтс же попытался предложить практический рабочий план. Лига Наций должна была, по его мнению, заменить «разрушенные европейские империи и старый европейский порядок». В книге Смэтса содержался 21 пункт предложений к уставу будущей международной организации. Девять пунктов касались судьбы арабских районов бывшей Турецкой империи. Смэтс обратил внимание на различный уровень развития давних территорий и предложил дифференцировать условия будущих мандатов Лиги Наций. Многие народы бывших германских колоний не были подготовлены, по мнению Смэтса, к самостоятельному государственному развитию. Другие были способны лишь к внутренней автономии. Третьи нуждались в общем руководстве внутренней и внешней политикой¹¹.

План Смэтса касался самого деликатного вопроса будущей системы мира: раздела территорий. Несколько ранее, в 1917 г., Смэтс высказался за передачу бывших германских владений в Африке Британской империи. Его волновала безопасность ее коммуникаций. «Везде на ваших коммуникациях,— говорил он, выступая перед членами английского парламента 17 мая 1917 г.,— осела Германия; везде на ваших коммуникациях вы найдете германскую колонию либо селтмент, большой или маленький; может наступить такой день, когда ваши коммуникации будут перерезаны». Для устранения этой опасности Смэтс предлагал передать Британской империи Юго-Западную Африку и немецкие колонии на островах Тихого океана. Он считал, что эти колонии населены туземцами, которые не могут управлять ими самостоятельно. Вместе с тем Смэтс не исключал возможности возвращения какой-то части колоний под управление Германии, если этого хотели бы сами туземные народы¹².

Разнообразные занятия Смэтса в Лондоне не сделали из него кабинетного затворника. Он не избегал и женского общества. Известная общественная деятельница М. Жилет часто приглашала его в свой салон. Здесь Смэтс познакомился с ее сестрой Элис Кларк. Смэтс, по-видимому, очень понравился Элис. Позднее он писал ей длинные дружеские письма, а в долгих разговорах при встречах объяснял свою теорию холизма¹³.

Активная деятельность Смэтса в имперском кабинете была замечена, и его пригласили участвовать в подготовке мирной конференции. Смэтс обсуждал многие деликатные вопросы и выполнял секретные миссии. Ллойд Джордж попросил его во время Парижской мирной конференции совершить поездку в Венгрию, где в марте 1919 г. была провозглашена советская республика. Он отнесся к этой миссии серьезно, ибо считал большевизм разновидностью болезни, причиной которой были страдания и ужасы войны¹⁴. Результаты его поездки не вселили оптимизма в души участников мирной конференции. В Будапеште Смэтс отказался

покинуть вагон своего поезда. Однако лидер революционной Венгрии Бела Кун сам приехал к Смэтсу и на переговорах стремился подчеркнуть интерес к предложениям союзников.

На обратном пути Смэтс наблюдал из окна вагона разруху, царившую в Вене и Праге. В Париже он предложил провести экономическую конференцию с целью возрождения Центральной Европы. Союзники не приняли его рекомендаций. Не были услышаны и другие предложения Смэтса: о сохранении армии в Германии для поддержания порядка, о создании комиссии в Лиге Наций для определения ущерба от войны и суммы репараций. Политики все реже прислушивались к мнению Смэтса. Причина заключалась в том, что у него все большее разочарование вызывали условия Версальского мирного договора.

Смэтс обратился с меморандумом к Ллойд Джорджу и президенту США В. Вильсону, предлагая оказать помощь Европе, особенно Германии, вместо ее расчленения. Ответа на это обращение не последовало. Смэтс поставил все же свою подпись под Версальским мирным договором. Он объяснил это политическими соображениями: нельзя было давать прессе повод говорить о его разногласиях с другими политическими деятелями¹⁵. Его беспокоила также мысль о том, что он может быть исключен из большой политики.

18 июля 1919 г. затянувшееся пребывание Смэтса в Великобритании закончилось и он выехал в Южную Африку. Перед отъездом он опубликовал большое заявление, которое можно рассматривать как его особое мнение при подписании Версальского мирного договора. Смэтс предупредил Великобританию о том, что она не может игнорировать страдания и анархию в Европе без увеличения опасности для себя.

Он предлагал поддержать новое демократическое правительство Германии, если союзники хотели избежать в ней того, что произошло в России и Венгрии. «Не дай Бог относиться к Эберту так, как мы относились к Керенскому и Кароли»,— писал Смэтс. Проблемы России он считал более сложными. Смэтс предлагал снять с России блокаду и проводить политику «дружественного нейтралитета» по отношению к ней. По его мнению, Россия могла быть спасена идеей, вышедшей из недр этой страны, а не привнесенной с Запада. Возможно, лучшее, что подходило России в качестве формы правления взамен царизма, говорил Смэтс, это очищенная советская система. «Будьте терпеливы с больной Россией, дайте ей время и ваше сочувствие, подождите ее выздоровления»,— взывал он к лидерам Западного мира¹⁶.

Так закончился для Смэтса период взлета его международной популярности. Однако не закончилось время его участия в мировой политике и жизни Южной Африки. Впереди были почти три десятилетия активного лидерства в ЮАС, академическое признание его теории холизма, вторая мировая война и получение звания фельдмаршала британской армии, участие в создании ООН. Умер Смэтс 10 сентября 1950 г. спустя несколько месяцев после своего 80-летия.

Примечания

1. ДАВИДСОН А. Б. Сесиль Родс и его время. М. 1984, с. 253—254.
2. Selections from the Smuts Papers (далее — Selections). Vol. 4. Cambridge. 1966, p. 47.
3. LEVER H. The South African Society. Johannesburg. 1978, p. 178—179.
4. INGHAM K. Jan Christian Smuts. Lnd. 1986, p. 2.
5. ARMSTRONG H. C. Grey Steel. J. C. Smuts. Harmondsworth. 1939, p. 70—89; BURBRIDGE F. Field-marshal Smuts. Lnd. 1943, p. 19—25; INGHAM K. Op. cit.
6. См. подробнее ВЯТКИНА Р. Р. Создание Южно-Африканского Союза. М. 1976; BURBRIDGE F. Op. cit., p. 27.
7. CROWE J. H. General Smuts Campaign in East Africa. Lnd. 1918; INGHAM K. Op. cit., p. 89.
8. SLOCOMBE G. A Mirror to Geneva. N. Y. 1970, p. 77—78; BURBRIDGE F. Op. cit., p. 31—32.
9. INGHAM K. Op. cit., r. 89, 90; Selections. Vol. 4, p. 8—9.
10. SMUTS J. C. Holism and Evolution. 3-d Ed. Lnd. 1936, p. 7.
11. SMUTS J. C. The League of Nations. Lnd. 1981, p. 5, 14—17.
12. Selections. Vol. 4, p. 14—15; SMUTS J. C. Plans for a better world.— Speeches of J. C. Smuts. Lnd. 1942; EUJSD. The league of Nations, p. 15.
13. INGHAM K. Op. cit., p. 96.
14. SELECTIONS. Vol. 4, p. 99—100.
15. ARMSTRONG H. C. Op. cit., p. 234—235; Selections. Vol. 4, p. 166; INGHAM K. Op. cit., p. 109; Selections. Vol. 4, p. 247.
16. Selections. Vol. 4, p. 272.

Николай Павлович Грацианский — ученый и педагог

Ю. Ф. Иванов

Николай Павлович Грацианский — известный историк-медиевист, специалист в области раннего и классического средневековья оставил большое научное наследие¹.

Над гробом трагически погибшего ученого часто звучало слово «рыцарь». К Грацианскому оно удивительно подходило. Сама его внешность, открытый лоб, впалые щеки, энергичный подбородок — воссоздавали облик мужественного воина. Рыцарскими чертами отличался и его характер. Честный, принципиальный ученый смело ввязывался в диспуты и дискуссии, на которых твердо отстаивал свои взгляды, не боясь поднимать острые научные проблемы.

Николай Павлович родился 19 сентября (ст. ст.) 1886 г. в небольшом (43 двора) селе Ерлино, расположенном в 14½ верстах от уездного городка Рязанской губернии Скопина. Первыми азами грамотности мальчик овладевал с помощью отца Павла Алексеевича, священника местной церкви. Десяти лет его отдали в Скопинское духовное училище, а затем он продолжил учебу в Рязанской духовной семинарии. Выбор учебного заведения обуславливался не стремлением принять духовный сан, а главным образом тем, что дети церковнослужителей обучались в духовных учебных заведениях бесплатно и даже получали скромное пособие. Для Грацианских это было весьма существенно. Семья сельского священника не принадлежала к числу состоятельных. К тому же надо было растить и обучать трех мальчиков и двух девочек. Чтобы избежать рукоположения в духовный сан Николай окончил семинарию досрочно.

В 1906 г. он поступил на историко-филологический факультет Казанского университета. Специализуясь по всеобщей истории, Грацианский изучал средние века, новую и русскую историю. Кроме того он прослушал несколько вспомогательных курсов — по философии, истории славян, философии и методологии истории, изучал древние и новые языки. Обязательными были и спецкурсы по всеобщей истории. Всего за время учебы ему пришлось держать испытания по 21 предмету, не считая письменных работ. На первом курсе Грацианский написал сочинение «Положение рабочего класса во Франции в XV—XVI столетиях». Через год он подготовил сочинение «Опыт исторической характеристики Марии Антуанетты по ее письмам и мемуарам современников», в котором продемонстрировал умение работать с историческими памятниками, выявлять их тенденциозность.

Увлечение историей средневековья возникло у Грацианского под влиянием проф. В. К. Пискорского, одного из наиболее талантливых учеников И. В. Лучицкого, яркого представителя социально-экономической школы в русской историографии. В 1909 г. Николай Павлович написал «Очерк истории завоевания Прибалтийского края»². Этой темой в свое время занимались и такие известные историки как А. Ф. Гильфердинг, С. И. Павинский, А. И. Лебедев, И. И. Первольф³, которые, однако, вслед за немецкими историками

Иванов Юрий Федорович — кандидат исторических наук, доцент.

с поразительной доверчивостью относились к показаниям хронистов, отражавших точку зрения завоевателей.

Грацианский, на которого огромное впечатление произвела поддержанная Германией австро-венгерская аннексия Боснии и Герцоговины в 1908 г., отнесся к этим источникам критически и усомнился в абсолютной достоверности свидетельств «Хроники Ливонии» Генриха Латвийского, как и хроник Вартберга (XVI в.) и Руссова (XVI в.). Студенческая работа Грацианского была высоко оценена его профессорами. Дальнейшее развитие эта тема в его трудах получила через четверть века.

Основные же интересы студента, как и его учителя — Пискорского, были связаны с социально-экономическими отношениями средневековья. Если в пореформенное время русские медиевисты отдавали предпочтение истории аграрных отношений, то к концу первого десятилетия XX в. они, не отходя от этой проблематики, стали уделять большое внимание и истории средневекового города. Один из зачинателей русской аграрно-исторической школы Д. М. Петрушевский писал Пискорскому в конце 1908 г.: «Сейчас я, между прочим, курсисткам читаю общий курс о средневековом городе. В университете меня очень привлекает мысль когда-нибудь в обработанном виде преподнести свои соображения об этом цикле явлений... написать о городе средневековом книжку общего социологического содержания»⁴. Пискорский сразу же отозвался на новые веяния и предложил своему ближайшему и многообещающему ученику для медального сочинения тему по городской проблематике. Сочинение это было удостоено золотой медали и через год после окончания Грацианским Казанского университета увидело свет в виде книги «Парижские ремесленные цехи в XIII—XIV столетиях» (Казань. 1911).

Книга молодого историка впечатляет прежде всего объемом — около 350 страниц большого формата, обилием использованных источников. Цеховые уставы, распоряжения парижского прево, королевские ордонансы, постановления парламента, картулярии, хроники проанализированы на зрелом профессиональном уровне. Используя столь разнообразные источники и небогатую и к тому же в значительной мере устаревшую литературу, Грацианский воссоздал картину цеховой жизни. Он описал положение учеников, подмастерьев, мастеров, уделив каждой из этих категорий по отдельной главе. Не обошел вниманием он и их отношения между собой. В специальной главе рассматривалась структура цехового управления. Были прослежены принципы обложения цехов податями и другими повинностями. Детали не заслоняли главную идею работы: цеховое устройство — производное от феодальной системы в целом. Этот труд был замечен Н. И. Кареевым; да и спустя 55 лет А. И. Данилов не считал его устаревшим⁵.

Подающего самые блестящие надежды молодого ученого оставили при университете для приготовления к профессорскому званию. На исходе лета 1910 г. его учитель нелепо погиб под колесами товарного поезда. Дальнейшее научное совершенствование Грацианского проходило под руководством проф. М. М. Хвостова, занимавшегося историей античности. Не будучи специалистом по средним векам, он был силен в вопросах методологии и во многом помог Грацианскому в его исследовательской работе. Николай Павлович очень высоко ценил руководство и Пискорского и Хвостова⁶.

Этот период жизни Грацианского был отмечен трудами, которые свидетельствуют, что и его не миновал интерес к аграрным отношениям средневековья. Примером может служить брошюра «Крепостное крестьянство на поместьях аббатства св. Германа в начале IX ст. (по данным Полиптика аббатства Ирминона)» (Харьков. 1913). Теперь ее считают несколько устаревшей. Другая же работа, относящаяся к тому периоду, выдержала испытание временем. Имеется в виду подготовленное Грацианским издание «Салической правды». Этот важный исторический документ переводил на русский язык Д. Н. Егоров, но его перевод имел погрешности, а главное был фрагментарным. Первые, черновые наброски своего толкования этого источника успел сделать и Пискорский⁷. Грацианский взялся за это же дело со всем рвением молодости. Его перевод и комментарии к этому столь сложному источнику представляли собой подлинно научное исследование. Грацианский прекрасно справился с задачей истолкования понятий, содержащихся в варварских правдах. Его перевод до сих пор не превзойден и им широко пользуется не одно поколение студентов и начинающих ученых⁸.

Сам же Николай Павлович по мере проникновения в изучаемую им эпоху, все более критически относился к своей ранней работе. В последние годы жизни он подготовил новую публикацию «Салической правды» и ряда других памятников, относящихся к эпохе перехода от общинного строя к феодализму. Новый сборник источников предполагал выпустить сектор истории средних веков Института истории АН СССР. Это должно было быть солидное

научное издание, в котором бы учитывались все достижения европейских историков в этой области. Однако в условиях войны это издание так и не удалось осуществить. После смерти Грацианского коллеги вновь поднимали вопрос об издании подготовленной им рукописи, но успеха не имели. Тем временем развернулась кампания борьбы «против низкопоклонства и раболепия перед Западом». Руководство Института истории решило не рисковать. Доводы были следующие: тема далека от современности, слишком много ссылок на иностранную литературу, да и сам автор (Грацианский) «мало сведущ» в марксизме.

В 1914 г. Грацианский выдержал магистерские экзамены. Чтобы претендовать на приват-доцентуру, он был обязан прочитать две пробные лекции в присутствии членов факультета. Тему первой — «Средневековое поместье в Англии и Франции» ему указали, вторую — «Первый крестовый поход в историографии» избрал он сам. Обе темы, скажем прямо, не из простых. Но молодой ученый хорошо знал английскую литературу, внимательно следил за работами П. Г. Виноградова и успешно справился со сравнительной характеристикой английского и французского поместий. Обе лекции были признаны «весьма удовлетворительными».

Николай Павлович пробыл в должности приват-доцента до Октябрьской революции. После 1917 г., когда приват-доцентуру отменили, он стал профессором. Зарботки приват-доцентов были мизерными и платили им в конце учебного года из остаточных сумм. Работали они в этой должности не за деньги, а потому что приват-доцентура была ступенькой к профессорскому званию и давала выслугу лет при выходе на пенсию. Кроме того, приват-доценты имели право на заграничную командировку за казенный счет. А таковая Грацианскому была необходима. Он уже серьезно заинтересовался историей крестьянства на землях расположенного в Бургундии Ключийского аббатства и надеялся поработать в местных архивах. Командировку ему предоставили, и Николай Павлович начал к ней тщательно готовиться, в частности, усиленно практиковаться в разговорной французской речи. Однако осуществить поездку ему не удалось. Разразилась первая мировая война, а затем началась гражданская.

В 20-е годы началась полоса «преобразований» в высшей школе, предпринятых А. В. Луначарским и М. Н. Покровским. Взамен историко-филологических факультетов учредили факультеты общественных наук, соответственно поменялись учебные планы и программы. Одно время обучающиеся на этих факультетах должны были изучать общую биологию, основы дарвинизма и т. п. Считалось, что без этих предметов нельзя подготовить убежденных материалистов. Особенно большие потери понесло преподавание истории средних веков: часы, отводимые на нее неизменно сокращались. Затем факультет общественных наук (ФОН) в Казанском университете и вовсе прикрыли. Грацианскому ничего не оставалось, как в 1922 г. перебраться из Казани в столицу.

Попасть в Московский университет не было возможности: перестройка там шла полным ходом. ФОН заменили гуманитарным, а затем этнологическим факультетом, где исторические дисциплины были сведены к минимуму. Зато Грацианского приняли в действительно научное учреждение — Институт истории, входивший в состав Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). Директор — Д. М. Петрушевский собрал в нем цвет исторической науки: Е. А. Косминского, А. Н. Савина, А. И. Неусыхина, Б. Ф. Поршнева, В. Ф. Семенова, А. С. Самойло и др. Пребывание в столь сильном коллективе с таким авторитетным руководителем было для Грацианского чрезвычайно благотворным. После смерти Петрушевского говорили, что Грацианский чем-то напоминает его. По словам близко знавшего обоих Косминского, «в его характере, в его методе исследования, в его педагогических приемах было очень много близкого к приемам Д. М. Петрушевского»⁹.

Однако с РАНИОН и ее Институтом истории не все было гладко. Покровский высокомерно заявлял: «Мы создали все эти институты и поддерживали их совсем не для того, чтобы самим в них работать, а чтобы при помощи их заставить буржуазных профессоров на нас работать»¹⁰. Наркомпрос относился к Институту истории с величайшей подозрительностью, его сотрудникам платили вдвое меньше, чем в Коммунистической академии. Грацианский, например, выбранный и утвержденный в 1923 г. действительным членом Института, получал в два раза меньше научных сотрудников Коммунистической академии. Прожить помогало совместительство. В 1925 г. Николай Павлович в одном из писем так сообщал: «Благодаря Д. М. Петрушевскому, устроился я во 2-м университете (бывшие женские курсы) и в исследовательском институте. Кроме того, езжу в Тверь, где читаю лекции в Высшем педагогическом институте. Совсем нет времени для своих научных занятий, хотя не оставляю мысль кончить свою большую работу по истории землевладения в Бургундии в X—XII вв.»¹¹.

Секция средневековой истории Института истории наметила изучение аграрного и городского строя Западной Европы в качестве одной из основных тем. Грацианскому поручили проанализировать и критически оценить взгляды проф. Венского университета А. Допша на экономическое и культурное состояние средневековья. Николай Павлович еще в Казани заинтересовался работами этого историка и теперь с увлечением продолжил исследование, выявив научную недостоверность приемов Допша при истолковании им ряда исторических памятников. Критические возражения Грацианского Допшу строились не на абстрактно-теоретических умозаключениях, а на основе тщательного анализа источников, в частности «Капитулярия о поместьях»¹².

Научные заслуги Грацианского, вскрывавшего слабые места в толковании памятников раннего феодализма венским профессором и опровергнувшего тезис Допша о том, что крупное землевладение на востоке Европы не играло той роли в процессах закрепощения, какую ему обычно приписывают, были подтверждены Неусыхиним, который писал, что Грацианский в статьях о Допше обнаружил «большое искусство, подлинное мастерство и совершенство исторического изложения»¹³.

Между тем Покровский не хотел больше мириться с существованием Института истории как научного учреждения. Спокойный академический тон издаваемых институтом трудов, возмущал Покровского, который считал это «переупрощенчеством» или даже „маскировкой“, применяемой буржуазными специалистами, пытающимися подделаться под якобы социалистические формы. Открывший «классовую борьбу на историческом фронте» Покровский на одном из пленумов Коммунистической академии снова вернулся к РАНИОН'у: «Там никакой научной работы не ведется, а процветает узколобое школярство»¹⁴. С целью развала Института истории началась травля Петрушевского¹⁵. 6 февраля 1928 г. в газете «Вечерняя Москва» появилась явно инспирированная статья «В чем дело? Как подготавливается научная смена (за кулисами РАНИОНА)». Скрывшийся под псевдонимом автор, писал, что в Институте истории «произнести имя Маркса считается неприличным». 17 марта 1929 г. «Правда» поместила хлесткую статью Покровского «О научно-исследовательской работе историков», в которой утверждалось, что Институт истории РАНИОН'а вообще не нужен. Буквально через несколько дней состоялось решение ликвидировать РАНИОН с 1 сентября 1929 года.

Что это означало для Грацианского? Прежде всего была утрачена возможность спокойной исследовательской работы в коллективе со столь благоприятным для творческой работы климатом. Откладывалось на неопределенное время печатание уже завершенной монографии о бургундской деревне. Но прежде всего очень остро встал вопрос о трудоустройстве. Институт истории, образованный при Комакадемии, комплектовался из коммунистов, получивших образование в Институте красной профессуры. Секции истории древнего мира и средних веков в нем вообще отсутствовали. Грацианский метался из одного технического вуза в другой. До 1934 г. он перебивался ничтожными заработками в геолого-разведочном, механико-машиностроительном институтах, в институте железнодорожного транспорта и других высших учебных заведениях, читая везде, где только мог, подготовленные им курсы по истории техники.

В 1934 г. вышло известное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР». Начали возрождаться исторические факультеты. Историческая наука восстанавливалась в своих правах. Историки-специалисты воспрянули духом. Документ еще только готовился и общественность знакомилась с его наметками, а Грацианский делился с Петрушевским впечатлениями от доклада А. Д. Удальцова о типе учебника по средним векам: «оказывается теперь приказано считать и именовать средними веками весь период времени с падения Рим[ской] Империи до Вел[икой] Фр[анцузской] революции. Это, очевидно, компенсация за те гонения, которые ср[едние] в[ека] испытали. Надеюсь, что Ваше настроение улучшилось»¹⁶. Так и не смирившийся с командно-административными методами руководства наукой Грацианский радовался предстоящим переменам.

Он получил возможность возвратиться к преподаванию излюбленного предмета. Его утвердили заведующим кафедрами истории средних веков сразу в двух местах: в Московском государственном пединституте и Московском городском пединституте им. К. Либкнехта. Уговорили его также читать лекции в Московском государственном институте истории, философии и литературы (МИФЛИ). Институт истории материальной культуры в конце 1935 г. представил Грацианского к степени доктора исторических наук. Отзыв для этого представления составил Петрушевский. В 1936 г. Николай Павлович стал научным сотрудником только что организованного Института истории АН СССР.

Годом ранее ученый опубликовал сборник документов о французской средневековой

деревне: «Французская деревня в XII—XIV вв. и Жакерия» (М.-Л. 1935). Но самым радостным для него был выход в свет давно подготовленной книги «Бургундская деревня в X—XII столетиях» (М.-Л. 1935). В ней автор установил многообразие переходных социальных форм, что не укладывалось в примитивную формационную схему. Такое «вольнодумство» Грацианскому не простили. Работе было предпослано пространное редакционное предисловие, в котором ученому приписывали близость к буржуазным историкам — Фюстелю де Куланжу и Допшу (тому самому, которого Грацианский подвергал критике), а также и отход от «основополагающих» указаний Ф. Энгельса. К счастью, «оргвыводы» не последовали и все ограничилось несколькими аннотациями, пережевывавшими «идеи» предисловия. Позднее О. Л. Вайнштейн обобщил и углубил эти псевдокритические экзерсисы¹⁷. Он даже поставил в вину автору то, что ряд положений его монографии продолжил и развил талантливый французский исследователь А. Делеаж. Лишь совсем недавно было признано, что труд Грацианского — это образец подлинного научного исследования, принадлежащий к фонду классических работ по истории аграрных отношений в феодальной Европе¹⁸.

В предвоенные годы полностью раскрылся талант Грацианского-педагога. К сожалению, сведения о его преподавательской деятельности очень скудны. Между тем известно, что уже в самом начале своей университетской карьеры он проявил незаурядные способности вузовского педагога. В. Ф. Семенов говорил: «Я помню учился у него в качестве участника его семинара в 1919—1920 гг. в Казани, во время гражданской войны. Практические семинарские занятия составляли для нас истинное удовольствие. Только там я почувствовал, что такое источник, как к нему подходить». Рассказывая автору этих строк о тех годах, Семенов поведал, что прежде чем принять в свой семинар Грацианский подвел его к книжной полке, снял с нее томик, содержащий какую-то латинскую хронику и предложил прочитать и перевести страницу. Только после этого Семенов был допущен к занятиям.

Работая в пединститутах, Грацианский конечно не мог придерживаться столь жестких условий отбора из-за слабой языковой подготовки студентов. Но и здесь он настойчиво добивался, чтобы его практические занятия не превращались в простые репетитории, когда преподаватель задает вопросы, а студент отвечает заученное, без самостоятельного анализа. Не случайно Грацианский принял участие в издании хрестоматий и тематических сборников документов. Но взявшись за преподавание в Московском университете, он требовал от студентов знания источников в оригинале. В его семинаре приобретались навыки настоящего научного исследования. Выступая с докладом или участвуя в прениях, студенты не могли ограничиваться общими рассуждениями.

Николай Павлович добивался от них документального подкрепления каждого тезиса. Он учил их скрупулезному источниковедческому анализу («вот что лежало в основе его преподавания» — заметил Ю. Я. Корохов)¹⁹. Непродуманные и легковесные суждения Грацианским мгновенно и остро обрывались, а виновный безжалостно уличался в незнании соответствующих источников или неправильном толковании разбираемого текста. Следя за мучительными попытками неопытного студента перевести латинский текст, Грацианский лишь в самой тупиковой ситуации приходил ему на помощь, подсказывая необходимое слово, «и вся телега сложного перевода вдруг выбиралась на нужную дорогу»²⁰.

Прекрасное знание предмета, владение тончайшими нюансами русской речи, такт и требовательность делали Грацианского, по словам Косминского, «великолепным педагогом, педагогом, который предъявлял строжайшие требования к своим ученикам и никогда их не снижал. Вместе с тем он проявлял и исключительное внимание к своим ученикам, обнаруживал и совершенно исключительную заботливость о них»²¹. Своим увлечением историей средних веков профессор заражал студентов. Вот своеобразный показатель этого: в 30-е — первой половине 40-х годов выпускники пединститутов могли на госэкзаменах сдавать по выбору любой раздел всемирной истории. Большинство выбирало историю средних веков, хотя Грацианский не отличался либерализмом. Не случайно он постоянно назначался председателем государственной экзаменационной комиссии и строго выполнял свои обязанности. Его ученики Б. А. Каменецкий и Б. И. Рыськин рассказывали мне, что однажды в городском пединституте провели госэкзамен в отсутствие председателя. Грацианский отказался подписать протокол экзамена и настоял на переэкзаменовке.

Примечательным явлением в истории советской медиэвистики стал двухтомный курс лекций Грацианского «Средние века», изданный (на правах рукописи) в 1939 году. Некоторые главы этого пособия были написаны автором непосредственно по источникам, другие с использованием широкого круга русской и иностранной литературы. Исторические факты и события описывались красочно, с подлинным художественным талантом. Выразительными были характеристики исторических деятелей. Пособие не грешило обилием исторических

дат. При объяснении трудных проблем, например, связанных с процессами феодализации, автор прибегал к сравнительно-историческому методу: проводил параллели между малоизученными в то время раннесредневековыми Польшей и Чехией, с одной стороны, и хорошо известным историкам государством Меровингов и Каролингов, с другой. Курс Грацианского побуждал к дальнейшему самостоятельному изучению эпохи. Он выгодно отличался от вышедшего годом ранее официального учебника ²².

Нельзя не учитывать и того, что курс Грацианского был издан не совсем в том виде, как он был задуман и написан. Над рукописью была проделана идеологическая экзекуция. В феврале 1939 г. Грацианский сообщил Петрушевскому: «Спешно сдаю в печать (на правах рукописи) стенограмму своих лекций по истории ср[едних] в[еков] в педа[гогическом] ин[ституте] на Девичьем поле. Редактор оснащает их некоторыми цитатами из «Хронологических выписок» и других сочинений». Грацианский же относился к марксовым «Хронологическим выпискам» без должного пиетета. «Я сейчас просматриваю «Хронологические выписки» Маркса, о которых Е. А. Косминский написал восторженный отзыв в «Пролетарской революции» № 1. У Маркса имеется много очень резких эпитетов, которые он применяет к разным историческим деятелям. Многие из них очень бы подошли многим нашим общим знакомым по Институту истории». Грацианский всегда презирал верхояздов и конъюнктурщиков, готовых в любой момент отказываться от своих взглядов и отмежевываться от своих учителей. Недаром Удальцова Грацианский, вслед за Пертушевским именовал «Искаротом».

Поразительно то мастерство, с каким Грацианский делал научные доклады. Косминский вспоминал: «Каждый его доклад был образцом отделки, точности, ясности. Прежде всего поражало его исключительное знание источников и исключительная тонкость и глубина источниковедческой критики» ²³. А. Е. Москаленко отметил, что слушателей Грацианского поражала его удивительная память. Текст выступления всегда им записывался, но докладчик никогда не смотрел в написанное и даже не держал приготовленную рукопись перед собой. «Николай Павлович дословно его произносил с характерным для него причмокиванием, но с большой экспрессией и выразительностью» ²⁴. Особенность устной речи Грацианского сохранилась в недавно обнаруженной мною стенограмме его лекции «Вотчинная теория в историографии», которая была прочитана 10 ноября 1934 года. Она представляет собой образец лекторского мастерства. В ней проанализировано сочетание факторов, вызвавших возникновение этой теории и повлиявших на ее дальнейшую трансформацию в разное время, в разных странах. Дана убедительная критика взглядов приверженцев вотчинной теории и показана роль, которую она сыграла в деле изучения социальной истории средневековья.

Грацианский всегда испытывал настоятельную потребность делиться с коллегами результатами своих исследований, выслушивать их замечания, подтверждающие или, напротив, опровергающие его построения. Последний доклад Грацианского был сделан им за два дня до гибели — 2 ноября 1945 г. на объединенном заседании двух секторов Института истории: истории средних веков и славяноведения. Ученый изложил историю крестового похода против славян в 1147 году. Он нарисовал яркую картину борьбы славянских народов с германской агрессией под руководством князя Никлота. Грацианский первым в историографии попытался разобраться в стратегии и тактике рыцарей и противостоявших им славян. Этот доклад был опубликован посмертно ²⁵.

Николай Павлович являлся превосходным полемистом, весьма опасным для его оппонентов. Он смело вскрывал слабые позиции и затем скупыми, но абсолютно точными выражениями наносил по ним неотразимые удары. Современникам Грацианского особенно запомнилось его выступление на обсуждении и университете первого тома вузовского учебника по истории средних веков, вызвавшего недовольство студентов. Прискорбно, что при переезде исторического факультета в здание на Воробьевых горах, были утрачены многие важные документы и среди них стенограмма заседания кафедры истории средних веков с речью Грацианского. Заседание это проходило бурно. Накал страстей отразился в письме Петрушевскому, где он сообщает, что не столько критиковал разделы, принадлежащие перу Удальцова, сколько главы, написанные Вайнштейном, которого характеризуют как «невежественного молодца из Ленинграда. Постановили выписать его сюда, чтобы он мог мне ответить. Предстоит, следовательно, мне своего рода очная ставка» ²⁶.

Молва об остром принципиальном выступлении Грацианского распространилась в научных кругах очень быстро, поскольку оно было не совсем обычным. Петрушевский гораздо раньше, чем ему сообщил о заседании Николай Павлович, писал О. А. Добиаш-Рождественской: «Было, говорят, оч[ень] горячее обсуждение учебника по ист[ории] ср[едних] в[еков]...

и на нем выступил с оч-чень энергичной и большой речью Н. П. Грацианский». «В Николае Павловиче чувствовался характер, чувствовалась настоящая сила, которая заставляла себя уважать», — вспоминал Косминский ²⁷. После этого выступления Грацианского пригласили на кафедру истории средних веков Маковского университета для усиления ее состава. А последующие издания учебника выходили со значительными переделками, при измененном составе авторов и редакторов.

В конце 30-х годов обстановка в Европе настоятельно требовала исследования славяноведческих сюжетов. Фашиствующие ученые Германии включились в кампанию идеологического оправдания экспансионистских устремлений гитлеровского рейха, пытаясь представить славянские народы лишенными созидательного начала. В советской историографии начался поворот в сторону изучения славянства и одновременно обращалось внимание на развертывание контрпропаганды. Начавшийся процесс сдерживал заключенный в 1939 году пакт Молотова — Риббентропа. Кроме того выявилось катастрофическое отсутствие специалистов. Сказывались годы репрессий и предыдущее пренебрежение славистикой.

За разработку славянской проблематики взялось несколько ученых. Среди них был и Грацианский. Необыкновенно широкая эрудиция позволяла ему свободно ориентироваться в новой сфере научных интересов. В 1938 г. появилась статья Грацианского о борьбе славянских народов в Прибалтике ²⁸. С этого времени и до самой смерти он продолжал изучать историю славянского отпора западной агрессии. Знакомясь с новинками немецкой историографии, ученый не мог оставить без ответа ее антиславянскую направленность. Критика взглядов фашистских историков воплотилась в специальном труде, в котором разоблачалась фальсифицированная история «Дранг нах Остен» ²⁹.

В годы войны Грацианский остался единственным в прифронтовой Москве медиэвистом столь высокой квалификации и потому его основательно загрузили педагогической работой. Его не волновали жизненные неудобства. Во время самых интенсивных бомбежек города в 1941 г. ученый не укрывался в убежище и занимался переводами средневековых поэтов. В декабре 1942 г. он писал Москаленко: «Мы живем хорошо, занятия идут нормально. Снова началась работа в Академии, словом все настраивается на старый лад. Скорее бы разделаться с немцами и опять возвращаться всем к мирной работе» ³⁰.

Он продолжал заниматься начатой темой и уже к концу 1942 г. ожидал появления своей книги «Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века». Однако судьба этой обширной монографии оказалась неудачной. По разным обстоятельствам, в том числе и в связи с трудностями военного времени, в частности, нехваткой бумаги, издательство Академии наук отказалось от этой рукописи. В Учпедгизе ее согласились взять, но потребовали значительного сокращения текста и ликвидации ценнейшего справочного аппарата. В таком урезанном, изуродованном виде книга и увидела свет ³¹, но и в таком виде произвела большое впечатление на читателей обилием использованных источников и исчерпывающим анализом литературы. В. И. Пичета дал книге высокую оценку: «Но если даже читать с этими большими сокращениями его работу, то она сама по себе представляет огромную ценность и является выдающимся исследованием».

Славянская тема становится доминирующей в творческих планах Грацианского. Показательно в этом отношении его письмо Неусыхину, отосланное весной 1943 года: «Я недавно делал доклад «Славянское царство Само», подвергнув в этом докладе тщательной критике известия Фредегара о Само. В прениях выступил Неудлы, обнаруживший очень большие познания по этому вопросу... Если серьезно задумают издавать сборник в честь Дм[итрия] Моисеевича [Петрушевского], я, вероятно, предложу статью «Карл В[еликий] и славяне». Как видите, я склоняюсь к славянству. Считаю, что при отсутствии книг и журналов, по средневековью трудно написать что-либо интересное, по славянству же можно» ³².

Казалось бы внимание Грацианского к истории государства Само (VII в.) ни хронологически, ни тематически не связано с предыдущими интересами ученого. На самом же деле такая связь существовала. Грацианский надеялся показать, как повлияли социально-экономические процессы на развитие славянского общества, объяснить, почему у славян к началу немецкой агрессии не сложилось прочной государственности.

После долгого обдумывания Николай Павлович приступил к написанию монографии о Велико-Моравской державе. В журнале появился отрывок о Константине и Мефодии, в котором их деятельность прослеживалась им на широком фоне международных отношений ³³. Автор привлек массу разнообразного материала, который позволил ему выяснить основные направления политики великоморавских князей, проследить отношения между папской курией, франкской державой, Византией, Болгарским государством, влияние этих факторов на расстановку политических сил внутри Великой Моравии.

К сожалению эта статья была напечатана в журнальном варианте, т. е. со значительными сокращениями. Это отметил Пичета в своем выступлении на траурном заседании ученого совета Института истории АН СССР, истфаков МГУ и МГПИ им. Ленина, посвященного памяти Н. П. Грацианского: «Целый ряд очень интересных деталей был выкинут потому, что статья была очень большая по размерам. Но я надеюсь, что когда будет напечатана вся его работа «Велико-Моравская держава», то и его глава о Константине и Мефодии, которая представляет собою пересмотр всего этого вопроса, займет свое место как весьма видное и интересное исследование»³⁴. Пожелание Пичеты так и не осуществилось. Причины были те же, по которым не увидело свет новое научное издание «Салической правды».

Конечно и Грацианскому не удалось избежать определенной политизации истории. Он явно преувеличил роль смоленских полков в Грюнвальдской битве. Чисто политическими мотивами обуславливалась его попытка, опираясь на единственный источник, определить этническую принадлежность Само — основателя объединения, ядром которого были Моравия и Западная Словакия. Спорным остается вопрос о характере этого объединения. Грацианский, поддержанный Пичетой, считал его союзом племен. Позднее стали называть его государственным образованием³⁵. Подтвердить или опровергнуть ни то, ни другое мнение без убедительных археологических данных невозможно. Но что бы не говорили о славянских штудиях Грацианского, думается, они положили начало многим исследовательским направлениям в этой области. Большинство его трудов как по истории Западной Европы, так и по славянству — до сих пор научно состоятельны и сохраняют, говоря словами Неусыхина, «и свежесть и новизну мысли»³⁶.

Николай Павлович жил в трагическую пору. Он на себе испытал идеологический пресс и ему внутренне сопротивлялся. Чудом избежав в 1922 г. «знакомства» с казанским ГПУ, он понимал всю нелепость обвинений и несправедливость репрессий, которые нынешняя публицистика объединяет термином «тридцать седьмой год». Мы располагаем свидетельством о том, что Грацианский старался помочь пострадавшим. В июле 1934 г. у него побывал возвращавшийся из ссылки преподаватель Ташкентского университета Д. С. Граменицкий. Естественно, что он беспокоился: возьмут или нет его на работу. Действительно, университет ему отказал. С трудом удалось устроиться в пединститут. И тут Граменицкий получил телеграмму из Казани с приглашением преподавать средние века в пединституте по рекомендации Грацианского. «Очень тронула меня такая любезность со стороны Н. П.» — сообщил адресат Петрушевскому.

Граменицкий писал ему о своей беседе с Грацианским: «очень удовлетворен темой беседы с ним и чего это я стеснялся раньше зайти к нему? Он мне сообщил кое-что о делах вновь открытого исторического факультета и между прочим упомянул о тяжелом положении кафедры древней истории, которую некому «предложить». Без Г. М. Пр.— так признали все, не устроить этой кафедры,— сказал мне Н. П.— И вот, когда такая нужда в Г. М., он бесполезно пропадает в глуши Сибири»³⁷. Собеседники говорили о Г. М. Пригоровском и о кафедре Московского университета, где с преподаванием истории древнего Востока творилось нечто невообразимое³⁸, и строили планы извлечения Пригоровского из Нарымского края под предлогом его незаменимости. И хотя эта попытка оказалась безнадежной, сама она очень показательна. Известно, что в квартире Грацианского на несколько лет нашел себе приют виднейший славист А. М. Селищев, лишившийся из-за ареста жилья.

Жизнь ученого оборвалась трагически. 4 ноября 1945 г. на подмосковной дороге, ведущей к даче, его ждала засада. Первый выстрел убийца произвел с расстояния десяти шагов, второй — в упор. Деньги, вещи не тронул. По Москве ходили разные версии случившегося. Следствие оказалось безрезультатным.

Н. П. Грацианский принадлежал к тем ученым, которые вкупе с А. И. Неусыхиным, С. Д. Сказкиным и другими противодействовали тем, кто стремился уложить историю в прокрустово ложе жестко детерминированных схем. Особой заслугой Грацианского явилось и то, что он вместе с Пичетой и Неудлы воссоздавали в нашей стране славяноведение, которое после 1917 г. подверглось дискриминации. Как ученый и носитель высоких нравственных традиций, присущих передовой части русской интеллигенции, Грацианский привлекал к себе немало молодых исследователей. Из его школы вышли А. Р. Корсунский, А. Э. Штекли, Ю. А. Корохов, А. П. Левандовский, А. А. Кириллова, В. А. Немировский, Б. А. Каменецкий, Н. И. Запорожец, Б. И. Рыськин, Б. Б. Пыхтеев, О. Г. Чайковская. К ученому тяготели студенты В. Д. Королюк, Г. Э. Санчук, А. Е. Москаленко, ставшие впоследствии видными славистами. Курсом лекции Грацианского, хрестоматиями, которые создавал он совместно со Сказкиным, другими учебными пособиями пользовались и пользуются тысячи учителей истории.

Главной же заслугой Грацианского — медиевиста являлось то, что он отказался от

устоявшегося в западноевропейской науке статистического исследования бургундских грамот X—XII вв., как не позволяющего дать достаточно достоверную картину распределения земельной собственности, и разработал свой оригинальный метод их качественного анализа, благодаря которому удалось выяснить многие вопросы, а в конечном итоге показать разнообразие форм перехода от римского общества к феодальному. Его метод получил признание и им широко пользуются историки, занимающиеся аграрными отношениями средневековья. Это — лучший памятник Николаю Павловичу Грацианскому.

Примечания

1. Их перечень см.: МОСКАЛЕНКО А. Е. Николай Павлович Грацианский (1886—1945) — Средние века (далее СВ). Вып. 40. 1976. См. также: ГУТНОВА Е. В., МИЛЬСКАЯ Л. Т. Жизненный и творческий путь профессора Николая Павловича Грацианского (1886—1945).— СВ. Вып. 52. М. 1988; ГРАЦИАНСКИЙ Н. П. Из социально-экономической истории западноевропейского средневековья. М. 1960.
2. Дочь Николая Павловича Н. Н. Грацианская передала сочинение отца Москаленко, по смерти которого рукопись оказалась в Архиве МГУ (Фонд А. Е. Москаленко, не разобран). Подробный анализ этого сочинения, как и других славистических трудов Н. П. Грацианского см.: МОСКАЛЕНКО А. Е. Н. П. Грацианский как историк-славист.— Советское славяноведение, 1972, № 1.
3. См. ЛАПТЕВА Л. П. Проблема германизации полабских и балтийских славян в русской дореволюционной историографии.— Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография. М. 1966.
4. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), ф. 604, карт. 14, д. 38, лл. 32 об — 33.
5. См. КАРЕЕВ Н. И. Еще о новых русских работах по французской истории.— Вестник Европы, 1911, № 11; ДАНИЛОВ А. И., НЕУСЫХИН А. И. Н. П. Грацианский как историк-медиевист. В кн.: ГРАЦИАНСКИЙ Н. П. Ук. соч., с. 10, 12.
6. ГРАЦИАНСКИЙ Н. П. Памяти М. М. Хвостова.— Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. 31, вып. 2. Казань. 1921, с. 103.
7. Сборник законодательных памятников древнего западноевропейского права. Вып. I. Киев. 1906; см. также. МОСКАЛЕНКО А. Е. Рукопись перевода «Салической правды» из архива В. К. Пискорского.— Европа в средние века: экономика, политика, культура. М. 1972.
8. Салическая правда. Пер. Н. П. Грацианского и А. Г. Муравьева. Казань. 1913; Салическая правда. М. 1950.
9. Архив Российской АН, ф. 1577, оп. 2, д. 109, л. 33.
10. ЛУКИН Н. М. Памяти Михаила Николаевича Покровского.— Вестник Коммунистической академии. 1932, № 4—5, с. 51.
11. Архив РАН (СПБ), ф. 825, оп. 2, д. 61, л. 1.
12. ГРАЦИАНСКИЙ Н. П. К критике *Capitulare de villis*.— Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те. Т. XXX, вып. 2. Казань. 1913; его же. *Traditiones* Каролингской эпохи в освещении Допша.— Труды Института истории РАНИОН. Вып. I. М. 1926.
13. НЕУСЫХИН А. Н. П. Грацианский как историк средних веков.— Вопросы истории, 1946, № 7, с. 100.
14. ЛУКИН Н. М. Ук. соч., с. 51.
15. Диспут о книге Д. М. Петрушевского.— Историк-марксист (далее ИМ), 1928, т. 8.
16. Архив РАН, ф. 493, оп. 3, д. 52, л. 7.
17. ВАЙНШТЕЙН О. Л. История советской медиевистики, 1917—1967. Л. 1968, с. 97—99.
18. ГУТНОВА Е. В., МИЛЬСКАЯ Л. Т. Ук. соч., с. 289—291.
19. Архив РАН, ф. 1577, оп. 2, д. 109, л. 36об, 41.
20. ГУТНОВА Е. В., МИЛЬСКАЯ Л. Т. Ук. соч., с. 288.
21. Архив РАН, ф. 1577, оп. 2, д. 109, л. 32об.
22. История средних веков. Т. I. М.-Л. 1938.
23. Архив РАН, ф. 493, оп. 3, д. 109, л. 32; ф. 1577, оп. 2, д. 109, л. 32.
24. МОСКАЛЕНКО А. Е. Н. П. Грацианский как историк-славист., с. 69.
25. ГРАЦИАНСКИЙ Н. П. Крестовый поход 1147 г. против славян и его результаты.— ВИ, 1946, № 2—3.
26. Архив РАН, ф. 493, оп. 3, д. 50, л. 20об.
27. Архив РАН, ф. 1577, оп. 2, д. 109, л. 32.
28. ГРАЦИАНСКИЙ Н. П. Немецкая агрессия в Прибалтике в XIII—XV веках.—ИМ, 1938, № 6.
29. ГРАЦИАНСКИЙ Н. П. Немецкий *Drang nach Osten* в фашистской историографии.— Против фашистской фальсификации истории. М.-Л. 1939.
30. Архив МГУ (Фонд А. Е. Москаленко).

31. ГРАЦИАНСКИЙ Н. П. Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века. М. 1943; Архив РАН, ф. 359, оп. 2, д. 206.
32. Архив РАН, ф. 1577, оп. 2, д. 109, л. 12; ф. 1634, оп. 1, д. 259, л. 12. Упомянутые в письме опубликованные работы: ГРАЦИАНСКИЙ Н. П. Славянское царство Само (К критике известий хроники Фредегара).— Исторический журнал (далее — ИЖ), 1943, № 5—6; е го же. Карл Великий и славяне.— Там же, 1945, № 3.
33. ГРАЦИАНСКИЙ Н. П. Деятельность Константина и Мефодия в Великоморавском княжестве.— ИЖ, 1945, № 1.
34. Архив РАН, ф. 1577, оп. 2, д. 109, л. 29.
35. История Чехии. М. 1947, с. 7—8; История Чехословакии. Т. I. М. 1956, с. 50.
36. ДАНИЛОВ А. И., НЕУСЫХИН А. И. Ук. соч., с. 47.
37. Архив РАН, ф. 493, оп. 3, д. 51, л. 8, 17.
38. См. ГУТНОВА Е. В. На истфаке.— Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1993, № 6, с. 67.

История политических партий России. М. Высшая школа. 1994. 448 с.

В современной обстановке история политических партий и движений России конца XIX — первых десятилетий XX в. приобретает особый интерес. Рецензируемая книга — плод трудов большого авторского коллектива — является учебным пособием. В этой коллективной монографии на основе широкого круга источников, в том числе и ранее недоступных архивных материалов, воссоздается обобщающая история наиболее значительных российских политических организаций, охарактеризованы их программы и деятельность.

Авторы стремятся освободиться от прежних идейно-политических стереотипов в их оценке и показать реальную и, как правило, весьма трагичную историю этих партий, отказавшись от традиционного «привязывания» деятельности различных партий к-истории КПСС. Они стремятся дать наиболее полные сведения о каждой из политических партий — с момента их возникновения до исчезновения с политической арены. В книге даны запоминающиеся портреты лидеров политических партий.

А. И. Зевелев и Ю. П. Свириденко рассматривают эволюцию понятия «политическая партия», периодизацию истории партий, а также дооктябрьскую, советскую и современную историографию этой темы. С. В. Тютюкин рассмотрел особенности становления партийно-политической системы в России. Особая глава посвящена им деятельности меньшевистских организаций. Он сопоставляет исторические судьбы политических организаций на Западе и в России, характеризует объективные и субъективные причины возникновения и скорой гибели российской многопартийности. При этом подчеркивается, что самодержавие и полицейско-бюрократической аппарат делали все, «чтобы искусственно деполитизировать общественную жизнь страны, превратив политику, идеологию и даже историю в монопольную собственность царя и правительственных канцелярий» (с. 41), Со своей стороны, российская радикальная интелли-

генция внесла во внутривнутрипартийную жизнь не только бескорыстный энтузиазм и страстную увлеченность, но и крайнее нетерпение, озлобление против власти, непримиримость к инакомыслию. Она была одержима стремлением облагодетельствовать народ, часто даже не спрашивая его, хочет ли он того. В этой связи уместно напоминание автора о том, что еще Г. В. Плеханов предупреждал «об опасности преждевременных социалистических экспериментов в России, чреватых установлением нового, на этот раз революционного деспотизма и казарменных, грубо уравнительных порядков» (с. 51).

Ни одной из российских политических партий вплоть до февраля 1917 г. не довелось пройти испытание властью. Все они сосредоточились в основном на критике существующего строя. Конструктивная часть их политических платформ была довольно абстрактной и бледной. Абсолютное большинство партий действовало либо нелегально, либо полуполюгально. Не было и разделения партий на правящие и оппозиционные, с последовательной и законной сменой этих ролей. Кроме того, крестьянская Россия, да и вообще российская «глубинка», были слабо охвачены партийно-политической деятельностью. В основном этот процесс протекал в административных и промышленных центрах. Слабость и незрелость российской демократии, отсутствие у нее глубинных социальных корней, пишет Тютюкин, позволили большевикам сравнительно быстро покончить с еще неокрепшей многопартийной системой (с. 59—61).

В книге показано, что фактически победе Февральской революции способствовали все политические партии, в той или иной степени и с различных позиций втягивая широкие массы в политику. Главу, посвященную истории правых партий, С. А. Степанов так и озаглавил: ««Революционеры справа»: черносотенные союзы». Экстремизм, шовинизм, антисемитизм, склонность руководителей черной сотни к демагогии и политическому насилию

вначале способствовали росту рядов монархических союзов (с. 64). Однако в дальнейшем спад монархических иллюзий в массах и внутренний идейно-политический кризис породили растущие разногласия между руководящей верхушкой монархических союзов и рядовыми их членами. Накануне революции, констатирует автор, верхушка черносотенцев, как и царская власть, продемонстрировали политическое бессилие и бесхарактерность. Основная же масса рядовых черносотенцев проявила пассивность и равнодушие. «Стремительный распад самых крупных по численности правых политических партий и столь же быстрый рост социалистических партий после Февральской революции — явления одного порядка», — подчеркивается в книге (с. 87).

Главы, о деятельности либералов в период российских революций написаны Н. Г. Думовой, Д. Б. Павловым и В. В. Шелохаевым. В них содержатся многие интересные факты, свидетельствующие о превратностях судьбы этих партий. Поучителен осуществленный авторами сравнительно-исторический анализ программных установок и документов, стратегии и тактики различных политических партий.

Наиболее неожиданные ассоциации и параллели обнаруживаются при чтении глав, посвященных эсерам, анархистам и большевикам, написанных Н. Д. Ерофеевым, В. В. Кривеньким и В. С. Лельчуком. Авторы справедливо отмечают, что левые, социалистические партии имели немало общего и в социальном составе своих рядов, и в программе, и в тактике, что особенно проявилось во время революции 1905—1907 годов. Это объединяло анархистов, членов РСДРП, эсеров и эсеров-максималистов (с. 209—210). Вопреки утвердившимся в исторической литературе оценкам, в книге аргументированно доказывается, что наступление реакции не прервало активных боевых выступлений российских анархистов, хотя и нанесло ощутимый удар по объединительным тенденциям в этом лагере (с. 211).

Большое внимание уделяют авторы анализу различий между партиями социалистической ориентации, их соперничеству в борьбе за массы. Стоило бы, однако, глубже раскрыть как общие, так и особенные черты в деятельности политических партий, принадлежащих к разным направлениям — монархическому, либеральному и социалистическому.

Весьма характерным и поучительным, как показано в книге, было отношение различных партий к аграрно-крестьянскому вопросу. «Камнем преткновения для эсеров оказался аграрный вопрос, программная постановка которого обеспечивала эсерам популярность среди народа и являлась национальной особенностью эсеровского социализма» (с. 189). Самая многочисленная крестьянская партия выдвинула реальный и в теоретическом и в практическом отношении лозунг — «Земля и Воля», который обеспечил ей авторитет в среде

трудящихся масс России. Вместе с тем об аграрный вопрос «споткнулись» все политические партии России, в том числе и большевики. Последние, выступив за национализацию земли и отдав ее крестьянам, не предоставили земледельцам желанную свободу и не довели аграрную революцию до логического конца. Социал-демократы, как и эсеры, и представители других политических партий, оказались в плену собственной демагогии и самообмана.

Процесс утраты правящей большевистской партией в годы гражданской войны и нэпа связи с массами, выхолащивание демократизма советов и других созданных после революции властных структур, а также усиление авторитарных, бюрократических и даже криминальных начал в ее деятельности получил отражение в главах, написанных Л. М. Овруцким, А. И. Разгоном и Н. С. Симоновым. В них показано, что уже события, происшедшие летом — осенью 1917 г., т. е. в первые месяцы существования советов, выявили противоречия предшествующего развития политической жизни, стали зародышем будущих столкновений и кровавых дел. Именно в это время произошло резкое и в чем-то даже неожиданное полевение трудящихся масс, но одновременно обнажился и усилился разрыв между правыми и левыми социалистами. Авторам удалось объективно и глубоко проанализировать сотрудничество большевиков и левых эсеров в 1917—1918 годах (с. 314—316, 347—367).

В книге прослежены судьбы политических партий после Октябрьского переворота и разгона Учредительного собрания. Эти события способствовали падению советской многопартийности, подтолкнули противоборствующие силы к гражданской войне. Весной 1918 г. консолидируются антибольшевистские силы, растет сопротивление советской власти. Подписание сепаратного мира с Германией приводит к постепенному распаду блока социалистических партий. Усиливается сращивание большевистского и государственного аппарата.

Противоборство политических партий России на заключительных этапах гражданской войны имело крайне ожесточенный характер. Кризис социалистических партий, рост их влияния в «зеленом» движении изменяли соотношение сил в тылу, как у красных, так и у белых. Наступало определенное прозрение, отрезвление у идеологов и вождей белого движения. В конце гражданской войны наступает ясное и конкретное осмысление пройденного пути и нереализованных возможностей, что находит свое отражение в «новой тактике» П. Н. Милюкова и деятельности П. Н. Врангеля. Популистская и гибкая тактика большевиков принесла свои плоды. В книге достаточно полно выявлены пагубные последствия деформации идейного арсенала и системы управления по обе стороны баррикад, раскрыты корни последующих трагических явлений в истории страны (с. 305—311). На

примере второй программы РКП(б) прослежен отход правящей партии от «основных концептуальных идей международной и российской социал-демократии», а затем и резкое размежевание ее на верхи и низы, а правящей элиты, в свою очередь, на «стариков» и «молодых» (с. 409, 419—420). Все это приводило, подчеркнуто в книге, к утрате связей партийно-государственной бюрократии с рядовой массой, к превращению партийно-советской номенклатуры в новый правящий класс, что впоследствии привело к краху всей системы в начале 90-х годов (с. 430—431).

В заключении, написанном Е. А. Зевелевой и С. В. Кулешовым, рассматриваются причины современного кризиса партийно-политической системы страны.

К сожалению, авторам так и не удалось до конца избавиться от некоторых стереотипов. В книге преувеличивается значение кадетской партии в белом движении (с. 305) и недооценивается роль монархических и эсеро-меньшевистских организаций в годы гражданской войны. Известно, что либералы не играли роль «первой скрипки» в стане барона Врангеля, в белом движении в Сибири, на Дальнем Востоке в 1920—1922 годы. Их деятельность в тылу армий Деникина, Юденича, Колчака нуждается в дальнейшем изучении, в том числе и с учетом активности монархистов, эсеров и меньшевиков. Можно лишь пожалеть, что в книге нет главы или даже параграфа, в котором рассматривалась бы история правых политических организаций в 1917—1922 года.

В книге есть ряд излишне категоричных и ошибочных утверждений (см. с. 95, 116, 124—125, 270, 272, 290, 293—295, 310, 427). На стр. 334 утверждается, что адмирал Колчак был пленен чехословаками и в начале февраля 1920 г. выдан эсеровскому ревкому в Иркутске, который и вынес постановление о его расстреле. На самом же деле 27 декабря 1919 г. в Нижнеудинске белочехи взяли под свой контроль А. В. Колчака и В. Н. Пепеляева. 5 января 1920 г. Колчак, распустив свою охрану, перешел в поезд союзников, гарантировавших ему проезд на Восток. 15 января на станции Инокентьевская (около Иркутска) белочехи, стремившиеся обеспечить проезд своих частей к Владивостоку, выдали опасных пленников эсеро-меньшевистскому «Политическому центру», который 21 января сложил с себя полномочия и передал власть Иркутскому ВРК (председатель — большевик А. А. Ширямов). По решению большевистского ревкома г. Иркутска Колчак и Пепеляев были расстреляны 7 февраля 1920 г. в присутствии председателя ЧК и коменданта города и иркутской губернской тюрьмы¹.

А. И. УТКИН

Примечания

1. См. Арестант пятой камеры. М. 1990, с. 227—228; Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М. 1987, с. 270, 470.

А. М. ДУБРОВСКИЙ. С. В. Бахрушин и его время. М. Изд-во Российского университета дружбы народов. 1992. 167 с.

Эта книга посвящена жизни и деятельности одного из видных отечественных историков. Кандидат исторических наук, доцент Брянского педагогического института А. М. Дубровский использовал широкий круг источников — прежде всего материалы личных фондов ученого, его труды, а также работы других исследователей по изучавшимся им проблемам. В центре внимания Дубровского, естественно, находится научное творчество С. В. Бахрушина (1882—1950).

Характеризуя ранние, изданные до Октября работы Бахрушина, автор разбирает его статью «Московский мятеж 1648 г.», сопоставляя трактовку Бахрушина с теми, что были предложены С. Ф. Платоновым и П. П. Смирновым. Стоило бы подчеркнуть, что Бахрушин, как и Смирнов, считал восстание в Москве в 1648 г. революцией «средних классов». Свои работы дореволюционного периода Бахрушин называл «юношескими» (с. 44). Фактически же это был уже сложившийся ученый.

В главах «Пора идейных исканий» и «Первая

книга» отражены политические взгляды Бахрушина, его методологические представления и научная деятельность в конце 10-х — 20-е годы. Используя газетные статьи ученого, а также его неопубликованное сочинение об освободительном движении в России, Дубровский приходит к выводу, что «в первые годы после революции и гражданской войны политические взгляды Бахрушина сохраняли либеральный характер» (с. 48). Ко второй половине 20-х годов, пишет автор, «Бахрушин стал на позиции сознательного сотрудничества с советской властью» (с. 51). По своим методологическим позициям, Бахрушин к началу 30-х годов тяготеет к экономическому материализму. В 1932 г. он писал, что «движущим и единственно движущим фактором в историческом процессе является экономика» (с. 56).

В книге характеризуются изданные в 20-е годы труды Бахрушина по истории Сибири, прежде всего его «Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв.». По мнению Дубровского, «к проблеме

колонизации Бахрушин... подошел с позиций экономического материализма», поскольку видел причину этой колонизации в повышении спроса на меха на зарубежных рынках (с. 67). Бахрушин действительно придавал важное значение экономическому фактору; вместе с тем в «Очерках» он, как и его учитель В. О. Ключевский, считал колонизацию «основным фактором истории» России (с. 66).

Автор рассказывает об аресте Бахрушина в 1930 г. по «Академическому делу», о пребывании ученого в ссылке в Семипалатинске в 1931—1933 годах. Автор связывает выпавшие на долю Бахрушина беды с общим наступлением на интеллигенцию, начавшимся в конце 20-х годов (с. 76). Дубровский показывает, как в это время изменилось отношение к исследователям старой школы, особенно в связи с подготовкой Покровским значительной группы историков новой ориентации (с. 77). Сам Бахрушин, как вспоминал историк Н. П. Анциферов, «считал, что старая интеллигенция обанкротилась». Он был в числе тех, кто пошел «на уступки следствию», согласившись с предъявленными обвинениями (с. 79).

Дневник Бахрушина, который использовал автор, отразил горькие раздумья по поводу гибели, как представлялось ученому, всей европейской культуры. События 1930 г. «положили в жизни историка» глубокую грань, он был охвачен страхом, стремился «не впасть в противоречие с буквой марксизма (как его понимали в 1930—1940-х годах)» (с. 81—82). В основном с этим можно согласиться. Но следовало бы подчеркнуть и то, что в составленной Бахрушиным в ссылке записке «Как сложилось мое историческое мировоззрение» он прямо указывал на основные отличия своих взглядов от марксистских. Он придавал «меньше значения, чем обычно это делается в марксистской литературе, производственным отношениям и классовой борьбе» (с. 56).

Именно в ссылке ученый стан на позиции экономического материализма. В начале 30-х годов он еще не имел намерения полностью следовать установкам, которые были приняты в марксистской литературе того времени. Об этом свидетельствует и краткая схема русской истории до XVII в., приложенная к упомянутой записке. Можно только сожалеть, что эту схему Дубровский специально не рассматривает, вообще уделяя недостаточное внимание периоду ссылки.

После нее, ко второй половине 30-х годов, как

показано в книге, Бахрушин уже воспринял марксистское учение «об обществе в той... форме, которая была характерна для советского обществоведения в 1930—1950-х годах» (с. 93).

Несколько противоречивыми представляются суждения автора о сделанном Бахрушиным в 30—40-е годы в области изучения истории коренного населения Сибири. По мнению Дубровского, этот период был наиболее плодотворным в исследовании данной темы. При этом он ссылается на большое число опубликованных тогда работ, ей посвященных (с. 94). Но сам Дубровский вполне обоснованно пишет, что «еще до революции и особенно в 1920-х годах Бахрушин проделал основную часть исследовательской работы о народах Сибири» (с. 99). С середины же 30-х годов создались более благоприятные условия для издания трудов Бахрушина, но отнюдь не стала более интенсивной его исследовательская деятельность (по сравнению с 20-ми годами). Дубровский обратил внимание и на то, что во второй половине 30-х годов «редактирование текстов, написание учебников и работ научно-популярного характера отрывало (ученого) от архивов и от настоящей научной работы» (с. 86).

В годы Великой Отечественной войны большое место в деятельности Бахрушина заняло написание научно-популярных работ по истории России. Дубровский показал, что в этот период Бахрушин стал совсем по-иному оценивать личность Ивана Грозного. В книжке о нем, написанной по просьбе фронтовиков, Бахрушин в духе времени явно идеализировал личность царя, которого он в годы ссылки считал «психически больным, патологическим субъектом» (с. 122—123). В широко цитируемых в книге письмах военного времени достаточно полно отразились настроения ученого, как историка-патриота.

Дубровский пишет о Бахрушине не только как об ученом, но и как о преподавателе. Мы узнаем, что Бахрушин осуждал те извращения, которые были в ходе «борьбы против космополитизма» (с. 158).

Перед нами содержательная монография о крупном историке, жившем и творившем в очень сложное время. Внимание читателей привлекут и помещенные в книгу многочисленные репродукции рисунков Бахрушина, преимущественно на исторические темы.

Л. В. ВОЛКОВ

P. BUCHKOWITCH. *Religion and Society in Russia. Sixteenth and Seventeenth Centuries*. Oxford, N.-Y. Oxford University Press. 1992. 278 p.

П. БУШКОВИЧ. *Религия и общество в России. XVI и XVII столетия*

Начало нового времени сопровождалось значительными изменениями в менталитете народов Европы, что нашло свое выражение в культуре Возрождения и Реформации. Своеобразное реформирование старых церковных устоев происходило и в России. Профессор Йельского университета (США) Пол Бушкович рассматривает в своей книге процессы «вестернизации» русской культуры на примере изменений в жизни монастырей, содержании проповедей, культах святых и чудес. При этом он обращает внимание и на имевшее место в верхушке общества примеры интеграции элементов российского православия и культуры европейского барокко.

В историографическом обзоре автор выделяет исследования русских филологов, особо подчеркивая роль Д. С. Лихачева, подвергнувшего критике славянофильскую концепцию старой России как общества без перемен (с. 5). Среди использованных Бушковичем источников значатся и материалы российских архивов.

Отправной точкой, предпосылкой изменений в духовной жизни русского общества Бушкович считает падение Константинополя в 1453 г., поскольку в результате этого пресеклось сильное влияние самой могущественной из православных церквей — византийской.

На всем протяжении работы уделяется особое внимание взаимосвязи, взаимодействию и взаимовлиянию трех восточнославянских культур — русской, украинской и белорусской, а также путям, по которым европейское влияние достигало России — через Украину и Белоруссию. По словам Бушковича, в Россию из Украины шло «отражение» культуры европейского барокко (точнее говоря, смешения элементов ренессанса и барокко) (с. 7).

Автор затрагивает проблемы политической истории России XVI—XVII веков, он учитывает, что изменения в Русской православной церкви происходили на фоне сложных и противоречивых отношений между нею и государством.

Наиболее удачными представляются в книге главы «Православие в XVI веке», «Эра чудес» и «Возрастание роли проповеди». Бушкович отмечает, что монастыри, которые до XVI в. были центрами духовной и культурной жизни в Московском государстве (с. 11), стали впоследствии уступать свои позиции епископату. Монахи сосредотачиваются на внутримонастырских делах. Впрочем еще С. М. Соловьев подробнейшим образом охарактеризовал изменения в религиозной жизни русского общества при Иване Грозном и деятельность Стоглавого собора 1551 года¹.

В главе о месте культов святых монахов и чудес в церковной политике автор отмечает два фе-

номена: падение роли первых и распространение вторых. Обе эти тенденции были, считает автор, непосредственно связаны с ослаблением престижа монастырей и Стоглавым собором. Однако этот процесс отнюдь не был стихийным — православная церковь стремилась заменить культ святых монахов культом чудес под непосредственным контролем монарха, стремившегося подчинить церковь государству.

В отличие от Западной Европы, констатирует автор, где стадия поклонения чудесам приходится на XII—XIII вв., в России этим феноменом особенно отмечен XVI век, хотя этот культ существовал на Руси и до этого. «В XVI в., — отмечает автор, — элита русского общества использовала культ чудес главным образом в общественных и политических целях, продолжая традиции более ранних столетий» (с. 105). То, что Россия задержалась с распространением культа чудес, связано очевидно с длительным татаро-монгольским игом. Так или иначе, но, как подчеркивает автор, с помощью культа чудес светская власть включала простой народ в религиозную практику, нужную правящей элите (с. 101, 103). Примечательно, что снижение роли культа чудес в церковной практике XVII в. под влиянием реформаторов не сопровождалось исчезновением этой веры из религиозной жизни простого народа.

Бушкович пишет о полемике православных богословов Украины и Белоруссии против сторонников унии. Он считает, что впоследствии ряд идей, высказанных в ходе этой полемики, использовали сторонники религиозных реформ в России. Бушкович замечает, что влияние религиозной литературы украинского происхождения особенно усилилось после Переяславской рады 1654 г. (с. 9). Вместе с тем он признает, что новые течения в русской религиозной литературе и на основе их и переориентация культуры правящей элиты возникли еще до царствования Алексея Михайловича.

Церковные реформаторы отнюдь не ограничивались повторением идей украинских писателей. Автор подробно анализирует произведения русских религиозных реформаторов, особенно князя Ивана Хворостинина, монаха Ивана Наседки и др. В своих проповедях при дворе во второй половине XVII в. они осуждали гордыню, жадность, призывали к скромности и милосердию. Они выступали за плавное, постепенное реформаторство. Бушкович подчеркивает, что Хворостинин вовсе не был тайным католиком или протестантом, а всего лишь православным новатором, во многом придерживавшимся традиционных подходов, хотя и сделавшим значительный шаг в дальнейшей разработке религиозной концепции морали (с. 133, 140).

В переориентации культуры элиты автор усматривает тенденцию к ослаблению роли аристократии и дворянства в политической жизни России и становлению институтов абсолютной монархии (с. 129). Вследствие этого религия, пишет Бушкович, все больше приобретала в жизни русской политической элиты частный характер. Культы святых и чудес отходили на задний план, повышалась роль проповеди — как в жизни царского двора, так и в дворянской среде.

Здесь, как считает автор, особую роль сыграли европейски образованные выходцы из Украины и Белоруссии — Епифаний Славинецкий и Симеон Полоцкий. Первый знал греческий и латынь и старался, причем не без успеха, привить на русской почве трансформированную религиозную практику как католических, так и православных украинских богословов. Он переводил религиозные сочинения греческих авторов, тем самым поддерживая русских церковных деятелей, стремившихся перестраивать литургию по греческому стандарту (с. 152—155). Однако вершиной религиозной культуры при царском дворе в XVII в., считает

автор книги, была деятельность Симеона Полоцкого, сторонника сильной монархии. Его проповеди соответствовали настроениям при дворе и вносили дух светского рационализма в духовную жизнь русского общества.

В отечественной литературе существует мнение, что Россия вступила на порог нового времени уже в первой половине XVI в., в эпоху бурного экономического подъема и роста городов². И это не могло не отразиться на менталитете русских. У Бушковича были все основания сделать вывод, что изменения в религиозной культуре России начались уже около 1530 г. (с. 176).

Л. И. ИВОНИНА

Примечания

1. СОЛОВЬЕВ М. А. История России с древнейших времен. Кн. IV. М. 1960, с. 67—83.
2. ЗИМИН А. А. В канун грозных потрясений. М. 1986, с. 5 и др.

Deutschlands Grenzen in der Geschichte. München. Verlag C. H. Beck. 1993. 304 S.

Границы Германии в истории

Коллектив немецких авторов под общим руководством профессора Свободного университета в Берлине Александра Демандта основывается в исследовании названной темы на идеях видного в свое время немецкого геополитика Карла Хаусхофера и одного из провозвестников географического детерминизма, французского анархиста, профессора Элизе Реклю. Впрочем, в тексте их имена не фигурируют, но их влияние прослеживается в содержании книги.

Смысл труда заключается в том, чтобы показать и доказать, что, когда немцы придерживались на протяжении веков predetermined истории и природой естественных границ (германской «исторической родины», называемой авторами «страной Гарца», между реками Сона и Маас на западе и Одером на востоке), им все удавалось. Когда же естественные границы не служили определяющим критерием внешней и внутренней политики, происходили военные, экономические и политические катаклизмы, которые дорого обходились немцам и не могут быть исторически оправданы. В этом духе написана Демандтом вступительная глава «Границы в немецкой истории», и данного ракурса придерживаются шесть других авторов.

Глава «Естественные границы Германии» принадлежит перу Г.-Д. Шульца, который развивает и детализирует мысли Демандта. Главу «Северные

границы Германии» написал Р. Ханзен, проследивший изменения этих границ с первых веков нашей эры. По его мнению, никакие набеги и последующие завоевания норманнов не смогли отодвинуть северную границу Германии южнее Ютландского перешейка. При этом остается неясным вопрос о принадлежности ютов к древним германцам, но, чтобы не вступать в споры по острой проблеме Шлезвига и Голштинии, автор довольно примирительно замечает, что в целом Шлезвиг скорее датская земля (хотя даны жили все же севернее ютов), а Голштиния уже несомненно немецкая (с. 98—101, 125).

К. Цернак (глава «Восточная граница Германии») деликатно обходит пресловутую проблему «Дранг нах Остен» и сводит ее к вопросу о маркграфствах на западнославянских землях. Одер рассматривается при этом как естественный рубеж между немцами и их восточными соседями. Вопрос о славянской колонизации Мекленбурга, Бранденбурга и Померании до XII в. несколько приглушен. Лужицкие сорбы, считает автор, обитают на немецкой земле (с. 144, 150, 156), а Богемия, т. е. Чехия, по его мнению, лишь из-за случайного стечения исторических событий оказалась славянизированной.

«Южные границы Германии» характеризует Й. Ридманн. Он лавирует в ходе анализа сложного материала, связанного с германскими завоевани-

ями, относящимся к эпохам Великого переселения народов и создания Священной Римской империи германской нации. Основной его тезис заключается в том, что естественные границы обуславливают собой рубежи национального государства, которое является святыней (с. 174, 180).

«Западным границам Германии» посвятил свою главу И. Микк, который, по-видимому, усматривал свою основную задачу в том, чтобы отодвинуть западный рубеж от Рейна к Маасу (с. 204, 221). Кажется, автор с этим справился довольно успешно. Трудный вопрос об Эльзасе и Лотарингии он решает следующим образом: Лотарингия должна быть французской, Эльзас — немецким, хотя ни древние кельты, ни германцы не могут, естественно, нести ответственность за захваты Людовика XIV в 1673—1681 гг. и политику Пруссии в 1871 г., искавшие границы исторической территории былого Восточно-Франкского королевства (с. 222 сл.).

Наконец, «Внутренние границы Германии» (автор Х. Вагнер) — это исключительно внутреннее дело самих немцев, идет ли при этом речь о времени после Верденского договора 843 г. или о Германском союзе после Венского конгресса 1815 года. Любопытна идея автора насчет того, что надо различать немецкую сердцевину (Бранденбург, Нижнюю Саксонию, Гессен, Тюрингию и Франконию) и остальную немецкую территорию, с которой потому и случались всевозможные казусы вроде наполеоновского Рейнского союза, что она расположена вне этой сердцевины (с. 253, 259).

Авторы единодушны в том, что падение в 1989 г. берлинской стены полностью соответствует геополитической версии германской исторической родины.

В. Н. ШЕВАРДИН

Henri III et son temps. Actes du colloque international du Centre de la Renaissance de Tours, octobre 1989. Etudes réunies par Robert Sauzet. Paris. Librairie philosophique J. Vrin. 1992. 332 p.

Генрих III и его время

Это издание объединило тексты докладов, прочитанных на очередном коллоквиуме, посвященном истории и культуре эпохи Возрождения, состоявшемся в Центре ренессансных исследований в Туре (Франция) в октябре 1989 года.

Коллоквиум был приурочен к 400-летней годовщине смерти короля Генриха III (1574—1589) и прошел как бы под знаком его реабилитации. Представления об этом французском правителе до недавнего времени формировались под влиянием «черной легенды», сотворенной пристрастными современниками, наследниками и романистами.

Д. Рише показал истоки таких представлений и констатировал, что личность и деятельность Генриха III остаются плохо понятыми вплоть до нынешнего времени, хотя современные научные работы о нем и его эпохе позволяют, казалось бы, расстаться со многими устаревшими стереотипами о правителе слабом, трусливом, безответственном, сластолюбивом, недалезорком, сексуальном извращении, марионетке в руках фаворитов и фавориток, А.-М. Кокуля показал, что один из источников этой «черной легенды» — записки П. де Бурдей (Брантома), которого, пользуясь русским эквивалентом, можно назвать постельничим юного герцога Анжуйского, ставшего затем французским королем. Неудовлетворенность личных амбиций заставила Брантома подчеркивать негативные черты в характере и поведении своего патрона.

В двух статьях прослеживаются иные линии формирования неприязненного отношения к Ген-

риху III в общественной памяти. М.-М. Фрагонар показывает, как в произведениях Агриппы д'Обинье последовательно разворачивалась «стратегия очернения» Генриха III и как на службу ей были поставлены средства поэтики. М. Ярдени обращается к еще более интересному аспекту проблемы, а именно, к тому, как целенаправленно, изощренно и настойчиво пропаганда ультракатолического лагеря Гизов вводила в общественное сознание представление о том, что король не кто иной как еретик, атеист и колдун. Поднявшаяся во второй половине XVI в. во Франции волна зловещего и всеобщего интереса к колдовству и страха перед ним сознательно эксплуатировалась авторами многочисленных антикоролевских памфлетов, в которых намеками или даже в открытую утверждалось, что Генрих III предается черной магии и давно продал душу дьяволу. Этот мотив в «журналистике запугивания» звучал столь настойчиво не случайно. В те времена в антиведовской литературе колдун выступал как фигура даже худшая, чем еретик. Ряд статей посвящен польской странице в биографии Генриха III. Я. Тазбир и Е. Дубас-Урбанович показывают, что отношение к Генриху в шляхетском обществе было негативным едва ли не с самого начала и ухудшалось по мере все более близкого ознакомления с привычками и личностью монарха. Ст. Гжибовский утверждает, что Генрих III и в недолгую бытность польским королем в своих секретных действиях руководствовался интересами Франции, а не Польши, а Е. Ключовский

и М. Возневский приходят к выводу, что изданные во Франции в 1573 г. сочинения по истории Польши были написаны по специальному заказу Генриха III в рамках задуманной им пропагандистской кампании. А. Вычанский анализирует сведения о ближайших сотрудниках Генриха в Польше и выявляет, что король фактически отстранил от дел польских советников, опираясь на своих французских помощников.

После возвращения во Францию Генрих III произвел, как видно из статьи М. Шатене, «подлинную революцию в придворных церемониях», введя в 1585 г. новый этикет (с. 137), который строго регламентировал и градуировал доступ к особе монарха. Этим были заложены основы придворного порядка, просуществовавшего вплоть до революции конца XVIII века. А. Жуанна показывает, что фавориты Генриха III — не только исполнители его прихотей и капризов, но и та часть дворянской элиты, на которую король пытался опереться в противоборстве со старой аристократией. К. Мишо и М. Рело пишут о политике Генриха III в области финансов и законодательства, а Ф. Лестриган выявляет параллели в биографии и политической деятельности Генриха III и португальского короля Себастьяна I. А. Стегманн, в противовес сложившейся историографической традиции, показывает, что отношения Генриха III и Генриха Наваррского были всегда дружественными, хотя по некоторым политическим соображениям иногда держались в секрете. А. Лебигр высказывает гипотезу, что убийство Генриха III не было делом монашеского фанатика-одиночки, но подготавливалось людьми из ближайшего королевского окружения. Статья П. Шевалье посвящена тем преследованиям, которые обрушились на монахов после убийства Генриха III. Из нее видно, что политический режим резко ужесточился, и людей карали не только за действия, но и за помыслы, враждебные королевской власти.

Эпоха Генриха III была драматична не только благодаря своим религиозным и политическим, но и социально-экономическим коллизиям. Это отражалось, в частности, по наблюдениям Ж. Жакара, в росте социальной напряженности и экономических трудностей в деревне; в слишком медленном, отстающем от потребностей времени, темпе перемен в системе рекрутирования высшего духовенства (статья М. Пероннэ); в сокращении торговых оборотов и падении сельскохозяйственного произ-

водства, особенно из-за серии неурожайных лет, о чем говорится в статье М. Морино.

Несколько статей трактуют проблему религиозной культуры французского общества в эпоху Генриха III. Ж. Жакио использует медальоны с изображениями Генриха III, чтобы показать, что в конце XVI в. сохранилась убежденность в сакральном характере королевской власти и в способности монархов исцелять от недугов. В логической связи с этой статьей стоит сюжет, к которому обращается К. Камерон: восприятие французским обществом, все еще глубоко религиозным, казни Марии Стюарт и убийства Генриха III. Эта проблематика важна для осмысления и русской истории, и было бы очень полезно сравнить, насколько по-разному представления о монархе, его власти, о цареубийстве формировались и развивались в контексте православной и западнохристианской культур.

Равным образом полезным для исследователей истории России был бы опыт Д. Крузэ, который показывает, какие культурно-религиозные и психологические последствия имела вспышка насилия в первые полтора десятилетия религиозных войн после Варфоломеевской ночи. Согласно анализу автора, наблюдается «мутация в ментальности»: насилие, обращенное на других, оборачивается страхом и паникой эсхатологического характера, быстрым нарастанием ощущения безысходной греховности земной жизни. Насилие рождает волну покаянных настроений. Его объектом становится порок, присущий природе каждого человека. В свою очередь Ж. Шекс констатирует, что в годы религиозных войн для католиков снова стали притягательными монашеские идеалы, в частности отшельнический аскетизм ордена картезианцев. В унисон с наблюдениями Д. Крузэ, он находит объяснение этому феномену в том, что картезианцы выражали и «разделяли эсхатологические ожидания своих современников» (с. 201).

Р. Созэ, издавший рецензируемую книгу, стоял перед трудной задачей обобщения более чем двух десятков разнородных статей. Так или иначе, не давая какой-либо синтетической картины французского и польского общества в годы правления Генриха III, эта книга обогащает наши знания о личности знаменитого французского монарха и его эпохе.

М. В. ДМИТРИЕВ

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Калининградская область в 1945—1946 годах

Изложение истории этой новой области России обычно начиналось с момента образования в апреле 1946 г. Кенигсбергской области в составе РСФСР. О том, что предшествовало этой дате (с апреля 1945 г.), говорилось предельно кратко и в общих словах. Тема была запретной из-за того, что область в то время управлялась военными и к тому же в ней проживали остатки немецкого населения¹.

Калининградская область была создана на 1/3 территории Восточной Пруссии, которая являлась ареной одной из крупнейших операций Красной Армии на завершающем этапе Великой Отечественной войны. Боевые действия длились здесь с января до конца апреля 1945 года. Для обороны противник максимально использовал особенности природных условий края: компактность ее территории, наличие множества рек, речушек, каналов, болот. Земли шести административных районов расположены ниже уровня воды в двух заливах, глубоко врезающихся в сушу. Поля ограждались дамбами протяженностью более 400 километров². Все это позволило создать несколько оборонительных линий, каждая из которых состояла из минных полей, противотанковых рвов, многорядных проволочных заграждений, бетонных надолбов, дотов и других сооружений. Города были тщательно укреплены с использованием модернизированных средневековых оборонительных сооружений. Все это предопределило масштабность применения артиллерии (включая тяжелую, морскую, установленную на железнодорожные платформы), авиации и как следствие — огромные разрушения.

Город Кенигсберг был более чем наполовину разрушен, а затем выгорел³. Жилой фонд и административные здания в центре выгорели или были снесены еще до штурма Кенигсберга советс-

кими войсками в результате массированных налетов авиации союзников. В центре города целым осталось только одно здание. В городах, в подвальных помещениях, рухнувших домах, в канавах и речках, на полях лежало множество непогребенных останков людей, животных. Когда стаял снег, возникла угроза эпидемий.

В районах Восточной Пруссии, отошедших к Советскому Союзу, проживало до войны 1086 тыс. человек, в том числе в Кенигсберге — 372 тысячи. 3/4 населения этой части Восточной Пруссии находилось в городах⁴. Немецкое командование начало спешную эвакуацию населения Кенигсберга незадолго до штурма, сдерживая ее раньше из идеологических соображений: не допустить паники, принудить солдат, уроженцев Восточной Пруссии, сражаться за каждый дом и каждый метр земли. В ходе начавшейся затем лихорадочной эвакуации часть населения была вывезена морем, часть застряла в Пиллау (Балтийск), часть скучилась на дорогах, ведущих в Пиллау, некоторые пытались уйти на запад — к морю и на юго-запад — по побережью залива Фришес-Хафф (Калининградский залив), лишь бы выбраться из горящего города.

Конец военных действий застал немецкое население вдали от мест его постоянного проживания. Учет и паспортизацию этого населения новые гражданские власти провели весной 1946 года. Справки Областного управления по гражданским делам (власть переходного периода) фиксируют численность и состав населения области на апрель и июнь 1946 года. На 1 июня 1946 г. все население области составило 170 тыс. человек. Немцев среди них числилось 116 737, остальные были советские граждане, угнанные в Германию из оккупированных областей СССР, и освобожденные из конц-

лагерей военнопленные. Еще 43 743 человека прибыли из других областей страны восстанавливать города: специалисты коммунального хозяйства, медики, переводчики ⁵. Из 108,9 тыс. горожан в Кенигсберге находились 60 897 человек, на остальные города (в области их было более двух десятков) приходилось около 48 тыс. жителей. Население распределялось по территории области крайне неравномерно. На Взморье (Приморский, а затем Зеленоградский район) проживало 18 тыс., а в Шталлупененском (Нестеровском) районе — всего 1,9 тыс. человек ⁶.

В восточных районах области, где бои начались в январе 1945 г. и где преобладала хуторская система расселения, деревни и дома пустовали. Кроме того, земли шести районов в Неманской низменности были почти полностью затоплены, поскольку отступающие гитлеровцы взорвали дамбы на протяжении 350 км по берегам Немана и залива Куришес-Хафф (Куршский залив). В результате большая часть земли Полесского, Славского, Большаковского, Краснознаменского, Неманского, частично Приморского районов оказалась под водой вместе со 120 насосно-перекачечными станциями. Из 615 тыс. человек довоенного сельского населения осталась 61,1 тыс. человек ⁷. Лица из числа немцев в возрасте от 18 до 59 лет среди женщин составляли 38%, среди мужчин — всего 9,5%, из которых многие были инвалидами войны. На 58 482 мужчин во всем населении области приходилось 111 537 женщин ⁸. Следовательно, преобладали женщины, дети, лица пожилого возраста.

До паспортизации и учета немецкого населения продовольственный паек не получали многие немецкие семьи, поскольку их правовое положение не было ясным и они не имели работы. В результате, как отмечалось в справке областных органов, подготовленной по итогам учета немецкого гражданского населения в апреле 1946 г. «немецкое... население области сокращалось в связи с высокой его смертностью». Если осенью 1945 — весной 1946 г. ежемесячная убыль его составляла в среднем 1,4 тыс. человек, то летом 1946 г. она возросла до 4 тыс., в августе — ноябре — до 5 тыс. человек ⁹. Плохое питание, отсутствие медицинской помощи, неотопливаемое жилье и болезни были причинами высокой смертности. В городах не работали пекарни, не было системы медицинской помощи населению. Многие семьи ютились в сырых подвалах.

Земля в области весной 1945 г. осталась незасеянной, а весной 1946 г. ее уже некому было засеять. Зачастую обработать землю было просто невозможно. По области, как установила позднее комплексная экспедиция АН СССР, было затоплено около 200 тыс. га полей, еще 85 тыс. га подтоплены и заболочивались. Из 900 тыс. га сельскохозяйственных угодий $\frac{1}{3}$ представляла собой водную гладь и болота, заросшие рогозом и камышом. Пришлось посылать в область противомал-

рийную экспедицию ¹⁰. Другая треть сельхозугодий оставалась недоступна, так как была буквально напигована минами, снарядами и др.

Область в 1945—1946 гг., вплоть до выборов в советские органы власти, находилась под особым управлением. Перемещение гражданского населения строго регламентировалось. Немецкое население городов не могло по собственному желанию уехать в деревню, чтобы прокормиться. До 1947 г. не было регулярного транспортного сообщения между городами и районами. В 1940 г. в области имелось 2,5 тыс. км железных и 2,9 тыс. км шоссе-ных дорог ¹¹. Теперь эта транспортная сеть фактически бездействовала. Кроме того, железнодорожную колею предстояло перешить, так как она была уже, чем в СССР, отсутствовал парк транспортных машин.

В течение 1945—1947 гг. на территории области была проведена в две очереди расчистка полей, зданий, сооружений от мин и снарядов и других опасных «остатков войны». 15 февраля 1946 г. Военный Совет Прибалтийского Особого военного округа разрешил принимать на работу в военные совхозы, организованные на территории области военными комендатурами, немцев. Они получали таким образом возможность улучшить свое материальное положение. В результате на работу устроилось 49,5 тыс. немцев. Им стали выдавать заработную плату, продовольственный паек, и на них было распространено советское трудовое законодательство ¹². Большинство принятых на работу были женщины, и использовались они как разнорабочие. Было среди немцев небольшое количество инженеров-механиков и других специалистов.

Принятые меры позволили к концу лета 1946 г. улучшить положение населения в материальном отношении. Немецкие дети получили возможность учиться на родном языке, стали получать питание по тем же нормам, что и советские дети. Нашлись и учебники для немецких школ, сохранившиеся от автономной республики немцев Поволжья.

С августа 1946 г. началось массовое переселение в область советских людей из глубинных районов страны. И первопереселенцам пришлось с августа 1946 до осени 1948 г. работать бок о бок с немецкими жителями. Но столь необычный опыт сотрудничества был прерван. По закрытому решению советского правительства немецкое население области было вывезено в советскую зону оккупации Германии ¹³. Можно только сожалеть, что трудолюбие немецких жителей, знание ими местных условий производства, строительства были лишь в очень малой степени использованы для восстановления народного хозяйства области.

*И. А. Гордеев,
кандидат исторических наук,
доцент Калининградского
государственного университета*

Примечания

1. См. КОСТЯШОВ Ю. В. Выселение немцев из Калининградской области в послевоенные годы. — Вопросы истории, 1994, № 6.
2. См. ВАУЛИНА В. Д. Наш край — Калининградская область. Пособие по краеведению. Калининград, 1988; Центр хранения и изучения документов новейшей истории Калининградской области (далее — ЦХИДНИ КО), ф. 1, оп. 1, д. 81, л. 1—2.
3. Калининградская область в восьмой пятилетке. Калининград, 1970.
4. См. ГЛЕБОВ В. И. Восточная Пруссия. Краткий справочник. М. 1944, с. 43; Statistisches Handbuch von Deutschland. 1928—1944. München, 1949, S. 16.
5. Государственный архив Калининградской области (далее — ГАКО), ф. 514, оп. 1, д. 1, л. 16, 18.
6. ГАКО, ф. Р-181, оп. 1, д. 10, л. 1.
7. ЦХИДНИ КО, ф. 1, оп. 1, д. 18, л. 71; д. 81, л. 1—2; Statistisches Handbuch von Deutschland, S. 16.
8. Подсчитано автором на основе данных: ГАКО, ф. 514, оп. 1, д. 51, л. 22; д. 1, л. 17.
9. ГАКО, ф. Р-181, оп. 1, д. 10, л. 2; Вопросы истории, 1994, № 6, с. 187.
10. См. КУЗНЕЦОВ Г. А. Землеустройство переселенческих колхозов Калининградской области. Канд. дисс. М. 1949, с. 68—70, 72, 91.
11. ГАКО, ф. Р-181, оп. 1, д. 10, л. 112.
12. См. Научный архив Калининградского областного историко-художественного музея, кн. 51; ГАКО, ф. Р-181, оп. 1, д. 10, л. 1, 20.
13. Вопросы истории, 1994, № 6, с. 188.

Начинание, которое становится традицией

В течение 200 лет, начиная с царствования Петра Великого и до начала XX в., представители рода Воронцовых занимали важные посты в Российском государстве, были патриотами своего отечества. В то же время трудно назвать другую фамилию, которая подвергалась бы такому же очернительству, как Воронцовы. И в последних весьма солидных изданиях говорится, что Р. И. Воронцов «прославился лихоимством и получил прозвище «Роман — большой карман», доведя до разорения 3 губернии». По-прежнему в ходу пушкинское определение М. С. Воронцова как полу-героя и полу-подлеца.

Исследователей истории рода Воронцовых не могло не волновать продолжавшееся распространение неправды о представителях этой фамилии. Поэтому когда было высказано предложение провести первые в нашей стране Воронцовские чтения, то в них пожелали участвовать ученые разных городов существовавшего в то время Советского Союза. В 1991 г. исполнялось 250 лет со дня рождения А. Р. Воронцова. Поэтому первые Воронцовские чтения, состоявшиеся в том же году, решено было посвятить юбилею этого выдающегося государственного деятеля екатерининского времени и начала царствования Александра I.

Научная конференция «Воронцовы — два века в истории России» началась в Ленинграде и проходила в первый день в здании бывшего Екатерининского института, а затем продолжилась в Воронцовском дворце на Садовой улице. С докладами о разных сторонах деятельности А. Р. Воронцова и других представителей его рода выступили исследователи из Ленинграда, Москвы, Владимира, Орехово-Зуева, Алупки. К чтениям были открыты

две выставки — книжная в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ныне — Российская национальная библиотека) и документов из архива Воронцовых в Ленинградском отделении Института истории АН СССР (ныне — Санкт-Петербургский филиал Института российской истории РАН). В зале Екатерининского института прошел вечер, посвященный юбилею А. Р. Воронцова. Чтения продолжались во Владимире. В картинной галерее города была организована выставка из коллекции портретов российских деятелей XVIII в., собранной А. Р. Воронцовым. Завершились чтения 15 сентября, в день рождения юбиляра, в с. Андреевском Петушинского р-на Владимирской области. Здесь, в бывшем родовом имении, А. Р. Воронцов жил многие годы, здесь он скончался 3 декабря 1805 г. и был погребен в местной церкви.

В 1992 г. во Владимире вышла книга «Воронцовы — два века в истории России», составленная из докладов первых Воронцовских чтений. В докладе В. Н. Алексеева «Граф Роман Воронцов» приводятся документальные доказательства того, что Р. И. Воронцов родился не в 1707 г., как об этом пишется во всех справочных изданиях, а десятью годами позже — в 1717 году. Поскольку в 1992 г. исполнялось 175 лет со дня его рождения, решено было посвятить вторые Воронцовские чтения этой дате, а также 210-летию со дня рождения М. С. Воронцова и 200-летию юбилею Е. К. Воронцовой.

Эти чтения проходили в Москве в Литературном музее А. С. Пушкина. Общая тема осталась прежней. Участники конференции посетили выставку документов Российского государственного архива древних актов из фонда Воронцовых, а та-

кже съездили в с. Троицкое — бывшее имение княгини Е. Р. Дашковой (урожденной Воронцовой). В моем докладе «Правда о Романе Воронцове» на основе документальных данных предпринималась попытка доказать, что он не был лихоимцем и не разорил ни одной губернии. Напротив, после его кончины владимирцы, воздавая должное своему первому наместнику, решили похоронить его в старинном Дмитриевском соборе. Захоронение — единственное в соборе — и надгробие над ним сохранились до наших дней.

В 1993 г. отмечалось 250-летие со дня рождения Е. Р. Дашковой, главы двух российских академий, автора известных «Записок» и других сочинений. В подготовке и проведении третьих Воронцовских чтений, посвященных этому юбилею, ведущая роль принадлежала Санкт-Петербургскому научному центру РАН. В международной конференции «Воронцовы — два века в истории России» приняли участие исследователи из разных российских городов, а также ученые из Англии, США, Франции, Германии, Бельгии и Болгарии. Проходила она, кстати, в здании Академии наук, построенном по проекту Д. Кваренги при активном участии Екатерины Романовны.

Помимо конференции, в программу чтений входили выставка «Е. Р. Дашкова и Академия наук» в Библиотеке РАН, вечер в Эрмитажном театре, выставка в Государственном Эрмитаже «Е. Р. Дашкова и ее время» (из собраний Эрмитажа, Русского музея и дворца-музея в Павловске), книжная выставка, посвященная Е. Р. Дашковой, в Российской национальной библиотеке и цикл лекций, прочитанных в конференц-зале этой библиотеки.

Воронцовские чтения 1994 г. были посвящены 250-летию со дня рождения С. Р. Воронцова, сыгравшего немаловажную роль в развитии и укреплении англо-русских отношений за 20 с лишним лет своей дипломатической деятельности в качестве посла в Лондоне. Проходили они в Петербурге, в Аничковом дворце.

Тема конференции традиционная — «Воронцовы — два века в истории России». На выставке «Воронцовы и Англия» в Российской национальной библиотеке можно было увидеть книги, журналы, копии документов, рассказывающие о пребывании в Лондоне в качестве российских послов братьев А. Р. и С. Р. Воронцовых.

В. А. Удовик, Санкт-Петербург

Contents

The Political Archives of the XXth Century. Materials of the February — March 1937 Plenary Meeting of the CC CPSU(B). Articles: **M. I. Semirjaga**. The Fates of Soviet Prisoners of War. **A. A. Gorskij**. Moscow, Tver and Orda in 1300—1339. **R. G. Landa**. The East: Civilization, Structure, Socium. Historical Profiles: **B. M. Shpotov**. Henry Ford. Reminiscences: Memoirs of Nikita Sergeevich Khrushchev. **Ju. V. Dubinin**. Our House in Madrid. History and Fates: **A. I. Denikin**. The Essays of the Troubled Time in Russia. Communications: **O. F. Suvenirov**. The Military Board of the USSR Supreme Court (1937—1939). Historical Journalism. **Ju. S. Novopashin**. The Eastern Europe after 1980s: Tendency and Problems. People. Facts. Events. **V. R. Kotelnikov**. British Flyers in the Sky of the Great Patriotic War. Historiography: **Ju. F. Ivanov**. Nikolaj Pavlovich Gratsianskij as a Scientist and an Educationist. Reviews on Books: History of Political Parties in Russia; **A. M. Dubrovskij**. S. V. Bakhrushin and his Time; **P. Buchkowitch**. Religion and Society in Russia; Sixteenth and Seventeenth Centuries. (Oxford, N.-Y.); **G. de Bertier de Sauvigny**. Les Titans du capitalisme américain. (Paris); Deutschland Grenzen in der Geschichte. (München). **Henri III et son temps**. (Paris). Letters to the Editor.

**Учредители: Трудовой коллектив редакции журнала «Вопросы истории»
Российская Академия наук**

Главный редактор А. А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

Н. Н. Болховитинов, П. В. Волобуев, А. С. Гроссман, В. П. Данилов, В. А. Дьяков, И. Д. Ковальченко, В. И. Кузицин, Б. В. Левшин, А. П. Новосельцев, Р. Г. Пихоя, О. А. Ржешевский, И. В. Созин (заместитель главного редактора), К. И. Седов, А. Я. Шевеленко, В. В. Шелохаев, В. Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

Вопросы истории» № 4, 1995

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва К-6, М. Путинковский пер. 1/2. Телефон: 209—96—21

Технический редактор **Е. П. Лебедева**

Сдано в набор 22.02.95. Подписано в печать 19.04.95. Формат 70x108/16. Бумага типографская. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. 18,5. Тираж 13000. Заказ № 579. Индекс 70145.

ТОО «Редакция журнала «Вопросы истории»

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий». 103473, Москва, Краснопролетарская, 16.